B 48/150

В 48/150
А-654
Н.Н.С.

РАСКОЛЪ

И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ

ВЪ НАРОДНОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. В. Андреева

ПЕТЕРБУРГЪ
1870

В 48/150 ал

РАСКОЛЪ

И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ

ВЪ НАРОДНОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ

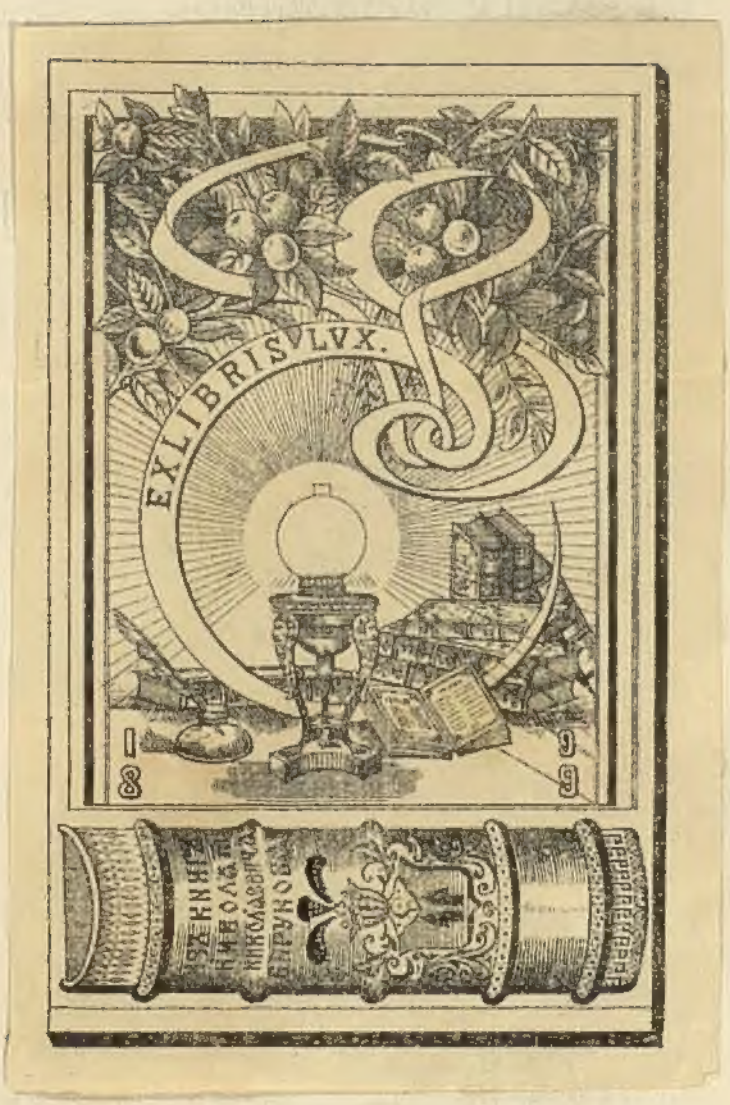
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. В. Андреева

ПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи М. Хана, Болотная, № 5

1870



ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. И. ЛЕНИНА
21215-36
2007060112

А.А. Андреева

Послѣдователи раскола—безспорно вмѣстѣ и представители нашего земства, нашей народной массы. Послѣдователи раскола—самая трезвая, работящая, промышленная и грамотная часть нашего крестьянства. Не скажемъ, чтобы они были лучшіе представители нашей простонародной среды. Умъ еще не даетъ права на общее нравственное превосходство: много значитъ и сердце. Но представители раскола—безспорно вмѣстѣ представители ума и гражданственности въ русской простонародной средѣ. Изученіе раскола съ догматической и административной точки зрѣнія не повело и не могло повести ни къ чему. Расколъ можетъ быть изучаемъ только съ земской точки зрѣнія, въ связи съ главными событіями народной исторіи.

Земское значеніе раскола понималось давно, но въ виду традиціонно-ложныхъ взглядовъ не высказывалось. Впервые оно было въ общихъ чертахъ указано г. Щаповымъ.

По появленіи выводовъ г. Щапова одни упрекали его въ недостаточно-либеральномъ взглядѣ на расколъ, между тѣмъ какъ другіе, сжившіеся со старымъ взглядомъ на расколъ, видѣли въ воззрѣніяхъ г. Щапова чуть не соціальную пропаганду. Намъ кажется, что историкъ не долженъ останавливаться на подобныхъ возраженіяхъ. Либеральная пропаганда должна быть оставлена публицистикѣ; поддержаніе старыхъ взглядовъ, ради ихъ древности и административныхъ соображеній — должно быть предоставлено спеціалистамъ другихъ сферъ. Историкъ долженъ имѣть въ виду исключительно правду и безпристрастіе.

Изученіе нашего раскола съ народно-исторической точки зрѣнія оставляетъ въ душѣ убѣжденіе, что если русская народная среда стоитъ пока вообще на не высокой степени развитія, то это исключительно благодаря временнымъ вреднымъ вліяніямъ, недававшимъ

должнаго исхода русскому народному уму и обращавшимъ его усилія на безплодную гражданскую борьбу и мертвящую духъ догматическую схоластику. Съ исчезновеніемъ этихъ препятствій духовныя силы мильоновъ людей изъ народна принявъ участіе въ умственной жизни общей русской гражданской семьи должны возвысить уровень, на которомъ стояли русская мысль и русское развитіе въ то время, когда лишь сотни тысячъ во всемъ обширномъ царствѣ были призваны къ какой нибудь умственной работѣ, да и тѣ глохли при порядкѣ вещей, дававшемъ право однимъ безъ труда, мысли и духовнаго напряженія жить работою другихъ. Расколъ, родившійся и вскормившійся съ крѣпостнымъ правомъ, съ отмѣною его теряетъ характеръ отчужденія народныхъ массъ отъ прочихъ русскихъ людей. Какъ скоро онѣ присоединятъ свои силы на общую гражданскую работу Россіи — невысокій уровень, — на которомъ наша мысль и наше гражданское развитіе справедливо стоятъ въ мнѣніи людей не увлекающихся ложно-патріотическими взглядами, и внѣ Россіи, — долженъ будетъ измѣниться.

Петербургъ, 19-го іюня.

ОБЩІЯ ПОЛОЖЕНІЯ.

1) Расколъ въ своемъ происхожденіи является протестомъ земства противъ поглощенія его правъ центральною властью. Расколъ въ своемъ историческомъ развитіи борется не за старину, а противъ способа введенія новыхъ порядковъ безъ спроса земства. Старина для него лишь предлогъ.

2) Политико-религіозныя партіи въ Россіи появляются одновременно съ отмѣною земскихъ народныхъ правъ, начавшеюся при Дмитріи Донскомъ.

3) Собственно расколъ совпадаетъ по своему появленію съ полною отмѣною земскихъ правъ, завершенною окончательнымъ закрѣпленіемъ крестьянъ при Алексѣѣ Михайловичѣ.

4) Властолюбіе и рѣзкій правъ Никона только ускорили появленіе раскола, которое было неизбѣжно при господствовавшихъ государственныхъ порядкахъ того времени.

5) Расколъ явился опозиціею не только земскихъ вообще, но и мѣстныхъ, областныхъ правъ и преданій объединявшимъ и уравнивавшимъ стремленіемъ центральной власти. Отсюда большое число согласій и толковъ, на которыхъ отразилась этнографическая розпь русскаго населенія и невозможность единства въ опозиціи раскола.

6) Опозиція старинаго новгородскаго сѣвера отразилась въ безпоповщинѣ; опозиція старины московской—въ поповщинѣ.

7) Расколъ какъ протестъ принимаетъ преимущественно тотъ харак-

теръ въ данную эпоху, какой обусловливается слабыми сторонами въ порядкѣ государственнаго управленія: въ эпоху религіозныхъ гоненій онъ является съ церковнымъ оттѣнкомъ; при Петрѣ I и политическихъ гоненіяхъ—съ оттѣнкомъ политическимъ; при Екатеринѣ II, по прекращеніи гоненій, но при ненормальномъ соціальномъ положеніи народа и благодаря остающемуся крѣпостному праву, расколъ принимаетъ оттѣнокъ соціальный, экономическій. Такимъ образомъ въ исторіи раскола выдаются три періода: а) расколъ какъ религіозная секта до Петра I; б) какъ политическая опозиція—до Екатерины II; в) какъ промышленная и торговая община съ Екатерины II.

8) Оставаясь опозиціею правительству по вопросамъ внутренней политики, расколъ никогда не былъ политически опасенъ Россіи. Напротивъ, коренясь въ исконномъ русско-славянскомъ населеніи, враждуя сначала въ своемъ зародышѣ съ татарскимъ элементомъ, потомъ съ западно-европейскими нововведеніями, и вообще со всѣмъ, что навязывалось извнѣ, расколъ, гонимый изъ центра Россіи на русскія окраины и за русскіе предѣлы, всюду прививалъ русскую народность и содѣйствовалъ какъ обрусѣнію окраинъ государства, такъ и пріобрѣтенію Россіею новыхъ областей.

9) На отдѣльныхъ согласіяхъ и толкахъ раскола отразились особенности разноплеменнаго русскаго населенія. Эти особенности можно прослѣдить въ ученіяхъ и правилахъ раскольничьихъ сектъ. Древне-славянская и финская старина имѣла свою долю участія въ образованіи сектъ раскола.

10) Вліяніе европейскаго запада отразилось у насъ на появленіи сектъ духоборцевъ и молоканъ. Если вообще расколъ стоялъ за сравнительно большую свободу и права женщины—что ему придавало особенную общественную силу и значеніе—то всего больше стоитъ за это молоканская секта, пріобрѣтшая, благодаря этому и другимъ своимъ правиламъ, большое нравственное вліяніе.

11) Вліяніе востока отразилось на религіозныхъ убѣжденіяхъ русскаго народа происхожденіемъ сектъ: хлыстовской и скопческой. Востокъ ввелъ

и въ другія секты и согласія элементъ принятія возбуждающихъ средствъ съ религіозными цѣлями.

12) Единовѣріе явилось слѣдствіемъ примирительнаго вліянія политики Екатерины II въ отношеніи къ расколу. Отмѣна крѣпостнаго права и положеніе о земскихъ правахъ, дарованное въ нынѣшнее царствованіе, повели къ подрыву раскола какъ опозиціи и къ паденію авторитета Бѣлокриницкой іерархіи, явившейся вслѣдствіе предшествовавшаго преслѣдованія старообрядческаго священства при невозможности для московскихъ поповцевъ, при устройствѣ ихъ гражданскаго быта, сдѣлаться безпоповцами и самосправщиками. Но окончательно расколъ можетъ утратить нынѣшній религіозно-и соціально-оппозиціонный характеръ только когда начатое земское дѣло приведено будетъ къ благополучному исходу.

13) Привелегированныя сословія принимали участіе въ народномъ расколѣ только пока привилегіи ихъ были не полны. Впослѣдствіи масонство является отчасти въ роли раскола въ высшемъ обществѣ, какъ попытка найти умственную пищу. Но расколъ какъ протестъ остается исключительнымъ достояніемъ закрѣпощеннаго народа.

14) Слiяніе Малороссіи съ остальною Россіею имѣло вліяніе на расколъ: преслѣдованіе раскола малороссійскими уроженцами, стоявшими во главѣ господствующей церкви, придало расколу великорусскій характеръ.

15) Крѣпостное право было главною причиною зарожденія раскола какъ народнаго протеста. Болѣзненное ожиданіе освобожденія родило въ закрѣпощенныхъ массахъ вѣру въ пришедшаго искупителя и привело къ образованію хлыстовской секты.

16) Въ исторіи раскола примѣчается одно общее явленіе: чѣмъ сильнѣе гоненіе на него, тѣмъ ожесточеннѣе его опозиціонный характеръ. Какъ скоро прекращаются стѣсненія —враждебный властямъ характеръ раскола исчезаетъ.

17) Религіозное настроеніе массъ, доходящее, благодаря неблагопріятнымъ климатическимъ, гигіеническимъ и соціальнымъ условіямъ до mania religiosa (помѣшательство на вопросахъ религіи), безспорно отразилось на расколѣ и въ особенности на богословскихъ спорахъ послѣ-

дователей его; но вожаки раскола, набирая себѣ сторонниковъ между тѣми въ народной массѣ, въ комъ выказывалась наклонность къ мышленію и умственному развитію, и занимая ихъ религіозными вопросами, сами въ религіи видѣли только предлогъ, а не сущность протеста, олицетворяемаго расколомъ. Религія явилась какъ средство занять тѣхъ, чья наклонность къ мышленію могла естественно остановится только на религіозной почвѣ, такъ какъ въ народней массѣ распространены были только церковныя книги, а мышленіе народныхъ массъ обыкновенно направляется запасами свѣдѣній, которыми онѣ располагаютъ.

РАСКОЛЪ, КАКЪ ПРОТЕСТЪ.

Неужели оттого, что одни крестились двумя перстами, чтили старопечатныя книги, осьмиконечный крестъ и пѣли сугубую аллилуію, а законъ другихъ предписывалъ трехперстное знаменіе, служеніе по исправленнымъ патріархомъ Никономъ книгамъ, почитаніе четырехконечнаго креста и тройную аллилуію—неужели отъ этого 10 милліоновъ народа отпали отъ прочей массы русскаго населенія, чуждаются ея, избѣгаютъ общенія съ нею?.. Здравый смыслъ отказывается вѣрить, чтобы *расколъ*, внесшій такую рознь въ среду милліоновъ русскихъ людей, былъ слѣдствіемъ отступленія во второстепенныхъ подробностяхъ религіознаго догматизма и церковной обрядности.

Нѣтъ, не эти отступленія *раскололи* русскій людъ на двѣ половины. Если бы борьба и пренія въ области религіозной догматики исчерпывали причины, произведшія расколъ, то расколъ существовалъ бы почти съ самаго начала Руси. А между тѣмъ онъ является лишь много столѣтій спустя, много времени послѣ того, какъ высказалась рознь во

взглядахъ населенія разныхъ русскихъ мѣстност
по религіознымъ вопросамъ. Исправленія церков
ныхъ книгъ уже потому нельзя принимать за исто
никъ раскола, что исправленіе это началось очен
давно, а между тѣмъ о расколѣ было не слыш
Исправляли церковныя книги: митрополитъ Але
сѣй, Максимъ Грекъ, архимандритъ троицкій Ді
нисій, патр. Филаретъ, а между тѣмъ раскола
Никона не существовало. Истинная причина прои
хожденія раскола кроется, очевидно, глубже.

Славянскія племена, наскучивъ набѣгами варя
скихъ ватагъ, пригласили князей изъ варяговъ с
ихъ дружинами поселиться между ними и защища
ихъ отъ набѣговъ соплеменниковъ-варяговъ. За э
защиту славяне давали князьямъ землю и доход
Князь защищалъ ихъ не однимъ мечемъ: так
Олегъ собиралъ 150 фунтовъ серебра для отпра
ленія къ варягамъ за море для поддержанія съ н
ми мира (1). Разъ утвердясь въ славянской земл
варяжскіе князья, естественно, стараются увеличи
свою власть. Попытка новгородцевъ возстать по
предводительствомъ Вадима противъ Рюрика око
чилась для нихъ неудачно. Князь могъ теперь ра
поряжаться уже какъ въ завоеванной землѣ. Влас
его однако не могла быть отяготительна. Уз
соединявшія князя съ его подданными, были оче
слабы. Рюрикъ, будучи княземъ въ русской земл
принимаетъ участіе въ морскихъ набѣгахъ норма
новъ на западную Европу (2); Олега и Игоря пр

(1) Погодинъ, Норманскій періодъ, стр. 11.
(2) Изслѣдованія проф. Крузе. Ж. М. Н. Пр., т. X, стр. 513.

влекаетъ къ себѣ больше богатый Царьградъ, нежели платящія скудную дань всѣ славянскихъ племенъ; Святославъ даже совсѣмъ хочетъ оставить русскую землю и утвердиться на Балканскомъ полуостровѣ. Притомъ, не въ духѣ варяжскихъ князей было стараться о распространеніи своей власти, о пріобрѣтеніи верховныхъ правъ. Князь оставался не болѣе, какъ начальникомъ въ извѣстной мѣстности; онъ получалъ дань на содержаніе себя и дружины, чинилъ судъ и расправу, защищалъ подвластныя ему племена. Сообразуясь съ нынѣшними понятіями, его можно было назвать губернаторомъ, но никакъ не государемъ данной мѣстности. Внутреннія распорядки, земскія права—оставались неотъемлемою собственностью славянской общины. Земство играло и политическую роль наравнѣ съ княземъ; такъ, оно имѣло своихъ пословъ при Олегѣ и Игорѣ для переговоровъ съ греками (1). Славянская община уступила политическую независимость, но ревниво охраняла свои земскія права. Только Владиміръ, сынъ Святослава, рѣшается предъявить права на верховную власть. Христіанская вѣра вводится по рѣшенію великаго князя. Въ Новгородѣ еще до того существовала христіанская церковь Преображенія Господня; но теперь новгородцы сочли введеніе христіанства, по приказу князя, нарушеніемъ своихъ земскихъ, народныхъ правъ—возмутились и разрушили церковь Преображенія. Возмущеніе было подавлено. Но только личные таланты Владиміра позволили ему возвысить

(1) Временникъ И. М. О. И., т. I, стр. 4.

княжескую власть на степень, на которой она никогда не стояла. Уже при дѣтяхъ Ярослава княжеская власть является съ прежнимъ значеніемъ. Если земство довольно княземъ, оно содержитъ его и дастъ ему княжескія льготы; недовольно оно имъ— оно указываетъ ему дорогу изъ города. Время удѣловъ является эпохою частаго перемѣщенія областныхъ начальниковъ на Руси, эпохою ихъ частыхъ распрей и междоусобій, которыя почти не отзывались на массѣ народа. Народъ жилъ своею обычною земскою жизнью, не заботясь о раздорахъ своихъ временныхъ правителей и почти не терпя отъ этихъ раздоровъ.

Славянская община ревниво охраняла свою земскую независимость, но значеніе князя на Руси измѣнилось, когда славянская колонизація проникла въ область финновъ. Этнографическая наука признаетъ финновъ полувосточнымъ народомъ. Въ средѣ восточныхъ народовъ взглядъ на гражданскія отношенія не тотъ, который господствовалъ у славянъ, варяговъ и другихъ европейскихъ народовъ. Въ смѣшанномъ финско-славянскомъ населеніи княжеская власть утвердилась на другихъ началахъ. Андрей Боголюбскій уже былъ государемъ русской земли. На берегахъ Клязьмы великокняжеское званіе является уже на степени величія, какой никогда не могло достигнуть на берегахъ Днѣпра и Волхова. Татарское владычество, утвердивъ на Руси восточные порядки, произвело окончательное измѣненіе въ понятіи о великокняжескомъ достоинствѣ. Великій князь является мало по малу верховнымъ владѣтелемъ русской земли. Но пока продолжаются

васальныя отношенія Руси къ Золотой Ордѣ, земство сохраняетъ многія изъ своихъ старинныхъ правъ. Тотъ же Дмитрій Донской, который дѣлаетъ попытку отложиться отъ Орды, заноситъ вмѣстѣ окончательно руку и на земскія права народа. Въ 1374 г. была уничтожена должность московскаго тысяцкаго. Это событіе по справедливости считается рѣшительнымъ шагомъ въ ослабленіи земщины. Сынъ послѣдняго тысяцкаго Василья Вельяминова, Иванъ, назвавшійся тысяцкимъ противъ воли великаго князя, былъ схваченъ пять лѣтъ спустя въ Серпуховѣ и казненъ въ Москвѣ на Кучковомъ полѣ при слезахъ народа (1). Въ 1356 г., слѣдовательно еще до Донскаго, убитъ былъ московскій тысяцкій Алексѣй Петровичъ «всѣхъ бояръ общею думою» и важное значеніе званія тысяцкаго — какъ представителя земства — въ то время достаточно уясняется изъ словъ лѣтописца, который, говоря объ этомъ событіи, сравниваетъ смерть тысяцкаго со смертью Андрея Боголюбскаго, убитаго мятежными боярами (2). Отношенія тысяцкаго къ вел. князю характеризуются однимъ слѣдующимъ случаемъ. Послѣдній тысяцкій на сватьбѣ Донскаго далъ вел. князю поясъ (непремѣнная принадлежность тогдашней распашной одежды) поменьше, а великокняжескій поясъ подарилъ сыну своему Микулѣ, женатому на суздальской княжнѣ. Но при Донскомъ, послѣ казни послѣдняго тысяц-

---

(1) Временникъ, I, 17.

(2) А. Г. Нѣсколько данныхъ о состояніи Россіи съ конца XIV в. до начала XVI (Совр., 1860, № 4).

каго, московская земская рать ходитъ въ походы еще отдѣльно отъ великокняжеской. При сынѣ Донскаго, Васильѣ Дмитріевичѣ, земская рать уже поставлена подъ начальство великокняжескаго воеводы. Однако еще при Иванѣ IV полки земскіе сохраняли внѣшнее отличіе отъ полковъ царскихъ (1). Впрочемъ, хотя Иванъ IV отдѣлятъ опричнину отъ земщины, относя къ опричинѣ 27 городовъ и даже назначаетъ надъ земщиною особаго царя, Симеона, но уже отъ земскихъ правъ теперь осталась едва одна тѣнь. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, вполнѣ законченное при Алексѣѣ Михайловичѣ, порѣшило вполнѣ съ земскими правами.

Исторія земства въ Россіи находится въ прямой связи съ исторіей раскола. Введена христіанская вѣра въ Россіи—и почти велѣдъ затѣмъ являются ереси въ ней. Но ереси Мартина и др. въ XI и XII вѣкѣ явились, были осуждены и не произвели раскола. Въ XV столѣтіи являются первыя ученія, грозящія расколомъ. Вспомнимъ, что эта эпоха зарожденія раскола совпадаетъ съ уничтоженіемъ земскихъ народныхъ правъ. Особенности въ дѣлѣ церковной обрядности существовали и прежде въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Церковныя книги переписывались съ добавленіями и ошибками, и въ этомъ видѣ входили въ употребленіе. Уже это одно вело къ недоразумѣніямъ и разногласіямъ. Разномысліе тутъ было слѣдствіемъ тѣхъ же причинъ, которыя обусловливали различіе во взглядахъ населенія разныхъ мѣстностей въ другихъ сферахъ народнаго

(1) Временникъ, I, 19.

быта. Русская равнина должна была увидѣть на себѣ одно государство, но на огромномъ протяженіи она представляла мѣстности разнообразныя по природѣ и климату, по условіямъ быта, и политическое единство не обусловливало на ней, особенно при варяжскихъ князьяхъ, земскаго однообразія. Утвержденіе единодержавія естественно подводило бытовыя условія народа подъ одинаковыя формы. Что прежде было особенностью, то теперь становилось отступленіемъ отъ нормы, выдѣленіемъ изъ общаго правила. Мѣстное отличіе теперь мало по малу начало превращаться въ расколъ. Разнодержавіе допускало разномысліе по церковнымъ и гражданскимъ вопросамъ; единодержавіе вводило единеніе и однообразіе, и мѣстная особенность, если она не уступала выработаннымъ въ правительственномъ центрѣ формуламъ, дѣлалась уклоненіемъ отъ нихъ, расколомъ.

Исправленіе церковныхъ книгъ явилось первымъ слѣдствіемъ желанія провести единство формъ въ церковномъ чиноположеніи. Стремленіе къ утвержденію единообразія церковнаго служенія должно было проявиться тотчасъ же, какъ скоро среди объединяемой Россіи явился правительственный центръ, сдѣлавшійся вмѣстѣ церковно-административнымъ центромъ. Но пока продолжалось дѣло объединенія и окончательнаго упроченія правительственнаго центра, пока земскія права были отмѣняемы постепенно и еще нѣкоторыя изъ нихъ существовали—до тѣхъ поръ были только почины исправленія церковныхъ книгъ. Окончательное исправленіе совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Россія была не

только вполнѣ объединена, но и земскія права въ ней окончательно поглощены центральною властью.

Въ это-то время и является расколъ. Во всякомъ случаѣ, въ Москвѣ соборъ русскихъ и греческихъ іерарховъ могъ со знаніемъ дѣла указать и исправить ошибки переписчиковъ церковныхъ книгъ. Этихъ ошибокъ была бездна и не признать ихъ за ошибки могло только полное невѣдѣніе. Какъ ни сильна была власть Никона, какъ патріарха, но странно было бы предположить, что онъ самъ собою могъ сдѣлать ошибочныя нововведенія. Наконецъ, еслибы самъ Никонъ могъ стараться о нововведеніяхъ, только чтобы не было по старому, чтобы взять верхъ надъ своими противниками,—въ чемъ прямо обвиняютъ его эти противники, какъ напр. протопопъ Аввакумъ,—то не надобно забывать, что около него былъ соборъ іерарховъ, и не однихъ русскихъ, который не допустилъ бы неправыхъ нововведеній. Мнѣнія Никона не были свободны отъ ошибокъ. Доказательство этому мы видимъ въ осужденіи соборомъ, собраннымъ для суда надъ Никономъ, двухъ его положеній.—Никонъ строго запретилъ освящать воду наканунѣ Богоявленія и причащать преступниковъ предъ казнью. Соборъ 1667 г. отмѣнилъ эти постановленія (1). Если онъ исправилъ эти ошибки бывшаго патріарха, то очевидно, отъ него не укрылись бы и другія. Но онъ подтвердилъ положенія никоновскаго собора объ исправленіи книгъ. И такъ, не Никонъ былъ причиною раскола, а такъ сложились обстоятельства,

(1) Муравьевъ, 73—74.

что кто бы ни былъ на его мѣстѣ—рѣшительный шагъ въ исправленіи церковныхъ книгъ и на пути церковно-догматическаго единенія не могъ не быть сдѣланъ. А этотъ шагъ повлекъ за собою расколъ.

Со стороны догмы и знанія дѣла справедливость была очевидно на сторонѣ московскихъ соборовъ. Только невѣденіе и тупое упорство могло отказать имъ въ этомъ. И такъ, если отказъ въ этомъ былъ главною причиною раскола, то надобно предположить, что милліоны людей, тогда и послѣ впавшіе въ расколъ, отличались не только невѣжествомъ, но и замѣчательною бездарностью. Но совершенно напротивъ. Въ предводителяхъ раскола и даже въ массѣ ихъ послѣдователей, исторія двухъ послѣднихъ вѣковъ выводитъ предъ нами людей даровитыхъ, начитанныхъ, ловко и съ тактомъ ведущихъ свои дѣла, часто очень тонкихъ дипломатовъ. Это ли невѣжественная среда? Это ли сборище людей, не могущихъ понять, что не все то хорошо, что старо, и что ошибки должны быть исправляемы? Можно сказать, что они боролись за старину, а старина иногда безотчетно дорога и умному человѣку. Но за какую же старину боролся расколъ, когда главные догматы, которые онъ защищалъ, утвердились лишь послѣ Стоглаваго собора, и въ особенности въ патріаршество предшественника Никона, Іосифа?

По представителямъ раскола нуженъ былъ только предлогъ. Этотъ предлогъ былъ - нововведенія Никона. Люди, несогласные другъ съ другомъ по религіознымъ вопросамъ, даже болѣе, чѣмъ представители раскола съ принявшими никоновскія испра-

вленія, оставаясь вѣрными своимъ религіознымъ несогласіямъ, не чуждаются, не бѣгутъ другъ друга въ житейскихъ столкновеніяхъ, не проводятъ своей распри во всѣ сферы быта. Расколъ представляетъ историческое явленіе, вовсе необъяснимое одними религіозными побужденіями. Онъ вытекъ изъ коренного переворота, который пережила Россія въ половинѣ XVII в. Религіозные догматы были избраны предводителями раскола лишь какъ лозунгъ болѣе знакомый, лежавшій ближе къ сердцу ихъ послѣдователямъ.

Какъ судебники Ивана III и Ивана IV были предшественниками окончательно объединившаго гражданскую Русь Уложенія Алексѣя Михайловича, такъ исправленія церковныхъ книгъ Максима Грека, архим. Діонисія и патр. Филарета только предшествовали объединившему церковную Русь исправленію Никона. Окончательное объединеніе Россіи въ гражданскомъ и церковно-административномъ отношеніяхъ,—неладившее съ мѣстными особенностями и порядками, еще сильно державшимися на окраинахъ государства и, въ особенности, на новгородскомъ сѣверѣ,—вмѣстѣ съ полною отмѣною земскихъ правъ, завершенною окончательнымъ закрѣпощеніемъ крестьянъ — вотъ гдѣ надобно видѣть источникъ раскола. Второстепенныя причины его истекали изъ главныхъ. Онѣ были: устраненіе прихода отъ выбора священника, назначавшагося впослѣдствіи правительствомъ и ставшаго изъ выборнаго человѣка административнымъ лицомъ; устраненіе крѣпостныхъ людей отъ священства со времени Никона, давшее возможность даровитымъ лицамъ

изъ крѣпостныхъ становиться во главѣ раскола; вмѣшательство гражданской и церковной власти въ частныя и семейныя дѣла, рѣзко противорѣчившее прежнимъ правамъ земской общины и впослѣдствіи найденное самою администрацією излишнимъ и т. д.

Явился расколъ, и со времени своего появленія онъ представляетъ одну общую черту: чѣмъ сильнѣе гоненія на него, тѣмъ онъ болѣе разрастается и крѣпнетъ; чѣмъ болѣе выказывается духа примиренія въ отношеніи къ нему, тѣмъ слабѣе становится его опозиція, тѣмъ болѣе превращается онъ изъ фанатически-непреклонной секты въ промышленную и торговую общину. Расколъ при Никонѣ, когда за впаденіе въ него ломали клещами ребра, кидали въ деревянныя клѣти и, заваливъ тамъ соломою, сожигали; рѣзали языки и рвали ноздри—въ то время расколъ представлялъ толпу фанатическихъ враговъ церкви и принявшаго никоновскія измѣненія общества. Тысячи людей жгутся въ то время добровольно, но лишь потому, что каждый изъ нихъ рисковалъ быть сожженнымъ и противъ воли.

Въ началѣ царствованія Петра I, когда гоненіе было сильно, еще происходятъ отголоски соловецкаго мятежа, бунта Стеньки Разина и стрѣлецкихъ волненій. Но едва во вторую половину царствованія Петра гоненіе ослабѣло, какъ мы уже видимъ Выгорѣцкую раскольничью обитель, изученіе которой представляетъ гораздо болѣе интереса въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ въ религіозномъ. Раскольникъ превращается въ торговаго, оборотливаго человѣка, не только неопаснаго для правитель-

ства, но даже во многихъ отношеніяхъ полезнаго ему. Приверженцы раскола пускаются въ обширныя торговыя предпріятія: они имѣютъ во всѣхъ концахъ Россіи своихъ людей, отвсюду получаютъ свѣденія, и потому обороты ихъ удаются. Они содѣйствуютъ процвѣтанію олонецкихъ желѣзныхъ заводовъ, помогшихъ Петру окончательно оставить за собою Балтійскій берегъ; они открыли Демидову руду на Уралѣ и явились между первыми торговцами, повезшими хлѣбъ съ волжскаго понизовья въ Петербургъ.

Гоненіе ослабѣло, но не прекратилось. Окончательнаго измѣненія организаціи раскола нельзя было еще ждать. Московскій безпоповецъ, желтый козырь (воротникъ) котораго выдавалъ его на посмѣяніе каждому уличному мальчишкѣ, вѣчно шельмуемый этимъ предписаннымъ властями знакомъ отщепенства, вѣчно держимый въ раздраженіи, все еще оставался фанатикомъ и нелюдимомъ.

Зажавъ носъ и уши, онъ торопливо пробѣгалъ мимо православной церкви, чтобы не чувствовать запаха ладана, выходившаго изъ нея, и не слышать ея колокольнаго звона. Онъ не хотѣлъ имѣть дѣла съ никоніанцемъ, пришедшимъ къ его сѣнямъ, и переговоривъ съ нимъ отрывисто и сурово, окуривалъ свой домъ ладаномъ въ очищеніе отъ грѣха.

Съ Петра III и Екатерины II начинается новая эпоха въ исторіи раскола. Частнымъ утѣсненіямъ администраціи еще есть мѣсто, но гоненія уже нѣтъ; и какъ скоро оно исчезло—сущность и значеніе русскаго раскола окончательно измѣняются. Послѣдователи раскола составляютъ многочисленную, пред-

пріимчивую и богатую торговую общину. Эта община помогаетъ своимъ членамъ и матеріальными выгодами привлекаетъ къ себѣ массы послѣдователей. Основаніе единовѣрія доказало, какая малая розь между расколомъ и господствующею церковью лежала въ догматическихъ отступленіяхъ. Единовѣріе было шагъ къ общенію послѣдователей раскола съ церковію; но этотъ шагъ былъ сдѣланъ лишь потому, что стали исчезать тѣ причины, которыя вызвали расколъ.

Въ политическомъ отношеніи расколъ никогда не грозилъ власти никакими опасностями. Расколъ шелъ въ разрѣзъ со многимъ, что дѣлалось въ Россіи, но никогда не являлся орудіемъ въ рукахъ враговъ Россіи. Напротивъ, какъ это ни странно, но гоненія на расколъ были даже одною изъ существенныхъ причинъ расширенія русскихъ предѣловъ. Стригольники, гонимые изъ Пскова и Новгорода, въ началѣ XVI столѣтія поселяются за русскимъ рубежомъ на шведской землѣ. Это—піонеры русской пропаганды, и уже Иванъ IV покоритъ ливонскій берегъ, а Петръ I окончательно утверждается на немъ. Старообрядцы поселяются въ Вѣткѣ на литовской землѣ, за русскими предѣлами,— и чрезъ нѣсколько времени этотъ край, почти безъ усилія, дѣлается достояніемъ Россіи. Некрасовъ съ своими казаками бѣжитъ отъ Петра за турецкую границу — и, нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, этотъ пограничный край Турціи присоединяется къ Россіи. Преслѣдованія раскольниковъ загнали ихъ въ глубь Сибири, на границу Китая, и даже, по инымъ сказаніямъ, въ Японію — и въ тоже время

Россія стремится расширить свои предѣлы въ эту сторону. Люди, которые не хотѣли нести давленія государственнаго центра, стремились къ окраинамъ государства, бѣжали за границы его, и всюду были распространителями русской народности. Иначе и быть не могло. Представители раскола были представителями чисто русской народности. Ряды ихъ пополнялись преимущественно изъ крестьянства и купечества. Были раскольники и изъ помѣщиковъ, но помѣщики-раскольники при Петрѣ I и основательница раскольничьяго женскаго общества, Свѣчина, въ царствованіе Александра I, были почти такое же исключеніе между раскольниками, какъ кн. Лихутьинъ, разбойничавшій въ царствованіе Елизаветы Петровны, между разбойниками. Къ дворянскому сословію расколъ не могъ привиться. Предки большей части русскихъ дворянъ являются въ Москвѣ преимущественно въ правленіе Калиты (1), какъ выходцы изъ татаръ и переселенцы изъ западной Европы.

Иностранный элементъ въ русскомъ дворянствѣ былъ очень силенъ съ самаго начала и еще болѣе усилился при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, когда много помѣстій и вотчинъ было раздаваемо выходцамъ изъ западной Европы, шедшимъ на службу русскаго царя. Западно-европейскій элементъ такъ усилился съ этого времени въ русскомъ дворянствѣ, что дворяне могли уже явиться при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ I піонерами западно-европейскаго просвѣщенія. Само собою разу-

(1) Временникъ I, 13.

мѣется, что дворянство, поглотившее въ себѣ древнее боярство—въ 1566 г. бояре были переименованы въ дворянъ (¹)—и успленное послѣ западно-европейскимъ элементомъ, никогда не могло быть въ такой же степени представителемъ чисто русской народности, какъ купечество и крестьянство. Расколъ преимущественно утвердился въ той средѣ, которая при великихъ князьяхъ боролась на новгородскомъ сѣверѣ съ татарскими порядками, а при царяхъ вступила въ такую же борьбу съ западно-европейскимъ вліяніемъ. И конечно люди, упорно державшіеся своего въ Москвѣ, разсѣявшись по окраинамъ Россіи и за ними, не измѣняли своему и тутъ. Такимъ образомъ русская народность утверждалась на окраинахъ государства и за предѣлами его, а представителямъ власти лишь оставалось присоединять къ Россіи мѣстности, гдѣ уже было утверждено русское вліяніе.

Помимо этого, такъ сказать невольнаго, содѣйствія послѣдователей раскола расширенію русскихъ границъ, раскольники на русскихъ окраинахъ не разъ оказывали прямыя и добровольныя услуги русскому правительству. Стародубскіе старообрядцы содѣйствовали, на сколько могли, успѣху Петра I надъ Карломъ XII. Вѣтковскіе старообрядцы оказали дѣятельную помощь своимъ противъ поляковъ въ 1702 г. Это имѣло большое вліяніе на прекращеніе прежняго строгаго преслѣдованія раскола при Петрѣ I и повело къ окончательной отмѣнѣ многихъ прежнихъ стѣснительныхъ узаконеній противъ раскола при

(¹) Временникъ III, Служилые люди 46.

Екатеринѣ II. Правда, безпоповцы преображенскаго кладбища въ Москвѣ 1812 г. вышли на встрѣчу Наполеону, поднесли ему блюдо золота, привели къ нему, какъ хлѣбъ-соль, большаго быка и объявили, что признаютъ императора французовъ своимъ государемъ (1). Но напрасно было бы видѣть въ этомъ политическій шагъ, или выраженіе враждебнаго настроенія противъ русскаго правительства. Преображенскіе безпоповцы дѣйствовали тутъ лишь какъ тонкіе дипломаты и дѣти міра сего. Они заранѣе озаботились отправить съ настоятелемъ своимъ Гончаровымъ, купцомъ Грачевомъ и наставникомъ Сергѣемъ Яковлевымъ свои милліоны, драгоцѣнности и даже 250 женщинъ въ с. Иваново, Владимірской губерніи, и теперь, чтобы сохранить въ цѣлости свою подмосковную обитель, рѣшились подольститься къ Наполеону, задобрить его и расположить къ себѣ, какъ выговскіе безпоповцы задабривали и располагали къ себѣ подарками и письменными обращеніями Петра I и многихъ изъ его пріемниковъ. Отсюда—это веденіе двумя ѳедосѣевскими сторожами огромнаго быка на веревкѣ при встрѣчѣ Наполеона, и глубокая тарелка наполненная червонцами, и рѣчь воспитанника матроской богадѣльни на французскомъ языкѣ отъ лица ѳедосѣевцевъ, паданіе на колѣни въ грязь предъ Наполеономъ у дома Ковылина, близъ Охотнаго ряда, посѣщеніе затѣмъ Наполеономъ Преображенскаго кладбища и все остальное. Не забудемъ еще, что во всемъ этомъ ѳедосѣевцами могла руководить мысль о задуманной ими чисто—

(1) S. Изъ исторіи Преображенскаго кладбища, 774.

сектантской операціи, цѣль которой была достигнута когда ѳедосѣевцы Иванъ Коровинъ, Яковъ Михайловъ, Григорій Кириловъ и Никифоръ Тимоѳѣевъ, пользуясь удаленіемъ Наполеона изъ Москвы, похитили изъ Срѣтенскаго монастыря и Успенскаго собора древнія иконы и часть мощей митрополита Филиппа.

И такъ, опозиція раскола не только не имѣла политическаго характера и не представляла съ этой стороны опасности правительству, но мы видѣли, что расколъ даже былъ полезенъ государству съ политической точки зрѣнія. Опозиція раскола носила чисто земскій характеръ. Сила раскола очевидно заключалась въ переступленіи центральною властью той черты, за которою начинались мѣстныя, земскія права разноплеменнаго населенія русскаго государства.

Чѣмъ больше жило разнородныхъ племенъ на русской землѣ, чѣмъ болѣе было мѣстностей и уголковъ въ Россіи, не схожихъ другъ съ другомъ, тѣмъ разнообразнѣе были основанія, на которыхъ не принимались представителями раскола объединительныя и нивеллирующія формы государственнаго быта, выработанныя въ русскомъ правительственномъ центрѣ; тѣмъ многочисленнѣе должны были явиться толки, на которые дѣлился расколъ.

Поглощеніе земскихъ правъ центральною властью вызвало расколъ и, слѣдовательно, возвращеніе земству его прежнихъ правъ должно ослабить и впослѣдствіи прекратить его.

При Александрѣ I политика терпимости и умѣренности вызвала ослабленіе раскола, какъ враж-

дебнаго администраціи элемента. Еще при Екатеринѣ II суровый безпоповецъ, анаѳемствовавшій противъ никоніанъ и увѣренный, что антихристъ уже царствуетъ, измѣнился въ мягкаго и изысканнаго Ковылина, панибрата властямъ, не чуждавшагося обычаевъ и общества еретиковъ. При Александрѣ I расколъ начинаетъ окончательно превращаться изъ религіозной секты въ обширную промышленную корпорацію, вѣтви которой распространялись по всей Россіи. Если бы это было распространеніе фанатической секты, оно могло грозить серьезной опасностью. Но правительство могло не видѣть необходимости въ преслѣдованіи обширной и предпріимчивой промышленной и торговой общины, какою въ сущности теперь дѣлается расколъ. Напротивъ, капиталы и предпріимчивость этой общины приносили пользу государству.

Съ 1827 г. начинаются вновь мѣры противъ раскола, и расколъ снова усиливается (1). Община, которая начинала уже принимать болѣе промышленный характеръ, опять наводится на мысль о религіозныхъ несогласіяхъ. Мѣры, принятыя противъ пріема старообрядцами къ себѣ священниковъ, имѣли слѣдствіемъ то, что старообрядцы учредили себѣ церковную іерархію за границей, въ Австріи.

Введеніе Земскаго положенія, при нынѣ царствующемъ государѣ, было послѣднею по времени эпохою въ исторіи раскола. Отмѣна земскихъ правъ была главною причиною, вызвавшею расколъ; возвращеніе ихъ должно было ослабить расколъ и ли-

(1) Мельниковъ. Очерки ист. поповщины (Русскій Вѣстникъ, 1864).

шить его прежняго историческаго значенія. Дѣйствительно, въ 1862 г. обнаружился расколъ въ расколѣ: старообрядческая московская іерархія почти вся возстала противъ бѣлокриницкой—австрійской и, въ лицѣ самыхъ вліятельныхъ своихъ членовъ, присоединилась къ единовѣрію. Хотя движеніе, начавшееся въ высшемъ слоѣ представителей раскола, и не могло назваться общимъ, а чрезъ нѣсколько времени даже ослабѣло, но уже съ этого времени можно было предвидѣть, что по мѣрѣ того, какъ населеніе постепенно пріобрѣтетъ свои земскія права, расколъ, въ его прежнемъ значеніи, будетъ слабѣть и наконецъ исчезнетъ совершенно.

II

РУССКІЕ РЕЛИГІОЗНЫЕ РАЦІОНАЛИСТЫ.

Въ XV и XVI столѣтіи всюду въ Европѣ значеніе феодаловъ падаетъ и монархическая власть усиливается. Утвержденіе въ государствахъ одной власти ведетъ къ упроченію единства въ формахъ управленія. Мѣстныя особенности и права борятся съ этимъ стремленіемъ власти ко всеобщему объединенію, и такъ какъ борьба всего популярнѣе въ доступной всей массѣ населенія области религіи, то возникаютъ секты и ереси. Въ Россіи было тоже, что въ остальной Европѣ. Первыя, пріобрѣтающія политическое значеніе, ереси являются при Иванѣ III. Это—ересь жидовствующихъ и секта стригольниковъ. Обѣ эти секты нельзя не сопоставить другъ съ другомъ. Въ однихъ отношеніяхъ между ними была значительная разница, но въ другихъ нельзя не замѣтить сходства. Въ догматическомъ отношеніи онѣ расходились несравненно болѣе, чѣмъ въ политическомъ. Обѣ были плодомъ «умствованія», хотя умствованіе и вело по различнымъ направленіямъ. Но «умствовали» немногіе: массы послѣдователей ихъ имѣли въ виду только протестъ. От-

ступленіе отъ буквы догмата нужно было имъ лишь какъ сборный пунктъ, какъ знамя для политическаго протеста. Исторія почти не касается подробностей религіознаго разногласія между Гуссомъ и имперскою властью въ Германіи: онъ важенъ для нея лишь какъ защитникъ народныхъ чешскихъ правъ. Ученіе Лютера только тогда получило значеніе, когда сѣверная Германія, въ лицѣ народа и отчасти своихъ владѣтелей (Фридрихъ Мудрый), стала рѣзко противъ господствовавшихъ порядковъ: ученіе Лютера было лишь знамя политической пропаганды, отдѣлившей сѣверъ Европы отъ юга.

Исторія одного государства представитъ много непонятнаго, если ее изучать особо отъ исторіи другихъ народовъ. Изученіе характера и дѣятельности Филиппа II испанскаго, Людовика XI французскаго и Генриха VIII англійскаго во многомъ поясннтъ возможность появленія на русскомъ престолѣ Ивана Грознаго: сходныя обстоятельства клали общій отпечатокъ на лица, почти одновременно дѣйствовавшія въ разныхъ государствахъ. Исторія Европы поможетъ намъ также разъяснить, почему объединительная дѣятельность Ивана III и Ивана IV встрѣчаетъ политическій и религіозный протестъ именно на сѣверѣ Россіи, въ области древняго Новгорода. Сѣверъ Европы заявилъ свой протестъ югу, папѣ и императору по тѣмъ же причинамъ, по какимъ германцы боролись съ римскимъ вліяніемъ,— по причинамъ, которыя двигали толпы норманновъ на европейскій югъ, и также потому, что сравнительно недавно принявъ христіанскій законъ сѣверъ Европы не имѣлъ времени свыкнуться съ нап-

скою властью. Тѣже причины вліяли и въ Россіи. Новгородскій сѣверъ долго удерживалъ свою самостоятельность, долго вліялъ на значительную часть Россіи и сравнительно недавно былъ обращенъ въ христіанство: корелы крещены въ 1227 г., христіанство въ пермской области распространилось только въ XIV столѣтіи. Что населеніе, подчинившееся власти церковной легче подчинялось гражданской, и наоборотъ—въ этомъ едва ли кто сомнѣвается. Сѣверный человѣкъ въ Европѣ и Россіи поставленъ былъ въ такія условія, что объединительныя стремленія власти церковной и гражданской встрѣчали наиболѣе сопротивленія съ его стороны.

Вліяніе протестантства на русскій расколъ было усмотрѣно между прочимъ преосв. Игнатіемъ воронежскимъ. Извѣстно, что выгорѣцкая безпоповщинская община отворяла радушно двери своей обители людямъ «лютерскаго» закона. Едва ли многіе однако видѣли эту связь между западно-европейскимъ протестантствомъ и русскимъ расколомъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, извѣстный сторонникъ лютеранства между духовными лицами своего времени, писалъ «увѣщаніе къ певѣждамъ,» разумѣя подъ «певѣждами» раскольниковъ. Нельзя предположить, чтобы Ѳеофанъ Прокоповичъ оказывалъ расположеніе къ протестантству лишь какъ къ религіи любимой его Германіи, «матери всѣхъ странъ,» по его выраженію (1), чтобы онъ не смотрѣлъ благосклонно на идеи и духъ протестантства. Противники его

(1) Филаретъ (арх. Черниговскій). Обзоръ русской духовной литературы, II, 16.

утверждали, что учрежденіе Сунода было взято съ лютеранъ. Если, расположенный къ нѣмецкому протестантству, Ѳеофанъ Прокоповичъ видитъ въ раскольникахъ лишь «невѣждъ» и—будучи по воцареніи Анны первымъ лицомъ въ русскомъ духовенствѣ — содѣйствуетъ строгому преслѣдованію раскольниковъ, то очевидно онъ не видѣлъ ничего общаго между протестантствомъ и расколомъ. Да видѣли ли многіе это сходство и изъ послѣдователей раскола? Амвросій Юшкевичъ въ царствованіе Елизаветы Петровны говорилъ, что раскольники защищаются тѣмъ, что устройство Сунода взято съ протестантовъ (1). Это доказываетъ, что по крайней мѣрѣ часть послѣдователей раскола смотрѣла на германскій протестантизмъ враждебно. Правда, это говоритъ православный проповѣдникъ, который могъ сослаться на раскольниковъ для своихъ цѣлей, но нельзя отрицать, что масса приверженцевъ раскола дѣйствительно не имѣла понятія о сходныхъ чертахъ между протестантствомъ и расколомъ, и на «лютерскую» вѣру смотрѣла также недружелюбно, какъ и на все иноземное. Иначе и быть не могло. Это сходство проявляется только съ исторической точки зрѣнія. Это сходство не имѣло даже никакого отношенія къ тому, что въ XVII столѣтіи, въ Стокгольмѣ, существовала славянская типографія, печатавшая протестантскій катихизисъ на славянскомъ языкѣ. Мы видѣли, какія были причины этого сходства.

Палъ Новгородъ. Иванъ III переселилъ много

---

(1) Тамъ же, стр. 42.

знатныхъ и вліятельныхъ новгородскихъ семействъ внутрь Россіи, но сѣмя сопротивленія на вольной новгородской землѣ московской центральной власти еще прозябало и долго должно было прозябать. Нужно было найдтись только удобной почвѣ: эта почва была религіозная, та, которою привлекаются толпы борцовъ, когда политическая борьба уже кончена.

Въ правленіе Ивана III, въ области Пскова и Новгорода обнаруживаются ереси жидовствующихъ и стригольниковъ.

Ересь жидовствующихъ была перенесена въ Новгородъ изъ Кіева кн. Михаиломъ Олельковичемъ и окружавшими его. Первоучителемъ этой ереси былъ еврей Схарія. Въ Кіевѣ эта ересь могла появиться тѣмъ легче, что тамъ, три вѣка до того, уже было много евреевъ и ими заселена была даже цѣлая улица. Жидовствовавшіе не вѣрили въ божественность Іисуса Христа, признавали иконы за идоловъ и т. д. Но сами евреи отсовѣтовали ихъ послѣдователямъ, русскимъ, совершать обрѣзаніе. Уже это одно даетъ понять, что секта не была переходомъ русскихъ въ еврейскую вѣру. Названіе ереси «жидовствующихъ» явилось естественно вслѣдствіе того, что еврей Схарія былъ распространителемъ ея и многое въ ученіи еретиковъ имѣло сходство съ тѣмъ, что представляетъ еврейская религія. Но если бы это была не болѣе какъ секта послѣдователей еврейской вѣры, то едва ли можно предполагать, чтобы она имѣла большой успѣхъ въ Россіи. Между тѣмъ мы видимъ, что она является въ Новгородѣ съ княземъ, пріѣхавшимъ туда править. Между привер-

женцами ея въ Новгородѣ мы видимъ священниковъ Дениса и Алексѣя, и именно эти священники, изъ которыхъ Алексѣй переименовалъ себя, въ ветхозавѣтномъ духѣ, Авраамомъ и жену свою—Саррою, были переведены въ московскій Успенскій соборъ, слѣдовательно—отличены. Это было въ порядкѣ вещей, если вспомнимъ, что сильные люди были покровителями ереси жидовствующихъ въ Москвѣ: одинъ изъ нихъ, архимандритъ Симонова монастыря Зосима, былъ сдѣланъ митрополитомъ московскимъ. Сектѣ сильно покровительствовали въ Москвѣ другой вліятельный человѣкъ, дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, и братъ его Иванъ Волкъ. Но были и болѣе сильные покровители: между ними называли великую княгиню Елену, споху Ивана III. Есть извѣстіе, что сектанты хотѣли обратить въ свое ученіе даже самого Ивана III, по крайней мѣрѣ въ этомъ признавался послѣ Иванъ III Іосифу Волоколамскому (1). Можно ли повѣрить, чтобы секта послѣдователей идей, взятыхъ изъ еврейскаго закона, могла пріобрѣсти такое значеніе въ кругу образованныхъ и высоко поставленныхъ людей въ Россіи? Нѣтъ, эта секта явилась слѣдствіемъ начинавшагося «умствованія», пробуждавшагося стремленія къ реформѣ. Это стремленіе пробуждалось тогда всюду въ Европѣ; оно отозвалось и въ Россіи, и очень естественно отозвалось прежде всего тамъ, куда доходили отголоски изъ Европы: во дворцѣ и въ высшей духовной и гражданской сферахъ. Это была эпоха, когда религіозные вопросы сильно вол-

(1) Игнатій, 65.

новали образованное общество. Начинавшаяся эпоха возрожденія вызвала религіозныя реформы на первый планъ. Иванъ III объявилъ московскому митрополиту Геронтію, что онъ считаетъ болѣе правильнымъ хожденіе вокругъ церкви *по-солонь*, т. е. по солнцу. Великаго князя поддерживали: Вассіанъ, епископъ ростовскій, и Геннадій, архимандритъ чудовскій. Митрополитъ настаивалъ на хожденіи противъ солнца и, недовольный требованіемъ великаго князя, удалился въ Симонову обитель. Иванъ III нашелъ необходимымъ уступить, и посылалъ сначала сына въ Симоновъ монастырь уговаривать митрополита возвратиться, а потомъ отправился съ тою же цѣлію самъ. Примиреніе послѣдовало; желаніе митрополита было исполнено (1). Какъ видимъ въ первое время и великій князь поддался общему потоку.

Во всѣхъ этихъ, иногда мелкихъ распряхъ, *буква* тэзисовъ, о которыхъ идетъ дѣло, имѣетъ сравнительно очень ничтожное значеніе; важенъ духъ. Это былъ духъ времени, времени умственнаго броженія въ ожиданіи будущихъ реформъ.

Многое заставляетъ думать, что секта жидовствовавшихъ была чѣмъ-то въ родѣ пынѣшней молоканской и по всей вѣроятности ея предшественницею. То, что молокане ѣдятъ молоко по средамъ и пятницамъ и постятся въ суботу, и нѣкоторыя изъ ихъ ученій заставляли видѣть въ нихъ заимствователей многаго изъ еврейскаго закона. Въ офиціальныхъ бумагахъ упоминается иногда о «моло-

(1) Муравьевъ, стр. XVII.

канахъ еврейскаго исповѣданія» (1). Есть въ настоящее время случаи перехода молоканъ въ унитары, — секту, уже весьма приблизившуюся къ еврейскому исповѣданію (2). Современникъ игумена Артемія и Матѳѣя Башкина, Ѳедоръ Косой, такой же распространитель раціоналистическаго ученія, какъ и оба первые, какъ раціоналистъ вносилъ почти тѣже идеи, какія Кальвинъ на Западѣ, но вмѣстѣ по догматамъ своего ученія, былъ послѣдователемъ секты жидовствовавшихъ: онъ отрицалъ божественность Христа, называлъ почитаніе иконъ идолопоклонствомъ, въ моисеевыхъ книгахъ видѣлъ столповыя и т. д. Его ученіе распространилось особенно въ Поволжьи, по сосѣдству съ тѣми мѣстностями, гдѣ впослѣдствіи утвердилось молоканство.

Судьба русскихъ молоканъ XV и XVI ст. была очень горька. Сильные покровители ихъ въ Москвѣ должны были исчезнуть или замолкнуть, когда секта жидовствовавшихъ утвердилась преимущественно въ Новгородѣ. Въ Москвѣ не могли не видѣть въ религіозномъ ученіи,—утвердившемся тамъ, гдѣ еще было много недовольныхъ разгромомъ великаго и вольнаго Новгорода,—нѣчто болѣе, чѣмъ проповѣдь однихъ религіозныхъ сектантовъ. Политическое недовольство укрылось за религіозное умствованіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, могли видѣть въ Москвѣ, хотя умствованіе могло найти для себя прежде всего удобную почву въ Новгородѣ уже потому, что западныя идеи, какъ западные товары, шли

---

(1) Пол. Соб. Зак., XXXII, стр. 740—741.

(2) Мельниковъ. Русскій Вѣстникъ, 1864, № 5, стр. 70.

въ Россію черезъ Новгородъ. Не могли не замѣтить въ Москвѣ и того, что удары, направленные противъ церковной власти, были вмѣстѣ направлены противъ гражданской. Иванъ III счелъ необходимымъ уступить митрополиту Геронтію по вопросу о хожденіи по-солонь, а послѣ исчезаетъ во дворцѣ и самая мысль о столкновеніяхъ съ церковною властью по религіознымъ вопросамъ. Подрывъ авторитета верховной церковной власти могъ отозваться подрывомъ верховной власти гражданской, а этого не могъ желать собиратель русской земли Иванъ III.

Сильное гоненіе началось на секту жидовствовавшихъ въ Москвѣ и Новгородѣ. Послѣдователи ея должны были погибнуть или отказаться отъ своего ученія. Новгородскій архіепископъ Геннадій истребилъ послѣдователей секты въ своей епархіи. Посадивъ ихъ верхомъ на лошадей, лицемъ къ хвосту, въ вывороченной вверхъ изнанкой одеждѣ, въ берестеныхъ шлемахъ и въ вѣнцахъ изъ сѣна и соломы, — архіепископъ выставилъ ихъ въ этомъ видѣ на показъ народу. На шлемахъ было написано «чернилмъ»: «сіе есть сатанино воиньство.» Вѣнцы изъ сѣна и соломы потомъ зажгли и сектанты погибли мучительною смертью (1).

Болѣе опасныхъ враговъ новгородскій епископъ встрѣтилъ себѣ въ сектѣ стригольниковъ, явившейся въ Псковѣ и перенесенной въ Новгородъ. Основателемъ секты былъ *разстриженный* діаконъ Карпъ, отсюда производятъ и самое названіе *стригольниковъ*. Это было при московскомъ митрополитѣ Алек-

(1) Журавлевъ. Полное историческое извѣстіе.

сѣѣ, но еще при предшественникѣ его Петрѣ зародышъ стригольническихъ мнѣній явился въ ученіи протопопа Сента. Другимъ распространителемъ стригольничества, кромѣ діакона Карпа, былъ діаконъ Никита. Такимъ образомъ стригольническій протестъ противъ злоупотребленій духовенства явился въ средѣ того же духовенства. Ученіе стригольниковъ было чисто раціоналистическое. Стригольники сами толковали св. писаніе; не признавали священниковъ и архіереевъ на томъ основаніи, что тѣ поставляются за подарки; говорили про священниковъ, что они пьяницы, ѣдятъ и пьютъ съ пьяницами, берутъ съ живыхъ и мертвыхъ (1). Стригольники проповѣдывали, что можно каяться въ грѣхахъ землѣ скорѣе, чѣмъ попамъ. Они учили, что отпѣвать и поминать умершихъ и приносить милостыню за душу не нужно. Они не вѣрили въ воскресеніе изъ мертвыхъ. Стригольники были враги иноческихъ обѣтовъ и монастырей (2). Архіепископъ Геннадій не могъ не встрѣтить въ стригольникахъ тѣмъ болѣе опасныхъ противниковъ, что они были люди преимущественно образованные, «изучали словеса книжныя» и сладко говорили къ народу (3). Стригольникъ Захаръ четыре года разсылалъ грамоты противъ архіепископа и Геннадій ничего не могъ противъ него сдѣлать (4). Архіепископъ писалъ наконецъ московскому митрополиту

---

(1) Акты Ист. I, стр 13.
(2) Акты Ист. I, стр. 14, 63.
(3) Акты Ист. I, стр. 12.
(4) Журавлевъ. Ист. изв. о раск.

Зосимѣ, что надобно было принять рѣшительныя мѣры и поступить съ еретиками, какъ поступали въ то время «франки въ Испаніи». Ссылка новгородскаго архіепископа на франковъ въ Испаніи очень многозначительна. Русскій владыка предлагалъ поступить, какъ поступали въ то время съ съ ересями на Западѣ, съ ученіемъ, проникшимъ къ намъ съ Запада. Раціонализмъ дѣйствительно явился у насъ отголоскомъ идей, подготовлявшихъ реформацію на Западѣ. Но съ сектою стригольниковъ Геннадій не могъ такъ поступить, какъ поступилъ онъ съ сектою жидовствовавшихъ. Послѣдняя секта теряла много въ глазахъ массы русскаго населенія уже тѣмъ, что евреевъ не любили издавна въ Россіи, а названіе, приданное сектѣ, породняло ее съ послѣдователями Моисеева закона. Раціоналистическое направленіе привлекало ученіе этой секты болѣе къ привилегированнымъ сословіямъ; догматы, заимствованные у евреевъ, дѣлали ее ненавистною многимъ изъ низшаго класса населенія. И такъ, съ ней расправиться было легче. Но стригольники, явясь впервые на псковской землѣ, смежной съ нѣмецкою Ливоніею, умѣли согласить наплывъ западныхъ идей съ народнымъ русскимъ духомъ; умѣли на землѣ, еще не забывшей вольнаго вѣчеваго слова, говорить красно къ народу и указывать на тѣ пороки духовенства, которые дѣйствительно требовали исправленія. Въ ихъ отрицаніи священства, они конечно не признавали архіереевъ и священниковъ, хотя бы тѣ были образцами непорочной жизни. Но въ своемъ обращеніи къ толпѣ, они возстаютъ не на самое священство, а

на тѣ пороки и недостатки духовныхъ лицъ и духовнаго управленія, которые дѣйствительно броса-лись многимъ въ глаза. Уже то придавало много вѣса стригольникамъ, что обвиненіе въ мздоимствѣ, обращенное къ духовенству, вызвало мѣры, доказавшія, что оно было признано высшею духовною властью въ странѣ—основательнымъ. Архіепископъ Геннадій въ 1503 г. выхлопоталъ отмѣну сборовъ со священниковъ для архіереевъ. Въ посланіи константинопольскаго патріарха Нила къ псковичамъ о стригольникахъ, говорится, «что нѣкоторые епископы по мздѣ поставляютъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что надо отдѣляться отъ церкви» (1). Фактъ обвиненія былъ признанъ, а это давало силу обвинителямъ. Мѣры, принятыя затѣмъ противъ стригольниковъ, повели къ тому, что они удалились за границу и поселились въ шведскихъ предѣлахъ и въ Ливоніи вдоль русскаго рубежа.

Сосѣдство Пскова и Новгорода съ Ливоніею и Швеціею имѣло большое значеніе въ исторіи русской церкви. Псковъ и Новгородъ являются почвою, удобною для нововведеній, въ силу иностраннаго вліянія въ дѣлѣ религіи, какъ и въ другихъ отношеніяхъ. Въ Псковѣ еще до 1430 г. мазали латинскимъ міромъ (2). Въ псковской области ввелъ впервые сугубую (двойную) аллилуію, вмѣсто тройственной, игуменъ Елеазаръ, и митр. Евѳимій дозволилъ одинаково двоить и троить ее, смотря потому, что мыслится молящимся—двойственность ли

(1) Акты Ист. I, стр. 5.
(2) Макарій, 12.

естества Спасителя или три лица Троицы. Въ Псковѣ начали впервые пѣть въ церквахъ «Вѣрую» и «Отче нашъ», которыя до того читались; это нововведеніе принято было повсемѣстно и утвердилось. Напротивъ, когда въ Новгородѣ «философове» начали пѣть вмѣсто «Господи помилуй»—«О, Господи помилуй», — это нововведеніе было отвергнуто (1). Въ псковской же землѣ, какъ мы видѣли, впервые образовалась секта стригольниковъ. Въ Псковѣ же родился представитель раціоналистическаго направленія въ духовной сферѣ, бѣлозерскій игуменъ Артемій.

Артемій ѣздилъ въ Германію и ознакомился тамъ съ церковными порядками. Онъ видѣлся съ однимъ нѣмецкимъ владѣтелемъ и просилъ доставить ему случай къ пренію съ кѣмъ нибудь изъ нѣмецкихъ ученыхъ о вѣрѣ. Зарождавшееся протестантство оставило на немъ свои слѣды. Онъ вернулся въ Россію раціоналистомъ и какъ игуменъ Бѣлозерскаго монастыря имѣлъ возможность найдти себѣ многихъ послѣдователей. Между свѣтскими послѣдователями религіознаго раціонализма является наиболѣе вліятельнымъ Матвѣй Башкинъ. Башкинъ признавался, что его мысли о реформѣ были навѣяны двумя иностранцами. Ученіе Башкина было съ соціальнымъ оттѣнкомъ. Онъ напр. утверждалъ, что можетъ держать рабовъ только если они будутъ служить ему добровольно. Дѣятельность русскихъ раціоналистовъ проявляется наиболѣе въ эпоху утвержденія протестантства въ Европѣ—въ на-

(1) Щаповъ, Русскій расколъ старообрядства.

чалѣ царствованія Ивана Грознаго. Царь былъ самъ охотникъ до религіозныхъ философскихъ споровъ. «Велѣть Матюшѣ написать, что онъ думалъ, по апостолу», сказалъ царь Иванъ Васильевичъ, узнавъ объ идеяхъ, проповѣдуемыхъ Матвѣемъ Башкинымъ. Самъ царь былъ далекъ отъ раціонализма. Будущій соперникъ въ философскомъ спорѣ съ папскимъ легатомъ Антоніемъ Поссевиномъ, Иванъ Васильевичъ не жаловалъ вмѣстѣ и лютеранства, говоря, что *Лютеръ* происходитъ отъ *люто*. Кельхъ разсказываетъ, какъ разъ Грозный, разсердясь на лифляндскаго пастора, сравнивавшаго Лютера съ ап. Павломъ, ударилъ пастора хлыстомъ по головѣ, прибавивъ: «пошолъ ты къ черту съ своимъ Лютеромъ» (1). Но тотъ же Грозный наложилъ большой штрафъ на митр. Аѳанасія за оскорбленіе нѣмца въ дѣлѣ вѣры (2). Обладая умомъ пытливымъ и способнымъ къ критическому взгляду, онъ относился умѣренно къ взглядамъ и убѣжденіямъ другихъ, что, напримѣръ, видно и изъ приведеннаго отзыва его о Матвѣѣ Башкинѣ. Религіозные вопросы волновали въ то время въ Россіи многихъ. Вліяніе лютеранства чувствовалось и въ русскомъ обществѣ. Дьякъ Висковатый обращалъ вниманіе московскаго духовенства на то, что на образахъ, привезенныхъ въ Москву изъ провинціи послѣ большаго московскаго пожара, въ малолѣтство Ивана IV, Спаситель представленъ былъ съ сжатыми руками. По объясненію Висковатаго это

(1) Филаретъ. Ист. русс. церк. III, 92.
(2) Тамъ же, 90.

значило, что образа представляли Спасителя не разрѣшающимъ грѣхи міра сего. Соборъ духовныхъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ Висковатаго, хотя духовенство и не упустило замѣтить дьяку, что лучше бы онъ «смотрѣлъ за своимъ, чтобы не растерять списковъ». Это вмѣшательство въ церковныя дѣла частнаго свѣтскаго человѣка было знаменіемъ времени. Стоглавый соборъ былъ созванъ, между прочимъ, и для того, чтобы оказать противодѣйствіе идеямъ протестантства, шедшимъ въ Россію съ Запада. Уже въ 1523 г. протестантство проникло въ Ригу. Въ 1550 г. реформатство является въ Бѣлоруссіи, затѣмъ проникаетъ въ уѣзды Подольскій, Кіевскій и Русскій, а въ 1560 г. реформатскій соборъ уже рѣшаетъ послать двухъ миссіонеровъ въ Россію (¹).

Условія русскаго быта и характеръ населенія въ Россіи того времени не позволили идеямъ раціонализма пустить глубокій корень на русской землѣ. Русскіе раціоналисты, какъ слабое меньшинство, должны были, таясь на русскихъ окраинахъ, отказаться отъ борьбы съ господствовавшими порядками, или бѣжать за границу. Но раціоналистическія идеи не были искоренены въ русской средѣ, и впослѣдствіи отозвались на происхожденіи безпоповщины, сектъ: молоканъ, духоборцевъ, нѣтовщины и т. д.

(¹) Игнатій, 113.

III

ИСПРАВЛЕНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ КНИГЪ.

Въ Москвѣ началось русское единовластіе, въ Москвѣ начали выработываться и однѣ общія формы управленія для всего государства. Этотъ порядокъ вещей въ области церковнаго управленія немедленно отозвался исправленіемъ тѣхъ мѣстныхъ отступленій и особенностей, которыя должны были прежде существовать при разъединеніи русской земли. Въ церковныхъ книгахъ сдѣлано было переписчиками много ошибокъ и дополненій, такъ что одна и таже книга въ разныхъ копіяхъ представляла нерѣдко во многомъ несходный текстъ. Въ разъединенной Руси это было въ порядкѣ вещей; въ московскомъ государства такой порядокъ былъ неестественъ. Мысль объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, о подведеніи ихъ подъ одну норму, неминуемо должна была явиться.

Уже въ 1355 г. московскій митрополитъ Алексѣй, переписывая евангеліе, исправлялъ вкравшіяся въ текстѣ ошибки переписчиковъ. При Васильѣ Ивановичѣ вызвали въ Москву ученаго грека Максима для пересмотра великокняжеской библіотеки, а по-

томъ поручили ему и пересмотръ церковныхъ книгъ. У великаго князя библіотека была богата между прочимъ и греческими книгами. Людей, знавшихъ греческій языкъ и которые могли бы привести великокняжескую библіотеку въ порядокъ, въ Москвѣ не оказалось. Великій князь обратился на греческій востокъ съ просьбою, чтобы ему прислали знающаго человѣка для разбора библіотеки. На Аѳонѣ указали Максима. Заручась другими столь же сильными рекомендаціями, Максимъ пріѣхалъ въ Россію и былъ принятъ съ почетомъ. Занявшись разборомъ великокняжескихъ книгъ, Максимъ сталъ знакомиться мало по малу и съ русскимъ языкомъ. Это ему было рѣшительно необходимо, такъ какъ по пріѣздѣ онъ нашелъ, что въ Москвѣ его никто не могъ бы понять, если бы онъ не говорилъ по латыни, и между приближенными великаго князя не нашлось бы нѣсколькихъ лицъ, понимавшихъ латинскій языкъ. Ознакомясь съ русскимъ языкомъ, Максимъ Грекъ,—Грекъ теперь ему стало прозвищемъ,—нашелъ въ русскихъ спискахъ церковныхъ книгъ очень много ошибокъ. Ему поручили исправить эти ошибки. Девять лѣтъ трудился онъ надъ этимъ исправленіемъ въ Чудовомъ монастырѣ. Ему приходилось также вычеркивать вставки, сдѣланныя переписчиками. Русскій сотрудникъ его Михаилъ Медоварцевъ однажды былъ пораженъ, когда Максимъ велѣлъ ему зачеркнуть одну изъ такихъ вставокъ въ книгѣ: самыя ошибки, введенныя давно и повторявшіяся многими, были для многихъ уже какъ бы освящены временемъ.

Это неукоснительное исправленіе церковныхъ книгъ Максимомъ Грекомъ, не столько заботившимся объ укоренившемся обычаѣ, сколько о вѣрности съ текстомъ, послужило впослѣдствіи главнымъ обвиненіемъ противъ него. Но опала ждала Максима не за то. Если даже, въ первое время, когда Максимъ былъ еще мало знакомъ съ русскимъ языкомъ, онъ и могъ сдѣлать нѣкоторыя второстепенныя ошибки, исключительно благодаря этому незнанію языка, то такія ошибки никакъ не могли быть поставлены ему въ вину и никто не подумалъ бы о преслѣдованіи, пока великій князь, вызвавшій Максима и самъ возложившій на него дѣло исправленія, сохранялъ къ нему прежнее расположеніе. Но отношенія между великимъ княземъ и ученымъ грекомъ совершенно измѣнились, когда Максимъ воспротивился разводу Василія Ивановича съ его супругою. Къ этому присоединились недружелюбныя отношенія къ русскому духовенству. Московскій митрополитъ Даніилъ сердился на Максима за то, что тотъ не хотѣлъ перевести для него Ѳеодоритово слово „о двуперстномъ знаменіи;“ низшее черное духовенство стояло въ враждебныхъ отношеніяхъ къ Максиму, какъ рѣзкому противнику пьянства и пороковъ между монахами. Максима заточили. Впослѣдствіи участь его была облегчена; но дѣло исправленія книгъ надолго остановилось.

Стоглавый соборъ созванъ былъ при Иванѣ IV Васильевичѣ отчасти съ тою цѣлью, чтобы принять мѣры къ исправленію церковныхъ книгъ. Открытіе вслѣдъ затѣмъ первой типографіи въ Москвѣ находится въ прямой связи съ желаніемъ исправить

эти книги. Печать должна была окончательно устранить ошибки, всегда возможныя при перепискѣ. Первая типографія въ короткое свое существованіе въ Москвѣ выпустила только духовныя книги. Черезъ нѣсколько лѣтъ по основаніи, типографіи въ Москвѣ уже не было и типографщики бѣжали заграницу.

Только послѣ ряда смутныхъ годовъ, по вступленіи на престолъ Михаила Ѳедоровича, возникаетъ снова мысль объ исправленіи церковныхъ книгъ. Въ 1616 г. положено было назначить для исправленія старцевъ, знавшихъ граматику и риторику (1). Назначенъ былъ архимандритъ троицкій Діонисій и къ нему въ помощь приданы священники изъ ученыхъ. Діонисій съ товарищами начали исправленіе требника. Достали 12 славянскихъ списковъ и 5 греческихъ. По сличеніи ихъ оказалось, что въ требникъ вкралось до 40 ошибокъ. Самою существенною ошибкою была произвольная вставка въ молитвѣ на освященіе воды въ Богоявленіе: „и огнемъ.“ Исправители указывали, что если бы надо было говорить „Духомъ Святымъ“ съ прибавкою „и огнемъ“, то эту вставку много разъ нужно было бы повторять въ 500 молитвахъ, встрѣчающихся въ русскомъ богослуженіи, и однакоже ея въ другихъ случаяхъ нѣтъ (2). На этомъ основаніи они рѣшили выбросить вставку. Шагъ былъ рѣшительный. Въ то время прибавка „и огнемъ“ не только считалась необходимою принадле-

(1) Чтенія; 1848, № 8, Исправ. богослуж. книгъ, стр. 4.

(2) Тамъ же, стр. 14.

жностью молитвы на богоявленское освященіе воды, но и вошло въ обычай при чтеніи этой молитвы погружать свѣчи въ богоявленскую воду во время произнесенія словъ „и огнемъ.“ Противъ Діонисія возстали многіе, въ томъ числѣ и изъ высшаго духовенства. Поддержать его было некому. Діонисія схватили; велѣно было бить и мучить его 40 дней и ставить «въ дыму, на палатяхъ.» По приказанію митрополита Іопы его ежедневно приводили на патріаршій дворъ, или къ кельѣ царицы-инокини Марѳы и заставляли класть по 1000 поклоновъ (1). Гордый духъ Діонисія не могъ быть смиренъ этимъ наказаніемъ: троицкій архимандритъ, воздвигнувшій памятникъ на могилѣ невинно-пострадавшаго Максима Грека, клалъ иногда по 1000 поклоновъ отъ себя; отвѣты его были смѣлы и рѣшительны. Онъ считалъ себя правымъ и такимъ нашелъ его патріархъ Филаретъ, вступившій въ управленіе русскою церковью въ 1619 г. Филаретъ тотчасъ же утишилъ бурю, поднявшуюся противъ Діонисія и исправленія книгъ.

Дѣло исправленія, какъ мы видѣли, начиналось и неожиданно оканчивалось постоянно при однихъ и тѣхъ же условіяхъ: высшая центральная власть начинаетъ дѣло, но общество и даже духовная среда относятся къ дѣлу неблагосклонно, пользуются всѣми обстоятельствами, чтобы помѣшать ему, и находя точку опоры въ укоренившемся обычаѣ обыкновенно оказываются настолько сильными, что одерживаютъ верхъ. Но приближается конецъ та-

(1) Муравьевъ, 31.

кому порядку вещей; этотъ порядокъ вещей возможенъ былъ лишь пока единство власти боролось съ мѣстнымъ управленіемъ. Послѣ смутнаго времени единство власти беретъ окончательный перевѣсъ, и теперь окончательное исправленіе церковныхъ книгъ было обезпечено. Патріаршество Филарета открываетъ новую эпоху. Филаретъ горячо принимается за рѣшенное до его возвращенія изъ плѣна дѣло Діонисія. Діонисій былъ освобожденъ и возвращенъ настоятелемъ въ Троицкую Лавру. Онъ не избавился отъ непріятелей. Логинъ, издатель церковнаго устава, вышедшаго въ 1610 г., бранилъ его и сломалъ въ Лаврѣ настоятельскій жезлъ Діонисія (1). За буйство и дурное поведеніе Логинъ былъ изгнанъ изъ Лавры Филаретомъ. Церковный уставъ, изданный Логиномъ, былъ пересмотрѣнъ патріархомъ, найденъ совершенно неправильнымъ и сожженъ по приказанію его. Исправленія въ требникѣ, сдѣланныя Діонисіемъ, были найдены Филаретомъ правильными. Заручась авторитетомъ патріарховъ: іерусалимскаго (Ѳеофана) и александрійскаго, Филаретъ объявилъ себя противъ вставки „и огнемъ“ (2). Она была выброшена и теперь никто не прекословилъ. Личность патріарха также отчасти объясняетъ почему это рѣшеніе не встрѣтило сопротивленія.

Родственникъ послѣднихъ владѣтелей Рюрикова дома, постриженный противъ воли Борисомъ Годуновымъ, возведенный въ митрополиты по паде-

(1) Муравьевъ, 34.
(2) Тамъ же.

нiи Годуновыхъ, заложникъ и плѣнникъ въ Польшѣ въ смутное время, Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, въ иночествѣ Филаретъ, былъ характеръ твердый и рѣшительный. Возвращаясь изъ польскаго плѣна въ Москву, Филаретъ, при встрѣчѣ съ сыномъ, теперь русскимъ царемъ, упалъ предъ нимъ на землю. Сынъ отдалъ тотъ же почетъ отцу: также упалъ предъ нимъ на землю, и они нѣкоторое время лежали другъ передъ другомъ, припавъ къ землѣ (1). Это какъ-бы было символомъ готовившагося Россiи двоевластiя. Филаретъ обладалъ обширнымъ самолюбiемъ и несомнѣнно было, что онъ приметъ участiе въ правленiи. Дѣйствительно имя его, возведеннаго вслѣдъ затѣмъ въ патрiархи всероссiйскiе, начинаетъ являться на государственныхъ граматахъ вмѣстѣ съ царскимъ. Исходятъ бумаги первостепенной государственной важности, и не по дѣламъ церковнымъ, отъ имени одного патрiарха. Такъ въ 1629 г. изданъ былъ собственноручный указъ патрiарха Филарета (только отъ его имени) о переходѣ вотчинъ въ наслѣдство (2); между тѣмъ какъ спустя недолго послѣ того послѣдовало повелѣнiе, чтобы безъ именнаго государева указа помѣщикамъ въ вотчину помѣстьевъ не продавать и вообще всѣ измѣненiя въ правѣ поземельнаго управленiя считались въ это время болѣе, чѣмъ когда нибудь столь важными, что могли совершаться только по царскимъ указамъ. Многое говоритъ также портретъ патрiарха Филарета, най-

(1) Собранiе грамотъ и договоровъ, II, 185.
(2) Пол. Соб. Зак., I, стр. 87.

денный въ Коломенскомъ дворцѣ. Патріаршее облаченіе явилось на портретѣ послѣ. Первоначально Филаретъ былъ представленъ со скипетромъ и въ царскомъ кафтанѣ. Подъ портретомъ была подпись: «царь Ѳедоръ Никитичъ Романовъ.» Впослѣдствіи портретъ былъ подновленъ: вмѣсто царской одежды явилось патріаршее облаченіе и знаменательная подпись была скрыта подъ слоемъ краски (¹).

Съ такимъ-то противникомъ должны были имѣть дѣло враги исправленія церковныхъ книгъ. Имъ была борьба не по силамъ съ царскимъ отцемъ и человѣкомъ, который по духовному чину хотѣлъ быть пастыремъ и учителемъ царю. Печатаніе книгъ при Филаретѣ шло также успѣшно, и въ патріаршество его напечатано было въ Москвѣ больше книгъ, чѣмъ съ заведенія типографіи до него.

Сожженіе патріархомъ Филаретомъ «церковнаго устава», изданнаго за нѣсколько лѣтъ до него, доказало, что печатаніе книгъ, на которое возлагали такія надежды въ дѣлѣ книжнаго исправленія, едва ли принесетъ результаты, какихъ отъ него ожидали. И лица печатавшія, какъ переписчики, были люди, и они были не свободны отъ ошибокъ. По крайней мѣрѣ сдѣланное однимъ могло показаться ошибочнымъ другому. Но ошибки распространялись теперь въ болѣе обширной сферѣ: типографскій станокъ распространялъ прежнюю ошибку одинокаго переписчика въ сотняхъ и тысячахъ оттисковъ. При патріархѣ Іосифѣ московскою типографіею издано было 5 книгъ въ 1200 экземпляровъ каждая,

---

(¹) Русскій Архивъ. 1863.

защищавшихъ ученія и взгляды, которые вслѣдъ затѣмъ же признаны были при патріархѣ Никонѣ ложными. Такимъ образомъ мы видимъ, что при одномъ патріархѣ типографія, которою завѣдывалъ князь Львовъ и гдѣ за печатаніемъ смотрѣли протопопы Аввакумъ, Лазарь и др. духовныя лица, выпускаетъ въ народъ 6,000 книгъ, а нѣсколько лѣтъ спустя, при другомъ патріархѣ, эти книги объявляются неправильными и проповѣдующими ложныя ученія. Допуская даже, что сужденіе послѣдующаго патріарха было вѣрнѣе, пельзя однакожъ не сознаться, что это преслѣдованіе того, что узаконилось и чтилось нѣсколько лѣтъ прежде, должно было произвести сильное потрясеніе въ обществѣ и повести къ подрыву авторитета высшихъ церковныхъ администраторовъ. Человѣкъ съ обыкновенною волею и неслишкомъ твердымъ характеромъ, предвидя это потрясеніе едва ли рѣшился бы настойчиво возстать противъ совершеннаго при его предмѣстникѣ, хотя бы и видѣлъ всѣ сдѣланныя ошибки. Но не таковъ былъ патріархъ Никонъ. Человѣкъ съ желѣзною волею, онъ не страшился нападокъ враговъ; строгій администраторъ, онъ считалъ возможнымъ утишить неудовольствіе въ народѣ правительственными мѣрами. Но не только въ эпоху прочнаго усиленія верховной власти на престолѣ патріаршемъ явился человѣкъ, могшій придать особенное значеніе высшей церковной администраціи:— такъ сложились обстоятельства, что многое поддерживало Никона въ его борьбѣ съ противными воззрѣніями. Въ это время начинаетъ усиливаться вліяніе на Россію Европы, но сначала не германской и

не франкской Европы, а Европы греческой, которую Россія издавна считала родственною себѣ. Вліяніе Европы латино-германской должно было начаться при Петрѣ I; для перехода въ правленіе не любившаго крутыхъ мѣръ Алексѣя Михайловича является вліяніе Греціи. Оно было не такъ замѣтно, какъ послѣдующее вліяніе запада, но отразилось на многомъ: на училищахъ, а главнымъ образомъ на реформахъ, произведенныхъ въ русской Церкви. Никонъ былъ силенъ поддержкою восточныхъ іерарховъ. Можно даже сказать, что инпціатива окончательнаго исправленія обрядовой стороны богослуженія, совершеннаго при Никонѣ, принадлежитъ греческому востоку. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что высшая церковная администрація рано или поздно приняла бы мѣры для утвержденія единства въ обрядовой области религіи. Не Никонъ, то кто нибудь другой на его мѣстѣ поступилъ бы точно такъ же, какъ онъ. Едва ли могло бы даже быть отдалено это время. Но другой на мѣстѣ Никона могъ взяться за дѣло нѣсколько иначе, и расколъ, которому неизбѣжно должно было появиться при коренныхъ реформахъ Петра I, едва ли проявился бы съ такою силою и такою разрушительною яростью противъ господствовавшей церкви при Алексѣѣ Михайловичѣ.

IV.

НИКОНЪ.

Въ 1605 г. въ нижегородскомъ поволжьѣ—въ нынѣшней Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда—въ веси Вельдемановѣ у крестьянина Мины, родомъ мордвина, родился сынъ Никита. Этотъ крестьянскій мальчикъ былъ впослѣдствіи патріархомъ всероссійскимъ подъ именемъ Никона. Если приведемъ при этомъ, что въ сосѣднемъ съ Вельдемановымъ с. Григоровѣ родился протопопъ Аввакумъ, а въ сосѣднемъ же с. Колычевѣ—Павелъ Коломенскій, то окажется, что нынѣшній Княгининскій уѣздъ былъ разсадникомъ главныхъ дѣятелей Церкви и раскола въ цар. Алексѣя Михайловича. Всѣ трое знали другъ друга въ дѣтствѣ, хотя можетъ быть двое послѣднихъ, какъ дѣти мѣстныхъ священниковъ и не ставили себя наравнѣ съ крестьянскимъ сыномъ Никитою. Тѣмъ болѣе печальной драматичности придается ихъ будущимъ сношеніямъ, окончившимся непримиримою враждою и борьбою по смерть.

Никита въ дѣтствѣ лишился отца и подъ надзоромъ строгой и умной матери обучился грамотѣ,

Двадцати лѣтъ онъ уже былъ священникомъ. Въ Нижнемъ его увидали московскіе купцы: онъ понравился имъ и они перезвали его въ Москву. Составилъ ли здѣсь себѣ Никита планъ къ будущему возвышенію или нѣтъ, только онъ расходится съ женою и идетъ на сѣверъ въ пустынныя тундры вести скитальческую жизнь въ удаленіи отъ міра. Онъ постригается въ монахи подъ именемъ Никона. Затѣмъ мы видимъ его въ Анзерскомъ скиту. Здѣсь онъ неполадилъ съ настоятелемъ Елеазаромъ. Враги Никона передаютъ, что Елеазаръ разъ замѣтилъ братіи, что видитъ обвившагося вокругъ шеи Никона чернаго змѣя и прибавилъ, что помолился бы за душу того, кто убилъ бы этого старца (1). Иные говорятъ даже, что Елеазаръ выразился, что принялъ бы грѣхъ убившаго на себя (2). Это передавали впослѣдствіи враги Никона, раскольучители. Они передаютъ слова Елеазара какъ пророчество, что Никонъ произведетъ смуту въ Церкви. Вѣроятнаго во всемъ этомъ лишь то, что Елеазаръ не сошелся съ крутымъ по характеру и властолюбивымъ Никономъ. Сговорясь еще съ однимъ монахомъ, Никонъ бѣжалъ изъ Анзерскаго скита и основалъ свой собственный. Игуменомъ этого скита онъ посѣтилъ Москву, сдѣлался извѣстенъ царю Алексѣю Михайловичу и расположилъ его къ себѣ. Царь вызвалъ его въ Москву и сдѣлалъ настоятелемъ Новоспасскаго монастыря. Съ этого времени уже можно было предвидѣть, что набожный и крот-

(1) Максимовъ, 21.
(2) Филипповъ, 14—15.

кій Алексѣй Михайловичъ подчинится вліянію умнаго и властолюбиваго игумена. Никонъ дѣлается извѣстенъ Алексѣю Михайловичу во второй годъ его царствованія. Послѣ жизненная практика закалила характеръ Алексѣя, но въ это время онъ былъ еще мягокъ и доступенъ вліянію болѣе сильныхъ характеровъ. Скоро Никонъ дѣлается митрополитомъ новгородскимъ. При немъ возникаетъ мятежъ въ Новгородѣ, во время котораго Никонъ попался въ руки толпы и сильно пострадалъ. Въ 1652 г. умеръ патріархъ Іосифъ, и царь избралъ Никона на его мѣсто. Алексѣй Михайловичъ питалъ большое расположеніе къ Никону въ первые годы его патріаршества. Никонъ былъ воспріемникомъ его дѣтей. Уѣзжая въ походы, Алексѣй Михайловичъ оставлялъ на Никонѣ попеченіе о своемъ семействѣ. Никонъ нерѣдко имѣлъ голосъ въ дѣлахъ правленія и былъ всесиленъ какъ представитель церковной власти. Около этого времени открылись мощи св. Филиппа въ Соловкахъ. Каждый припомнитъ, что митр. Филиппъ, впавъ въ опалу у Ивана IV Васильевича, погибъ отъ руки приближеннаго царскаго опричника Малюты Скуратова. Дѣло внѣшнимъ образомъ началось съ ермолки, въ которой входилъ царь въ церковь, а митрополитъ быть въ ней въ церкви запрещалъ; но въ сущности раздоръ между царемъ и митрополитомъ шелъ изъ- за ограниченія духовной власти свѣтскою: въ это время митрополичьи дѣти боярскіе были сдѣланы изъ придворныхъ митрополита чѣмъ то въ родѣ государственныхъ чиновниковъ, зависѣвшихъ отъ граж-

данской власти и составлявшихъ изъ себя думу (1)— нѣчто въ родѣ нынѣшней консисторіи. Права архіереевъ имѣть дворъ были ограничены въ 1551 году. При Грозномъ начинаютъ созываться ежегодно въ Москву духовныя власти изъ разныхъ мѣстностей Россіи; этотъ соборъ—будущій Сунодъ, и который иностранцы уже называли сунодомъ (2)—также ограничивалъ власть митрополита. Въ тоже время учреждены были поповскіе старосты—будущіе «благочинные»—для наблюденія за нравственностью священниковъ, чтобы они не ходили въ кабаки и т. д. Вообще въ это время свѣтская власть дѣятельно вмѣшивается въ духовное управленіе, и если Иванъ III счелъ нужнымъ уступить митрополиту Геронтію, то Иванъ Грозный не уступилъ митрополиту Филиппу. Филиппъ поплатился жизнью за сопротивленіе. Восемьдесять лѣтъ слишкомъ покоилось тѣло его въ Соловецкомъ монастырѣ, когда въ митрополитство Никона въ Новгородѣ оно обрѣтено было нетлѣннымъ. Обрѣтеніе мощей св. Филиппа и торжественное отправленіе за нимъ духовной депутаціи изъ Москвы, представляетъ фактъ замѣчательный исторически въ томъ отношеніи, что по этому поводу кроткимъ царемъ Алексѣемъ была написана къ покойному митр. Филиппу «повинная» за Ивана IV. Въ этой повинной между прочимъ говорится: «теричины бо родительныя оскомины чадомъ различне творятъ» (3). Царь Алексѣй встрѣ-

(1) Лохвицкій. Очеркъ церковной администраціи, «Рус. Вѣст.», 1857.
(2) Акты изд. Тургеневымъ, стр. 258.
(3) Берхъ, Царст. Ал. Мих., II, 150.

тилъ мощи съ большимъ торжествомъ въ процессіи. Никонъ во всемъ этомъ дѣлѣ принималъ главное участіе. Онъ посланъ былъ во главѣ духовной и свѣтской депутаціи для препровожденія мощей въ Москву. Многозначительно то, что впослѣдствіи Никонъ подписывался: «Никонъ молитвами Пресвятыя Богородицы и чудотворца Филиппа патріархъ и т. д.» (1). Почему здѣсь упоминается только имя чудотворца, обрѣтеніе мощей котораго произошло въ то время, когда митрополитъ новгородскій Никонъ былъ въ сущности, по вліянію на дѣла, патріархомъ всероссійскимъ? Церковь чтитъ одинаково память московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа, и если бы русскій патріархъ счелъ нужнымъ ввести въ свое обращеніе всѣхъ четырехъ угодниковъ, то это еще могло быть найдено естественнымъ; но избраніе одного Филиппа не можетъ не показаться загадочною своеобразностью.

Человѣкъ, несомнѣнно заранѣе обдумавшій мѣры для борьбы съ свѣтскою властью, если бы въ ней представилась надобность, личность съ характеромъ непреклоннымъ и неуступчивымъ—Никонъ, явясь на патріаршемъ престолѣ, скоро выказался чѣмъ онъ былъ. Все прошедшее его говорило преимущественно о крутомъ, рѣзкомъ нравѣ. Двѣнадцатитѣтнимъ мальчикомъ онъ уходитъ отъ родителей въ Желтоводскій Макарьевскій монастырь и возвращается къ нимъ лишь пять лѣтъ спустя. Закаленный съ дѣтства въ монастырской жизни, онъ,

(1) Акты Ист., IV стр. 191.

будучи священникомъ въ Москвѣ, постригается въ монахи. Но и въ Анзерскомъ скиту онъ неладитъ съ настоятелемъ Елеазаромъ. Его нравъ навлекаетъ ему непріятелей, его не любятъ. «Вотъ какія времена пришли: и Никонъ въ митрополитахъ!» сказалъ бывшій на покоѣ старецъ, новгородскій митрополитъ Аѳоній, когда представился ему новопосвященный на его мѣсто Никонъ. Тотъ же Аѳоній просилъ, чтобы погребалъ его не Никонъ, а псковскій архіерей (1). Никонъ сдѣлался патріархомъ и теперь многіе почувствовали его руку. Пользуясь расположеніемъ царя, онъ обращался гордо и иногда самовластно съ боярами. Онъ отнялъ у бояръ пять возовъ музыкальныхъ инструментовъ и сжегъ ихъ на Замоскворѣчьи. У нѣкоторыхъ изъ знатныхъ лицъ, начинавшихъ жить по европейски, были выписанные изъ заграницы образа святыхъ: Никонъ обобралъ эти образа у владѣльцевъ и велѣлъ часть ихъ переломать и закопать въ землю, такъ какъ они были не русскаго письма. Онъ даже запрещалъ боярамъ часто умываться, говоря, что такъ дѣлаютъ турки (2). Ив. Ник. Романовъ, близкій родственникъ царя, жилъ уже до извѣстной степени по-европейски: ѣздилъ на охоту окруженный людьми, одѣтыми въ европейское платье, и нерѣдко самъ надѣвалъ его; одѣлъ своихъ лакеевъ въ ливрею. Никонъ попросилъ ливрей себѣ какъ бы для того, чтобы по нимъ сдѣлать одежду для своихъ служекъ и изрѣзалъ ихъ въ куски. Такъ могъ

(1) Филиповъ, 15—16.
(2) Берхъ, Царст. Ал. Мих. I, 221.

Никонъ обращаться съ лицами близкими къ царю лишь потому, что былъ въ большой силѣ у царя.

Съ властолюбіемъ, отличительною чертою Никона было тщеславіе. Есть положительное извѣстіе, что, имѣя въ виду примѣръ вселенскихъ восточныхъ патріарховъ, писавшихся иногда и «папами,» Никонъ хотѣлъ носить званіе папы и что даже у него были готовы всѣ папскія регаліи (1). Оставалось только достигнуть согласія царя. Но Алексѣю Михайловичу представили, что царю нельзя будетъ жить въ одномъ городѣ съ папою, и согласіе не было дано. Это было впрочемъ впослѣдствіи, когда уже начинался разладъ между царемъ и патріархомъ. Съ Никона русскіе патріархи начинаютъ называться святѣйшими. Тщеславіе Никона особенно обнаруживается въ нѣкоторыхъ изъ его граматъ. Такъ въ одной изъ нихъ, предупреждая о пріѣздѣ царя и своемъ въ Иверскій монастырь, онъ предписываетъ, чтобы тамъ все было во время посѣщенія «изрядно и дивно». Это выраженіе «изрядно и дивно» повторяется раза четыре въ граматѣ. Сообщая, что царь по всей вѣроятности посѣтитъ пустынниковъ, Никонъ приказываетъ прочистить дорогу къ пустынникамъ саженп на три «да и число пустынниковъ умножить хотя до 10» (2). Давъ приказъ объ этомъ наборѣ отшельниковъ на случай, Никонъ говоритъ, чтобы въ монастырѣ было выбрано 12 человѣкъ изъ братіи для произнесенія предъ государемъ встрѣчной рѣчи—краткой, богословской

(1) Берхъ, Царст. Ал. Мих. I, 224.
(2) Акты Ист. IV, стр. 252.

и похвальной; такую же рѣчь должно было произнести передъ патріархомъ. Велѣно было также выбрать 12 дѣтей и убрать ихъ лучше для произнесенія привѣтствія при встрѣчѣ и при прощаніи. Самолюбіе Никона было оскорблено, когда разъ иностранецъ не снялъ передъ нимъ на улицѣ шапки: вышелъ указъ, которымъ повелѣвалось всѣмъ иностранцамъ носить платье каждому своей страны. До тѣхъ поръ иностранцы носили русское платье въ Москвѣ; теперь они должны были вынуть изъ сундуковъ давно лежавшее тамъ платье самыхъ разнообразныхъ фасоновъ и старинныхъ модъ. Этотъ невольный маскарадъ, выставлявшій на посмѣшище людей, изъ которыхъ одинъ осмѣлился провиниться предъ патріархомъ, продолжался до слѣдующей навигаціи, когда привезенъ былъ запасъ платья изъ заграницы. Никонъ вообще не жаловалъ иностранцевъ, отъ которыхъ шли нововведенія, подвергавшіяся его преслѣдованіямъ въ средѣ русскихъ бояръ. Такъ знатнаго иностранца Марселиса патріархъ высѣкъ кнутомъ за куреніе табаку (¹). Вѣротерпимости Никонъ не признавалъ: иностранцы, не хотѣвшіе креститься, были выселены въ Москвѣ и другихъ городахъ за городскія стѣны; церкви ихъ и мечети были уничтожены. Соображая все, нельзя видѣть въ этой невѣротерпимости результатъ приверженности къ своему и къ старымъ порядкамъ. Это было скорѣе преслѣдованіе людей, стоявшихъ внѣ власти Никона, какъ патріарха, и иногда рѣшавшихся показывать это. Тотъ же Никонъ впо-

(¹) Берхъ, Царст. Мих. Θед., I, 241.

слѣдствіи борется съ установившимися порядками и окружаетъ себя—по удаленіи изъ Москвы иностранцами.

Крутой нравъ Никона не зналъ предѣловъ. По его приказанію даже собственный его духовникъ былъ мучимъ и изувѣченъ. Это впослѣдствіи было одною изъ причинъ осужденія Никона соборомъ (1). Во дворцѣ на женской половинѣ не любили Никона: и тамъ давалъ себя чувствовать его нравъ. Наконецъ Никонъ рѣшился вступить въ состязаніе съ самимъ царемъ.

Недоразумѣнія между царемъ и патріархомъ начались со времени польской войны, въ 1656 г. Иностранцы-писатели: Страленбергъ, Кельхъ и Гадебушъ положительно говорятъ, что Никонъ бралъ деньги съ польскаго короля и австрійскаго посла (2)—очевидно, чтобы дѣйствовать въ видахъ того и другаго. Никону приписывали даже возбужденіе мятежа въ Москвѣ изъ своекорыстныхъ цѣлей. Какъ бы то ни было, но его перестали приглашать въ боярскій совѣтъ. Онъ обидѣлся и сталъ требовать себѣ мѣста въ совѣтѣ на томъ основаніи, что патріархъ Филаретъ засѣдалъ тамъ и принималъ участіе въ рѣшеніи свѣтскихъ дѣлъ. Ему дали замѣтить, что Филаретъ засѣдалъ въ боярскомъ совѣтѣ не какъ патріархъ, а какъ отецъ государя. Никонъ этимъ не удовольствовался. Окончательно разрывъ между Никономъ и Алексѣемъ Михайловичемъ произошелъ вслѣдствіе явнаго посягатель-

(1) Берхъ, Царст. Ал. Мих., I, 219.
(2) Берхъ, Царст. Ал. Мих., I, 202.

ства Никона стѣснить свободу дѣйствій царя. Алексѣй Михайловичъ не желалъ простить одного помѣщика, обвинявшагося въ убійствѣ брата и невѣстки съ корыстною цѣлью. Царскій духовникъ ходатайствовалъ за убійцу, и когда ходатайство не привело ни къ чему, отлучилъ строго-религіознаго царя отъ причастія. Царь говоритъ объ этомъ Никону; тотъ довольный, что представился случай показать свою силу, нашелъ, что священникъ поступилъ какъ слѣдуетъ, и не далъ разрѣшенія. Когда князь Ю. А. Долгорукій добился, отчасти противъ воли самаго Алексѣя Михайловича, что духовникъ разрѣшилъ царю пріобщеніе св. тайнъ, то Никонъ сталъ торжественно проклинать кн. Долгорукаго.

Все это произвело окончательное охлажденіе между царемъ и патріархомъ.

10 іюня 1658 г., *въ день положенія ризы Господней*, Никонъ отслужилъ литургію въ Успенскомъ соборѣ и, поставивъ затѣмъ посохъ свой въ алтарѣ, объявилъ, что оставляетъ патріаршій престолъ. Народъ смутился неожиданнымъ объявленіемъ; нѣкоторые рѣшились не выпускать патріарха изъ церкви и заперли двери. Послѣдовало объясненіе между Никономъ и посланнымъ отъ царя, кн. Трубецкимъ, нашедшимъ патріарха сидящимъ на низшей ступенькѣ патріаршаго мѣста въ черномъ монашескомъ клобукѣ. Объясненіе кончилось тѣмъ, что Никонъ, получивъ дозволеніе, выѣхалъ въ Воскресенскій монастырь въ двухъ плетеныхъ кибиткахъ, оставивъ подаренную ему царемъ карету въ с. Черневѣ.

Въ Воскресенскомъ монастырѣ Никонъ не успокоился. Онъ разсылалъ грамоты, въ которыхъ на-

зывалъ себя Великимъ Государемъ (по примѣру патр. Филарета), отнималъ у сосѣдей помѣстья и, какъ доносилъ стольникъ Баборыкинъ, проклиналъ даже царя. Послѣдній донось вызвалъ слѣдствіе. Никонъ принялъ пріѣхавшихъ слѣдователей грубо. Назвалъ митр. Паисія воромъ, собакою, мужикомъ: говорилъ, что тотъ далъ ему, Никону, обѣщаніе «не слушаться царя» (1). Боярину Одоевскому Никонъ говорилъ, что онъ еще патріархъ, хотя тотъ показывалъ ему письмо, гдѣ Никонъ, отказываясь отъ патріаршества, говоритъ, что «яко песъ на своя блевотины не возвратится» (2). Слѣдствіе открыло, что у Никона заготовлена была бумага, которою онъ хотѣлъ отлучить царя Алексѣя Михайловича отъ церкви.

Затѣмъ неожиданно Никонъ является въ Москву, входитъ къ заутрени въ Успенскій соборъ, беретъ свой жезлъ и служитъ съ ростовскимъ митрополитомъ Іоною литургію. Послѣдовалъ запросъ: зачѣмъ Никонъ пріѣхалъ въ Москву безъ царскаго вѣдома? Никонъ отвѣчалъ, что принесъ миръ и благословеніе государю. Несмотря на то, его попросили удалиться. Никонъ отвѣчалъ текстомъ, что онъ отрясаетъ прахъ съ ногъ своихъ тамъ, гдѣ его не пріемлютъ. Полковникъ, назначенный въ спутники ему, любезно замѣтилъ, что «этотъ прахъ подметутъ.» На это Никонъ замѣтилъ: «размететъ васъ метла, явившаяся на небеси, хвостоватая звѣзда». Въ то время видна была комета.

---

(1) Берхъ. Царст. Ал. Мих. I, 209—210.

(2) Берхъ, Царст. Ал. Мих., I, 210.

Очевидно, узнавъ о скоромъ пріѣздѣ для суда надъ нимъ вселенскихъ патріарховъ, Никонъ хотѣлъ вновь сойдись съ царемъ и отвратить грозу. Попытка неудалась. Патріаршій жезлъ былъ отобранъ у него почти силою. Между тѣмъ на него получались новые доносы; между прочимъ одинъ изъ двухъ новообращенныхъ евреевъ донесъ о томъ, что Никонъ отнялъ у нихъ женъ и живетъ съ ними въ связи.

Насталъ соборъ для суда надъ Никономъ. Никонъ настоялъ, чтобы ему идти на соборъ предшествуемому крестомъ, и въ досадѣ, что ему не приготовили на соборѣ мѣста, подобающаго патріарху, простоялъ во все время чтенія обвинительныхъ актовъ противъ него. Чтеніе этихъ бумагъ продолжалось 12 часовъ. Соборъ осудилъ Никона.

Паденіе Никона было отчасти вызвано и личною враждою, которую онъ успѣлъ возбудить противъ себя. Духовенство не могло любить его потому, что онъ билъ даже архіереевъ и анаѳемствовалъ противъ нихъ (¹). Бояре ненавидѣли его. Стрѣшневъ далъ своей собакѣ кличку «Никонъ». Тѣмъ не менѣе, не смотря на общее нерасположеніе къ Никону и на его государственныя преступленія, съ нимъ поступили очень мягко: его только лишили патріаршаго сана и удалили въ Ѳерапонтовъ монастырь. Алексѣй Михайловичъ, назначившій Никона патріархомъ по собственному выбору, до того разочаровался этимъ выборомъ, что съ этого времени положилъ назначать патріарховъ только по жребію.

(¹) Берхъ, Царст. Ал. Мих., I, 224, 219.

Впослѣдствіи шли новые доносы на Никона. Доносили, что онъ пьетъ, обрубаетъ птицамъ головы, ноги и крылья за то, что онѣ ѣли его рыбу и т. д. Въ 1676 г. запрещено было давать Никону чернилъ и бумаги. Но царь Ѳедоръ Алексѣевичъ имѣлъ мысль вновь возвысить Никона, сдѣлать его папою и подъ нимъ четырехъ патріарховъ. Ѳедоръ ходатайствовалъ уже у вселенскихъ патріарховъ о возвращеніи Никону прежняго сана. Но бояре отсовѣтовали царю привести его планъ въ исполненіе, представляя, что возвышеніе Никона было бы оскорбленіемъ памяти Алексѣя Михайловича, осудившаго его. Тѣмъ не менѣе рѣшено было возвратить изъ ссылки бывшаго патріарха. Очень можетъ быть, что расколъ, враждовавшій сначала лично противъ Никона, но потомъ принявшій политическій и противоправительственный оттѣнокъ (главные расколоучители были сожжены въ 1681 году), былъ причиною возвращенія царской милости Никону. Но Никонъ уже не могъ воспользоваться ею. Онъ умеръ на дорогѣ изъ ссылки, въ Ярославлѣ. При погребеніи его пѣлъ самъ царь, въ процесіи несли саженныя свѣчи, и все высшее духовенство, въ ризахъ изъ богатыхъ китайскихъ матерій, было на погребеніи. Ѳедоръ Алексѣевичъ просилъ вселенскихъ патріарховъ и получилъ ихъ согласіе, чтобы низложеніе Никона было отмѣнено и чтобы онъ считался въ числѣ русскихъ патріарховъ.

Мы кинули бѣглый взглядъ на замѣчательную жизнь—жизнь человѣка, благодаря которому расколъ явился на русской землѣ ранѣе того времени, ког-

да должно было ему явиться по ходу событій. Расколъ былъ слѣдствіямъ нововведеній во всѣхъ сферахъ жизни, и существованіе его, какъ опозиціоннаго элемента при Петрѣ I, вполнѣ естественно. Если же онъ является полувѣкомъ прежде и не какъ опозиція внутреннимъ реформамъ, а схватывается за церковно-обрядовыя мелочи и вдается въ область изувѣрства, то этимъ мы обязаны человѣку, самовластіе котораго въ дѣлахъ, подлежащихъ суду совѣсти, и крутыя мѣры ожесточили многихъ не только въ народной массѣ, но и въ духовенствѣ. «Ничтоже тако расколъ творитъ въ церквахъ, якоже любоначаліе во властѣхъ», пишетъ протоп. Аввакумъ въ челобитной къ царю Алексѣю Михайловичу (1), и могли ли расколоучители не обвинять въ любоначаліи Никона, когда самъ соборъ 1667 г. обвинилъ его въ анаѳемствованіи архіереевъ, въ изувѣченьи собственнаго духовника и въ безслѣдной погибели Павла, бывшаго епископа Коломенскаго. Жестокими и крутыми мѣрами Никонъ вызвалъ опозицію многими годами раньше, чѣмъ ей слѣдовало явиться по историческому ходу вещей, а характеръ преслѣдованія придалъ опозиціи тѣ фанатическія формы, которыми отличается расколъ XVII столѣтія.

---

(1) Русскій Архивъ, 1864, стр. 27.

V.

НАЧАЛО РАСКОЛА.

Мы видѣли, какъ вопросъ объ исправленіи церковныхъ книгъ постепенно выдвигался впередъ по мѣрѣ того, какъ въ Москвѣ утверждалось единоначаліе—церковное и гражданское. То приступали къ исправленію книгъ, то оставляли его: то торжествовало единоначаліе съ его объединительными формами, то брали верхъ мѣстные элементы и преданія старины. Съ начала XVII ст. эта борьба ведется судорожно, толчками, кризисами. Отбираются и жгутся книги, изданныя нѣсколько лѣтъ назадъ; преслѣдуются какъ неправыя и еретическія книги, вышедшія лишь предъ тѣмъ въ большомъ числѣ экземпляровъ и разошедшіяся въ народной массѣ съ разрѣшенія высшей духовной власти. Но если напр. Филаретъ сожигаетъ требникъ, изданный до его патріаршества, и Никонъ преслѣдуетъ книги, изданныя при патр. Іосифѣ; если соборъ 1667 г. постановляетъ, что «Стоглавый соборъ не въ соборъ и клятва не въ клятву»—то этимъ дѣло еще не ограничивается. Никонъ возстаетъ самъ на себя: онъ объявляетъ еретическою Кормчую книгу,

изданную имъ же самимъ. Правда, эта книга была приготовлена къ выпуску еще при патр. Іосифѣ и Никонъ только прибавилъ отъ себя предисловіе и измѣнилъ въ ней одну страницу, чтобы поставить годъ изданія; но этимъ самымъ онъ дѣлался издателемъ книги и принималъ всю отвѣтственность на себя, а между тѣмъ самъ же послѣ всенародно называлъ ее еретическою (¹).

Чему же было вѣрить? Что признавать за непогрѣшимое? Авторитеты падали, низвергаемые другими авторитетами, и даже заносили руку на самихъ себя. Соблазнъ былъ великъ.

При этихъ обстоятельствахъ не могъ не возникнуть религіозный раздоръ, который въ царствованіе Петра I принимаетъ политическій характеръ, а въ царствованіе Екатерины II—соціальный.

Усиленію этого церковнаго раздора много содѣйствовало колебаніе въ самихъ высшихъ духовной и свѣтской сферахъ при началѣ его. Нетолько женская половина царскаго семейства благоволитъ къ врагамъ Никона, но и самъ царь Алексѣй Михайловичъ очень милостиво обходится съ главными расколоучителями, какъ напр. съ протопопомъ Аввакумомъ. Удаляется изъ Москвы Никонъ—возвращаютъ послѣ шестилѣтней ссылки Аввакума: этимъ въ глазахъ многихъ придается вѣроятіе толкамъ, что съ расколоучителями предъ тѣмъ поступлено было строго, не какъ съ противниками церковныхъ исправленій, а именно какъ съ врагами Никона.

Только буйство, которое дозволяли себѣ нѣкоторые

(¹) Берхъ, Царств. Ал. Мих., I, 218—219.

изъ расколоучителей, напр. громогласное запрещеніе пѣнія тройной аллилуи во время службы въ Успенскомъ соборѣ и т. д.,—повело къ вторичной ссылкѣ ихъ. Богатые люди и многіе изъ знати оказываютъ явное расположеніе расколоучителямъ. Морозовы, Салтыковы слѣдуютъ въ этомъ случаѣ только примѣру, подаваемому изъ царскаго терема. Павелъ, епископъ коломенскій, явно возстаетъ противъ рѣшеній Никона. Изъ 35 духовныхъ лицъ, бывшихъ на соборѣ, созваномъ Никономъ для исправленія книгъ, 6 не подписалось подъ постановленіями собора. Но явно возсталъ только одинъ епископъ Павелъ. Никонъ ожесточенно преслѣдовалъ его, лишилъ сана и сослалъ въ Палеостровскій монастырь. Тамъ Павелъ погибъ безвѣстно. Раскольники говорили, что его сожгли по приказанію Никона. Поступокъ Никона съ епископомъ Павломъ былъ осужденъ соборомъ. Въ этомъ не могли не видѣть подтвержденія своего мнѣнія тѣ, кто считалъ Павла мученикомъ. Менѣе рѣзко и явно возстали противъ исправленій Никона: Макарій, архіепископъ новгородскій, Маркеллъ, епископъ вологодскій и Александръ, епископъ вятскій. Макарій и Александръ на соборѣ признали исправленія, но по возвращеніи ихъ въ свои епархіи на нихъ повліялъ духъ ихъ паствъ. Духовенство, окружавшее новгородскаго митрополита, уговорило его не вводить никоновскихъ книгъ въ употребленіе и оставить все въ прежнемъ порядкѣ. Такъ было и сдѣлано: новыя книги положены были въ кладовыя

и оставались нетронутыми во все десятилѣтнее митрополитство Макарія (1).

Такимъ образомъ тамъ, гдѣ впослѣдствіи явился центръ поповщины—въ Москвѣ—при началѣ раскола были замѣтны колебанія въ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сферахъ; а сѣверъ Россіи, впослѣдствіи принявшій ученіе безпоповщины, съ перваго появленія раскола протестовалъ противъ Никона въ лицѣ трехъ своихъ главныхъ іерарховъ.

Какъ видимъ, расколъ, какъ плодъ религіознаго раздора, начинается въ высшихъ сферахъ и затѣмъ нисходитъ въ низшія. Въ это время послѣдователи его борятся преимущественно, по выраженію протопопа Аввакума, съ «любопачаліемъ», истекающимъ главнымъ образомъ отъ высшей духовной власти при Никонѣ. Расколъ, какъ политическая опозиція внутреннимъ реформамъ, является лишь съ Петра I: тогда онъ борется съ заимствованіями у запада и коренится преимущественно въ низшихъ класахъ населенія. Расколъ при Екатеринѣ II, какъ соціально-промышленная община, является выраженіемъ самодѣятельности кореннаго русскаго населенія, забытаго и забитаго при реформахъ Петра I: онъ коренится въ рядахъ людей, умѣвшихъ изъ низкаго состоянія достигнуть вѣса и вліянія на массы населенія, стоя совершенно внѣ офиціальной дѣятельности.

Патріархъ Іосифъ крестился двумя перстами. Такъ крестился въ началѣ и Никонъ, такъ крестилась масса русскаго населенія, такъ креститься положе-

(1) Филиповъ, 80.

но было Стоглавымъ соборомъ. Были ли изданныя постановленія этого собора дѣйствительно утверждены имъ, или нѣтъ—это все равно: въ массѣ населенія эти постановленія принимались за соборныя. Съ митрополита Даніила въ русскомъ духовенствѣ было много поборниковъ двухперстнаго знаменія. Въ этомъ русское духовенство разнилось отъ греческаго. Греческая церковь признавала трехперстное знаменіе и видѣла въ двухперстномъ отступленіе русской церкви. Іерусалимскій патріархъ Паисій въ 1649 году упрекалъ русское духовенство въ этомъ отступленіи. Аѳонскіе монахи даже предали двухперстное знаменіе . проклятію. Митрополитъ Назаретскій и патріархъ Константинопольскій также изобличали русскую церковь въ отступленіяхъ. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича вліяніе греческаго духовенства на Москву, чрезъ южную Россію и Кіевъ, начинало становиться ощутительнымъ. Духовное образованіе прививалось въ сѣверовосточной Россіи при посредствѣ людей, образовавшихся въ училищахъ югозападной Россіи, устроенныхъ подъ вліяніемъ латинскаго запада, но еще болѣе единовѣрнаго греческаго востока. Въ 1648 г. основано было около Москвы ближнимъ царю боярином Ртищевымъ ученое общество для перевода и изданія церковныхъ книгъ. Это было предварительною ступенью къ окончательному исправленію церковныхъ книгъ. Тутъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ югозападный уроженецъ Епифаній Славенецкій. Основаніемъ исправленія должны были служить греческія книги. Отступленія, сдѣланныя въ русской церкви, очевидно, должны

были подлежать отмѣнѣ, если за норму принимался греческій текстъ. Эти отступленія укоренились временемъ; вступать въ борьбу съ ними было не легко. Со стороны высшей власти было естественно желать, чтобы за норму при исправленіи книгъ, вызванномъ введеніемъ единства формъ, былъ тотъ источникъ, откуда Россія заимствовала христіанскую вѣру, упрочившую монархическую власть на русской землѣ. Но съ другой стороны отступленія въ обрядахъ такъ укоренились въ Россіи, что нужно было много силы воли, чтобы приступить къ окончательному исправленію. Признать отступленія русской Церкви за правильныя—значило объявить схизму. И притомъ какія отступленія должно было принять, какія отмѣнить, гдѣ былъ предѣлъ отступленіямъ? Въ Руси раздробленной и удѣльной объ этомъ могло не быть рѣчи; въ Россіи объединенной непремѣнно должна была явиться норма и сама собою заходила рѣчь объ отступленіяхъ отъ этой нормы. Какъ скоро принимался за образецъ греческій текстъ—дѣло было просто; если бы пришлось узаконить отступленія—на долю законодателя выпала бы трудная работа: примирить иногда противоположныя отступленія было бы также трудно, какъ устранить столкновеніе мѣстныхъ интересовъ. Исправленіе по греческому тексту такимъ образомъ естественно вытекало изъ самаго существованія объединительной власти.

Не всякій представитель высшей духовной власти могъ приступить къ выполненію этого дѣла. Патріархъ Іосифъ опасался, что его отставятъ, и очень вѣроятно, что этотъ кроткій архипастырь скорѣе

удалился бы на покой, чѣмъ вступить въ борьбу съ стариною, хотя бы, на основаніи правилъ греческой Церкви, она и была неправа. Пріемникъ его Никонъ былъ другой человѣкъ. Онъ крестился двумя перстами; но когда греческій іерархъ сказалъ ему, что это неправильно, онъ началъ креститься тремя. Начавъ исправленіе съ себя, онъ не отступилъ предъ исправленіемъ другихъ. Двухперстное знаменіе признается неправымъ; сугубая аллилуія—также. Четырехконечный крестъ чтится на глазахъ тѣхъ, кто считалъ возможнымъ поклоняться лишь восьмиконечному. Вмѣсто семи просфоръ вводится служеніе на пяти. Всѣ эти исправленія кажутся нововведеніями для многихъ и озадачиваютъ ихъ. Никонъ не ограничивается этимъ, онъ вводитъ перемѣны во второстепенныхъ подробностяхъ: поклоны въ землю воспрещены—вмѣсто нихъ предписаны только поясные (1). Возникаетъ раздраженіе противъ патріарха, переходящее въ ожесточеніе. Главными врагами Никона являются священники Иванъ Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и Никита. Эти представители бѣлаго духовенства при предшественникѣ Никона засѣдали въ патріаршемъ совѣтѣ и наблюдали за печатаніемъ книгъ. Преслѣдованіе книгъ, выпущенныхъ ими, возбудило сильную вражду въ нихъ къ Никону. 6,000 экземпляровъ книгъ, изданныхъ ими и разошедшихся въ народной массѣ, должны были доставить имъ много приверженцевъ. Противники Никона были также люди съ энергіею и съ силою воли, какъ онъ самъ.

(1) Аввакумъ, 21.

Ненадобно забывать также, что это были люди начитанные и образованнѣйшіе изъ духовныхъ того времени, тогда какъ Никонъ въ молодости учился мало и только впослѣдствіи нѣсколько расширилъ кругъ своихъ знаній усидчивымъ чтеніемъ. Грамоты, написанныя имъ, своимъ тяжеловатымъ и растянутымъ слогомъ доказываютъ, что онъ не былъ силенъ и въ діалектикѣ, между тѣмъ какъ противники его были искусны въ ней. Никонъ бралъ силою характера; но стоитъ лишь бросить бѣглый взглядъ на главныхъ изъ первыхъ расколоучителей, чтобы увидѣть, что и въ этомъ отношеніи они могли съ нимъ помѣряться.

Первою и типическою личностью выступаетъ предъ нами протопопъ Аввакумъ. Это былъ человѣкъ желѣзной воли и непреклоннаго, неуступчиваго характера, фанатикъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и въ защитѣ своихъ убѣжденій. Въ приходъ, гдѣ онъ былъ священникомъ, приходятъ музыканты съ медвѣдями. Аввакумъ считаетъ такое скоромошество грѣхомъ. Безъ дальнихъ околичностей онъ ломаетъ маски и бубны; одинъ медвѣдь избитъ имъ, другой выпущенъ въ поле. Въ другой разъ призываютъ его благословить сына одного важнаго боярина. У боярскаго сына выбрита борода—этого довольно, чтобы Аввакумъ наотрѣзъ отказалъ въ благословеніи: выбритая борода, по выраженію Аввакума,—«блудоносный образъ» (1). Разъ Аввакумъ рѣшился унимать блудъ по сосѣдству; до полутора тысячи мужиковъ и бабъ окружили его и сильно

(1) Аввакумъ, 16.

избили за такую попытку. Въ Тобольскѣ Аввакумъ съ мѣстнымъ архіереемъ велѣли тѣло сына боярина Петра Бекетова кинуть на улицу собакамъ (1). Во всѣхъ этихъ поступкахъ видѣнъ человѣкъ, не отступавшій ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ, если его задѣвали заживое. Явное расположеніе женской половины царскаго семейства (Аввакумъ говоритъ о спорахъ царя Алексѣя Михайловича съ супругою изъ-за старообрядцевъ), сочувствіе бояръ, большинство которыхъ было враждебно Никону, и нерѣшительность въ характерѣ Алексѣя Михайловича,— все это много содѣйствовало тому, что личный врагъ Никона—Аввакумъ пріобрѣлъ большой вѣсъ и сдѣлался предводителемъ большой партіи. У Аввакума были подобные же сподвижники: Логинъ, когда его разстригли изъ священниковъ, плевалъ черезъ порогъ въ алтарь на Никона и снявъ съ себя рубашку бросилъ ее ему въ глаза. Надобно замѣтить, что эта сцена происходила въ присутствіи царицы (2). Священникъ Нероновъ, по удаленіи Никона, дозволялъ себѣ останавливать службу въ Успенскомъ соборѣ, когда пѣли тройную аллилуію и запрещалъ пѣть ее (3). Каковы были расколоучители, таковы и многіе изъ ихъ послѣдователей. Когда въ Ниловой пустынѣ стали служить на пяти просфорахъ по новому положенію, предстоящіе воспротивились. Пономарь ударилъ священника кадиломъ съ горячими угольями въ голову такъ, что уголья разле-

---

(1) Тамъ же, 29.
(2) Тамъ же, 25.
(3) Муравьевъ, 71.

тѣлись. Затѣмъ послѣдовала общая схватка въ церкви. Сильнѣе всего оказано было сопротивленіе никоновскимъ постановленіямъ на русскихъ окраинахъ: на югѣ и на сѣверѣ. Бунтъ Стеньки Разина находится въ такой же исторической связи съ окончательнымъ закрѣпощеніемъ крестьянства (Уложеніемъ 1649 г.), какъ и съ церковными реформами Никона. Недаромъ Стенька Разинъ приходилъ въ 1661 г. въ Соловки на богомолье (¹). Въ Соловецкомъ монастырѣ сопротивленіе церковнымъ реформамъ превратилось въ открытое возстаніе какъ скоро сподвижники Разина, разсѣянные на югѣ, явились на сѣверѣ. Надобно замѣтить кромѣ того, что предъ самымъ возмущеніемъ до 150 раскольниковъ было сослано на житье въ Соловки. Соловецкіе монахи сначала отказались принять новопечатныя книги и ходатайствовали въ Москвѣ, чтобы ихъ оставили при старыхъ. Основаніе у нихъ было тоже, какъ и у прочихъ послѣдователей церковной старины. «Если мы раскольники—писалъ протопопъ Аввакумъ къ царю Алексѣю Михайловичу:—то и св. отцы, и цари, и патріархи также были раскольники». Словомъ, по мнѣнію расколоучителей, пусть прежде молились по худымъ книгамъ; но если молились и спасались, то отчего не остаться при старомъ? Ходатайство соловецкихъ монаховъ не было уважено. Вспыхнуло возмущеніе. Сначала монахи, покидавъ книги въ море и сжегши доски отъ нихъ, еще поминали на службахъ царское имя; но когда въ стѣнахъ монастыря явились изъ Астрахани сподъ-

(¹) Чтенія, 1867, I, Казанскій, стр. 2.

вижники Разина, Ѳаддей Бородинъ и Иванъ Сарафановъ съ толпою людей, сопротивленіе приняло характеръ открытой борьбы съ правительствомъ. Царскіе воеводы 10 лѣтъ осаждали монастырь. Духовные принимали дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Архим. Никаноръ, по показанію чернаго попа Митрофана, кадилъ на стѣнахъ и, обращаясь къ пушкамъ, говорилъ: «Матушки мои, галаночки (пушки привозились изъ Голландіи)! одна надежа у насъ на васъ: вы насъ оборонite» (¹). Онъ же, наводя зрительную трубу на осаждавшихъ—указывалъ куда стрѣлять. Историкъ этой десятилѣтней осады—самъ одинъ изъ главныхъ послѣдователей раскола—Семенъ Денисовъ сравниваетъ ее съ троянскою войною. Дѣйствительно есть нѣчто сходное между ними и во всякомъ случаѣ сравненіе нельзя не назвать остроумнымъ. Осада продолжается 10 лѣтъ. Лѣтомъ ведется борьба; зимою на этомъ далекомъ сѣверѣ все оковано льдомъ и покрыто снѣгомъ; людямъ не до борьбы, наступаетъ перемиріе. Горсть людей,—Денисовъ насчитываетъ 1500 человѣкъ, но другіе называютъ эту цифру очень преувеличенною,—борется 10 лѣтъ съ правительствомъ, обладавшимъ средствами, которыми можно было ихъ раздавить. Послѣдняго неравенства силъ не было даже у Греціи и Трои, но за то у царскихъ воеводъ было очень мало Ахилловъ и Аяксовъ, а въ Соловецкомъ монастырѣ много Гекторовъ. Наконецъ осажденные потеряли своихъ главныхъ предводителей—келарь Азарій и Ѳаддѣй Бородинъ захвачены

(¹) Акты Ист. IV, 248.

были на морѣ. Участь монастыря рѣшилась при помощи чего-то въ родѣ Улиссова коня: осаждавшіе были впущены тайно ночью въ монастырь и въ расплохъ накрыли осажденныхъ.

Сначала въ Москвѣ мало знали о раскольникахъ. Велась борьба между Никономъ и частью чернаго и бѣлаго духовенства. Знали, что многіе изъ враговъ Никона были казнены, у другихъ отрѣзанъ языкъ, третьи сосланы въ ссылку. Но мало знали о томъ, что сѣмена, брошенныя въ Москвѣ, дали плодъ на всемъ пространствѣ Россіи, что число послѣдователей раскола увеличивается. Сначала всѣхъ раскольниковъ называли въ Москвѣ *капитонами*, отъ черпеца Капитона, распространявшаго расколъ, но скоро увидѣли, что Капитонъ былъ лишь одинъ изъ многихъ, что расколъ проникъ всюду. Павелъ, бывшій епископъ коломенскій, сосланный въ Палеостровскій монастырь, училъ въ этомъ малолюдномъ краѣ Онежскаго прибрежья твердому стоянію въ старой вѣрѣ, и многіе, убѣгая изъ внутренней Россіи отъ преслѣдованія, собрались теперь въ этихъ малолюдныхъ мѣстностяхъ и устраивали пустынническіе скиты.

Расколоучители, гонимые Никономъ и проклиная его въ отвѣтъ, произнесли слово «антихристъ». Оно было принято ихъ послѣдователями. Въ толпѣ прошелось, что Никонъ антихристъ. Находили подтвержденіе этому въ Апокалипсисѣ. Толковали, что число антихристово 666, и такъ какъ въ то время приближался 1666 г., то вѣра въ пришествіе антихриста усилилась. Расколоучители распускали въ народѣ, что Никонъ богохульникъ, что у него на

внутренней подошвѣ одной туфли вышитъ образъ Богоматери и на другой — осьмиконечный крестъ. Замѣчанія Никона, что по апостоламъ не нужно молиться на колѣняхъ, а довольно кланяться въ поясъ; что юродивые не что иное, какъ бѣшеные и ихъ не слѣдуетъ писать на иконахъ (¹)—подтверждали въ глазахъ народной толпы эти толки. Вѣрили въ пришествіе антихриста и ждали страшнаго суда. Распространена была вѣра, что антихристъ процарствуетъ по Апокалипсису лишь два съ половиною года. Палъ Никонъ, но преслѣдованія раскола не ослабѣли, и когда наступилъ страшный 1666-й и послѣдующіе за нимъ годы, то напряженіе суевѣрныхъ ожиданій достигло крайней степени. Издавна господствовало убѣжденіе, что страшный судъ будетъ съ суботы на воскресенье въ полночь предъ масляницею. Оно по всей вѣроятности было слѣдствіемъ совершавшагося въ старину обряда страшнаго суда въ это время на площади Успенскаго собора. Теперь, въ пророческіе годы, особенно въ поволжьи ожиданіе страшнаго суда было сильно. Прибѣгали къ запащиванью, творили молитвы. Въ ночь предъ масляницею и предъ Троицынымъ днемъ (на этотъ день также ожидали наступленія страшнаго суда) въ нижегородскомъ поволжьи надѣвали рубахи, саваны и, ложась въ долбленые гробы, пѣли заунывныя пѣсни. Иные сами себя отпѣвали.

Когда расколъ оказалъ противодѣйствіе силѣ силою—въ Москвѣ начали понимать возможность по-

---

(¹) Максимовъ, 56.

слѣдствій распри, имѣвшей сначала исключительно религіозный характеръ. Скоро сопротивленіе обнаружилось и въ Москвѣ. Начинаются стрѣлецкіе бунты и стрѣльцы даютъ понять, что они стоятъ за дѣло соловецкихъ монаховъ (1), слѣдовательно за дѣло сподвижниковъ Разина. Старыя книги — лозунгъ партіи, объявившей себя противъ реформъ какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ. Но тутъ начинается уже другой періодъ въ исторіи раскола. Сопротивленіе гражданскимъ реформамъ становится сущностью раскола и только прикрывается разногласіемъ по церковнымъ вопросамъ, чтобы тѣмъ многочисленнѣе была масса, относившаяся враждебно къ крутому повороту отъ старины къ новымъ порядкамъ.

---

(1) Муравьевъ, 109.

VI

РАСКОЛЪ КАКЪ БОРЬБА СЪ ЗАПАДНЫМИ „НОВШЕСТВАМИ."

Противники Никона называли себя послѣдователями старой вѣры и видѣли раскольниковъ не въ себѣ, а въ тѣхъ, кто по ихъ мнѣнію уклонился отъ древняго православія. Напрасно поставляли имъ на видъ, что ничего не изобрѣталось, что вводилось только старое, прежде бывшее; что предъ исправленіемъ книгъ тщательно свѣрились съ 500 афонскими списками, 200 греческими и изъ другихъ мѣстъ, и всѣми, какіе могли представить 39 главныхъ монастырскихъ библіотекъ въ Россіи. Какъ впослѣдствіи старообрядцы мало обращали вниманія на заявленія, что напр. подъ четвертымъ слоемъ краски на образѣ Андрея Боголюбскаго въ Успенскомъ соборѣ открыто такое благословеніе рукою, какое было введено при Никонѣ и слѣдовательно было самое старинное, исконное, — такъ и первые старообрядцы въ перемѣнахъ, сдѣланныхъ Никономъ, видѣли не исправленіе, а нововведенія. Никонъ, по словамъ противниковъ его, хотѣлъ исправить книги кое-какъ, только бы все было по новому. Арсеній Сухановъ, по словамъ расколоучи-

телей, заключенный при патр. Іосифѣ въ Соловецкій монастырь за сочиненіе о греческомъ востокѣ (плодѣ его собственнаго путешествія туда) не одобренное духовными властями,—сдѣлался довѣреннымъ лицомъ Никона послѣ того какъ предрекъ ему, новгородскому митрополиту, пріѣхавшему въ Соловецкій монастырь, патріаршій престолъ. Этотъ разсказъ о привѣтствіи Сухановымъ Никона какъ патріарха, когда онъ имъ еще не былъ — о привѣтствіи сначала озадачившемъ и разсердившемъ, но потомъ расположившемъ Никона къ Суханову — имѣетъ нѣчто общее съ преданіемъ о томъ, какъ татаринъ предрекъ Никону въ молодости, что онъ будетъ царствовать. Но разсказъ этотъ необходимъ былъ для расколоучителей какъ опора въ ихъ воззрѣніяхъ на Никона и его сподвижниковъ. Въ ихъ глазахъ, въ произведенныхъ Никономъ перемѣнахъ принимали больше участія произволъ и «любоначаліе», чѣмъ желаніе исправить. При такомъ взглядѣ на вещи совершенно второстепенный вопросъ былъ: точно ли Никонъ сдѣлалъ нововведенія, и не сдѣлали-ли ихъ тѣ, кто допустилъ отступленія отъ греческихъ обрядовъ въ эпоху, предшествовавшую расколу? Вопросъ о юридическомъ правѣ былъ тутъ совершенно посторонній. «Такъ вѣрили наши отцы и дѣды—такъ хотимъ вѣрить и мы»—вотъ девизъ первыхъ послѣдователей раскола. Правильно ли, нѣтъ ли вѣрили отцы и дѣды; отступили ли они отъ первоначальнаго догмата, или нѣтъ—не о томъ шла рѣчь. Исправленія приняты были бы многими съ подозрительностью, если бы даже исходили отъ іерарха кроткаго и любимаго народомъ. Въ средѣ,

гдѣ обрядовая сторона религіи значитъ такъ много, гдѣ привыкли передавать изъ рода въ родъ мелкія обыкновенія и обычаи, даже постепенныя перемѣны провести было трудно. Но тутъ является человѣкъ, ненавидимый боярствомъ и массою духовенства, властолюбивый, жестокій, котораго считали способнымъ произвести возмущеніе въ Москвѣ за нѣсколько тысячъ червонцевъ, данныхъ ему польскимъ королемъ для отвлеченія царя съ театра войны. Этотъ тщеславный властолюбецъ отрѣшается впослѣдствіи отъ своего сана соборомъ и обвиняется въ государственныхъ преступленіяхъ. Какой предлогъ для вожаковъ раскола представить не послѣдовательныя и мягкія, а крутыя перемѣны, произведенныя имъ, плодомъ его личнаго желанія сдѣлать все по своему!

Перемѣны оттолкнуты массою; она ихъ не хочетъ. Она не желаетъ имѣть ничего общаго съ тѣми, кто принялъ ихъ. Они никоніане, слуги антихриста. Такъ рѣшили расколоучители, такъ вѣрили ихъ послѣдователи. Личность Никона заслонила собою церковный вопросъ.

Напрасно соборъ и духовенство доказывали, что вводится только старое, измѣненное съ теченіемъ времени, что устраняются только уклоненія. Расколоучители называли новопечатныя книги и введенныя исправленія «новшествами». «Новшества», шедшія съ греческаго востока, они признавали неправыми, потому что гдѣ же было существовать чистымъ и неискаженнымъ церковнымъ преданіямъ— говорили они—на землѣ, подвластной туркамъ! Новизны съ латинскаго запада были противны имъ

по исконной враждѣ къ католицизму, и четырехконечный крестъ уже потому возставовлялъ ихъ противъ себя, что онъ былъ «латинскомъ крыжемъ». Никона обвиняли прямо въ заимствованіяхъ какъ у искаженнаго турками греческаго востока, такъ и у латинскаго запада.

И такъ расколъ есть вражда съ новизною, съ нововведеніями. Онъ не ведетъ рѣчи о томъ, какъ было искони, что̀ представляетъ первоначальный источникъ. Онъ стоитъ за старину, но старину недавнюю, свою. Что было за столѣтія назадъ, до того ему нѣтъ дѣла. Онъ стоитъ за то, что существовало на памяти людей, съ чѣмъ свыклось нѣсколько поколѣній. Какъ сопротивленіе нововведеніямъ расколъ въ сферѣ одной религіи былъ бы непонятенъ. И дѣйствительно русскій расколъ проявился одинаково во всѣхъ сферахъ народнаго быта. Во всѣхъ случаяхъ нововведенія, особенно если они дѣлались не постепенно, а вдругъ и были неожиданны, встрѣчали отпоръ. Этотъ отпоръ преимущественно встрѣчался, какъ мы видѣли, въ коренной русской части земства, въ той части земства, которая давала отпоръ татарскому владычеству и восточнымъ порядкамъ, а послѣ была готова къ такому же отпору западныхъ нововведеній. Этой части населенія было дорого свое русское, какое бы то ни было. Мы видѣли, что дворянство, образовавшееся преимущественно изъ московскаго служилаго люда, большею частію иностраннаго происхожденія, было почти чуждо этой средѣ. Эта среда, корень которой былъ въ торговомъ населеніи древняго Новгорода, состояла преимущественно изъ ку-

печества и крестьянства. Не имѣя политическаго и офиціальнаго значенія, живя своею земскою жизнью, мало зная о томъ, что дѣлалось внѣ Россіи, или даже въ иной русской мѣстности,—эта среда мало заботилась о томъ, что Россіи надо было примкнуть къ Азіи или Европѣ. Эта среда охранила русскую народность во время татарщины и затѣмъ, когда переставъ быть частію Орды, Россія захотѣла примкнуть къ западнымъ государствамъ—отпоръ западному вліянію былъ сдѣланъ въ той же средѣ. Противники этой среды могли говорить, что отвергнувъ татарское варварство, она послѣ отвергала европейское просвѣщеніе. Но таковъ былъ характеръ дѣйствій этой среды—она стояла за свое худое и хорошее, за свою русскую самостоятельность.

Въ этой-то средѣ, враждебной вообще перемѣнамъ, явился церковный расколъ. Расколъ въ другихъ сферахъ долженъ былъ также явиться—и онъ является при Петрѣ I. Если расколъ церковный на нѣсколько десятилѣтій предупреждаетъ расколъ въ другихъ сферахъ народнаго быта, то это благодаря личности Никона. Личность же Никона была причиною, что первоначально сочувствіе расколу оказывалось даже въ тѣхъ классахъ, гдѣ оно впослѣдствіи утратилось. Очень вѣроятно, что церковный расколъ и безъ Никона долженъ былъ скоро явиться. Едва ли можно также сомнѣваться, что политическій расколъ, расколъ земскій, долженъ былъ принять въ Россіи характеръ преимущественно религіозный при томъ важномъ значеніи, какое имѣетъ церковь въ жизни русскаго человѣка: оно иначе и быть

не могло. Но необходимо надобно имѣть въ виду, что расколъ церковный былъ только одною изъ сторонъ земскаго раскола, проникавшаго во всѣ сферы быта. Являются заимствованія съ запада и тотчасъ же образуется партія, враждебная имъ. Протоп. Аввакумъ преслѣдуетъ занесенныя въ Россію домры (родъ музыкальнаго инструмента) и хари (маски) еще прежде, нежели вступаетъ въ рѣшительную борьбу съ никоновскими перемѣнами. Бритая борода—для него отвратительное зрѣлище задолго до того, когда въ русскомъ обществѣ вводится брадобритіе. Послѣдователи его не хотѣли разсуждать о томъ, что худо и хорошо, а знали только свое и чужое. Свое для нихъ было хорошо. Заведеніе солдатскихъ полковъ уже потому не нравилось многимъ изъ простолюдья, что это было дѣло новое, взятое съ иноземнаго образца. Это настроеніе многихъ въ народной массѣ вмѣстѣ съ служилымъ соперничествомъ вызвало стрѣлецкіе бунты. Между стрѣльцами, какъ и казаками, расколоучители должны были найти много приверженцевъ. Иноземный солдатскій строй, толпы иностранцевъ въ русской службѣ, новые чины и новая одежда — на все это съ подозрѣніемъ смотрѣлъ русскій казакъ и стрѣлецъ. Казачина была подавлена въ бунтѣ Стеньки Разина; стрѣльцы были уничтожены Петромъ I. Сопротивленіе силою было невозможно и оно тотчасъ же было подавляемо. Но именно потому, что бунты имѣли въ виду частныя цѣли и религіозные вопросы прикрывали нерѣдко служебное соперничество — масса населенія принимала въ нихъ мало участія. Сопротивленіе массы было пассивно. Да

иначе и быть не могло. Эта масса шевельнулась только когда потревожили ея самыя дорогія убѣжденія — все равно правыя или неправыя. Если бы толчки не были сильны, ее и шевельнуть было бы трудно. Только Никонъ и Петръ I могли расшевелить эту массу; но и имъ она представила лишь пассивный протестъ.

Старою вѣрою началъ расколъ. Онъ продолжалъ его старыми порядками, обычаями, старою одеждою. Расколъ защищалъ все старое. Всѣ старинные обычаи и суевѣрія, жившіе въ народѣ, не смотря на принятіе христіанской вѣры, всѣ прадѣдовскія земскія преданія, всѣ мѣстныя частности и особенности — все это слилось въ расколѣ и образовало его.

Только старыя церковныя книги имѣли цѣну для послѣдователей раскола. Пусть они переписаны съ ошибками; пусть печатныя изъ нихъ неправильны— они имъ дороги какъ родовыя, отцовскія. Новопечатныя книги принимаютъ лишь нѣкоторыя секты; другія совершенно отвергаютъ ихъ. Въ книги, напечатанныя подъ надзоромъ власти, утвердившей никоновскія перемѣны, они не вѣрятъ. Но книги имъ нужны. Многіе изъ нихъ, особенно вожаки,— люди грамотные. Являются собственные списки книгъ, своя раскольничья литература. Еще при Θедорѣ Алексѣевичѣ вышло соборное опредѣленіе, чтобы государь назначилъ человѣка, а патріархъ отъ себя другаго для смотрѣнія за «продавцами лживыхъ писемъ.» Эти надсмотрщики должны были виновныхъ приводить къ патріарху, «чтобы чинить смиреніе.» Если нужно, надсмотрщикамъ приказано

было давать стрѣльцовъ на помощь (1). Эта мѣра была вызвана тѣмъ, что у Спасскихъ воротъ и въ иныхъ мѣстахъ въ Москвѣ продавали выписки изъ церковныхъ книгъ въ тетрадяхъ и листахъ, и духовныя власти находили въ нихъ «много лжи.» Распространеніе между раскольниками сочиненій духовнаго содержанія, такихъ, какія имъ были нужны, чрезъ это не было прекращено. Сами расколоучители много пишутъ. Является самостоятельная раскольничья литература — духовная и свѣтская. Андрей Денисовъ, одинъ изъ самыхъ начитанныхъ расколоучителей, оставляетъ послѣ себя 117 сочиненій разнаго рода. Другіе слѣдуютъ его примѣру. Между послѣдователями раскола являются свои историки: Семенъ Денисовъ, Иванъ Филиповъ и др. Изъ православныхъ, писавшихъ о расколѣ, замѣчательныя сочиненія оставлены преимущественно тѣми, кто бывъ въ расколѣ, впослѣдствіи обратился въ православіе. Таковы: Андрей Іоанновъ Журавлевъ, Григорій Яковлевъ и др. Расколъ держался грамотными учителями и требовалъ отъ послѣдователей своихъ грамотности. Поэтому заводились училища, было много учащихся. Нужно было много книгъ и ихъ добывали гдѣ могли. Сначала ходили рукописныя тетради, потомъ—въ прошломъ столѣтіи—стали заводиться тайныя старообрядческія типографіи. Еще при Петрѣ I были печатаемы и продаваемы на ярмаркахъ раскольничьи книги (2). Такія типографіи были въ посадѣ Клинцахъ старо-

(1) Акты ист., V, стр. 118.

(2) Пол. Соб. Зак., VII, статья 3653.

дубскаго уѣзда черниговской губерніи (теперь мѣстечко Яновъ) (¹). Но тайныя типографіи были заведены лишь въ концѣ прошлаго столѣтія и не могли напечатать много книгъ. Переписка была трудна тѣмъ болѣе, что старообрядцы, не принимая новаго гражданскаго шрифта, искали переписчиковъ, умѣвшихъ писать славянскимъ полууставомъ съ титлами и т. д.; а найти ихъ едва ли было бы даже возможно, если бы такому письму не обучались въ нарочно заведенныхъ для того раскольничьихъ школахъ. Такъ въ обители московской преображенской общины Ѳедосѣевцевъ уже въ пятнѣмъ столѣтіи существовала школа, выпустившая много очень искусныхъ писцовъ славянскимъ шрифтомъ. Но такая переписка была очень дорога. Такъ какъ съ другой стороны духовная цензура слѣдила, чтобы въ Россіи не печаталось раскольничьихъ сочиненій, то оставались только старопечатныя книги, безъ того рѣдкія, теперь цѣнившіяся какъ сокровище. Старообрядческимъ библіотекамъ р сская библіографія обязана сохраненіемъ многихъ старинныхъ книгъ, которыя иначе навѣрно были бы утрачены. Назовемъ напр. богатое книгохранилище Царскаго.

Подъ церковью старообрядцы понимали только старинную русскую церковь объ одной главѣ. Никонъ приказалъ строить о пяти главахъ, долженствовавшихъ символически означать Христа и четырехъ евангелистовъ. Противники Никона находили, что онъ не поставилъ бы евангелистовъ наравнѣ съ гла-

(¹) Библ. Записки, 1858, № 5, стр. 280.

вою Церкви, Христомъ, такъ какъ между Спасителемъ и евангелистами есть другія лица, высшія послѣднихъ, еслибы имъ не руководила другая тайная мысль. Властолюбивый патріархъ, —какъ говорили безъ околичностей противники Никона, —хотѣлъ себя изобразить главою Церкви, а четыре меньшихъ главы на церкви должны были представлять четырехъ вселенскихъ патріарховъ. Мысль царя Ѳедора Алексѣевича—объявить Никона папою и поставить подъ нимъ въ Россіи именно четырехъ патріарховъ—придаетъ этому обвиненію противъ Никона нѣкоторое вѣроятіе. Послѣдователи раскола старались о сохраненіи типа старинной русской церкви. Церковь Преображенія въ Новгородѣ, существовавшая еще до введенія христіанства въ Россіи, представляла простую деревянную постройку. Посреди ея, на потолкѣ, висѣлъ фонарь. Выговская молельня представляла также обыкновенную часовню, безъ дорогихъ украшеній, съ образами въ однихъ мѣдныхъ окладахъ; посреди ея, съ потолка, спускалась лампада. Раскольники предпочитали молиться въ часовняхъ, часто въ обыкновенныхъ домахъ. Со времени Никона явилось благолѣпіе въ православныхъ церквахъ; миткальныя ризы и оловянные сосуды стали исчезать. У послѣдователей раскола, иногда очень богатыхъ, сохранилась прежняя обрядовая простота. Православный священникъ, со времени Никона ставшій офиціальнымъ лицомъ, не могъ больше быть безграмотнымъ. У раскольниковъ сохранились «попы»—слово «священникъ» было нововведеніе. Иконы чтились раскольниками только старыя. За такія иконы давали большія деньги.

Даже въ позднѣйшее время ставить икону за стекло считалось раскольниками грѣхомъ.

Какъ ни удалился расколъ впослѣдствіи отъ своей первоначальной щепетильной преданности старинѣ, но даже при Ковылинѣ въ монастырѣ московской Федосѣевской общины не было образовъ за стеклами. Запретъ новизны простирался даже на мелочи: въ госпиталѣ рогожской общины еще въ нынѣшнемъ столѣтіи не было желѣзныхъ кроватей—это было «новшество».

Послѣдователи раскола употребляли все стараніе, чтобы добыть болѣе иконъ стариннаго письма. Во время чумнаго возмущенія въ Москвѣ, вызваннаго преимущественно раскольниками, послѣдніе воспользовались обстоятельствами, чтобы запастись большимъ числомъ старинныхъ иконъ. Пользуясь нерасположеніемъ въ средѣ москвичей къ архіеп. Амвросію Зертисъ-Каменскому (онъ сѣкъ розгами и плетьми священно-и церковно-служителей (1) и вообще былъ крутаго нрава), раскольники тайнымъ подстрекательствомъ возбудили народъ противъ архіепископа, и когда чернь нашла бѣжавшаго въ сѣромъ мірскомъ кафтанѣ въ Донской монастырь архіепископа и, вытащивъ его изъ-за иконостаса, по указанію мальчика, замѣтившаго торчавшую полу его кафтана, побила митрополита каменьями, раскольники безпоповской секты воспользовались смятеніемъ, чтобы ворваться въ Чудовъ монастырь и захватить всѣ бывшія тамъ древнія иконы. Много старинныхъ иконъ перешло въ руки раскольниковъ также изъ частныхъ

(1) Русскій Архивъ, 1866, стр. 533.

домовъ во время господства чумной заразы, когда многіе, до того бывшіе въ православіи, были привлекаемы въ расколъ. Но самое дорогое пріобрѣтеніе для безпоповской преображенской общины сдѣлалъ Ковылинъ. Его винный погребъ былъ по сосѣдству съ церковью св. Анастасія на Неглинной. Священникъ этой церкви нерѣдко заходилъ къ нему и Ковылинъ вошелъ съ нимъ въ сдѣлку. Рѣшено было сдѣлать снимки со старинныхъ образовъ, бывшихъ въ церкви, и поставить ихъ на мѣстѣ оригиналовъ, а оригиналы отдать Ковылину. Священникъ, получивъ значительную сумму денегъ, сдѣлалъ по условію. Пріобрѣтя эти образа изъ церкви Анастасіи, Ковылинъ распустилъ молву, что они пріобрѣтены изъ Успенскаго собора. Слухъ о сдѣлкѣ дошелъ до правительства. Священникъ былъ отрѣшенъ отъ мѣста и у безпоповцевъ преображенской общины, гдѣ Ковылинъ былъ старшиною, сдѣланъ былъ обыскъ, но образовъ не нашли. Они были зарыты въ овесъ или какъ другіе говорятъ въ рожь у крестьянина с. Черкизова, Данила Керова и, пролежавъ тамъ нѣсколько лѣтъ, были выпуты только когда это можно было сдѣлать безопасно. Священникъ, оказавшій такую услугу Ковылину, былъ обезпеченъ имъ: онъ до конца жизни получалъ отъ Ковылина по 25 рублей въ мѣсяцъ пенсіи. Мы видѣли уже какъ воспользовались ѳедосѣевцы 1812 годомъ.

Во всемъ приверженцы старинаго, послѣдователи раскола были естественно еще строптивѣе тамъ, гдѣ дѣло шло объ измѣненіи ихъ домашнихъ, частныхъ обычаевъ, гдѣ предписанія распространялись

даже на личный вкусъ. Законы о брадобритіи и новомъ платьѣ вызвали самое энергичное сопротивленіе. Въ XVI ст. въ Россіи уже установилось мнѣніе, что борода должна быть неприкосновенна, что брѣютъ бороды только еретики. Иванъ IV Васильевичъ въ спорѣ съ папскимъ легатомъ Антоніемъ Поссевиномъ замѣчаетъ легату, что у него борода подсѣчена (1): въ глазахъ царя-богослова это—одно изъ доказательствъ еретическаго уклоненія папства отъ истинной церкви. Стоглавъ запрещалъ стричь бороду. Мы видѣли какъ протоп. Аввакумъ отзывался о брадобритіи: для него обритое лице было «блудоносный образъ». Аввакумъ былъ лишь одинъ изъ многихъ. Если борода дана мущинѣ отъ природы, то зачѣмъ ему лишать себя ея—такое убѣжденіе высказывалось многими противниками брадобритія, начавшаго входить въ употребленіе въ Россіи вмѣстѣ съ другими заимствованіями съ запада—въ XVII ст. Къ этому смутно примѣшивалось толкованіе, что если человѣкъ созданъ по образу Божію и по подобію, то лишеніе себя бороды не было ли уклоненіемъ отъ образа, даннаго человѣку и слѣдовательно отъ образа Божія? На массы такія толкованія имѣли сильное вліяніе. Аввакумовщина, секта принявшая свое имя отъ протоп. Аввакума, пошла такъ далеко, что послѣдователи ея даже собирали обрѣзанные у себя ногти, завѣщая всѣ эти обрѣзки класть съ собою въ гробъ: въ день судный, по ихъ мнѣнію, будетъ спрошено о каждой части тѣла человѣка. Препія о бородѣ сдѣлались

(1) Есиповъ, II, 160.

особенно часты въ концѣ XVII ст. Противники брадобритія утверждали, что безбородый не наслѣдуетъ царствія Божія. На картинахъ страшнаго суда—(съ одною изъ такихъ картинъ явились раскольники на пренія о вѣрѣ во времена стрѣлецкихъ бунтовъ)—праведные, стоявшіе одесную, дѣйствительно были нарисованы съ бородами, а грѣшники ошую—безбородыми. Въ концѣ XVII ст. патріархъ Адріанъ принялъ рѣшительно сторону противниковъ брадобритія. Въ посланіи, написанномъ имъ, встрѣчаются угрозы за брадобритіе (1).

И послѣ этой-то упорной борьбы съ вводителями бритья бородъ—борьбы съ высоты патріаршаго престола и въ народной массѣ—почти непосредственно за посланіемъ патр. Адріана является узаконеніе о всеобщемъ бритьѣ бородъ. Петръ I самъ въ шутку и его шуты серьезно отрѣзываютъ ножницами бороды у главныхъ бояръ. Сопротивленія нѣтъ. Кому и горько разстаться съ бородою, тотъ сквозь слезы улыбался изъ угожденія царю, грозно покаравшему стрѣльцовъ и ослушаніе которому было гибельно. Начало сдѣлано; въ высшемъ классѣ сопротивленія нѣтъ. Духовенство могло оказать сопротивленіе нововведенію, но его можно было оставить при бородѣ. Крестьянъ, если они не являлись въ городѣ, нужно было также предоставить самимъ себѣ, потому что никакихъ средствъ государства не хватило бы на содержаніе полиціи для надзора за неукоснительнымъ брадобритіемъ во всѣхъ сотняхъ тысячъ русскихъ селъ и деревень. Но зато кого все-

(1) Есиповъ, II, 161.

гда могла достать каравшая рука, кто былъ болѣе на виду—всѣ должны были сбрить бороды. Кто не хотѣлъ—могъ откупиться денежнымъ платежемъ. Съ купцовъ брали десятки рублей; крестьяне должны были расчитываться за бороду грошами на заставахъ. Даже городскіе извощики и церковные причетники должны были обрить бороду, если не хотѣли платиться за нее деньгами.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, когда стали уже находить, что крайній абсолютизмъ и вмѣшательство власти въ частныя дѣла только подрываютъ авторитетъ власти, законъ о брадобритіи былъ отмѣненъ.

Такова же была участь узаконенія о новомъ платьѣ. Петръ I указомъ велѣлъ носить всѣмъ, кромѣ духовенства и пашенныхъ крестьянъ, иностранное платье. Въ 1700 году предписывалось носить венгерское платье, въ 1701—нѣмецкое, а въ 1702 назначалось въ праздничные дни носить французскіе кафтаны (¹). Еще при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ иные изъ русскихъ носили польское платье; теперь ношеніе иностраннаго платья узаконялось повсемѣстно. Считалось нужнымъ предписывать даже какого образца платье носить въ какое время года. Кто не имѣлъ на себѣ саксонскаго платья верхняго и нѣмецкаго нижняго, съ того брали при городскихъ воротахъ 40 коп. съ пѣшаго и 2 р. съ ѣхавшаго на лошади. Зимою позволялось носить саксонское или французское платье, но лѣтомъ можно

(¹) Пол. Соб. Зак., статьи 1741 и 1898.

было носить только одно французское (1). Въ Сибири и самъ Петръ долженъ былъ разрѣшить носить платье и имѣть сѣдла кто какія пожелаетъ (2). Но гдѣ надзоръ былъ сколько нибудь возможенъ, тамъ зорко смотрѣли чтобы нововведенія съ точностью исполнялись. Велѣно было клеймить нѣмецкое платье и шапки въ рядахъ, чтобы они не были противъ образца. Сдѣланныя противъ образца должно было передѣлывать и безъ клейма не продавать. Въ 1714 г. въ Петербургѣ торговцы, продававшіе русское платье и сапоги, были биты кнутомъ и сосланы на каторгу (3). Вышелъ указъ, если кто будетъ носить русское платье или бороду, того ссылать на каторгу. Въ 1715 г. велѣно было посылать на каторгу тѣхъ, кто будетъ торговать гвоздями для подковки сапоговъ и башмаковъ; имѣнія виновныхъ должны были подлежать конфискаціи; а кто носилъ сапоги и башмаки, подбитые такими гвоздями, тотъ подлежалъ «жестокому штрафу» (4).

Въ послѣдующія царствованія законы Петра о платьѣ соблюдались не такъ строго. При Елисаветѣ Петровнѣ приняты были вновь мѣры, чтобы эти указы исполнялись. Замѣчательно, что въ это время на русское платье и бороду смотрѣли болѣе какъ на источникъ дохода: предвидѣлось приращеніе казнѣ въ 50,000 р., если законы Петра о платьѣ и бородѣ будутъ соблюдаться (5), и изъ за этихъ 50,000 р.

---

(1) Пол. Соб. Зак., ст. 1999.
(2) Пол. Соб. Зак., ст. 2132.
(3) Пол. Соб. Зак., ст. 2874.
(4) Пол. Соб. Зак., ст. 2929.
(5) Энц. Лекс. Елисавета Петровна.

въ годъ снова тормошили и трепали людъ на всемъ пространствѣ русскаго государства. Царствованіе Екатерины II прекратило эту мелочную заботу власти о гардеробѣ и внѣшнемъ видѣ частныхъ людей.

Законы Петра о бородѣ и платьѣ сильно возстановили противъ него многихъ въ народной массѣ. Расколу была большая пожива. Число лицъ, удалившихся отъ господствовавшей Церкви, все болѣе увеличивалось. Церковная распря теперь становилась болѣе, чѣмъ когда либо только предлогомъ; расколъ проникъ во всѣ сферы народнаго быта. Чѣмъ менѣе возможно было открытое сопротивленіе, тѣмъ болѣе усиливалось пассивное.

Приверженность къ старому коренилась въ исконно-русскомъ населеніи. Сначала это исконно-русское населеніе противится водворенію на Руси татарскихъ порядковъ, потомъ борется съ западными нововведеніями. Что же придавало ему силу и значеніе? Религіозная сторона раскола была, какъ мы уже говорили, его слабою стороною. Люди умные и толковые заводили мелочные распри и споры о предметахъ смутныхъ и впадали въ неизбѣжный схоластицизмъ и софистику; изъ за многословія и суесловія, изъ за жалкаго повторенія зарубленныхъ въ памяти и непонятныхъ словъ этихъ распрей и споровъ, едва замѣтны тотъ умъ, та смѣлость и предпріимчивость, которые характеризуютъ послѣдователей раскола въ ихъ устройствѣ общинъ и въ ихъ общественныхъ предпріятіяхъ. Религіозная сторона раскола не могла бы одна придать ему такого историческаго значенія.

Это значеніе придавалось ему тѣмъ стояніемъ за

старину, которое составляетъ духъ раскола и его сущность. Это «стояніе за старину» имѣло государственный смыслъ, когда оно направлялось противъ крайностей и увлеченій. Превращеніе Россіи въ Татарію было бы крайностью; передѣлка ее въ Германію и Голландію до платья и бороды—была также крайностью. Россіи нельзя было стать частью Азіи; но ей и невозможно было сдѣлаться осколкомъ съ европейскаго государства. Мировая задача Россіи была — посредничество между Европою и Азіею. Дѣло ея было примиреніе востока съ западомъ. Россія могла быть посредницею въ передачѣ европейской цивилизаціи азіатскому востоку только когда она продолжала быть сама—соединеніемъ, смѣшеніемъ Европы съ Азіею. Чтобы исполнить свою міровую задачу и слѣдовательно чтобы быть могущественной, ей не нужно было быть ни Европой, ни Азіей, а самобытной Россіею; и та партія, которая стояла противъ покушеній на русскую самостоятельность—шли ли эти покушенія съ востока или съ запада—имѣла за себя на вѣсахъ исторіи многое.

VIII

СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ.

ВЪ ЭПОХУ ПРОИСХОЖДЕНІЯ И РАСПРОСТРАНЕНІЯ РАСКОЛА.

Въ связи съ расколомъ находятся реформы въ духовной администраціи и отношеніе духовныхъ властей къ паствѣ.

Съ конца XVI столѣтія высшая духовная власть въ Россіи сосредоточилась въ рукахъ патріарха: но власть патріарха была уже значительно ограничена въ сравненіи даже съ прежнею властію митрополита. Мы видѣли, что это ограниченіе произошло при Иванѣ Грозномъ. Прежде митрополитъ имѣлъ свой особенный полкъ, свой дворъ и придворныхъ. Духовныя лица дѣйствовали нерѣдко самостоятельно, не всегда по волѣ свѣтской власти. Вассіанъ смѣло укоряетъ Ивана III въ недостаткѣ мужества; митрополитъ Геронтій беретъ верхъ надъ тѣмъ же Иваномъ III въ возникшемъ церковномъ спорѣ. Даже Ивану IV, въ его молодости, подкелярникъ Кирилова Бѣлозерскаго монастыря, Исаія Нѣмой, на вопросъ о стерлядяхъ къ ужину отвѣчалъ, что поздно, взять негдѣ и что онъ, подкелярникъ, Бога боится больше чѣмъ государя, хотя въ сущности мо-

лодой царь опоздалъ къ монастырской трапезѣ лишь потому, что, по выраженію его, «въ Кириловѣ въ лѣтнюю пору не знати дня съ ночью (¹)». Но что допускала великокняжеская власть, то прекратила царская. Иванъ IV впослѣдствіи приступаетъ къ ограниченію власти митрополита. Въ бѣломъ духовенствѣ учреждены были поповскіе старосты или «благочинные смотрители» и также пятидесятники и десятники. Это былъ шагъ къ установленію болѣе бдительнаго надзора свѣтской власти надъ приходскимъ духовенствомъ. По мѣрѣ того, какъ духовная власть становится въ прямую зависимость отъ свѣтской, духовные чины все болѣе превращаются въ администраторовъ, зависящихъ отъ свѣтской власти, въ государственныхъ чиновниковъ. Какъ въ 1551 году архіерейскіе бояре сдѣлались уже болѣе чиновниками правительства, такъ и приходское духовенство пріобрѣтаетъ постепенно правительственное служебное значеніе. Учрежденіе патріаршества, если въ немъ видѣть желаніе создать высшую духовную власть внѣ завоеванной турками греческой имперіи, не повліяло на ходъ событій въ другомъ отношеніи. Дѣла частныхъ лицъ, прежде подлежавшія духовному суду, постепенно переходятъ въ вѣденіе свѣтскаго. Свѣтская власть пріобрѣтаетъ все болѣе полный контроль надъ духовною. При Филаретѣ патріаршее достоинство случайно стало на высоту, которая грозила столкновеніемъ. При Никонѣ это столкновеніе произошло, но

(¹) Акты. Ист. I, стр. 383.

ходъ событій остался неизмѣненнымъ: какъ ни былъ набоженъ Алексѣй Михайловичъ, давшій согласіе на поѣздку Никона за мощами св. Филиппа въ Соловки, но даже въ его царствованіе, даже при усиліяхъ такой энергической и сильной характеромъ личности, какъ Никонъ, нельзя было измѣнить хода обстоятельствъ. Попытка Никона привела лишь къ тому, что впослѣдствіи при Петрѣ I, когда власть свѣтская пріобрѣла полный контроль надъ духовною, патріаршее достоинство было совсѣмъ отмѣнено, и было время (1724 г.), когда во всей Россіи не было даже ни одного митрополита. При Петрѣ II снова было возникла мысль о возстановленіи патріаршества, но ее не привели въ исполненіе. Постоянный соборъ духовенства, который даже при Иванѣ IV называли синодомъ, при Петрѣ I получившій официально это названіе, замѣнивъ собою одно высшее духовное лице, болѣе соотвѣтствовалъ видамъ правительства.

Упроченіе контроля свѣтской власти надъ церковною администраціею имѣло прямое вліяніе на судьбы раскола. Прихожане церкви на Руси издавна привыкли видѣть въ своемъ священникѣ выборнаго, излюбленнаго человѣка. Въ концѣ XIV столѣтія міряне судили своихъ священниковъ даже въ церковныхъ дѣлахъ (1). Прихожане ставили такого священника, какой имъ былъ больше по душѣ. Не всегда священникъ былъ грамотный, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ XVI столѣтіи исчезли училища въ сѣверо-восточной Россіи. Порядокъ былъ

(1) Акты Ист., I, стр. 18.

обыкновенно тотъ, что будущій священникъ шелъ учиться къ священнику службамъ. За выучку каждой службы, напр. часовъ, вечерни и т. д. платилось по условію. По выучкѣ наставленный давалъ выучившему священнику *кашу*, т. е. дѣлалъ угощеніе и затѣмъ опредѣлялся на мѣсто. Еще архіепископъ Геннадій въ началѣ XVI столѣтія жаловался на то, что посвящаемые учиться грамотѣ не хотятъ; архіепископъ хотѣлъ ихъ сажать за азбуку и указку, а они бѣгутъ. Въ XVI столѣтіи проповѣди перестаютъ произноситься въ русскихъ церквахъ; необразованные и часто безграмотные священники конечно и не могли произносить къ народу того, что разумѣется подъ проповѣдями въ наше время. Являются въ XVII столѣтіи училища въ Москвѣ (первыя училища были заведены именно для образованія священниковъ), и снова начинаютъ произноситься проповѣди въ церквахъ, но съ ограниченіемъ, не вездѣ, по выбору высшей духовной власти. Прихожане однако и прежде довольны были своими священниками, хотя часто безграмотными; это во всякомъ случаѣ были ихъ выборные люди. При выборѣ священника общиною писался «изліобъ» (1). Это была избирательная грамата, подъ которою подписывались избиравшіе священника. Случалось, правда, что напр. изліобъ былъ подписанъ только двумя дворянами, хотя на выборахъ было 10 помѣщиковъ и 30 крестьянъ; но во всякомъ случаѣ видно, что прихожане принимали дѣятельное участіе въ выборахъ. Случалось, что прихожане ставили

(1) Лохвицкій, въ Рус. Вѣст. 1857 г. Акты Юрид., ст. 1.

въ священники и того, кто больше давалъ имъ денегъ; примѣровъ этому не могло не быть, такъ какъ и самъ поставляемый смотрѣлъ нерѣдко на свое мѣсто какъ на средство къ жизни. Священниковъ выбирали въ началѣ XVII вѣка и въ средней Россіи; въ Псковѣ же и по сосѣдству еще въ 1685 г. 160 церквей было въ рукахъ крестьянъ, не признававшихъ архіереевъ и отдававшихъ церкви священникамъ, кто меньше возьметъ руги (годоваго содержанія) (1). На церковь прихожане въ старину смотрѣли какъ на свою собственность. Какъ знатные бояре въ Москвѣ имѣли иногда по 2—3 домашнихъ церкви, такъ что во второй половинѣ XVII вѣка число московскихъ церквей доходило до 1700, такъ небогатые горожане устроивали свою приходскую церковь какъ бы складчиною и она была также домашнею церковью, только для многихъ. Въ обычаѣ было ставить въ церкви свои образа; приходившій въ церковь молился предъ своимъ образомъ, предъ нимъ ставилъ свѣчи и нерѣдко привѣшивалъ къ образу въ видѣ приношенія драгоцѣнности, монеты и т. д.

Въ XVII стол., и именно въ эпоху зарожденія раскола, происходитъ во всемъ этомъ перемѣна. Право выбора священника переходитъ отъ прихожанъ къ высшей духовной власти, контролируемой свѣтскою властію. Никонъ не посвящалъ безграмотныхъ въ священники: человѣкъ, который теперь становился «представителемъ власти»—духовной и свѣтской—уже не могъ быть безграмотнымъ,

(1) Акты Ист., V, стр. 200.

Онъ былъ лице офиціальное. Прежде крестьяне могли міромъ избирать въ священники такого же крестьянина какъ и они; лице, представлявшее правительство и избиравшееся властями, должно было уже стоять значительно выше крестьянскаго уровня. Прихожане смотрѣли теперь на священника какъ на духовнаго чиновника; чѣмъ иногда больше было разстояніе между ними и имъ, тѣмъ меньше было общенія. Выборное начало еще живо было въ памяти многихъ. Все это клонилось къ усиленію раскола, зародившагося въ Москвѣ. Отступали отъ церкви только для того чтобы имѣть духовнымъ отцомъ не кого назначитъ архіерей, а кого пожелаютъ сами прихожане.

Такъ какъ приходъ становится со времени Никона чѣмъ-то въ родѣ духовно-правительственнаго участка, то понятно что безмѣстные священники не могли быть болѣе терпимы. Никонъ гналъ ихъ; они должны были усилить массу недовольныхъ и послѣ число расколоучителей. Никонъ запрещалъ поставлять въ священники изъ крѣпостныхъ людей—новая пища для раскола: умныя и даровитыя личности изъ дворовыхъ и крѣпостныхъ, не находя теперь возможности занять священнослужительскія мѣста въ церкви, становились учителями внѣ ея и основывали свои согласія. Избранныя личности изъ многихъ милліоновъ крѣпостныхъ должны были придать большую силу расколу. Запрещеніе ставить въ священники крѣпостныхъ явилось вслѣдствіе нежеланія нарушать владѣльческихъ интересовъ: священники были объявлены лично свободными—посвящая крѣпостнаго въ священники лишали

владѣльца одной тяглой души. Въ XVII стол., въ эпоху всеобщаго закрѣпощенія, священниковъ отъ крѣпостной зависимости спасло каноническое право. Тѣмъ не менѣе съ Никона лично свободный священникъ, если онъ происходилъ изъ крѣпостныхъ, не имѣлъ права перехода и долженъ былъ служить все время у своего бывшаго помѣщика. Церкви въ 1667 г. берутся изъ частнаго владѣнія; ихъ запрещено продавать. Установляется взглядъ на принадлежавшіе частнымъ лицамъ образа въ церквахъ и на привѣшенныя къ нимъ приношенія какъ на церковную собственность. Если владѣлецъ рѣшается взять что-либо изъ принесеннаго имъ прежде къ образу, его наказываютъ какъ святотатца. Былъ случай, что женщина, украсившая жемчугомъ свой образъ въ церкви, послѣ впавъ въ бѣдность, хотѣла снять жемчугъ съ образа. Священникъ это замѣтилъ, повелъ дѣло и несчастной присудили отрубить обѣ руки (1). Обычай дѣлать привѣсы къ образамъ продолжался и послѣ. Въ концѣ царствованія Петра I встрѣчаются распоряженія, чтобы не привѣшивать къ образамъ приношеній частныхъ лицъ. Вещи, привѣшенныя прежде, велѣно было взять на церковныя нужды. Между этими вещами были иностранныя деньги, серьги и т. д. (2). Обычай украшать иконы въ церкви явился, какъ мы видѣли, естественнымъ слѣдствіемъ того, что эти иконы были частною собственностью; на церковь смотрѣли какъ на свой домъ; свои иконы, бывшія тамъ,

(1) Коллинсъ въ Чтеніяхъ, 1846 г. I, стр. 9.
(2) Пол. Соб. Зак., стр. 3888.

украшали какъ свои домашніе кіоты. Богачи издерживали большія деньги на украшенія кіотъ. Извѣстная кіота гр. Шереметева въ прошломъ столѣтіи стоила милліонъ рублей; такъ точно издерживались деньги и на украшеніе образовъ въ церкви. Перемѣнились порядки, и въ томъ, что прежде считалось благочестивымъ приношеніемъ, стали видѣть поползновеніе смотрѣть на церковный домъ по прежнему какъ на свою или общинную, а не государственную собственность. Запрещеніе приносить частнымъ лицамъ свои иконы въ церковь начинается съ Никона. Можетъ быть и это вмѣстѣ съ другимъ подало поводъ Коллинсу отозваться, что Никонъ «не былъ обожателемъ иконъ» (1).

Какъ скоро церкви и священнослужители перешли въ вѣденіе государства, во внѣшнемъ богослуженіи стали водворятся благолѣпіе и стройность. Оловянные церковные сосуды стали выходить изъ употребленія; ризы священниковъ стали богаче; введено было болѣе стройное пѣніе.

Еслибы правительство, взявъ въ свое вѣденіе церкви и ихъ служителей, назначило приходскому духовенству отъ себя жалованье, оно осталось бы болѣе послѣдовательнымъ и точнѣе слѣдовало бы принятой системѣ. Но, отмѣнивъ «излюбъ» и выборное начало, ставя священнослужителей отъ себя, оно содержаніе ихъ возлагало на тотъ же приходъ, который теперь нерѣдко косо смотрѣлъ на своего священника. Положеніе священнослужителей было затруднительно. Завися по мѣсту отъ властей

(1) Чтенія, 1846 г. I, стр. 6.

и по содержанію отъ самихъ прихожанъ, священникъ нерѣдко ставился въ двусмысленное положеніе. Епископъ Питиримъ доносилъ Петру I, что священники повсемѣстно укрываютъ раскольниковъ(1). Зажиточные раскольники откупались отъ церковныхъ требъ деньгами. Получая постепенно все лучшее образованіе, по отвѣтственности, лежавшей на нихъ — духовные чиновники, часто по своимъ требованіямъ будучи выше уровня своихъ сельскихъ прихожанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не получая казеннаго содержанія, священнослужители привыкали смотрѣть на свой приходъ, какъ на «кормленье:» брали, гдѣ могли, и если прежніе поборы духовенства породили поговорки: «поповскіе глаза,» «попъ деретъ съ живаго и мертваго» и т. д., то нововведенія далеко не улучшили правовъ духовенства въ этомъ отношеніи. Въ началѣ прошлаго столѣтія было не мало священниковъ, не получавшихъ содержанія ни отъ казны, ни отъ общины и жившихъ обработкою земли. Тамъ, гдѣ не было земли, а прихожане состояли большею частію изъ раскольниковъ—чѣмъ долженъ былъ жить священникъ? Онъ или положительно оставался безъ куска хлѣба, или долженъ былъ за деньги показывать раскольниковъ въ числѣ сыновъ церкви. Такое положеніе дѣлъ также не могло не содѣйствовать распространенію раскола.

Жило и прежде духовенство доходами съ міряпъ, но выборному человѣку давали не жалѣя. Жили этими доходами всѣ, начиная отъ патріарха: въ кон-

(1) Чтенія, 1860, IV, смѣсь, стр. 281.

цѣ прошлаго столѣтія патріарху за присутствіе на погребеніи богатаго лица давали 10 р., митрополиту 5, архіепископамъ по 3—4, архимандритамъ 1—1½ р., игуменамъ по 25 алт., архидіакону 40 алтынъ. Эта была такса для первостатейныхъ похоронъ. На похоронахъ «второй статьи» патріархъ получалъ 7 р., «меньшой статьи» 5 р. (¹). По тогдашней стоимости жизненныхъ припасовъ это были большія деньги. Высшее духовенство стало впослѣдствіи получать и тѣ деньги съ поставляемыхъ священниковъ, которыя прежде давались выбиравшимъ прихожанамъ. Поставляемые священники сами разносили деньги по властямъ, отъ которыхъ зависѣло избраніе. При патріархѣ Іоакимѣ съ поставляемыхъ стала собираться пошлина въ 2 рубля; эти деньги расходились между десятками лицъ, хотя поставляемый и не разносилъ ихъ болѣе самъ. Церковный судъ доставлялъ также значительныя деньги высшему духовенству. Въ концѣ XVII столѣтія судившіеся у духовныхъ лицъ платили за судъ, за пересудъ, мировыя и поклонныя. За сожительство внѣ брака духовенство брало пеню въ свою пользу. Отецъ ребенка въ такомъ случаѣ платилъ митрополиту 2 руб. 8 алтынъ 2 деньги (²) (по стоимости припасовъ, теперешнихъ 25—30 р.). Въ Сибири въ концѣ XVII столѣтія въ подобномъ случаѣ, были ли дѣти или нѣтъ, бралось 2 р. въ пользу духовенства. Въ новгородской епархіи, гдѣ сожительство внѣ брака составляло дѣло бо-

(¹) Акты Ист., V, стр. 538—539.

(²) Акты ист., V, стр. 447.

лѣе обыкновенное, чѣмъ въ средней Россіи, по самому свойству мѣстности и по характеру значительной массы наплывнаго и скитальческаго населенія— взысканія были менѣе строги. Митрополитъ Макарій (современникъ Никона) установилъ пошлину въ полтину съ ребенка, прижитаго внѣ брака (1). Духовенство тѣмъ болѣе имѣло основаніе слѣдить за тѣмъ, чтобы не жили внѣ брака, что браки были его доходною статьею. Митрополитъ новгородскій Макарій установилъ, чтобы со втораго брака вѣнечная пошлина бралась вдвое, съ третьяго—втрое. Вмѣстѣ съ «почеревнымъ» (пошлиною съ дѣтей, рожденныхъ внѣ брака) брачная пошлина, конечно, доставляла не малый доходъ духовенству.

Высшее и черное духовенство было гораздо болѣе обезпечено, чѣмъ бѣлое. Монастыри и высшія духовныя лица владѣли обширными имѣніями. Священникамъ лишь оставалось брать возможно болѣе за требы. Но прихожане не платили безропотно. Прихожане Пудожскаго погоста жаловались, что священники требовали до 15 руб. за погребеніе, а дать было нечего и мертвые лежали непогребенными; что за другія требы запрашивали вчетверо (2). Общественное положеніе священника было, какъ видимъ, совсѣмъ не таково, чтобы поддерживать нравственный уровень въ низшемъ духовенствѣ. Соборное положеніе, изданное при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, говоритъ, что «многіе попы и дьяконы« свя-

(1) Акты Ист., V, стр. 298.
(2) Акты Ист., V, стр. 384.

щеннодѣйствовали и совершали тайны пьяные (1); такихъ велѣно было «извергать.» Впослѣдствіи брали 5 р. штрафа съ священника, у котораго находили винную посуду (2). Опредѣленъ былъ также штрафъ съ духовныхъ мужчинъ и черницъ «за хожденіе въ кабакъ и питье до великаго пьянства.» За первый разъ полагалась полтина, за второй рубль, за третій 2 р. 8 алт. 2 деньги. Потомъ приказано было пьянствующихъ и бражничающихъ священниковъ послѣ третьей пени отсылать въ монастырь подъ начало, сѣять муку (3). Но если нравственный уровень низшаго духовенства былъ не высокъ, то и обращеніе съ нимъ высшаго вовсе не возвышало уваженія въ паствѣ къ ея духовному пастырю. Были случаи, что архіереи сѣкли священниковъ и жестоко мучили.

Священникъ, дьяконъ, дьячекъ и пономарь—составляли уже установившійся штатъ причта въ XVII ст. Въ какомъ отношеніи были эти лица другъ къ другу—видно изъ того, что при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, въ 1627 г., въ Москвѣ давалось годоваго содержанія священнику 10 р., дьякону 6, дьячку и пономарю по 4. Это конечно одинъ данный случай, но въ подобномъ отношеніи стояли конечно лица и другихъ причтовъ. Только дьяконъ въ тогдашнемъ причтѣ игралъ не во всѣхъ мѣстностяхъ роль такую, какъ теперь. Дьяконовъ было немного. Въ яренскомъ уѣздѣ въ 1635 г. былъ всего одинъ

---

(1) Акты Ист., V. стр. 114.

(2) Наказъ патріарха въ 1697 г., въ Полн. Соб. Зак.

(3) Акты Ист., V, стр.451.

дьяконъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ въ тоже время было 22 священника, служившихъ въ церквахъ, и только 2 дьякона. Слѣдствіемъ было то, что дьяконы, которыхъ было мало, запрашивали много, когда ихъ звали на освященіе церкви. Это конечно ихъ дѣлало зажиточными. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1635 г. дьяконъ былъ даже выбранъ священниками и дьяконами въ мѣстные поповскіе старосты.

Изъ граматы новгородскаго митр. Корнилія (') видно, что дьячки были употребляемы для письма, а пономари для разсылки. Это надобно имѣть въ виду, чтобы объяснить себѣ, почему именно дьячки дѣлаются извѣстными распространителями раскола, какъ напр. Данило Викулинъ, Ѳедосій Васильевъ:—это были письмоводцы, люди грамотные, и такъ какъ со времени Никона рядъ постановленій закрылъ имъ дорогу на священнослужительскія мѣста, то они уклонялись въ расколъ и являлись учителями его.

Одною изъ второстепенныхъ причинъ распространенія раскола были также мѣры правительства къ подчиненію новымъ правиламъ монастырей и монастырской жизни. На монастырь въ историческомъ отношеніи можно смотрѣть, какъ на общину людей, собиравшихся вмѣстѣ для жизни подъ однимъ началомъ для общей пользы. Именно этимъ были въ началѣ многіе изъ монастырей, основанные въ Россіи. Жизнь въ пустынныхъ мѣстностяхъ, въ лѣсахъ, требовала взаимной помощи, нерѣдко взаимнаго содѣйствія въ оборонѣ противъ общихъ

(') Акты Ист., V стр. 263—264.

враговъ. Къ этому присоединялось то, что подъ монастырскимъ началомъ лучше были гарантированы раздѣленіе труда и порядокъ. До сравнительно позднѣйшаго времени монастыри устраиваются какъ церковныя братства и вмѣстѣ какъ экономическія общины. Въ 1662 г. якутскіе служилые люди положили между собою устроить монастырь, выбрали въ настоятели своего же брата, служилаго человѣка, и послали постричь и посвятить его къ архіерею (¹). Такъ устроивались монастыри и въ прежнее время. Монастыри особенно умножаются въ Россіи при царяхъ. Въ XIV ст. возникло 80 монастырей, въ XV—70, но въ XVII уже 200. Съ тѣмъ вмѣстѣ примѣчаемъ мы, что какъ при великихъ князьяхъ монастырямъ даются льготы и оказывается покровительство, такъ при царяхъ принимаются мѣры къ ограниченію числа возникшихъ монастырей — и полагаются предѣлы ихъ обогащенію. Дмитрій Донской даетъ Троицкому монастырю села и деревни, и вмѣстѣ онъ находитъ въ основателѣ монастыря Сергіѣ Радонежскомъ усерднаго сотрудника; онъ посылаетъ Сергія запереть церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ за ослушаніе горожанъ и т. д. Первый царь Иванъ IV доволенъ не всѣми монастырями. Онъ пишетъ укорительную грамату Кирилобѣлозерскому монастырю. Правда, Иванъ IV ставитъ Кирилобѣлозерскому въ примѣръ Троицкій монастырь. Послѣдній, какъ и нѣкоторые другіе привилегированные монастыри, пользуется и впослѣдствіи большими льготами. Иностранецъ-авторъ

(¹) Лохвицкій, въ Русск. Вѣст. 1857.

говоритъ, что въ 1575 г. въ Троицкомъ монастырѣ жило 700 монаховъ на счетъ казны (1); до извѣстной степени онъ былъ правъ: большая часть имуществъ монастыря была даръ государей. По освобожденіи Москвы отъ поляковъ, въ 1614 г., Троицкому монастырю за оказанныя услуги дано было право сыскивать своихъ крестьянъ, жившихъ за другими владѣльцами съ 1603 г. Монастырь послалъ сыщиковъ во всѣ города. Отовсюду начались жалобы, что и такихъ крестьянъ берутъ, которые жили за нимъ 20 лѣтъ (2). Вѣроятно эти жалобы были причиною того, что въ слѣдующемъ (1615 г.) срокъ сыска былъ ограниченъ 1616 годомъ. Имущества монастыря послѣ все росли и въ 1764 г., при отобраніи монастырскихъ имуществъ, изъ 910,000 монастырскихъ крестьянъ за Троицкою лаврою оказалось 120,000, т. е. столько же, сколько въ то время было у перваго богача въ Россіи гр. Шереметева. Второй послѣ Троицкаго по богатству монастырь Кирилобѣлозерскій (имѣвшій въ 1764 г. 35,000 крестьянъ) подвергался, какъ мы видѣли, гнѣву Ивана IV, и вообще если впослѣдствіи остаются нѣкоторые привилегированные монастыри, то съ царст. Ивана Грознаго принимается постепенно рядъ мѣръ противъ монастырей. Мѣры къ ограниченію числа монастырей и монастырскихъ богатствъ можно сопоставить съ тѣми, какія принимались въ отношеніи высшаго духовенства, —съ ограниченіемъ

---

(1) Перштейнъ, въ Актахъ изд. Тургеневымъ, стр. 179.
(2) Акты Ист., III, стр. 46.

правъ митрополита, съ отмѣною патріаршаго достоинства и т. д.

Въ 1551 г. вышло постановленіе монастырямъ не покупать болѣе имѣній безъ царскаго разрѣшенія. Въ 1580—было запрещено отдавать села въ монастыри при смерти. При Иванѣ Грозномъ вступившіе въ монастырь продолжали владѣть своими имѣніями; монахи и монахини владѣли крѣпостными; вступившіе въ монастырь сохраняли свои свѣтскія фамиліи. Нерѣдко брачныя узы не вполнѣ расторгались по вступленіи въ монастырь; мужъ отъ жены или жена отъ мужа ушедшіе въ монастырь не разрывали вполнѣ родственныхъ узъ, связывавшихъ ихъ: явились для означенія подобныхъ узъ даже названія: «побратимъ» или «посестрія». Въ монастырь вступали или дѣлая вклады, или за «богорадъ». Вклады дѣлались разные. Такъ Іоаннъ Ѳеоктистовъ въ 1679 г., вступая въ Тихвинскій монастырь, сдѣлалъ вкладъ, состоявшій изъ трехъ коробовъ стеколъ, стоившій 12 р. Монахи, не сдѣлавшіе вклада, переходили изъ монастыря въ монастырь. Въ 1667 г. эти послѣдніе были прикрѣплены къ монастырямъ; переходъ былъ запрещенъ. Еще прежде Уложеніемъ было запрещено монахамъ владѣть вотчинами. Вотчины должны были отдаваться вступавшими въ монастырь законнымъ наслѣдникамъ и тѣ выдавали вступившимъ въ монастырь родственникамъ деньги на прожитіе. Не смотря на то, и по изданіи Уложенія монахи продолжали владѣть собственностью въ городахъ. Это прекратилъ соборъ 1667 г. Этотъ же соборъ запретилъ принимать въ монахи мужей, бѣжавшихъ отъ сво-

ихъ женъ: распоряженіе, показывающее, что этотъ способъ отдѣлываться отъ брачныхъ узъ былъ довольно распространенъ. Стали строже наблюдать, чтобы монахи держались общежитія. Суздальскій митрополитъ Иларіонъ въ 1694 г. предавалъ огню имѣнія противниковъ монастырскаго общежитія (1). При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ пьянствовавшихъ и бродягъ изъ монаховъ велѣно было посылать въ Пятницкій монастырь, оградивъ его тыномъ, и не пускать ихъ оттуда никуда (2). При Ѳедорѣ же Алексѣевичѣ велѣно было въ Москвѣ затвердить (задѣлать) всѣ ходы изъ частныхъ домовъ въ монастыри. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это нельзя было сдѣлать, велѣно было перевести самые монастыри въ другое мѣсто. Въ 1698 году совсѣмъ было запрещено строить новые монастыри въ Сибири; приводилось— что ихъ тамъ и безъ того довольно. Если смотрѣть на монастырь какъ на церковь, какъ на мѣсто богослуженія, то едва ли можно сказать, что въ Сибири было много монастырей въ это время. Въ 1702 г. во всей Россіи было 12,076 церквей, изъ этого въ Сибири 160. Разсчитывали, что такимъ образомъ одна церковь приходилась на 1500 прихожанъ; но эти прихожане были разсѣяны въ Сибири на огромномъ пространствѣ и вообще при 160 церквахъ на всемъ неизмѣримомъ пространствѣ Сибири новые монастыри, какъ мѣста молитвы, едва ли могли назваться лишними съ точки зрѣнія епархіальнаго начальства. Очевидно, были другія

(1) Лохвицкій въ Русс. Вѣст. 1857.
(2) Акты Ист., V, 113.

причины, вызвавшія это постановленіе. Въ 1701 г. вышелъ указъ, подтверждавшій, чтобы монахи въ другіе монастыри не переходили (1). Писать въ кельяхъ монахамъ было запрещено; они могли писать только въ трапезѣ въ особомъ мѣстѣ и только по распоряженію монастырскаго начальства. Въ 1705 г. содержаніе монаховъ уменьшено вдвое (2).

Этого обзора постепенныхъ мѣръ въ отношеніи монастырей довольно, чтобы показать, что правительство неблагопріятно смотрѣло на умноженіе монастырей и монастырскихъ богатствъ. Въ монастыряхъ, часто уединенныхъ, управлявшихся своими уставами, всего менѣе возможенъ былъ тотъ бдительный контроль центральной власти, который съ XVI ст. проводится во всѣ сферы государственнаго управленія. Мѣры противъ монастырей увеличивали число послѣдователей раскола. Въ пустынныхъ мѣстностяхъ возникали тайные раскольничьи скиты, такъ какъ заведеніе открытыхъ православныхъ монастырей въ *прежнемъ* ихъ значеніи становилось невозможнымъ. Прежній монастырь, т. е. болѣе экономическая община, чѣмъ религіозное братство,— сдѣлался достояніемъ раскола. Устраиваются большія раскольничьи обители, гдѣ сохранено много изъ прежняго монастырскаго общежитія.

Мы видѣли, что правительство, установляя свое непосредственное вліяніе на приходъ, старалось о введеніи благочинія въ церквахъ. Принимались мѣры для возвышенія нравственнаго уровня приход-

---

(1) Пол. Соб. Зак., ст. 1834.

(2) Соловьевъ. Ист. Россіи, Т. XVI, стр. 20.

скаго духовенства. Но учрежденіе благочинныхъ и мѣры противъ пьянства священниковъ и дьяконовъ еще далеко не вели къ достиженію этой цѣли. Общественное положеніе бѣлаго приходскаго духовенства было, какъ мы видѣли, далеко незавидно. При посвященіи въ свое званіе священники до патр. Іоакима платили разныхъ сборовъ около 4 рублей (только съ Іоакима по 2) и дьяконы вдвое менѣе. Занимая мѣста, они должны были приносить подарки имѣвшему большую власть надъ ними епархіальному духовенству. Со вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ собирались епитрахильныя и постихарныя деньги. Въ концѣ XVII ст. съ священно-и церковно-служительскихъ домовъ и церквей собиралась, какъ съ прочихъ, полоняничная пошлина (на выкупъ плѣнныхъ). Не получая часто опредѣленнаго годоваго содержанія ни откуда, платя сами не мало, члены причта имѣли одинъ источникъ доходовъ — сборъ съ прихожанъ, источникъ нерѣдко очень скудный, особенно если имѣть въ виду, что, напр., въ иныхъ московскихъ приходахъ въ эпоху распространенія раскола при Петрѣ I прихожане были почти сплошь раскольники и не тайные, а записанные въ двойной податной окладъ за расколъ (1). Конечно, московскіе священники были еще при всемъ томъ сравнительно обезпечены; но тѣмъ печальнѣе была участь священниковъ въ провинціи, гдѣ раскольниковъ также было много между прихожанами, а доходовъ, кромѣ приходскихъ, никакихъ.

---

(1) Русскій Архивъ, 1864. Изъ исторіи Старообрядческихъ кладбищъ.

Къ этому надобно прибавить, что въ 1641 г. вышелъ указъ, запрещавшій принимать священническихъ и дьяконскихъ сыновей въ подъячіе, т. е. вообще въ присутственныя мѣста (1); указъ уравнивалъ священнослужительскихъ дѣтей въ этомъ отношеніи съ посадскими и пашенными крестьянами. Одинъ изъ указовъ Алексѣя Михайловича обвиняетъ дѣтей священно-и-церковнослужителей въ томъ, что они занимаются «воровствомъ» и „чернокнижничествомъ.» Поэки, бывшіе, безъ сомнѣнія, болѣе слѣдствіемъ тяжелой обстановки и праздной жизни, хотѣли исправлять тѣмъ, что велѣли всѣхъ, кромѣ одного въ семьѣ, отдавать въ военную службу.

Неотрадное положеніе приходскаго духовенства въ эпоху распространенія раскола необходимо имѣть въ виду для того, чтобы объяснить себѣ усиленіе старообрядчества, той части послѣдователей раскола, которая признаетъ священство. Какъ мѣры въ отношеніи монастырей косвенно оказали вліяніе на усиленіе безпоповскихъ сектъ, такъ положеніе приходскаго духовенства имѣло слѣдствіемъ усиленіе поповщины. Тамъ недовольные реформами, не находя прежняго убѣжища даже въ монастыряхъ, основывали въ уединенныхъ мѣстахъ и лѣсахъ скиты; тутъ прихожане, желавшіе имѣть своихъ «поповъ» и свои церкви по старинѣ, чуждались духовныхъ чиновъ, назначенныхъ въ приходъ властями, и удалялись отъ церкви.

Что же заставляло прихожанъ бѣжать отъ духов-

(1) Акты Ист., III, стр. 108.

ныхъ властей, ставимыхъ правительствомъ, когда отъ другихъ правительственныхъ властей тѣ же прихожане, какъ граждане, не могли бѣжать и не бѣжали? Отвѣтъ на это мы находимъ въ томъ вмѣшательствѣ духовенства въ частныя дѣла, которое теперь давно сдѣлалось преданіемъ, но прежде чувствовалось и часто тѣмъ больнѣе, чѣмъ сокровеннѣе были дѣла, вызывавшія это вмѣшательство и чѣмъ болѣе недовольные видѣли въ немъ посягательство на свободу своихъ семейныхъ, личныхъ дѣйствій. Мы видѣли, что тайныя отношенія между двумя полами не ускользали отъ бдительнаго надзора духовенства. Родившую внѣ брака, по оштрафованіи деньгами отца ребенка, посылали къ архимандриту на допросъ и въ дѣвичій монастырь на 5—6 недѣль подъ начало (1). Духовнымъ отцамъ предписано было увѣщевать ихъ «чтобы впредь не безчинствовали.» Если родительница не говорила чей ребенокъ, штрафъ брали съ нея самой и ее посылали подъ начало въ монастырь. Отца, по оштрафованіи, били батогами. Мужчинъ, державшихъ наложницъ, велѣно было высылать въ Новгородъ къ митрополиту (въ 1695 г.) (2). Въ 1697 г. вышелъ наказъ патріарха, повелѣвавшій отцовъ прижитыхъ дѣтей допрашивать на десятильничемъ дворѣ поповскимъ старостамъ, послѣ «бить шелепами нещадно» и отдавать на мѣсяцъ въ монастырь съ тѣмъ, чтобы они послѣ каждой литургіи клали по

(1) Акты Ист., V, стр. 447.
(2) Акты Ист., V, стр. 450.

100 поклоновъ (1). Тому же предписано было подвергать родильницу по истеченіи 14 дней по разрѣшеніи. Если она укрывала отца ребенка, ее велѣно было наказывать вдвое. Было ли это поддержаніе нравственности? Надобно думать, что оно имѣлось въ виду. Но какъ достигалась эта цѣль видно изъ того, что въ началѣ XVIII ст. десятильники сибирскаго архіерея, будучи подкуплены, хватали молодыхъ вдовъ, обвиняли ихъ въ вольной жизни и выдавали замужъ за кого хотѣли (2). Подобные случаи подрывали довѣріе въ добрыя намѣренія: видѣлось только карающее вмѣшательство въ частныя дѣла съ корыстными цѣлями. Подъячій Петръ Власовъ былъ наказанъ батогами и посланъ въ монастырь подъ начало за то, что заложилъ свой шейный крестъ въ питейномъ домѣ (3). Это даже по тому времени было слишкомъ строго. Духовенство преслѣдовало не только остатки суевѣрій, но и нерѣдко невинныя удовольствія: игры въ карты, шахматы, шашки, скаканье на доскахъ, ряженье, качели (4): послѣднія на томъ основаніи, что многіе съ нихъ «ушибаются до смерти.» Преслѣдовались музыканты съ гуслями и волынками; сурны, гудки, и всѣ «гудебные бѣсовскіе сосуды» велѣно было ломать и жечь. Преслѣдовалось умываніе съ серебра по домамъ, литье олова и воска (5). Священникъ не только долженъ былъ слѣдить и доносить патрі-

---

(1) Полн. Соб. Зак., стр. 1612.
(2) Лохвицкій, въ Русс. Вѣст. 1857.
(3) Акты Ист., V, стр. 465.
(4) Акты Ист., IV, стр. 124—125.
(5) Тамъ же.

арху съ именною росписью, кто у него не исповѣдуется (1); ему не только велѣно было наблюдать, чтобы прихожане были непремѣнно съ женами и дѣтьми въ церквахъ по воскресеньямъ и праздникамъ, но митр. Макарій приказывалъ даже смотрѣть, чтобы набѣленыя женщины не были пускаемы въ церковь (2).

Обзоръ государственныхъ актовъ доказываетъ, что строгій надзоръ духовенства за свѣтскими дѣлами усиливается въ особенности съ Никона и достигаетъ своего апогея въ первые годы царст. Петра I. Это именно время начала и распространенія раскола. Исторія раскола и въ особенности безпоповскихъ сектъ прямо говоритъ, что ряды послѣдователей раскольничьихъ толковъ умножались преимущественно недовольными вмѣшательствомъ духовной власти въ свѣтскія отношенія.

(1) Наказъ патріарха въ 1697 г.
(2) Акты Ист., IV, стр. 297.

VIII

ПОПОВЩИНА.

По статистическимъ даннымъ, въ Россіи живетъ 5 мил. человѣкъ (1), признающихъ священство и имѣющихъ священниковъ, но не принадлежащихъ къ господствующей церкви и не признающихъ ея духовныхъ властей. Другіе полагаютъ что ихъ даже болѣе 6 мил. Это—въ собственномъ смыслѣ старообрядцы. Тогда какъ безпоповцевъ вовсе нельзя назвать старообрядцами, послѣдователи раскола, имѣющіе священниковъ—по старому «поповъ»—далеки отъ мысли называть себя раскольниками. Они видятъ раскольниковъ въ тѣхъ, кто по ихъ мнѣнію уклонился отъ старой вѣры. Но учители господствующей церкви къ нимъ то именно и примѣняли вначалѣ прежде всего названіе раскольниковъ. Епископъ Питиримъ въ донесеніи Петру I отдѣляетъ «раскольщиковъ» отъ безпоповщины, примѣняя первое названіе только къ старообрядцамъ (2). Въ XVIII ст. слышатся жалобы старообрядцевъ на офиціальное прописаніе ихъ «раскольщиками» и потомъ «ра-

(1) Мельниковъ по Бушену, 1864, V, 78.
(2) Чтенія, 1860, IV, Смѣсь, 282.

скольниками.» Безпоповцы также отвергли названіе раскольниковъ. Ѳедосѣевцы за то именно и возстали на поморянъ, что тѣ позволили себя приписать въ двойной податной окладъ подъ именемъ раскольниковъ, слѣдовательно сами себя признавали раскольниками. Въ царст. Екатерины II офиціальная терминологія раскола уже является болѣе опредѣленною: безпоповщина отдѣляется отъ старообрядцевъ, и подъ послѣдними разумѣются послѣдователи раскола, имѣвшіе священниковъ. Въ это царствованіе вышло запрещеніе употреблять слово «раскольникъ» въ офиціальныхъ бумагахъ.

Въ Москвѣ противники никоновскихъ перемѣнъ въ первое время не могли взять верхъ; центромъ послѣдователей «старыхъ обрядовъ» сдѣлался сначала уголокъ Малороссіи. Въ Москвѣ сопротивленіе старообрядцевъ приняло характеръ возмущенія. Попъ Никита, извѣстный подъ названіемъ Пустосвята, явился съ толпою послѣдователей «старой вѣры» на лобное мѣсто и потребовалъ пренія о вѣрѣ. Это было въ правленіе Софьи. Стрѣльцы волновались. Многіе изъ нихъ высказались за никоновъ и казаковъ, защищавшихъ въ Соловецкомъ монастырѣ «старую вѣру». Для многихъ изъ стрѣльцовъ вопросъ о старой вѣрѣ былъ вопросомъ о старыхъ обычаяхъ, о заведеніи въ то время въ Москвѣ новыхъ порядковъ, вопросомъ жизненнымъ, потому что взятое съ запада солдатство уже теперь грозило искоренить прежнюю стрѣлецкую рать. Стрѣльцы поддержали Никиту на лобномъ мѣстѣ. Смѣлость старообрядцевъ увеличилась. Никита потребовалъ спора съ патріархомъ. Старообрядцы приводятъ,

что патр. Іоакимъ предлагалъ сначала отдать споръ о вѣрѣ на судъ св. Петра митрополита: какой отвѣтъ явился бы на ракѣ угодника въ Успенскомъ соборѣ въ опредѣленный срокъ—такъ и слѣдовало быть (1). Старообрядецъ Савва, передающій объ этомъ, прибавляетъ, что старообрядцы тотчасъ же поняли въ чемъ дѣло, и, чтобы патріархъ, пройдя тайно въ соборъ, не могъ положить на раку отвѣтъ какой хотѣлъ, рѣшили приставить къ собору стражу изъ стрѣльцовъ. Это будто бы отклонило Іоакима исполнить его намѣреніе отдать споръ съ старообрядцами на судъ мощей св. Петра. Не останавливаясь на этомъ разсказѣ, передаваемомъ старообрядческимъ писателемъ, нельзя не замѣтить, что положеніе патріарха было дѣйствительно затруднительно. Москва была въ рукахъ стрѣльцовъ; народная толпа видимо благопріятствовала старообрядцамъ. Требованіе Никиты пришлось принять; рѣшено быть спору о вѣрѣ. Въ назначенный день, среди густой народной толпы, ряды старообрядцевъ, предводимые инокомъ Сергіемъ и Никитою Пустосвятомъ, двинулись къ Кремлю. Они несли изображеніе страшнаго суда и старопечатныя книги; но есть извѣстіе, что за пазухою многихъ были и камни. Одинъ изъ предводителей старообрядцевъ — Никита—былъ горячая голова, и камни за пазухой могли бы не остаться тамъ, если бы инокъ Сергій—другой предводитель — своимъ хладнокровіемъ не сдерживалъ волненія. Правительница Софья видѣла изъ дворцоваго окна старанія Сергія ути-

(1) Муравьевъ. Расколъ...

шить толпу и выказала ему свое одобреніе. Прислали звать главныхъ старообрядческихъ вожаковъ въ Грановитую палату на преніе. Тѣ хотѣли было вести преніе на площади, среди своихъ сторонниковъ, но уступили. Въ палатѣ уже собрались: правительница Софья, царица Наталья Кирилловна, патріархъ и высшее духовенство. Въ то время, какъ Никита шелъ въ палату, одинъ изъ 300 бывшихъ тутъ приходскихъ священниковъ бросился и схватилъ его за волосы. Это не обѣщало мирныхъ преній. Войдя въ палату, Никита обратился къ патріарху. Александръ, епископъ холмогорскій, возразилъ Никитѣ. Тотъ, уже раздраженный прежде, оттолкнулъ епископа, замѣтивъ, что говоритъ съ патріархомъ, а не съ нимъ. Члены царской фамиліи протестовали противъ этого нарушенія порядка. Рѣзкія рѣчи Никиты заставили царицу Наталью Кириловну выдти въ слезахъ. Правительница Софья сохранила болѣе присутствія духа; она выговаривала Никитѣ и его сторонникамъ; сказала, что они оскорбляютъ память ея родителя, причисляя его къ еретикамъ. Въ отвѣтъ ей было сказано, что ей правительницѣ не слѣдъ управлять государствомъ, а пора идти въ монастырь. По крайней мѣрѣ такъ передаетъ старообрядческій писатель Савва.

Извѣстны послѣдствія стрѣлецкихъ бунтовъ. Исчезли стрѣльцы и съ тѣмъ вмѣстѣ принуждено было таиться старообрядчество въ Москвѣ. Въ Москвѣ былъ настоящій центръ русскаго старообрядства и впослѣдствіи онъ открыто явился въ ней, но спачала онъ могъ открыто явиться только на

одной изъ русскихъ окраинъ, вдали отъ правительственнаго центра.

Кузьма, священникъ церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулижкахъ, въ Москвѣ, бѣжалъ въ с. Понуровку, въ стародубскомъ полку. Полковникъ тамошній былъ благопріятель ему и пріютилъ его. Съ Кузьмою бѣжало изъ Москвы двадцать семействъ прихожанъ. Послѣ удалились изъ Москвы въ Понуровку многія другія семейства. Кузьма ввелъ перекрещиванье для тѣхъ, кто оставлялъ никоніанство и приступалъ къ «старой вѣрѣ». Приступавшаго погружали въ воду, поддерживая подъ мышки на холстѣ; для этого обращаемый долженъ былъ принести 25—30 аршинъ холста. Затѣмъ онъ долженъ былъ проклинать еретиковъ и обѣщать съ никоніанами не спорить. Кузьма взялъ съ собою въ Стародубъ св. дары. Эти запасные дары впослѣдствіи, чтобы они длились болѣе, смѣшивали съ тѣстомъ и лоскутками полотна (1) и этимъ пріобщались. Что влекло старообрядцевъ въ Понуровку и придало значеніе стародубскимъ поселеніямъ? То, что Кузьма былъ священникъ, открыто говорившій за старую вѣру и имѣвшій св. дары. Какъ ни враждебны были многіе въ Москвѣ никоновскимъ перемѣнамъ, но Москва была центромъ того русскаго населенія, которое чтило церковный авторитетъ и духовную іерархію. Религіозный раціонализмъ, убѣжищемъ котораго былъ новгородскій сѣверъ, не былъ силенъ въ Москвѣ. Масса москвичей не отвергла бы священниковъ, поставляемыхъ властью, если бы ее

(1) Мельниковъ. Старообрядческіе архіереи.

оставили при старопечатныхъ книгахъ и старинныхъ обрядахъ. Въ новгородскомъ поморьѣ церковныя перемѣны были скорѣе только предлогомъ, чтобы уклониться отъ церкви, и религіозные вопросы служили нерѣдко лишь завѣсою политической опозиціи. Въ Москвѣ въ религіозномъ преніи многіе видѣли суть дѣла; уклонялись отъ церкви и ея духовныхъ властей, потому что боялись за свои души, были увѣрены, что не наслѣдуютъ царствія Божія, если примутъ еретическія нововведенія. Они бы хотѣли удержать и «старую вѣру» и по прежнему «поповъ» и іерархію. Но священники и духовныя власти, назначаемыя правительствомъ, были естественно люди, принявшіе никоновскія перемѣны. Триста московскихъ священниковъ, собравшихся у Грановитой Палаты, остаются безмолвными зрителями старообрядческихъ волненій во время преній Никиты Пустосвята съ патріархомъ. Они не только не принимаютъ участія въ раскольничьемъ движеніи, но одинъ изъ нихъ даже съ яростію бросается на Никиту. Правительство могло сдѣлать и сдѣлало, чтобы во главѣ приходовъ, особенно въ столицѣ, не стояли *по крайней мѣрѣ явные* сторонники старообрядства. Оговорка необходима: тайные сторонники старообрядства еще были въ духовенствѣ. Такъ, напр., въ эпоху самаго сильнаго гоненія на расколъ при Петрѣ I, духовникъ кн. Меньшикова, священникъ Лебедка, былъ несомнѣнно старообрядецъ, хотя этого никто, кромѣ немногихъ, не долженъ былъ знать (1). Если Петру I доносили, что

(1) Есиповъ. Варлаамъ Левинъ.

священники почти всѣ укрываютъ раскольниковъ (1), если это укрывательство было повсемѣстно, то всегда ли оно было слѣдствіемъ денежныхъ сдѣлокъ? Не укрывало ли иногда приходское духовенство раскольниковъ изъ сочувствія? Если такъ близко отъ двора были старообрядцы между духовными, то нельзя не предположить, что ихъ было гораздо болѣе вдали отъ него. Но явныхъ старообрядцевъ между членами причтовъ разумѣется не могло быть. Московскіе старообрядцы были такимъ образомъ поставлены въ очень затруднительное положеніе. Принять никоновскія перемѣны они не хотѣли, а безъ того у нихъ не было священниковъ. Новгородскій сѣверъ вышелъ изъ затрудненія, отказавшись отъ священниковъ; масса населенія средней Россіи по самому своему общественному складу, по установившемуся взгляду на вещи, не могла поступить также. Въ безпоповщинѣ съ отрицаніемъ таинствъ, какъ мы далѣе увидимъ подробнѣе, стоялъ въ связи особенный взглядъ на семейныя отношенія. Семейныя узы въ средней Россіи были прочнѣе, чѣмъ въ средѣ подвижнаго и временнаго населенія сѣвера. Начиная съ закрѣпленія брачныхъ узъ, съ крещенія ребенка, многое въ московской Руси заставляло чувствовать необходимость священника и духовныхъ властей. Неимѣніе своихъ поповъ по старинѣ должно было отзываться больно на душѣ многихъ изъ московскихъ старообрядцевъ. И вотъ, какъ скоро они прослышали, что въ Стародубѣ есть православный священникъ, исповѣдую-

(1) Чтенія, 1860, IV, смѣсь 282.

щій старую вѣру, имѣющій св. дары, отправляющій богослуженіе—они обратились туда. Стали туда стекаться старообрядцы изъ Москвы; начали поселяться тамъ и послѣдователи старой вѣры изъ другихъ мѣстъ. Попъ былъ найденъ; попа имъ недоставало для того, чтобы они могли назвать себя дѣйствительно послѣдователями старой вѣры. Какая старая вѣра могла быть безъ попа, безъ таинствъ? И вотъ въ Попуровкѣ, гдѣ поселился священникъ Кузьма, устраивается старообрядческая метрополія. Что за личность былъ священникъ Кузьма, что заставило его одного изъ московскихъ священниковъ бѣжать и объявить открытую вражду господствующей Церкви — это все равно. Личность его не имѣетъ тутъ никакого значенія. Никакого значенія не имѣло и то, что онъ бѣжалъ въ Стародубъ, а не куда нибудь въ другое мѣсто. Масса старообрядцевъ жаждала попа старой вѣры, и что бы онъ за личность ни былъ, гдѣ бы онъ ни явился, старообрядцы навѣрно потекли бы къ нему изо всѣхъ мѣстъ Россіи.

Такъ явилась старообрядческая метрополія. Въ войнѣ съ Карломъ XII стародубскіе старообрядцы оказали важную услугу Петру I. Вслѣдствіе этого мѣры противъ старообрядцевъ были нѣсколько смягчены. Въ 1714 г. было признано ихъ гражданское существованіе. Прежде раскольниковъ преслѣдовали и казнили, какъ враговъ государства, теперь, когда открылось, что цѣлые приходы въ Москвѣ, не смотря на предшествовавшія гоненія, населены сплошь раскольниками,—казнить всѣхъ было невозможно, и когда стародубскими старообрядцами бы-

ло доказано, что не только въ расколѣ не кроется политической опасности для государства, но что, разливаясь по окраинамъ его, расколъ содѣйствуетъ лишь ихъ большому обрусѣнію—нельзя было не измѣнить системы дѣйствій въ отношеніи его. Раскольниковъ записываютъ въ двойной податной окладъ—двойную подать положили штрафомъ за отступленіе отъ Церкви. Если раскольники были повѣнчены не въ церкви, съ нихъ брался еще денежный штрафъ. Этимъ положеніе раскольниковъ было весьма облегчено. За что прежде пытали и жгли, теперь за то лишь брали деньги и сравнительно небольшія. Впрочемъ, второстепенныя преслѣдованія продолжались. Если раскольникъ укрывался отъ платежа двойной подати — его ссылали въ каторгу. Расколоучителямъ рвали ноздри, за чѣмъ также слѣдовала ссылка на каторгу. Въ сотскіе и бурмистры запрещено было выбирать раскольниковъ и вообще опредѣлять ихъ въ какія либо должности. Петръ I не могъ примириться съ расколомъ: уже бритье бородъ и нѣмецкое платье, возмущавшія старообрядцевъ, проводили пропасть между нимъ и ими. Расколъ въ его время принялъ характеръ борьбы съ внутренними реформами, былъ силенъ и не только распространенъ въ крестьянской и купеческой средѣ, но находилъ послѣдователей между помѣщиками (¹). Питиримъ, самъ бывшій раскольникъ, потомъ епископъ, употреблявшійся Петромъ для склоненія раскольниковъ путемъ увѣщанія къ обращенію въ лоно Церкви, въ секретныхъ донесеніяхъ Петру

(¹) Русскій Архивъ, 1864, 240.

совѣтовалъ хватать и наказывать раскольниковъ (1). Онъ поставлялъ на видъ, что послѣдователи поповщины называютъ царя «благороднымъ,» но не «благочестивымъ» и «благовѣрнымъ.» Онъ же доводилъ до свѣдѣнія царя, что раскольники (т. е. старообрядцы) и безпоповщина посылаютъ своихъ учителей въ Сибирь и по городамъ. Это сообщеніе раскрываетъ силу раскола, въ то время преимущественно истекавшую изъ взаимной связи, которая существовала между послѣдователями его. Силу раскола доказываетъ и то, что. напр. въ епархіи Димитрія Ростовскаго книги, направленныя противъ раскола: «Жезлъ правленія» Симеона Полоцкаго и «Увѣтъ духовный» патр. Іоакима были почти истреблены раскольниками (2).

Преслѣдованіе раскола ослабѣло, но не прекратилось. Старообрядцамъ въ стародубскихъ поселеніяхъ стало жить неспокойно. Часть ихъ переселилась въ Вѣтку—поселеніе на островѣ р. Сожа, близъ Гомеля, на землѣ пана Халецкаго. Вѣтка находилась непосредственно за русской границей въ польскихъ предѣлахъ. За русскою границею старообрядцамъ надо было поселиться, чтобы ихъ недостала тамъ рука русскаго правительства; «непосредственно» за ней они должны были поселиться, чтобы быть въ общеніи со своими въ Россіи. На Вѣткѣ устроена была церковь, иконостасъ для которой достали изъ калужской церкви Покрова. Скоро Вѣт-

---

(1) Чтеніе, 1860, IV, смѣсь 281.

(2) Макарій, 338.

ка процвѣла. Тамъ сгруппировались 14 слободъ съ 40,000 жителями.

Когда вышло на Вѣткѣ іосифовское муро (сваренное при патр. Іосифѣ, предшественникѣ Никона), разбавлявшееся деревяннымъ масломъ, чтобы его стало на болѣе долгій срокъ, старообрядческій настоятель Ѳеодосій сварилъ новое. Вѣтка въ сущности была колоніею Стародуба, но скоро превзошла его богатствомъ и значеніемъ. Духъ разъединенія однако царствовалъ въ средѣ старообрядцевъ. Около 1730 г. стародубцы и вѣтковцы не имѣли между собою общенія ни въ яствѣ, ни въ питьѣ.

Если вѣтковцы, поселяясь за русской границей думали уйдти отъ руки русскихъ властей, то эта цѣль не была достигнута. При имп. Аннѣ полковникъ Ситинъ вступилъ въ Вѣтку, разорилъ ее и вывелъ 40,000 человѣкъ изъ нея въ Россію. Пребываніе на иностранной землѣ не спасало старообрядцевъ; эта иностранная земля—была Польша, паденіе которой подготовлялось; въ отношеніи ея не стѣснялись. Около 30 лѣтъ спустя послѣ перваго разгрома, когда Вѣтка начала обновляться, въ ней собралось почти прежнее число жителей и значеніе ея возстановлялось — генералъ-маіоръ Масловъ съ русскимъ отрядомъ напалъ на нее и увелъ 20,000 человѣкъ въ Россію. Церковь было позволено вѣтковцамъ взять съ собою. Съ этого времени Вѣтка болѣе не возстановлялась. Вѣтковцевъ, выселенныхъ послѣ втораго погрома, послали въ Сибирь. По вслѣдъ затѣмъ преслѣдованіе старообрядчества стало ослабѣвать. Еще при Петрѣ III положено бы-

ло начало болѣе гуманному отношенію къ послѣдователямъ раскола. Въ указѣ, вызывавшемъ раскольниковъ изъ за-границы говорилось, что они могутъ жить спокойно въ Россіи — «живутъ же въ ней магометане и идолопоклонники» (1). Этимъ произносился приговоръ прежнимъ гоненіямъ на расколъ; при Петрѣ III правительство уже высказывало такимъ образомъ мнѣніе, что если иновѣрцы живутъ спокойно и никѣмъ непреслѣдуемые въ Россіи, то странно преслѣдовать своихъ же русскихъ за нѣкоторыя отступленія въ вѣрѣ. Слѣдствія о самосожигателяхъ и раскольникахъ велѣно было прекратить и обидъ имъ больше не причинять (2). А затѣмъ указомъ о починеніи обидъ раскольникамъ верхнеисетскаго завода велѣно было даже назначить «для опекунства» надъ ними сенату достойнаго человѣка (3). Это назначеніе правительственнаго ходатая за раскольниковъ въ огражденіе ихъ отъ притѣсненій московской раскольничьей канцеляріи — представляетъ замѣчательное событіе въ кратковременное царствованіе Петра III и объясняетъ, почему имя этого государя сдѣлалось послѣ надолго лозунгомъ разныхъ сектъ раскола. Воспитанная въ правилахъ вѣротерпимости, сама философъ по убѣжденіямъ, Екатерина II также могла смотрѣть на расколъ лишь съ политической точки зрѣнія. Политической опасности со стороны раскола она не видала и не могла видѣть; этой опасно-

(1) П. С. З., ст. 11. 420.
(2) П. С. З., ст. 11. 434.
(3) П. С. З., ст. 11. 435.

сти не было. Екатерина вызываетъ указами раскольниковъ изъ-за границы, обѣщая имъ спокойное существованіе въ Россіи; она знаетъ, что это люди полезные, дѣятельные, и что если гоненія загнали ихъ прежде за русскіе предѣлы, то гоненій при ней имъ нечего опасаться. Второй вѣтковскій погромъ совершился въ то время, когда она, недавно вступивъ на престолъ, еще не была, какъ извѣстно—въ первые 2 года—вполнѣ самостоятельною. Духъ религіозныхъ гоненій былъ чуждъ Екатеринѣ. Въ письмѣ къ митр. Дмитрію Сѣченову (1), въ 1767 г., она возстаетъ на духъ гоненія, примѣченный ею въ нижегородской епархіи. Въ это время она ближе могла взглянуть на расколъ. По пріѣздѣ ея въ Городецъ, тамошніе священники подали ей челобитную о томъ, что имъ жить нечѣмъ, пѣтъ прихожанъ—всѣ записались въ раскольники. Наведены справки; дѣйствительно оказалось, что въ этой мѣстности, гдѣ по словамъ Екатерины примѣченъ ею былъ духъ гоненія, число раскольниковъ по послѣдней ревизіи значительно увеличилось. Раскольники, приходившіе къ приближенному лицу императрицы—Елагину говорили, что мѣстные священники обходятся съ ними какъ съ бусурманами, и при рожденіи младенца отказываются давать молитву и крестить. Сдѣлано было распоряженіе, чтобы мѣстный преосвященный прекратилъ такой порядокъ вещей.

Вскорѣ по вступленіи Екатерины на престолъ, близъ нея является человѣкъ хорошо знакомый съ

---

(1) Русскій Архивъ, 1866, 55.

положеніемъ церкви и раскола, бывшій ученикъ смоленской семинаріи, впослѣдствіи сохранившій расположеніе къ чтенію духовныхъ книгъ и къ богословскимъ спорамъ—Потемкинъ. Поручикъ конной гвардіи, будучи назначенъ въ синодъ за оберъ-прокурорскій столъ, Потемкинъ является проводникомъ идей императрицы по церковнымъ вопросамъ. Человѣкъ, чуждый невѣротерпимости, получившій отъ папы благодарственную буллу за охраненіе интересовъ католицизма, другъ старообрядческаго патріарха Андрея Борисова, получавшій отъ него посланія—Потемкинъ при возрастаніи его силы долженъ былъ значительно содѣйствовать облегченію участи раскольниковъ въ Россіи. Въ 1769 г. раскольникамъ дано было право судебнаго свидѣтельства. Въ 1782 отмѣнено было въ правительственныхъ бумагахъ названіе «раскольниковъ» для старообрядцевъ; они стали называться этимъ послѣднимъ именемъ. Отмѣнена была одежда, отличавшая послѣдователей раскола отъ прочихъ гражданъ. Въ 1785—позволено было старообрядцамъ вступать въ общественныя должности. Такимъ образомъ рядъ узаконеній далъ старообрядцамъ гражданскія права, которыхъ они были лишены.

Прекратилось преслѣдованіе старообрядства — и поповщина какъ религіозная секта теряетъ значеніе: она постепенно превращается въ старообрядческую экономическую общину.

Фанатизмъ преслѣдованія порождаетъ изувѣрство. Первые старообрядческіе попы выказывали духъ нетерпимости. Каждый переходившій къ нимъ изъ «еретиковъ» былъ перекрещиваемъ. Сами старообряд-

цы не допускали къ себѣ поповъ, посвященныхъ со временъ Никона. Старообрядцевъ гонятъ; они клянутъ еретиковъ и не хотятъ имѣть съ ними дѣла. Это—религіозные сектанты. При Петрѣ I старообрядцевъ преслѣдуютъ не столько какъ религіозную секту, сколько какъ противниковъ внутреннихъ реформъ. Измѣняется самый смыслъ раскола. Религіозныя убѣжденія болѣе не гонятся, а лишь штрафуются двойнымъ податнымъ окладомъ,—и тотчасъ же выясняется, что не столько разногласія въ дѣлахъ церкви, сколько система преслѣдованія произвела церковный раздоръ. Какъ скоро прекратились преслѣдованія религіозныхъ убѣжденій, такъ прежняя сектантская нетерпимость раскольниковъ ослабѣваетъ. Въ Стародубѣ перекрещивали, опуская человѣка, подхваченнаго подъ мышки холстомъ, въ воду; въ Вѣткѣ, основанной тѣмъ же стародубскимъ попомъ Кузьмой и пришедшимъ къ нему другимъ попомъ Степаномъ, подъ перекрещиваньемъ уже разумѣютъ то, что просто предъ крещаемымъ ставили горшокъ съ водой (1), а потомъ крещеніе даже совсѣмъ отмѣняется и замѣняется муропомазаніемъ. Сначала старообрядцы принимали лишь священниковъ стараго посвященія (до Никона) и разъ даже перекрестили священника, погрузивъ его въ воду въ полномъ облаченіи, въ ризахъ, «чтобы онъ не лишился при этомъ священства» (2); потомъ стали принимать и священниковъ новаго посвященія, муропомазывая ихъ (также непремѣнно въ облаченіи),

(1) Макарій, 298.
(2) Макарій, 297.

а послѣ и безъ этого. Первые старообрядцы кляли никоніанъ и давали обѣщаніе съ ними не спорить; впослѣдствіи въ вѣткѣ нисколько не возбранялось сношеніе и общеніе въ пищѣ и питьѣ съ тѣми же никоніанами. Сначала старообрядцы держались только иконъ стараго письма; вѣтковцы принимали и новыя.

Если впослѣдствіи старообрядцы принимаютъ къ себѣ священниковъ новаго посвященія, даже не производя надъ ними никакихъ обрядовъ, то можно ли сказать, что они отвергали господствующую церковь и не признавали ея іерархіи? Можно ли сказать, что они считали еретиками архіереевъ, рукоположеніе которыхъ на своихъ «попахъ» признавали освященіемъ? Одно изъ двухъ: или еретикъ по ихъ мнѣнію могъ передавать освященіе, или признаніе іерархіи господствующей Церкви еретическою было не болѣе, какъ старинымъ принятымъ преданіемъ, и церковная распря во-очію становилась лишь мнимымъ предлогомъ, за которымъ стояла распря соціальная.

Признавая архіереевъ господствующей Церкви, старообрядцы не могли не признавать и самой церкви. Очевидно, лишь другія причины удерживали ихъ вдали отъ нея.

Старообрядство постепенно принимаетъ характеръ экономической общины, охватывающей всю Россію. Чѣмъ болѣе усвояетъ оно себѣ этотъ характеръ, тѣмъ число послѣдователей его растетъ все болѣе.

Старообрядство въ первое время—какъ религіозная секта—является именно *поповщиною*. Попъ является первою потребностью старообрядства. Какъ

скоро явилась потребность эта со стороны людей часто вліятельныхъ и богатыхъ, такъ не было недостатка въ священникахъ, переходившихъ изъ господствующей церкви къ нимъ. Но число послѣдователей старообрядства увеличивалось и поповъ не всегда хватало. Попъ сдѣлался какъ бы представителемъ извѣстной цѣнности; въ стародубскихъ поселеніяхъ поповъ иногда продавали, напр., рублей за 100. Если прихожане были недовольны своимъ попомъ, они отдавали его другому приходу. Это былъ слѣдъ обычая, существовавшаго въ Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ, прихожанамъ брать съ выборнаго ими священника запись и отсылать священника, если онъ не исполнялъ уговора по записи. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы прихожане-старообрядцы могли быть часто требовательны въ отношеніи своего попа; попы были въ нѣкоторыхъ мѣстностямъ такъ рѣдки, что приходилось довольствоваться каковы бы они ни были. Явились странствующіе попы; ихъ перевозили изъ одного мѣста въ другое въ ящикахъ, прикрывъ рогожами, прятали въ подвалахъ. Чѣмъ бдительнѣе былъ надзоръ, чтобы священники господствующей церкви не переходили къ раскольникамъ — тѣмъ изворотливѣе становились старообрядцы въ добываніи себѣ поповъ. Являлись лица, добывавшія себѣ архіерейскій санъ неправо, иные сами себя производили въ архіереи; послѣ открывалось ихъ неправое поставленіе, и при всемъ томъ рукоположенные ими попы были признаваемы за такихъ и совершали службы. Словомъ, нуженъ былъ попъ; а гдѣ бы, какъ бы и даже кого бы ни добывали въ это званіе—было все равно.

IX

БЕЗПОПОВЩИНА.

Монгольское владычество наложило надолго-неизгладимую печать на русскую землю: одна половина ея, открытая набѣгамъ конныхъ татаръ, была завоевана ими силою; другая, охраненная отдаленностью и естественными препятствіями, подчинилась Ордѣ по добровольному соглашенію князей. Ордынскимъ наѣздникамъ нельзя было далеко уклоняться отъ южно-русской степи; валдайская возвышенность и полѣсье охранили новгородскую Русь и польско-литовскій край отъ ихъ набѣговъ. Слѣдствіемъ было, что русская земля незамѣтно раздѣлилась на двѣ части, съ различнымъ во многомъ складомъ жизни и народнаго быта. На одной монгольское иго чувствовалось сильнѣе, побѣдители больше вліяли на побѣжденныхъ; другая, защищенная своими лѣсами и болотами, продолжала жить прежнею жизнью, откупаясь отъ татарскихъ порядковъ данью. Розпь между двумя половинами русской земли окончательно обозначилась въ XV ст. Произошло столкновеніе, и московская Русь побѣдила новгородскую; сила сломила волю.

Долго оставался неизглаженнымъ слѣдъ, наложен-

ный господствомъ монголовъ. Отличительныя черты двухъ половинъ русскаго края надолго остались обозначенными. Когда расколъ шевельнулъ всѣ мѣстности Россіи и отозвался во всѣхъ уголкахъ ея, московская и новгородская розпь снова вышла наружу. Въ московской Россіи утвердилась поповщина, въ древне-новгородской—безпоповщина. Кто изучилъ отличіе этихъ двухъ половинъ русской земли другъ отъ друга въ другихъ отношеніяхъ,—тотъ могъ бы заранѣе предсказать, въ какой формѣ проявится расколъ тутъ и тамъ. Вмѣстѣ съ ордынскимъ вліяніемъ нужно принять во вниманіе и условія мѣстности. Москва вводила чиноначаліе во всей Россіи, въ ней этотъ элементъ чиноначалія былъ силенъ. Въ ней должна была утвердиться скорѣе всего поповщина съ ея стремленіемъ имѣть освященную власть, съ ея приверженностію къ обрядамъ и признаніемъ духовной іерархіи. Въ московской Руси уклоненіе въ расколъ не могло быть слишкомъ рѣзко: должно было оставаться нѣкоторое непризнанное общеніе съ господствующею церковью. Здѣсь, при сравнительно густомъ осѣдломъ населеніи и установившихся семейныхъ порядкахъ, церковная обрядность должна была имѣть большое вліяніе.

Древне-новгородскій сѣверъ былъ совсѣмъ не то. Это была искони страна религіознаго и политическаго свободомыслія. Вольный Новгородъ, владѣвшій русскою землею отъ Урала до псковскаго рубежа, не былъ сторонникомъ чиноначалія. Разрозненное, нерѣдко кочевое, временное населеніе сѣвернаго края не могло стоять за обрядность. Обря-

дность прививается къ сплошному осѣдлому населенію, въ средѣ котораго существуетъ лѣствица взаимныхъ отношеній лицъ между собою. Семейныя и родовыя узы, имѣющія прямое отношеніе къ охраненію обрядности, въ средѣ сѣверно-русскаго населенія не могли имѣть такого значенія, какъ на югѣ. На это вліяли разрозненность его и отчасти временной характеръ. На новгородскомъ сѣверѣ расколъ долженъ былъ явиться преимущественно въ формѣ безпоповщины.

Послѣдователи раскола въ средней Россіи хотѣли духовной власти надъ собою. Они употребляютъ всѣ средства, чтобы добыть себѣ священниковъ. Установившіяся преданія имѣли для нихъ силу и обаяніе. Въ Стародубѣ не было сначала церкви—этого довольно, чтобы тамъ, не смотря на большое число прихожанъ –старообрядцевъ, совсѣмъ не служили литургіи, а довольствовались прочими службами. На Вѣткѣ строятъ церковь только тогда, когда добыли ветхій антиминсъ изъ церкви же. Нѣтъ причастія у старообрядцевъ—тѣми или другими путями оно является; крохи стараго причастія, или выдаваемаго за такое, смѣшиваются съ тѣстомъ, и вновь испеченные хлѣбы служатъ для причастія: довольно, что тутъ есть частица стараго; это-то «старое» и имѣетъ цѣну. Причастіе носятъ при себѣ; иногда оно пересылается въ орѣховыхъ свищахъ—сильна вѣра въ таинство, и если нѣтъ по близости священника, то по крайней мѣрѣ должно быть на готовѣ причастіе на случай нужды. Сильно убѣжденіе, что нужна исповѣдь—исповѣдуются даже у простаго міряпина, записывающаго

грѣхи на бумагѣ и отсылающаго ихъ къ отсутствующему попу на разрѣшеніе. Поповъ мало, а между тѣмъ потребность въ священнодѣйствіи велика. Слѣдствіемъ этого является заочное отпѣваніе умершихъ, вѣнчаніе нѣсколькихъ паръ однимъ священникомъ одновременно, исповѣдь вслухъ пятидесяти человѣкъ и болѣе, крещеніе младенцевъ въ 46 купеляхъ въ одной церкви (¹). Всѣ эти особенности, которыя обличители раскола выставляли какъ доказательство нелѣпости раскольничьихъ обычаевъ, имѣютъ только одинъ историческій смыслъ: люди, которыхъ отрывали отъ чтимой ими старины, судорожно схватывались за эту старину, хотя въ рукахъ ихъ были только остатки ея.

Иначе смотрѣлъ новгородскій сѣверъ на старину. И онъ стоялъ противъ всего новаго. И онъ, подобно послѣдователямъ раскола въ средней Россіи, отвергалъ какъ никоновскія перемѣны, такъ куреніе табаку, празднованіе новаго года въ январѣ, употребленіе чая, нѣмецкое платье, итальянское пѣніе, иностранную живопись, бритье бородъ и усовъ, анатомированіе и бальзамированіе мертвыхъ тѣлъ и т. д. Къ табаку послѣдователи раскола примѣняли слова посланія къ евреямъ: «корень горести выспрь прозябаяй, иже пакость творитъ и тѣмъ оскверятся мнози.» Московскіе вѣдосѣвцы впослѣдствіи ставили между причинами своего необщенія съ поморцами то, что тѣ до обѣда и послѣ него орѣхи грызутъ и ягоды ѣдятъ и трижды въ день *чай* пьютъ. Раско-

(¹) Мельниковъ. Очерки поповщины. Русск. Вѣст. 1866 г., № 5, стр. 20.

лоучители писали что кто *чай* пьетъ, тотъ долженъ *отчаяться* въ спасеніи. Замѣчательно, что впослѣдствіи, когда раскольники стали уже менѣе строги въ отношеніи употребленія чая, старики ихъ отказывались пить чай, который пивали въ молодости. Употреблявшіе чай въ началѣ предавались троекратной анаѳемѣ. Кофе при введеніи его въ употребленіе вызвалъ еще болѣе сильный протестъ. Противъ *кофе* писалось, что кто пьетъ его—въ сердцѣ того будетъ *ковъ*. Кофе предавался десятикратной анаѳемѣ (1). Если чай проклинался только три раза, а кофе—десять, то это можетъ быть и потому, что главными вводителями кофе въ русскомъ обществѣ были имп. Анна и Биронъ, въ такой степени гнавшіе расколъ. Между безпоповцами еще въ сравнительно недавнее время была распространена тетрадь противъ картофеля (2). Въ прошломъ столѣтіи, когда введеніе картофеля въ хозяйство правительственными мѣрами вызывало бунты въ народѣ, трава, „зовомая *картовь*“ называлась у раскольниковъ «похотью антихристовою», такъ какъ она «отъ Рима начало имать». Новгородскій сѣверъ также стоялъ противъ нововведеній и за старину; но старина у него была другая, чѣмъ въ Москвѣ. Въ Москвѣ стояли за до-никоновскіе обряды,—старина новгородская восходила къ временамъ стригольниковъ и раціоналистическихъ ученій игумена Артемія и Матвѣя Башкина. И въ до-московскую старину Новгородъ обходился иногда въ своихъ церковныхъ дѣлахъ безъ благословенія высшихъ іерар-

(1) Добротворскій. Прав. Обозр. т. VII, стр. 388.
(2) Чтенія, 1865, III, смѣсь, 252.

хическихъ властей. Новгородскіе владыки Арсеній и Ѳеодосій не были вовсе посвящены высшею церковною властію: народный выборъ очевидно значилъ болѣе въ глазахъ новгородцевъ, чѣмъ митрополитское, или патріаршее, посвященіе. Тамъ, гдѣ установились такія возрѣнія—а они установились во всей сѣверной Россіи отъ Урала до Ливоніи—послѣдователи раскола не могли долго задумываться надъ тѣмъ, что у нихъ не было поставленныхъ въ священство. Они по родовымъ преданіямъ привыкли видѣть въ духовномъ отцѣ учителя, выбраннаго ими самими и удовлетворявшаго ихъ—очень можетъ быть, часто невзыскательнымъ—требованіямъ. Пока духовнымъ отцомъ ихъ былъ выбранный ими попъ—мы видѣли, что право избранія священниковъ приходомъ сохранялось въ Россіи еще при Алексѣѣ Михайловичѣ — новгородскій поморянинъ довольствовался имъ. Когда назначеніе священниковъ перешло въ руки власти, онъ отступилъ въ расколъ и отказался отъ назначенныхъ ему священниковъ, даже не спрашивая лучше они или хуже прежнихъ. Явились учители, соотвѣтствовавшіе тому уровню, на которомъ стояли сѣверные послѣдователи раскола. Христіанская вѣра распространилась на сѣверѣ сравнительно позже; языческія повѣрія и преданія были тамъ еще сильны; вліяніе протестантской Европы шло въ Россіи чрезъ новгородскія земли. Если ко всему этому прибавить, что еще не исчезло вполнѣ новгородское соперничество съ Москвой, то не удивительно, что сѣверные жители, опираясь на никоновскія перемѣны, гораздо болѣе удалились отъ го-

сподствующей церкви, чѣмъ послѣдователи раскола въ средней и южной Россіи. Явилось ученіе, что съ Никона наступило царствованіе антихриста. Вѣрили ли этому умные и толковые люди, насадившіе расколъ на сѣверѣ—это другой вопросъ. Но имъ нужно было какъ можно рѣзче отдѣлиться отъ власти, введшей перемѣны и отъ принявшихъ измѣненія—и что же могло рѣзче и сильнѣе подѣйствовать на толпу, какъ не ученіе объ антихристѣ?

«Въ безпоповщинѣ естественно всякъ считаетъ себя въ правѣ быть учителемъ,» говоритъ преосв. Макарій (1), и вотъ какой нибудь полуграмотный дьячекъ, и чернецъ, и бродяга, и бѣглый солдатъ, и безграмотный мужикъ или пастухъ, и даже баба Акулина—выдумываютъ свои жалкіе толки и основываютъ свои согласія.»

Да, и именно потому, что бѣглый солдатъ, и безграмотный мужикъ, и даже баба Акулина являлись проповѣдниками ученій, ихъ слушали и солдаты, и мужики, и бабы. Куда ни проникла бы рѣчь просвѣщеннаго проповѣдника, тамъ слушали своего человѣка, часто извѣстнаго строгостью жизни и благонравіемъ, иногда изворотливаго плута и хитреца, но почти всегда человѣка способнаго и умнаго. Правда, если брать мѣриломъ грамотность и образованіе, учитель иногда былъ немного выше научаемаго, но именно потому, что одинъ былъ такъ близокъ къ другому, что ученіе одного было близко къ пониманію другаго—это ученіе преуспѣвало. Потребность умственной самодѣятельности

(1) Макарій, 285.

была сильна въ народной средѣ. Эти миліоны, которые со времени закрѣпощенія были предоставлены самимъ себѣ и о которыхъ никто не заботился, хотѣли также жить умственною жизнію. Расколоучители, близкіе къ народу, умѣли дать пищу его умственной самодѣятельности. Жалка была эта пища съ ея религіозною софистикою и догматическимъ туманомъ, но все-таки это было кое-что, особенно для среды, гдѣ церковныя книги были болѣе извѣстны, чѣмъ другія.

И расколъ на сѣверѣ росъ. Болѣе предпріимчивые и даровитые изъ простолюдиновъ, видя, что народная среда ждетъ хоть какого нибудь умственнаго движенія, что закрѣпощенные миліоны недружелюбно смотрятъ на перемѣны, вводимыя при посредствѣ владѣльческаго класса и преимущественно для него — брали на себя роль представителей народа, являлись его учителями и соотвѣтственно тому уровню, на которомъ стояла слушавшая ихъ масса, избирали предлогомъ религіозное разномысліе и основывали разные толки и согласія.

Поповщина распространилась преимущественно въ средней и южной Россіи и всюду проникла изъ Москвы. Безпоповщина — преимущественно на сѣверѣ Россіи и главнымъ центромъ ея распространенія была Обонежская древне-новгородская область. Такимъ образомъ понятнымъ становится числовое неравенство послѣдователей той и другой. Безпоповцевъ считается въ настоящее время 3 миліона (1); слѣдовательно безпоповцы по численности

(1) Мельниковъ 1861, № 3, 78.

относятся къ поповцамъ, какъ 3 : 5. Если статистическія цифры стоятъ ниже дѣйствительности, если тѣхъ и другихъ послѣдователей раскола болѣе 8 мил., то во всякомъ случаѣ пропорція вѣроятно вѣрна: малолюдный сѣверъ, хотя онъ схватился страстнѣе за расколъ и держался его упорнѣе, не могъ дать ему столько послѣдователей, сколько болѣе населенныя средняя и южная полосы Россіи вмѣстѣ.

Но не всегда были у безпоповцевъ учителя изъ простонародья и безъ образованія. Впослѣдствіи, когда масонство отчасти отвѣтило тѣмъ же требованіямъ въ высшемъ классѣ населенія, какимъ удовлетворялъ расколъ въ низшемъ, и когда расколъ слишкомъ рѣзко сталъ проявленіемъ жизни преимущественно крѣпостнаго населенія — учителями его являются по большей части люди безвѣстные, вышедшіе изъ народной же среды. Но въ эпоху Петра I, когда раскольниками были и помѣщики, между расколоучителями безпоповцевъ мы видимъ потомковъ князей Мышецкихъ и бояръ Урусовыхъ. Этимъ-то послѣднимъ—людямъ образованнымъ, дѣятельнымъ и имѣвшимъ вліяніе,—безпоповскій расколъ обязанъ много своимъ распространеніемъ. Выговская обитель, основанная въ онежскомъ краѣ Даніилою Викулинымъ и сдѣлавшаяся извѣстною при настоятельствѣ Андрея и Семена Денисовыхъ—изъ рода кн. Мышецкихъ, была такою же митрополіею безпоповцевъ въ Россіи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, какою Вѣтка для поповцевъ. Началось со скитовъ, съ пустынножительскихъ

избушекъ въ лѣсахъ, въ малопзвѣстныхъ чащахъ. Соловецкій монастырь, боровшійся открытою силою противъ никоновскихъ перемѣнъ, сдѣлалъ первый починъ дѣятельнаго распространенія раскола на сѣверномъ поморьѣ, но еще прежде расколъ появился въ обонежскомъ краѣ, благодаря сосланному въ Палеостровскій монастырь епископу Павлу Коломенскому. Реформы Петра, въ особенности бритье бородъ и усовъ, вызвали новыя массы раскольниковъ и, убѣгая «отъ власти антихристовой,» недовольные тѣмъ, что совершалось вокругъ нихъ, они удалялись въ малодоступные лѣса и дебри и тамъ устраивали скиты. Сначала селились отдѣльно, срубали избу, расчищали лѣсъ подъ пашню. Потомъ нужда въ бѣдномъ и пустынномъ краѣ заставляла жителей скитовъ соединять ихъ усилія; возникало общежитіе. Выговская обитель началась изъ малаго. Ея основатели также прошли черезъ рядъ испытаній. Очищенная отъ лѣса почва давала иногда довольно хлѣба; бывали случалось урожаи—18. Но новина скоро истощалась; въ этихъ сѣверныхъ лѣсахъ возможна только система короткой обработки даннаго участка земли, если нѣтъ удобренія. Приходится оставлять землю непаханною много лѣтъ и очищать изъ подъ лѣса новый участокъ. Такое хозяйство невыгодно, но таково оно въ настоящее время и другимъ оно не могло быть полтораста лѣтъ назадъ. У поселенцевъ бывалъ хлѣбный недородъ; хозяйство въ этой мѣстности было для нихъ ново и велось безъ средствъ; земля обработывалась безъ удобренія, потому что не было скота. Въ нуждѣ пекли хлѣбъ съ примѣсями, иног-

да отъ нихъ расплывавшійся въ печи. Ясно было, что человѣкъ среди этой природы, живя одиноко, совершенно безпомощенъ. Нужно было соединить усилія.

Таже причина, которая вызвала существованіе многихъ монастырей въ сѣверной Руси съ давнихъ временъ, вызвала и общежитіе на р. Выгѣ. Данило Викулинъ, дьячекъ Шунскаго погоста, является настоятелемъ небольшой общины. Соединясь съ нѣсколькими другими скитниками ради взаимной пользы, дѣятельныя головы — а только такія и могли вступить въ борьбу съ этою суровою природою— постепенно нашли исходъ изъ труднаго положенія. Осмысленный, предпріимчивый трудъ скоро привелъ отъ бѣдности къ достатку. Спачала выговцы должны были невольно поститься, и ударъ въ доску созывалъ ихъ молиться въ бѣдную избушку. Потомъ явились средства, заведенъ былъ скотъ, устроилось хозяйство. Мало было своего хлѣба—выговцы нашли путь на Волгу: тамъ его было много. Начавъ привозить его для себя, они стали послѣ возить его въ Петербургъ. Не ограничиваясь комерческою предпріимчивостью, они являются полезными работниками на олонецкихъ желѣзныхъ заводахъ. Научась здѣсь горному дѣлу, они открываютъ рудники на Уралѣ и полагаютъ тамъ основаніе металическому производству. Бывая на Уралѣ, на Волгѣ и въ Петербургѣ, они вездѣ находятъ себѣ приверженцевъ и связи. Растетъ благосостояніе Выговской обители, но съ тѣмъ вмѣстѣ растетъ и расколъ. Эти предпріимчивые, смышленые, чуждые домосѣдства люди, знакомясь съ разными уголками Россіи и дѣ-

лаясь торговыми и промышленными посредниками между ними, наживаютъ деньги и съ тѣмъ вмѣстѣ привлекаютъ въ расколъ всѣ тѣ жаждущія жизни силы народа, которыя глохли до того. Эти новыя силы затѣмъ придаютъ новую жизнь расколу.

Во время преслѣдованій раскольники должны были прибѣгать къ иносказательнымъ и условнымъ способамъ выраженія мыслей въ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Они употребляли тарабарскую грамоту, вошедшую у насъ въ употребленіе въ XV ст. и состоявшую въ замѣнѣ однѣхъ буквъ въ словахъ другими. Въ примѣръ тарабарской грамоты можно привести слѣдующее выраженіе изъ донесеній московскаго гонца, посланнаго въ Смоленскъ (1649) (1): «Шѣлки шлросепяту цошѣцапысль.» Употреблялась тарабарская грамота и въ частной перепискѣ. Извѣстно напр. одно письмо тарабарскимъ языкомъ написанное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ къ Матюшкину. Въ старинныхъ рукописяхъ часто можно видѣть тарабарскую подпись «аршнь» вмѣсто «аминь». Чаще всего замѣна буквъ въ тарабарской грамотѣ производилась слѣдующимъ образомъ:

б, в, г, д, ж, з, к, л, м, и
щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п

Верхняя и нижняя буквы въ этомъ столбцѣ обыкновенно замѣнялись одна другою. Гласныя буквы въ словахъ оставались совершенно безъ измѣненія. Основываясь на этомъ ключѣ мы можемъ прочесть и приведенныя слова смоленскаго гонца 1649 г.:

«Вѣсти всмолиску довѣданылсь»

---

(1) Акты, отн. къ Ист. Южн. и Зап. Россіи, I, стр. 247.

Допуская нѣкоторую неточность въ печатномъ текстѣ тарабарской фразы—смыслъ довольно понятенъ.

Въ употребленіи у раскольниковъ также было произношеніе словъ въ разговорѣ и расположеніе ихъ въ письмѣ—наоборотъ, начиная съ конца вмѣсто начала. Такъ напр. «илиразаръ ценежрекъ»: если прочесть слова съ другаго конца—будетъ «разоренъ Керженецъ». Повидимому бѣглый разговоръ по такому способу довольно труденъ, но практика преодолѣваетъ трудности. Мы имѣемъ свидѣтельство, что ученики воронежскаго духовнаго училища въ 1827 г. бѣгло говорили между собою такимъ образомъ (1). Тѣмъ болѣе должны были напрактиковаться въ такомъ языкѣ послѣдователи раскола въ эпоху гоненій на нихъ. Послѣдователи раскола прибѣгали также къ иносказательному языку; напр.: «мы купили соль, да сырую, просушили на рогожкахъ и ссыпали въ сусѣкъ.» Это значило, что пріобрѣтены были новые послѣдователи расколу, которыхъ по испытаніи на Рогожскомъ кладбищѣ присоединили къ раскольничьей паствѣ. Такъ «поѣхать въ Шацкъ»—значило «обратиться въ православіе». Существуетъ цѣлый словарь выраженій и словъ, употреблявшихся у послѣдователей раскола иносказательно. Иногда иносказаніе въ подобныхъ случаяхъ отзывалось чрезвычайнымъ цинизмомъ. Такъ «собаки» было общеупотребительное выраженіе, вмѣсто «чиновники», «начальствующія лица»; «кабакъ» — значило «церковь» (2), т. е. православная.

(1) Прав. Обозрѣніе, 1866, № 1, стр. 267.
(2) Прав. Обозрѣніе, 1866, № 1, стр. 270—272.

Но всего болѣе надобно обратить вниманіе на распространеніе между раскольниками языка офеньскаго. Это соотношеніе между расколомъ и офенями очень важно. Офени—ходебщики Владимірской губерніи—извѣстны по всей Россіи. Безпоповскій расколъ, утвердившійся впослѣдствіи на русскомъ сѣверѣ, зародился во Владимірской губерніи, гдѣ были сильны — какъ и въ Костромской — послѣдователи перваго расколоучителя Капитона. Языкъ офеньскій употребляетъ слова иностраннаго или загадочнаго происхожденія вмѣсто обыкновенныхъ (Стотъ—Богъ, икона; хрутецъ—отецъ, возграпъ—городъ и т. д.). Офени, ходя съ коробками товаровъ по всей Россіи, заходя во всѣ уголки ея, должны были сильно содѣйствовать распространенію раскола. Распространяясь въ употребленіи—въ теченіе послѣднихъ 150 лѣтъ офеньскій языкъ въ настоящее время раздѣлился на три вѣтви: собственно офеньскій (во владимірской губерніи), галичонскій (въ костромской) и матрайскій (въ ряз. и нижегород. губ.). Офеньскій языкъ употребляетъ въ значительной части случаевъ тарабарскій способъ перемѣщенія буквъ, но придерживается обыкновеннаго граматическаго измѣненія словъ. Собственныя имена въ немъ замѣняются своеобразно; такъ Москва — на офеньскомъ языкѣ—Батуся.

Но постоянно опасаясь гоненій, постоянно замыкаясь въ своей средѣ, составляя какъ бы отдѣльный міръ, послѣдователи раскола втягивали между тѣмъ въ этотъ міръ всѣ жаждавшія жизни и дѣла силы русскаго земства.

Расколъ искалъ во всѣхъ уголкахъ Россіи людей,

могшихъ быть полезными ему. Въ уголкахъ и захолустьяхъ обширнаго царства, куда иногда вовсе не проникало офиціальное вліяніе, жили также люди со стремленіемъ къ дѣятельности, и расколъ отыскивалъ этихъ людей, усвоивалъ ихъ себѣ, дѣйствовалъ черезъ этихъ своихъ избранниковъ на мѣстное населеніе и такимъ образомъ пріобрѣталъ громадную силу.

Люди ловкіе и смышленые, раскольники-безпоповцы хотя и учили о послѣдовавшемъ уже пришествіи антихриста и о томъ, что антихристъ царствуетъ,—не прочь однако были ладить съ князьями міра сего. Выговцы посылали Петру I подарки, лошадей, быковъ и т. д. При этомъ же отправлялись письма къ царю, и посылавшіе были очень довольны, что Петръ читалъ эти письма вслухъ (1). Система задариванья продолжалась и впослѣдствіи. Много подарковъ шлется отъ выговцевъ ко двору Петра II и Анны Ивановны. Страсть Петра II къ охотѣ не ускользаетъ отъ вниманія выговцевъ: они посылаютъ ему оленей и т. д. Ловкость и подарки долго спасаютъ ихъ отъ гоненія.

Явленіе во всякомъ случаѣ замѣчательное: изъ той среды, которая учила, что антихристъ уже пришелъ и царствуетъ, и что Петръ I и есть этотъ антихристъ, что вернувшійся изъ заграничнаго путешествія царь Петръ не есть сынъ Алексѣя Михайловича, а настоящій Петръ былъ подмѣненъ заграницей,—изъ среды гдѣ разсѣявались всѣ эти ученія, слались къ тому же Петру посланія и щедрые

(1) Филиповъ, 140.

подарки. Эта тактика и умѣнье находить доброжелателей въ кругу вельможъ приносили свою долю пользы выговскимъ безпоповцамъ. Одинъ изъ главныхъ учителей ихъ, Семенъ Денисовъ, арестованный новгородскимъ архіеп. Іовомъ и посаженный въ темницу, нашелъ способъ спастись изъ нея и возвратился къ своимъ. Несомнѣнно однако, что умѣнье ладить съ предержащими властями не всегда приносило выговцамъ столько пользы, сколько то, что они умѣли себя сдѣлать людьми во многихъ отношеніяхъ полезными и необходимыми. Петръ I не могъ относиться какъ фанатическій преслѣдователь къ людямъ, промышленная дѣятельность которыхъ охватывала значительную часть Россіи, которые открывали ему рудники на далекомъ Уралѣ; тотчасъ передѣлали свои суда, торговавшія хлѣбомъ, по новому образцу, какъ скоро о томъ вышелъ указъ; наконецъ—къ тѣмъ людямъ, за которыхъ, какъ за необходимыхъ работниковъ, такъ стоялъ начальникъ петровскихъ олонецкихъ заводовъ, Гейнингъ. Петръ долженъ былъ даже обходиться съ ними милостиво, какъ съ людьми полезными.

Посланія къ Петру и подарки ему и его преемникамъ съ одной стороны, и ученіе о Петрѣ какъ объ антихристѣ съ другой, непоминаніе царскаго дома въ церкви и вмѣстѣ записываніе въ той же высшей власти — все это показываетъ двойственность въ дѣятельности раскольниковъ и ихъ убѣжденіяхъ. Эта двойственность объясняется самимъ характеромъ раскола въ это время: для массы онъ— все еще религіозное необщеніе съ «щепотниками" (отъ «щепоть»; раскольники называли крестивших-

ся тремя перстами—крестящимися «щепотью»); но въ кругу промышленныхъ и дѣятельныхъ личностей, для которыхъ церковный раздоръ былъ только знамя и которые придали расколу его организацію и силу, религіозная секта уже переходила въ экономическую общину. Экономическая община находила по своимъ торговымъ предпріятіямъ нужнымъ искать защиты и покровительства высшихъ властей; но основатели ея и главные дѣятели имѣли значеніе въ массѣ своихъ послѣдователей только какъ враги вводимыхъ реформъ и какъ борцы противъ антихристовой власти. Чѣмъ болѣе экономическая община брала верхъ надъ религіозною сектою въ расколѣ—а это, какъ мы видѣли, было съ постепеннымъ прекращеніемъ гоненій,—тѣмъ менѣе враждебно относился расколъ къ власти и тѣмъ терпимѣе становился онъ въ своихъ ученіяхъ и догматахъ. Когда, по доносу Круглаго при имп. Аннѣ, послали на Выгъ слѣдственную комисію навести справки, точно ли выговцы не молятся за царскую фамилію—можно было уже ожидать, что выговцы и въ этомъ отношеніи не разойдутся съ правительствомъ. Уступка дѣйствительно была сдѣлана: выговцы внесли, съ рѣшенія своихъ учителей, царскій домъ въ свои молитвы. Еслибы начальникъ слѣдственной комисіи Самаринъ дѣйствовалъ снисходительнѣе, то можетъ быть эта уступка была бы принята всѣми безпоповцами. Но система стѣсненій еще не миновала, а мы видѣли, что чѣмъ болѣе усиливались стѣсненія, тѣмъ расколъ становился нетерпимѣе и усиливался какъ враждебная секта. Многіе безпоповцы отдѣлились отъ выговцевъ, на-

звавъ ихъ самарянами (отъ Самарина, съ розыска котораго была сдѣлана уступка). Явилось распаденіе въ поморскомъ согласіи, центромъ котораго былъ Выгъ; явились новыя секты и толки, враждебные уступкѣ. Самая уступка потеряла свое прежнее значеніе.

Безпоповскій расколъ почти окончательно превращается въ экономическую общину только со времени прекращенія преслѣдованій при Екатеринѣ II, когда послѣдователи его находятъ возможнымъ сдѣлать средоточіемъ своимъ Москву.

X

РАСКОЛЪ КАКЪ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБЩИНА.

Съ первою раскольничьею проповѣдью толпы людей, недовольныхъ новыми порядками и гонимыхъ въ Москвѣ, бѣгутъ изъ нея на русскія окраины и за границу. Русскіе выходцы бѣгутъ въ Китай и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, даже въ Японію, въ Турцію, Польшу, Швецію, Пруссію и Австрію. Уже при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ за сѣверо-западною русскою границею жило много русскихъ. Расколъ безпоповщины могъ имѣть между ними тѣмъ большій успѣхъ, что у нихъ не было священниковъ; архіереи отказывались посвящать ихъ для этихъ выселенцевъ. Рѣшеніемъ церковнаго собора повелѣно было посвящать въ эти пограничныя мѣстности священниковъ, чтобы, по словамъ соборнаго рѣшенія, «достальные христіане» тамъ не искоренялись (1). Мы видѣли уже, что эти выселенцы, принадлежавшіе къ кровно-русскому населенію, стойко и упорно державшемуся старины, несли на русскія окраины и за предѣлы ихъ русскіе народные обычаи и такимъ образомъ укореняли въ мѣстностяхъ, гдѣ

(1) Акты Ист., V, стр. 114.

селились, русскую народность. Мы указывали также какое вліяніе имѣло это упроченіе русской народности вдали отъ русскаго центра на расширеніе предѣловъ государства: мѣстности, гдѣ селились гонимые и бѣжавшіе изъ Москвы упорные приверженцы старины и всего своего русскаго—области Швеціи, Польши и Турціи—мало по малу вошли въ составъ русскаго государства. Особеннымъ предпочтеніемъ у этихъ выселенцевъ изъ Россіи пользовалась Польша, въ пограничныхъ мѣстностяхъ которой они были болѣе какъ у себя дома. И эта-то Польша, пріютившая у себя десятки тысячъ русскихъ поповцевъ и безпоповцевъ, скорѣе всего подпала русскому вліянію. Вѣтка имѣла такимъ образомъ свою долю участія въ паденіи Польши. Болѣе къ сѣверу, также въ мѣстностяхъ польскаго королевства, поселились послѣдователи безпоповщины. Эти русскіе безпоповцы въ Польшѣ раздѣлили роль Вѣтки въ приведенномъ отношеніи. Въ польскихъ областяхъ зарождается ѳедосѣевское согласіе безпоповщины. Вышневолоцкій дьячекъ — Ѳедосій Васильевъ, изъ дома бояръ Урусовыхъ, былъ посланъ изъ Выговской обители къ русскимъ выходцамъ въ Польшѣ. Вмѣсто того, чтобы привести этихъ выходцевъ подъ начало Выговской обители, Ѳедосій основываетъ свое согласіе. Это—ѳедосѣевскій толкъ или ѳедосѣевщина, основаніе которой относится къ 1706 г. Сообразивъ различіе отношеній, въ которыя были поставлены онежскіе поморцы и русскіе выходцы въ польскихъ предѣлахъ, можно отчасти угадать, въ чемъ должно было состоять отличіе новаго—*ѳедосьевскаго*—ученія отъ *поморскаго*. Живя

за русскими предѣлами, первые послѣдователи ѳедосѣевщины могли рѣзче относиться къ русской правительственной власти, чѣмъ поморцы. Послѣдніе, какъ мы видѣли, уступили и ввели въ свои книги молитву за царей (но не *императоровъ*—уступивъ въ сущности, не хотѣли примириться на новомъ словѣ). Ѳедосѣевцы отвергли эту уступку. Ѳедосѣевцы разошлись съ поморянами на другомъ важномъ пунктѣ. Поморяне не признавали брака, заключеннаго въ господствующей Церкви и разводили переходившихъ къ нимъ мужа съ женой. Ѳедосѣевцы признали нерасторгаемость такого брака. Тутъ опять нельзя не видѣть въ несогласіи двухъ ученій слѣдствія мѣстныхъ причинъ. Поморцы, жители русскаго сѣвера, иначе смотрѣли на брачныя узы, чѣмъ жители средней Россіи; у ѳедосѣевцевъ, явившихся впервые въ значительно болѣе южной мѣстности, соотвѣтствовавшей средней Россіи, дорожатъ брачными узами болѣе. Замѣчательно, что когда впослѣдствіи ѳедосѣевцы на этомъ пунктѣ согласились съ поморцами и приняли расторженіе брака — ѳедосѣевская секта господствовала уже не на небольшомъ клочкѣ польскаго королевства, а на всемъ обширномъ русскомъ сѣверѣ, т. е. тамъ же, гдѣ господствовало поморское ученіе. Поморцы принимали иноковъ изъ господствующей Церкви безъ всякихъ обрядовъ. Иноки были первыми основателями сѣверной поморской безпоповщины. Монастырскій элементъ отразился на правилахъ поморскаго общежитія. Самый характеръ сѣверной мѣстности, содѣйствовавшій распространенію монастырей, не могъ не отозваться на устройствѣ главной сѣвер-

ной раскольничьей обители, имѣвшей сходство съ монастыремъ не по одному названію. Поморское ученіе не могло не относиться дружелюбно къ иночеству даже господствующей церкви. Ѳедосѣевщина въ первое время своего существованія должна была отнестись къ иночеству иначе, опять вслѣдствіе тѣхъ же мѣстныхъ причинъ: край, въ которомъ зародилась она, мало походилъ на пустынный и пустынно жительскій сѣверъ. Ѳедосѣевское ученіе поставило инока на одну доску съ міряниномъ, безъ льготъ. Поморяне въ русскомъ краю не очищали молитвами припасы, покупаемые на рынкѣ; ѳедосѣевцы въ польскомъ краю, покупая тѣ же припасы у католиковъ и евреевъ, положили очищать. Быть можетъ на этомъ правилѣ ѳедосѣевцевъ отразилось старинное постановленіе митр. Фотія объ освященіи припасовъ, привозимыхъ изъ-за границы. Это постановленіе было сдѣлано давно и давно утратило силу, но мы знаемъ, что чѣмъ отдаленнѣе была старина, тѣмъ приверженцы стараго крѣпче держались за нее.

Ѳедосѣевщина явилась за русскимъ рубежомъ, но скоро проникла въ Россію. Основатель ея Ѳедосій привлекъ къ себѣ не однихъ людей простаго званія. Пользуясь расположеніемъ многихъ значительныхъ лицъ, Ѳедосій Васильевъ успѣлъ выхлопотать разрѣшеніе у кн. Меньшикова своимъ послѣдователямъ поселиться на Ряпинской мызѣ. Самъ Ѳедосій былъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму и скоро умеръ (въ 1711 г.); но послѣдователи его остались на Ряпинской мызѣ и затѣмъ ученіе его распространилось по всей, преимущественно сѣверной, Россіи. Успѣхъ ѳедо-

сѣвскаго ученія зависѣлъ много отъ того, что оно удовлетворяло болѣе потребностямъ средней и южной Россіи, чѣмъ поморское. Тогда, какъ поморское ученіе не нашло многихъ приверженцевъ въ средней Россіи,—ѳедосѣевское, явившееся въ болѣе южной мѣстности, проникло въ среднюю Россію и затѣмъ сдѣлало Москву центромъ безпоповщины.

Одновременно съ безпоповщиной утвердилась въ Москвѣ и поповщина. Коренныя русскія силы, представляемыя этими двумя сектами, какъ бы отхлынули въ стороны отъ русскаго центра и, обруснвъ окраины и запредѣлья, вернулись снова къ корню и хранилищу русской старины. Но отхлынулъ расколъ религіозными сектами, а вернулся назадъ богатою экономическою общиною. Пройдя по Руси во всѣ стороны, расколъ какъ бы накопилъ силы и, подобравъ ихъ всюду, прилилъ снова къ Москвѣ.

Въ 1771 г. въ Москвѣ устраиваются двѣ общины: безпоповцевъ за Преображенской заставой и поповцевъ за Рогожской. Обѣ эти общины являются сначала подъ именемъ кладбищъ и богадѣленъ; но скоро стягиваютъ къ себѣ богатыя средства московскаго земства и становятся центрами двухъ главныхъ подраздѣленій раскола для всей Россіи.

Основаніе этихъ общинъ въ правленіе Екатерины II является естественнымъ слѣдствіемъ взглядовъ, которые съ теченіемъ времени наше правительство стало усвоивать на отношенія свои къ земству. Во время, послѣдовавшее за монгольскимъ игомъ и почти до Екатерины II, земство въ Россіи было совершенно порабощено. Видоизмѣненная въ дворянское служилое сословіе—дружина является со

временъ первыхъ царей главнымъ и господствующимъ сословіемъ. Земщина, коренящаяся въ купечествѣ и крестьянствѣ, теряетъ всякое значеніе. Закрѣпощеніе крестьянъ было однимъ изъ видовъ полнаго подчиненія земщины служилому сословію. Мы уже имѣли случай говорить, что пока служилое сословіе стояло во главѣ всего въ государствѣ и земство было вполнѣ безгласно—съ сверженія ига монгольскаго до Петра I включительно — политика Россіи склонялась къ крайностямъ: Россія то оставалась Азіей, то хотѣла быть Европой, тогда какъ ей нужно было быть Россіей, т. е. не оставаться неподвижною, но вмѣстѣ не слѣдовать раболѣпно всему новому, а оставаясь вѣрной своему, что было хорошо, хотя и старо, принимать изъ новаго только то, что дѣйствительно было нужно. Послѣ Петра I увидали, что политическая и нравственная сила Россіи заключается въ возрожденіи ея народности: эта народность была родственна какъ Европѣ такъ и Азіи, и только благодаря ей Россія могла явиться посредницею между европейскимъ просвѣщеніемъ и азіатскимъ застоемъ, т. е. усвоить себѣ свое настоящее міровое значеніе. Вспомнивъ о народности, не могли не вспомнить и о безгласномъ, задавленномъ земствѣ, въ которомъ коренилась эта народность. Земство, прежде отбивавшее вліяніе татаръ и потомъ западноевропейскія нововведенія, теперь проявляло свою дѣятельность исключительно въ расколѣ. Въ подавленномъ земствѣ жили силы, почти невѣдомыя центральной власти, но которыя расколъ подбиралъ по всѣмъ уголкамъ Россіи. Расколъ, какъ опозиціонная партія, получилъ большое значеніе

особенно съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторыя изъ нововведеній Петра I должны были показаться въ глазахъ массы населенія крайнимъ увлеченіемъ внѣшностью запада. Ничтожное значеніе Россіи въ кругу европейскихъ государствъ при преемникахъ Петра I, зависимость ея отъ политики Австріи, Пруссіи и Франціи, низверженіе и возведеніе государей по волѣ иностранныхъ резидентовъ (Иванъ Антоновичъ, Елизавета Петровна); закупаніе министровъ, руководившихъ русскою политикою иностранными деньгами,—все это было слѣдствіемъ отрѣшенія центральной власти отъ народности, и конечно народная масса и земство чувствовали въ этой правительственной слабости свою силу. Государство должно было скоро признать ихъ значеніе, если не хотѣло упасть еще болѣе. Расколъ былъ проявленіемъ народной земской опозиціи. Чѣмъ больше государство должно было стремиться къ возрожденію народности и значенія земства, тѣмъ все болѣе росло число приверженцевъ раскола.

Съ Екатерины II начинается новая эпоха. Хотя и не вполнѣ, но значеніе земства было признано. Ничего другаго нельзя видѣть въ учрежденіи мѣстнаго самоуправленія при Екатеринѣ. Ея комиссія Уложенія была освященіемъ земскаго начала. Выборное начало, введенное въ средѣ дворянства (съ 1762 г. превратившагося изъ служилаго сословія тоже въ земство) и другихъ сословій также было возстановленіемъ земской старины. Народность признается главнымъ источникомъ жизни государства— и Екатерина, сама превратясь изъ нѣмки въ при-

родную русскую,—стоитъ за самостоятельную Россію, за все свое, русское.

При ней должны были прекратиться гоненія на защитниковъ русской старины, въ средѣ которыхъ коренилась русская народность. Послѣдователи раскола получили гражданскія права, и отсутствіе гоненія тотчасъ же вызываетъ реформу въ самомъ расколѣ. Уже прежде, когда ослабѣвали преслѣдованія, расколъ, какъ церковная секта, превращался, какъ мы видѣли, въ экономическую общину. Теперь онъ окончательно превратился въ нее.

Многое останется смутнымъ и непонятнымъ для насъ, если мы упустимъ изъ виду опозиціонное земское начало въ расколѣ. Въ первое время расколъ является подъ покровомъ церковнаго раздора и пренія о догматическихъ подробностяхъ. Затѣмъ онъ дѣлается защитникомъ старой Руси противъ новой. При Алексѣѣ Михайловичѣ онъ носитъ чисто религіозный характеръ; при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и въ правленіе Софьи—религіозно-политическій; при Петрѣ I почти исключительно политическій. По видимому тутъ есть непослѣдовательность: предводители раскола поднимаютъ то то знамя, то другое, по усмотрѣнію. Но это-то и доказываетъ, что недогматическія подробности, не платье и борода—были сущностью раскола. Народная земская опозиціонная среда брала то или другое, лишь какъ лозунги. Когда она оппонировала церковной власти выраженіемъ ея былъ религіозный расколъ. Когда началась борьба противъ западныхъ нововведеній явился расколъ политическій и бытовой. Такимъ образомъ становятся понятными видимыя непослѣ-

довательности въ средѣ поборниковъ раскола. Мы видѣли, что поповцы, отвергая господствующую церковь, съ тѣмъ вмѣстѣ признавали ея іерархію и слѣдовательно признавали самую церковь. Безпоповцы говорятъ, что антихристъ пришелъ и царствуетъ и въ то время, какъ въ массѣ ихъ многіе видятъ антихриста въ Петрѣ I, учители ихъ шлютъ къ Петру вѣрноподданическія письма и подарки, а въ 1739 г. поморяне начинаютъ молиться за потомковъ Петра I. Впослѣдствіи глава ѳедосѣевской общины въ Москвѣ, Ковылинъ, во главѣ значительнѣйшихъ ѳедосѣевцевъ, проситъ имп. Александра I явиться покровителемъ Преображенской общины съ тѣмъ, чтобы послѣдняя была названа Александровскою (1), а между тѣмъ, въ той же Преображенской общинѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ молельнѣ за иконостасомъ находятъ написанную раскольничьимъ учителемъ Гнусинымъ картину, изображавшую того же Александра I, съ надписью на ней: «семо пріиде Христе, се бо на тя брань готовлю» (2). Ни для кого не было тайною, что картина была отголоскомъ прежняго ученія о царствующемъ антихристѣ. Остановитъ на себѣ вниманіе непослѣдовательностью и то, что впослѣдствіи приверженцы старины, такъ стоявшей за платье и бороду и возстававшіе на чай, кофе и табакъ, измѣнили одежду, начали являться въ трактирахъ и въ увеселительныхъ заведеніяхъ, курить табакъ и т. д.,

---

(1) Изъ исторіи преображенскаго кладбища, 767.
(2) Тамъ же, стр. 780.

въ то же время оставаясь приверженцами ученія объ антихристѣ и другихъ вѣрованіяхъ раскола.

Словомъ, часто поразитъ кажущаяся непослѣдовательность. Но если взглянемъ на расколъ какъ на опозицію земства, то непослѣдовательность покажется системою. Налегаютъ въ особенности на земщину Никонъ и церковная власть—имъ противопоставляется религіозная секта. Налегаетъ на нее Петръ съ нѣмецкимъ платьемъ и брадобритіемъ—ему противопоставляется политическая и гражданская опозиція. Отражается не то что предписывается, а способъ исполненія предписаній; отвергаютъ не реформы, а крутой произволъ нерѣдко вводившій ихъ. Это объяснятъ почему іерархическая власть, которую не хотѣли признать тотчасъ послѣ Никона, впослѣдствіи признается сама собою, и иноземныя нововведенія отвергаемыя прежде, впослѣдствіи сами собою проникаютъ въ среду послѣдователей раскола. Предписываемое кажется худымъ, лишь пока оно предписывается; какъ только давленіе ослабѣло и предписанія отмѣняются, такъ добровольно входитъ то чего не могли ввести приказомъ.

Если бы расколъ не былъ выраженіемъ земскаго начала, онъ бы не увлекъ массъ. Сопротивленіе новому только потому, что оно ново, такъ нелѣпо, что милліоны не увлеклись бы имъ. Но борьба шла не съ новымъ, а съ нововводителями не справлявшимися съ народными желаніями, не слушавшими голоса земства.

Понятнымъ становится такимъ образомъ, почему расколъ усиливается именно въ то время, когда

усиливаются гоненія на него: сильнѣе давленіе — сильнѣе сопротивленіе. Есть масса доказательствъ, что это было такъ. При Петрѣ I, когда раскольники были почти лишены гражданскихъ правъ, цѣлые приходы Москвы были сплошь населены послѣдователями раскола. Екатерина II замѣчаетъ, что много людей записалось въ расколъ нижегородской епархіи именно въ то время, когда въ ней, въ церковно-правительственныхъ сферахъ, утвердился духъ гоненія (1). Расколъ замѣтно усилился въ 1827 г. когда противъ раскольниковъ стали приниматься мѣры до того почти оставленныя (2).

Екатерина II не могла не понять духъ и характеръ раскола. Онъ возникъ изъ подавленія земства. При Екатеринѣ права земства начали возстановляться. Расколъ возникъ изъ отрицанія народности. Теперь занялись возрожденіемъ ея. Расколъ явился слѣдствіемъ господства произвола. Екатерина не терпѣла произвола и хотя личное отвращеніе еще не отмѣняло факта, но при Екатеринѣ центральная власть уже многое представляетъ личной совѣсти и частной предпріимчивости. При ней прежнее вмѣшательство церковныхъ властей въ частныя дѣла становится невозможно. Когда въ бѣлозерское духовное правленіе представленъ былъ какъ колодникъ крестьянинъ Ильинъ за то, что жилъ безъ брака съ солдатскою женою и прижилъ младенца, то мѣстная консисторія отвѣтила, что не

---

(1) Русскій Архивъ, 1866, 57.

(2) Мельниковъ. Очерки поповщины.

ея дѣло входить въ свѣтскія дѣла (1). Замѣтимъ, что это было еще въ то время (1765), когда мѣры противъ раскольниковъ не были ослаблены, когда предписывалось напр. чтобы рекруты изъ раскольниковъ были распредѣляемы въ разные полки и въ ротѣ не было бы двухъ раскольниковъ (2). Но скоро, какъ мы видѣли, послѣдовало дарованіе раскольникамъ однихъ за другими гражданскихъ правъ.

Съ этого времени расколъ дѣлается явленіемъ соціальнымъ, экономическимъ; какъ при Петрѣ I онъ утратилъ религіозный характеръ, такъ теперь утрачиваетъ политическій. Но земскія права, если и были даны, то еще далеко не всѣ. Большая часть того сословія, въ которомъ теперь по преимуществу коренилось земство, была закрѣпощена. Безъ отмѣны крѣпостнаго права не могло быть мысли о полномъ возстановленіи земскихъ правъ. Мы видѣли, что хотя задатки раскола существовали во все время послѣ окончательнаго подчиненія земства дружиною, но организуется расколъ и дѣлается грознымъ политическимъ явленіемъ лишь со времени окончательнаго закрѣпленія крестьянъ (въ 1649 г.), т. е. въ эпоху самаго полнаго подчиненія земскаго элемента дружинѣ, превратившейся въ помѣщичій служилый классъ. При Екатеринѣ II участь крѣпостныхъ не была измѣнена, и потому расколъ не могъ ослабѣть. Напротивъ, онъ еще болѣе усилился, хотя и измѣнилъ свой характеръ. Съ Екатерины II расколъ превращается въ эконо-

(1) П. С. З. XVII, 473.
(2) П. С. З. XVII, 171.

мическую общину, охватывающую всю Россію. Религіозный протестъ Аввакума и Никиты, политическій протестъ Некрасова и Пугачева превращаются въ экономическій протестъ Преображенскаго и Рогожскаго кладбищъ.

Миліоны населенія, почти невѣдомаго центральной власти, если бы съ него не бралась поголовная подать, производили и замѣчательныхъ, и даровитыхъ личностей, какъ производятъ ихъ миліоны населеній во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Эти даровитыя личности изъ земства, въ силу государственныхъ постановленій о крѣпостномъ правѣ, не могли выходить изъ рядовъ и должны были оставаться внѣ офиціальнаго, управлявшаго міра. Но у нихъ былъ исходъ изъ трудной доли. Управлявшій классъ не могъ захватить всего въ свои руки. Торговля и промышленность оставались на долю земства; они дали земству деньги, а деньги во всѣ времена были сила. Деньги являются главнымъ орудіемъ раскола во всѣ эпохи; но особенно онѣ дѣлаются силою въ рукахъ его со времени превращенія его въ экономическую общину. Расколъ обшаривалъ всю Россію, и находя выдававшихся изъ массы личностей, усваивалъ ихъ себѣ. Онъ предоставлялъ въ ихъ распоряженіе только торговлю и промыслы; но люди смѣтливые и даровитые могли и изъ этого сдѣлать кое что. Личности, выходившія изъ ряда дюжинныхъ, обогащались торговлею и промыслами, и сильныя связью, существовавшею во всѣ времена между послѣдователями раскола во всѣхъ частяхъ Россіи, скоро дѣлались главными дѣятелями въ русскомъ неофиціальномъ мірѣ. Пѣтъ

никакого сомнѣнія, что вліяніе и деньги привлекали много самыхъ обыкновенныхъ личностей въ расколъ, даже изъ однихъ корыстныхъ видовъ. Но эта толпа всегда группируется около личностей даровитыхъ, вліятельныхъ не по одному богатству и богатыхъ благодаря своей даровитости. Этихъ личностей всегда было не мало—не мало ихъ должны были производить милліоны земскаго населенія. Этихъ людей производило земство, и какъ значительная часть земства была закрѣпощена, то очевидно, многіе послѣдователи раскола были изъ крѣпостнаго состоянія. Можно сказать, что капиталъ былъ единственное средство для нихъ выйдти изъ трудной доли. Такимъ образомъ стремленіе въ пріобрѣтенію капиталовъ должно было совпадать въ средѣ послѣдователей раскола съ эпохою, когда крѣпостное право является главною причиною протеста земства противъ существовавшихъ порядковъ.

Со времени Екатерины II расколъ, уже вовсе неопасный правительству, потому что не преслѣдуемый, утверждается въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ рукахъ его послѣдователей сосредоточиваются громадные капиталы. Выборные люди изъ земства, для которыхъ былъ только одинъ исходъ—торговля и промышленность — пробились этою дорогою впередъ и стали пріобрѣтать вліяніе. Чѣмъ болѣе развязывало руки земству правительство, которое теперь уже обременялось избыткомъ власти и прежнею заботливою опекою въ мелочахъ,—тѣмъ болѣе должно было ослабѣвать значеніе служилаго класса и

тѣмъ болѣе должны были пріобрѣтать значенія неофиціальные дѣятели изъ народной среды.

Въ теченіе XIX вѣка, и въ особенности около времени освобожденія крестьянъ, главные русскіе капиталы скопляются преимущественно въ рукахъ послѣдователей раскола. Почему именно въ ихъ рукахъ? Потому ли, что они были даровитѣе другихъ или потому, что они соединены были въ одну экономическую общину? И помощь общины имѣла дѣйствительно большое значеніе.

Многіе изъ главныхъ московскихъ капиталистовъ получили капиталы, положившіе основаніе ихъ богатству, изъ кассы раскольничьей общины. Но кто же распоряжался выдачею этихъ основныхъ капиталовъ? Община могла потерять капиталы, отдавъ ихъ въ ненадежныя руки. Очевидно, надобно признать искуство и умѣнье въ распознаваніи людей и обращеніи капиталовъ въ тѣхъ, кто руководилъ общиною. Словомъ, сказать, что сила раскола состояла въ деньгахъ, въ капиталахъ, значило бы принять слѣдствіе за причину. Не деньги придали силу расколу, а капиталы должны были неизбѣжно явиться въ рукахъ прежде безденежныхъ и бѣдныхъ послѣдователей раскола. Мы видѣли, что расколъ искалъ себѣ послѣдователей въ средѣ миліоновъ людей, остававшихся чуждыми всякому другому вліянію. Миліоны людей, какого бы они состоянія ни были, производятъ много даровыхъ личностей. Расколъ подбиралъ ихъ, да и не могъ не подбирать: личности, вырывавшіяся изъ закрѣпощенной массы, естественно становились опонентами постановленій, налегавшихъ на нихъ всею тя-

жестью, и какъ расколъ былъ главнымъ средоточіемъ опозиціи—приставали къ нему. Эти личности сообщали ему жизнь и силу. Онѣ сдѣлали изъ него народную школу въ то время, когда училищъ не было для народа. Онѣ сдѣлали изъ него экономическую общину, когда стало яснымъ, что они деньгами пріобрѣтутъ силу и значеніе. Сила и значеніе дѣйствительно были ими пріобрѣтены, когда съ Екатерины II утвердились болѣе мягкія и гуманныя, чѣмъ прежде, формы государственнаго управленія въ Россіи.

XI

СОГЛАСІЯ И ТОЛКИ.

Расколъ, въ его историческомъ развитіи, былъ опозиціей *мѣстныхъ* противорѣчій *объединительнымъ* мѣрамъ государственнаго центра. Мѣстныя условія разнообразны, особенно въ разноплеменной Россіи, образовавшейся изъ многихъ разнородныхъ по характеру мѣстностей. Ничего похожаго на единство протеста противъ мѣръ государственнаго центра быть не могло.

Расколъ отразилъ на себѣ не только историческія преданія, но и повѣрья, обряды и обычаи отдѣльныхъ мѣстностей и племенъ. Расколъ не могъ представить одной политической или соціальной партіи. Онъ съ самаго начала долженъ былъ распасться на согласія и толки.

Это одно показываетъ, что согласія и толки въ расколѣ явились не случайно, не вслѣдствіе произвольной инициативы отдѣльныхъ расколоучителей, а должны были явиться какъ результатъ историческихъ и этнографическихъ причинъ.

Не смотря на слабую разработку исторіи раскола съ этой точки зрѣнія (къ расколу относились пока болѣе съ канонической, чѣмъ съ этнографи-

ческой точки зрѣнія), этихъ причинъ нельзя не прослѣдить въ происхожденіи и сущности многихъ изъ сектъ и согласій.

Поповщина, какъ мы видѣли, явилась выраженіемъ московской Руси; безпоповщина—новгородской. Москва, какъ столица, сдѣлавшаяся средоточіемъ всей Россіи, является въ концѣ прошлаго столѣтія и центромъ раскола обоихъ согласій. Но во всей Россіи число безпоповцевъ продолжаетъ оставаться сравнительно менѣе значительнымъ, чѣмъ поповцевъ. Таково отношеніе малолюднаго русскаго сѣвера къ болѣе плотно населеннымъ средней и южной полосамъ Россіи. Впрочемъ безпоповщина, зародясь и утвердясь къ сѣверу отъ Москвы, распространилась впослѣдствіи и въ другихъ мѣстностяхъ, и по южнымъ русскимъ окраинамъ. Но напрасно было бы искать историческій новгородскій сѣверъ только на нынѣшнемъ русскомъ сѣверѣ. Какъ самые новгородцы были выселены изъ Новгорода цѣлыми тысячами семействъ и разселены по разнымъ мѣстностямъ Россіи, такъ и ученіе безпоповщины проникло съ русскаго сѣвера въ Сибирь, въ западные губерніи на казацкія окраины и въ Бесарабію—всюду, гдѣ встрѣчный этнографическій элементъ приближался по духу къ древне-новгородскому.

Безпоповщина—по преимуществу ученіе русскихъ окраинъ; поповщина—привилась болѣе къ русскому центру. Борьба мѣстныхъ преданій съ центральными установленіями конечно должна была вестись слабѣе близь центра и сильнѣе—чѣмъ далѣе отъ него. Близь центра такимъ образомъ утвердился расколъ, не выказывающій такой нетерпимо-

сти къ порядкамъ, господствующимъ въ центрѣ. Чѣмъ далѣе отъ центра, тѣмъ нетерпимость должна была высказаться сильнѣе.

Безпоповское ученіе пріобрѣтаетъ названіе *поморскаго*, отъ своего прежняго центра—Выговской обители, гдѣ расколъ былъ утвержденъ иноками съ соловецкаго поморья.

Ѳедосѣевское согласіе явилось изъ поморскаго, и мы видѣли вслѣдствіе какихъ причинъ. Ѳедосѣевское ученіе именно потому и распространилось въ разныхъ мѣстностяхъ средней и южной Россіи, что оно болѣе соотвѣтствовало ихъ особенностямъ, чѣмъ сѣверное-поморское. Ѳедосѣевское ученіе, какъ мы видѣли, возникло въ полосѣ нынѣшней средней Россіи, хотя и не въ русскихъ предѣлахъ. Мы прослѣдили отличія ѳедосѣевскаго ученія отъ поморскаго. Главныя изъ этихъ отличій явились прямымъ слѣдствіемъ другой обстановки, другихъ этнографическихъ условій, при которыхъ складывалось ѳедосѣевское ученіе. Это ученіе въ началѣ было строго-аскетическимъ: такимъ и должно было явиться оно въ средѣ бѣглецовъ и изгнанниковъ. На соборѣ 1751 г. въ Польшѣ, ѳедосѣевцы положили между прочимъ, чтобы молодежь по воскресеньямъ за грибами не ходила и по чужимъ деревнямъ не гуляла. Кто отращивалъ себѣ волосы и носилъ шляпу (въ старину волосы отпускались только при опалѣ и шляпа въ половинѣ прошлаго столѣтія была нововведеніе), тѣхъ положено было не допускать къ моленію. За пѣніе свѣтскихъ пѣсенъ, качаніе на качеляхъ, играніе на дудахъ и хожденіе къ ворожеямъ полагалась епитимья въ 500 покло-

новъ. Молодыхъ стрянухъ мужчинамъ не позволялось имѣть. Красное платье запрещено было носить при моленіи. За матерную брань полагалось 500 поклоновъ. Подравшіеся клали 2000 поклоновъ. Укравшій исключался изъ согласія пока не отдавалъ украденнаго. Мѣры и вѣсы предписывались правильныя; обманъ строго преслѣдовался. Катанье на маслянницѣ; катаніе яицъ на святой недѣлѣ и игры въ карты преслѣдовались подобно игрѣ на «дудахъ и ворганахъ» (1).

Таково было өедосѣевское ученіе въ первое время. Впослѣдствіи утвердясь въ Москвѣ, өедосѣевское ученіе во многомъ измѣнилось. Но если многіе послѣдователи его послѣ были далеко не аскеты, то тѣмъ не менѣе первоначальная суровость его правилъ была перенесена и въ Москву. Ковылинъ, роскошно угощая скоромными кушаньями въ посту московскихъ знатныхъ баръ, сильно дѣйствовалъ на своихъ послѣдователей өедосѣевцевъ, показывая имъ остатки отъ этихъ пиршествъ. Строгіе въ жизни, постившіеся өедосѣевцы были убѣждаемы этимъ въ невѣріи «платоновскихъ» православныхъ (въ то время митрополитомъ московскимъ былъ Платонъ, стоявшій въ непреклонно враждебныхъ отношеніяхъ къ расколу), и ловкій глава московскихъ өедосѣевцевъ, самъ себѣ разрѣшавшій все, зналъ чѣмъ дѣйствовать на своихъ послѣдователей болѣе суровой жизни. Но вообще Москва повліяла на өедосѣевское ученіе. Мы видѣли, что первоначально өедосѣевская безпоповщина приближалась

(1) Журавлевъ. Ист. извѣстіе, Чашниковъ. 33 – 35.

по взгляду на бракъ къ поповщинѣ и этимъ отличалась отъ поморскаго ученія. Въ слѣдующія сто лѣтъ взгляды двухъ ученій измѣняются. Поморье дѣлается населеннѣе, семейная жизнь тамъ устанавливается прочнѣе; взглядъ поморскаго ученія на бракъ становится благосклоннѣе. Въ то же время московская ѳедосѣевщина идетъ по діаметрально-противоположному пути. Столичная жизнь большаго города съ ея свободою и соблазнами, какъ нанесла ударъ ѳедосѣевскому аскетизму, такъ повела къ болѣе полному утвержденію въ немъ безбрачія. Такимъ образомъ становятся понятными упреки, обращаемые послѣ поморянами къ московскимъ ѳедосѣевцамъ за отверженіе брака и галилейство (1). Но средняя Россія все же наложила свой отпечатокъ на ѳедосѣевщину: новожены, т. е. люди, не отвергавшіе брачнаго союза, были сильны между ѳедосѣевцами и одно время, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, даже пытались взять верхъ въ Преображенской общинѣ. Отверженіе брака частью московскихъ ѳедосѣевцевъ было также одною изъ причинъ расторженія съ ними союза со стороны новгородскихъ, петербургскихъ и другихъ сѣверныхъ ѳедосѣевцевъ (2).

Между ѳедосѣевцами и поморянами существуетъ общеніе, но неполное. Два ученія близки одно къ другому, и эта близость сознается; но отличія ихъ также важны. Ѳедосій Васильевъ пожертвовалъ поморянамъ своимъ правиломъ о титлѣ (онъ перво-

(1) S. Изъ исторіи преображ. кладбища, 773.

(2) Тамъ же, 789.

начально училъ, что на крестѣ должна быть надпись I. Н. Ц. I. (Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій) — не желавшіе сдѣлать этого пожертвованія послѣдователи его образовали особую секту—*титловщину*—но онъ не могъ и не хотѣлъ пожертвовать болѣе важными догматами своего ученія. Послѣ заключительнаго совѣщанія съ учителями поморянъ, онъ отрясъ прахъ съ ногъ своихъ: пренія не повели къ соглашенію. Но не смотря на разъединеніе, существовавшее между поморянами и ѳедосѣевцами, основатель московской ѳедосѣевской общины, Ковылинъ, отправился въ Выговскую обитель, чтобы изучить тамошнія правила и ввести ихъ, если можно, въ московской безпоповщинской общинѣ. Не удивительно однако, что принятый на Выгу съ большимъ почетомъ и ознакомившійся съ бытомъ поморской обители, Ковылинъ не ввелъ выговскаго устава у себя въ Москвѣ. Иная жизнь сложилась въ Москвѣ. Въ этомъ русскомъ центрѣ и безпоповщинскій толкъ долженъ былъ во многихъ отношеніяхъ приблизиться къ поповщинѣ. Таково было вліяніе среды и мѣстности. Ковылинъ заимствовалъ свой уставъ у стародубскихъ послѣдователей безпоповскаго раскола. Если вспомнимъ, что Стародубъ первый пріютъ поповцевъ, заимствовалъ многое у Москвы и эти заимствованіяне могли не отразиться также на стародубскихъ безпоповцахъ, то введеніе стародубскаго устава въ средѣ московскихъ ѳедосѣевцевъ было какъ бы перенесеніемъ московскаго же въ Москву.

Другое согласіе, отдѣлившееся отъ поморскаго, было *филипповщина*. Филипповщина была протестъ

поморской старины противъ измѣненій въ поморскомъ ученіи. Богатая и промышленная выговская обитель должна была смириться передъ властью и ввела у себя въ книги молитву за царскій домъ. Но часть поморянъ, которымъ терять было нечего, не подчинилась требованію представителя власти—Самарина. Многіе сожгли себя вмѣстѣ съ своимъ учителемъ Филиппомъ.

Это—главные безпоповщинскіе толки. Второстепенныхъ явилось много.

Болѣе бѣдные послѣдователи раскола не сочувствовали жертвамъ, которыя приносила Выговская обитель, чтобы оставаться въ безопасности. Пастухъ этой самой обители, еще при основателѣ ея Андреѣ Денисовѣ училъ, что не надобно брать въ руки новыхъ русскихъ денегъ и паспортовъ, такъ какъ на нихъ изображенъ двуглавый орелъ съ всадникомъ, а это печать антихриста. Выговскія вліятельныя лица также учили объ антихристѣ, но они не были такъ послѣдовательны въ своей логикѣ, какъ пастухъ обители, не могли отказаться отъ паспортовъ и брали деньги, не смотря на печать антихриста на нихъ. Пастухъ осуждалъ тѣхъ, кто позволилъ себя записать раскольниками въ двойной окладъ, такъ какъ они сами себя признавали раскольниками. Отверженіе новизны въ его сектѣ доходило до того, что она учила не ходить по каменной мостовой, какъ выдуманной въ антихристово время. *Пастухово*, или какъ оно еще называется — *Адамантово*, согласіе, не смотря на видимую и рѣзкую вражду противъ власти и новизны, считается уже шагомъ отъ крайней безпоповщины на пути къ умѣ-

ренности и соглашенію, болѣе выражающимся въ поповскомъ ученіи. Этимъ оно обязано тому, что отвергаетъ самосожигательство и вообще самоубійство, распространенное въ филипповщинѣ, и не допускаетъ расторженія брака, гдѣ бы онъ ни былъ заключенъ.

Спасово согласіе (нѣтовщина) также представляетъ уже смягченіе поморскаго ученія. Основателемъ его былъ крестьянинъ Кузьма, отчего и само согласіе называется иногда *кузьминовщиной*. Неграмотный крестьянинъ Кузьма явился учителемъ также бѣдныхъ людей. Кузьма отвергалъ перекрещеваніе. Крещеніе, какъ догматъ, занимало постоянно видное мѣсто въ раскольничьихъ преніяхъ. Перекрещеваніе было, какъ мы видѣли, первоначально догматомъ даже у поповцевъ. Перекрещеваніе означало розпь непримиримую и ненависть между послѣдователями разныхъ ученій. Перекрещеваніе было естественно въ ту пору, когда несогласныхъ въ дѣлѣ религіи считали нечистыми и слугами антихриста. Смягчился взглядъ на нечестіе и перекрещеваніе стало оставляться. Вторичное крещеніе имѣетъ въ исторіи раскола важное символическое значеніе. Перекрещеванцы даже съ своими дѣтьми ни въ чемъ не сообщались, какъ съ нечистыми. Но когда прекращеніе гоненій ослабило фанатизмъ раскола, между послѣдователями его не разъ долженъ былъ подняться вопросъ: справедливо ли такого же человѣка, какъ они, за церковное разногласіе считать нечистымъ и не сообщаться съ нимъ, если онъ не перекрещенъ? *Ладожане* на Выгу отдѣлились отъ прочихъ выговцевъ по вопросу о кре-

щеніи. Они отвергли перекрещеваніе. Подобно имъ, отвергло перекрещеваніе и спасово согласіе. Это былъ переходъ отъ секты *самоперекрещеванцевъ*, послѣдователи которой, какъ видно изъ самаго названія, перекрещевали сами себя. Спасово согласіе, подобно пастухову, стояло за нерасторгаемость брака, гдѣ бы онъ заключенъ ни былъ. Это было также естественно: оба главныя отступленія отъ поморскаго толка—пастухово и спасово согласія явились въ этомъ случаѣ выраженіемъ уже болѣе гражданственной, болѣе семейной жизни, развившейся въ увеличившемся населеніи дотолѣ безлюднаго сѣвера, гдѣ утвердился первоначальный, безбрачный, иноческій расколъ. Кузьминовщина стала называться нѣтовщиною отъ того, что, по ученію этого согласія, «*нѣтъ* нынѣ въ мірѣ ни православнаго священства, ни таинствъ, ни благодати.» Отвергая все это, нѣтовщина учитъ возлагать всю надежду на *Спаса*, «Который самъ вѣдаетъ какъ спасти насъ, бѣдныхъ.» Отсюда другое названіе—*спасово* согласіе. Послѣдователи этого ученія, не перекрещевая обращающихся къ нимъ, не крестятъ иногда и собственныхъ дѣтей:—по ихъ ученію «Спасъ и безъ крещенія можетъ спасти.» Они отвергаютъ также исповѣдь. Ученіе о нерасторжимости брака служитъ однимъ изъ поясненій—почему спасово согласіе могло распространиться въ средней Россіи—въ губерніяхъ ярославской, костромской и нижегородской.

Вопросъ о бракѣ былъ причиною отпаденія многихъ отъ поморскаго ученія. Поморскій расколъ, распространенный иноками, долго слишкомъ сильно шелъ въ разрѣзъ съ понятіями, установившимися

въ обществѣ. Пока этотъ расколъ былъ достояніемъ по большей части безсемейныхъ и бездомныхъ отшельниковъ и скитальцевъ малолюднаго сѣвернаго края, онъ еще могъ оставаться въ первоначальномъ видѣ. Но скоро малолюдная мѣстность населилась болѣе; скиты и отдѣльныя хижины замѣнились обителями и деревнями; явилась общественная жизнь. Измѣнилась среда, въ которой было распространено ученіе—измѣнилось и само ученіе. Новая общественная жизнь внесла съ собою вопросъ о нерасторжимости брака. Въ каждомъ изъ главныхъ безпоповскихъ согласій, отвергавшихъ бракъ, явились толки *новоженовъ*; многіе не будучи въ состояніи соблюдать безбрачія—женились. Сначала новожены были въ презрѣніи у послѣдователей согласій. Ѳедосѣевцы, сначала въ Польшѣ установившіе нерасторжимость брака, но впослѣдствіи, когда ихъ ученіе распространилось на русскомъ сѣверѣ, отвергшіе бракъ—положили на соборѣ 1751 г. не имѣть съ новоженами общенія ни въ яствѣ, ни въ питьѣ, и не крестили у нихъ младенцевъ. Но толки новоженовъ не смотря на это усиливались, особенно въ мѣстностяхъ не сѣверныхъ и болѣе многолюдныхъ. Въ Москвѣ новоженство особенно усиливается съ 1765 г., благодаря дѣятельности купца Артамонова. Отсюда названіе, придававшееся московскимъ новоженамъ, *артамоновщина*. Московскіе новожены возставали на нападки, которымъ они подвергались со стороны безпоповцевъ-безбрачниковъ. Въ 1794 г. они писали опроверженія на пять статей, написанныхъ противъ нихъ выговскими поморцами. Артамоновъ былъ ѳедосѣевецъ, и въ сре-

дѣ московскихъ ѳедосѣевцевъ, не смотря на рѣшительную проповѣдь главы ихъ, Ковылина, въ пользу безбрачія, новоженство было сильно распространено. А въ началѣ нынѣшняго столѣтія новоженъ купецъ Осиповъ уже имѣлъ въ ѳедосѣевской общинѣ настолько сильную партію, что едва не пріобрѣлъ рѣшительнаго вліянія на нее. Наконецъ и поморцы стали смотрѣть недружелюбно на отверженіе брака. Согласіе *странниковъ* или *бѣгуновъ* явилось сравнительно поздно—при Екатеринѣ II. Лѣса сѣверной Россіи издавна были пріютомъ для массы скитальцевъ. Между ними скорѣе всего могло найдти послѣдователей ученіе о томъ, что паспорты брать грѣхъ, такъ какъ на нихъ есть печать антихристова. Скитаніе этихъ людей было отчасти памятью о когда-то бывшемъ кочевничествѣ. Законъ преслѣдовалъ ихъ какъ бродягъ, и эти бродяги въ свою очередь образовали въ своей средѣ секту, наиболѣе враждебную правительственнымъ установленіямъ. Эта секта не признаетъ властей и не хочетъ имѣть съ ними дѣла, а такъ какъ сопротивленіе имъ невозможно, то остается бѣжать. И бѣгутъ странники въ лѣса, изъ одного мѣста въ другое. Они чуждаются всѣхъ осѣдлыхъ жителей: тѣ въ глазахъ ихъ еретики, слуги антихристовы. Странникъ идетъ день и ночь, иногда самъ не зная куда. Скрывается онъ у своихъ собратовъ, еще не начавшихъ открытаго странствованія, гдѣ нибудь въ подпольяхъ и потаенныхъ мѣстахъ. Если его схватываютъ, онъ называется «непомнящимъ родства»: — терминъ, слишкомъ часто попадающійся въ нашихъ судебныхъ бумагахъ. Когда странникъ умираетъ, его одѣ-

ваютъ въ чистый саванъ, завертываютъ въ рогожу и опускаютъ въ землю. Этимъ и кончается обрядъ погребенія. Секта странниковъ очень распространена, особенно въ лѣсныхъ губерніяхъ; но всего значительнѣе число послѣдователей ея въ ярославской губерніи, гдѣ с. Сопѣлки считается ея главнымъ средоточіемъ. По уставу страннической секты, ея послѣдователь долженъ класть по 4,400 поклоновъ въ сутки. Много поклоновъ кладется имъ также въ случаѣ нарушенія цѣломудрія. Каждый странникъ является для молепія со своей иконой и свѣчи, ставимыя предъ иконами странниками, должны быть сдѣланы ими самими. Страннническая жизнь не допускаетъ брака. Если странники приживаютъ дѣтей—бремя въ ихъ скитальческой жизни — то избавляются отъ нихъ всѣми способами. Разъ въ одной мѣстности, населенной бѣгунами, при чисткѣ пруда найдено было 30 младенческихъ тѣлъ, и это при всемъ томъ, что въ иныхъ страннническихъ мѣстностяхъ изъ 50 беременныхъ женщинъ раждаютъ только 5 (1). Чтобы понять возможность существованія подобнаго порядка вещей необходимо помнить, что въ центрѣ дѣятельности секты бѣгуновъ существовалъ въ былое время обычай между помѣщиками, обычай брать съ крѣпостныхъ женщинъ по 100 — 150 рублей за право не выходить замужъ (2). Тамъ, гдѣ такимъ образомъ женскій полъ обязанъ былъ деньгами откупаться отъ брака съ немилымъ человѣкомъ появленіе бѣ-

(1) Рус. Арх., 1866, стр. 609—627.

(2) Варадиновъ, 535.

гунской секты было естественно, какъ естественно и то, что крѣпостные браки—по неволѣ могли повести къ тому, что напримѣръ въ приуральи, въ иныхъ мѣстностяхъ незаконнорожденныхъ дѣтей родители любили больше чѣмъ законнорожденныхъ (1). Основатель секты странниковъ или бѣгуновъ, Евѳимій, былъ первоначально филиповскаго согласія, и на странническую секту можно смотрѣть какъ на видоизмѣненіе филиповщины. Филиповцы учатъ, что отъ преслѣдованій слугъ антихристовыхъ надобно избавляться самосожигательствомъ; по ученію странниковъ отъ этихъ преслѣдованій надобно бѣжать. Секта, преслѣдующая бракъ какъ тяжкій грѣхъ, хуже блуда (другія секты, отрицая бракъ, не доходили до такихъ крайнихъ ученій), открыто возстающая на законъ и власти, смотрящая съ отчужденіемъ не только на послѣдователей господствующей церкви, но и на безпоповцевъ другихъ сектъ,—такая секта не могла не обратить на себя особеннаго вниманія властей. Основатель секты Евѳимій ясно и на-прямки заявилъ главный источникъ своего нерасположенія къ властямъ. Говоря о ревизіяхъ, установленныхъ Петромъ I, Евѳимій замѣчаетъ, что «описью Петръ хотѣлъ собрати народъ въ единую крупу и въ рукѣ его держати» (2). Отъ этой-то руки и бѣжали странники въ лѣса. Слишкомъ долго жилъ человѣкъ лѣснаго сѣвера вольною кочевою жизнью, чтобы ревизская опись, сдерживавшая его на одномъ мѣстѣ, не по-

(1) Духъ Христіанина, 1863, I, отд. крит.—библ., стр. 18.
(2) Русскій Архивъ, 1866, стр. 618.

казалась ему тягостною. Сектѣ придавало особенное значеніе и то, что центромъ ея является ярославская губернія — промышленный и зажиточный край. Характеръ ярославскаго населенія по преимуществу скитальческій. Ярославцевъ знаетъ вся Россія. Оставляя женщинамъ полевыя работы дома, они идутъ въ города и основываются тамъ, заработывая деньги болѣе легкимъ, но вмѣстѣ выгоднымъ трудомъ. Это поголовное скитальчество ярославскаго населенія необходимо надобно сопоставить, если не съ происхожденіемъ, то съ распространеніемъ секты странниковъ. Такимъ образомъ становится понятнымъ почему одинъ изъ изслѣдователей этой секты назвалъ страннническую секту порожденіемъ раскола и трактирной цивилизаціи (1). Но точно ли трактирная цивилизація играла тутъ роль больше всего? Исторія учитъ насъ, что массы сторонниковъ (а секта странниковъ очень многочисленна) пріобрѣтаются только тѣми ученіями, въ основѣ которыхъ лежитъ какое либо высшее побужденіе, руководящее ими какъ знамя. Это знамя можетъ быть забыто и попрано, но оно было. Какое же знамя придало значеніе сектѣ бѣгуновъ? Обращаемся къ источникамъ изъ официальнаго міра и находимъ что пѣсни странниковъ часто говорятъ о лихоимцахъ и немилосердныхъ—«первыхъ во градѣхъ». Въ этихъ пѣсняхъ слышится голосъ наболѣвшей души народа.

---

(1) И. Аксаковъ, въ Рус. Арх., 1866, стр. 627.

«Душа своей пищи дожидается,
Душѣ надо жажду утолити,
Потщися душу свою гладну не оставити» (1).

Эта душа народа, о которой не заботился официальный міръ, жаждала также пищи и готова была принять ее отъ каждаго, хотя бы давали ее странники, или бѣгуны, часто люди бывалые, видѣвшіе не мало. Понятно такимъ образомъ становится почему въ народѣ смотрятъ на странниковъ какъ на людей высшаго разряда (2), почему эти странники, очевидно нерѣдко ловкіе плуты и хитрецы, умѣвшіе извлекать изъ пищи для души народа свою пользу, обыкновенно находимы были одѣтыми, несмотря на свое убогое странничество, очень хорошо и даже роскошно для своего быта. Эта секта особенно обращала на себя вниманіе въ послѣднее время. Свѣденія о бѣгунахъ, собранныя одною комисіею, назначенною правительствомъ въ 1849 г. и окончившею свои занятія въ 1851 г., дали матеріялъ для 86 томовъ рукописнаго сборника.

Это главные толки безпоповщины.

По самому характеру своему поповщина не могла представить многихъ толковъ и значительно отличныхъ одно отъ другаго ученій. Поповщина преимущественно распространена въ средней Россіи, въ населеніи болѣе сплошномъ, гдѣ расовыя и историческія отличія почти изгладились. Если въ поповщинѣ есть толки, то они явились вслѣдствіе опредѣленныхъ историческихъ событій, или своего

(1) Варадиновъ, 536.
(2) Сбор. Кельсіева, II, 79.

рода мѣстничества между отдѣльными группами послѣдователей поповщины. На преслѣдованія нужно смотрѣть какъ на главную причину появленія въ поповщинѣ такихъ толковъ, какъ *аввакумовщина* и *чернобольцы*. Главное отличіе аввакумовщины, распространившейся преимущественно въ нижегородскомъ поволжьѣ, какъ и филиповскаго безпоповскаго толка, состоитъ въ томъ, что она допускаетъ самосожигательство. Аввакумовщина, какъ и филиповщина, съ ихъ ученіемъ о самосожигательствѣ явились слѣдствіемъ первоначальныхъ гоненій на расколъ. Протоп. Аввакумъ допускалъ самосожигательство, какъ крещеніе огнемъ. Убѣгая отъ преслѣдованій послѣдователи его, какъ и филиповцы, предавали сами себя огню. Не расколъ впрочемъ научилъ впервые жечь себя и свое. Еще Жолкѣвскій писалъ, что въ смутное время въ Москвѣ и Смоленскѣ русскіе бросались въ огонь и погибали за православную вѣру (1). Вѣра въ огненное крещеніе какъ-то пришлась по душѣ народу, привыкшему перегонять скотъ черезъ костры для предотвращенія чумной заразы, — народу, въ повѣріяхъ котораго домовой всегда былъ хранителемъ огня. Мы видѣли какого труда стоило исключить изъ молитвы при водосвятіи неправильно вошедшее въ нее выраженіе «и огнемъ». Ученіе Аввакума и Филиппа о самосожигательствѣ нашло такимъ образомъ готовую почву. Разъ сожглось 1,700 человѣкъ; другой разъ 2,500. Менѣе многочисленныя сборища предавали себя огню часто. Впослѣдствіи правительству

(1) Жолкѣвскій, Записки, стр. 217.

стоило не мало трудовъ предотвращать случаи самосожигательства. Нужно было останавливать порывы слишкомъ рьяной исполнительности мелкихъ чиновъ областной полиціи и войсковыхъ начальниковъ, потому что раскольники иначе неминуемо сожигались. Впрочемъ, въ безпоповщинѣ ученіе о самосожигательствѣ поддерживалось сильнѣе. Въ поповщинѣ аввакумовщина не пріобрѣла слишкомъ много послѣдователей и мало по малу ослабѣла. Въ догматическомъ отношеніи аввакумовщина признаетъ что для каждаго при трехъ лицъ Троицы есть особый престолъ, а для Христа кромѣ того четвертый (1).

Какъ въ аввакумовщинѣ есть сходство съ филипповщиною, такъ можно провести паралель между чернобольцами поповщины и ѳедосѣевскимъ, равно какъ и пастуховымъ ученіями въ безпоповщинѣ. Секту чернобольцевъ основалъ крестьянинъ Ларіонъ Коровьи-Ножки. Чернобольцы, какъ поповская секта, образовавшаяся за границей, въ Польшѣ, отвергала молитву за царскій домъ, тогда какъ поповщина не отвергаетъ этой молитвы. Чернобольцы не терпятъ паспортовъ, такъ какъ «на нихъ печать антихристова.» По ихъ ученію, погибъ тотъ, кто пошелъ на службу, уже потому, что служба разумѣлась преимущественно солдатская, а солдатъ долженъ брить бороду. Чернобольцы отвергали присягу, говоря, что Христосъ запретилъ клясться иначе какъ только словами: «ей ей,» «ни ни.» Чернобольцы (получившіе это названіе отъ

(1) Израиль, 11.

мѣстечка Черноболя, принадлежавшаго Хоткѣвичу, гдѣ послѣ сосредоточилось ихъ ученіе) явились особенною сектою въ Стародубѣ въ 1775 г. Въ это время центромъ поповщины уже становилась Москва. Часть стародубцевъ, не хотѣвшая жить вблизи еретиковъ, хохловъ и москалей, удалилась въ Польшу и тамъ-то основала новую секту, получившую названіе черноольцевъ. Въ это время большая часть послѣдователей раскола начинала примиряться съ господствующими порядками, благодаря мягкимъ мѣрамъ Екатерины II; черноольцы остались непримиримыми между ними.

Мѣстность много значила и въ поповщинскомъ расколѣ. Когда процвѣла Вѣтка, керженскіе-нижегородскіе послѣдователи раскола не могли съ такою же готовностью признать ее своею «метрополіею», какъ ихъ собратія въ западной Россіи. Естественнымъ центромъ раскола и тогда могла бы быть Москва, если бы это допускало тогдашнее государственное устройство Россіи. Вѣтка была центромъ только случайнымъ, временнымъ. Керженскіе лѣса могли быть такимъ же центромъ для восточной Россіи. Каждый расколоучитель, который отвергъ бы зависимость русскихъ восточныхъ поповцевъ отъ западнаго центра, отъ Вѣтки, могъ расчитывать на большое число приверженцевъ. Этимъ расколоучителемъ явился дьяконъ Александръ, учившій, что не надобно употреблять мура, сваренаго настоятелемъ Ѳеодосіемъ для вѣтковцевъ. Муро играло тутъ лишь второстепенную роль. Для иныхъ важнымъ казалось и то, что дьяконъ Александръ началъ кадить иначе, чѣмъ вѣтковцы; его послѣ-

дователи иногда называются *кадильниками*. Но въ сущности *дьяконовщина* – такъ назвали толкъ, основанный дьякономъ Александромъ — явилась слѣдствіемъ соперничества нижегородскаго поволжья съ Вѣткою, и это придало новой сектѣ силу.

Такое же соперничество—нѣчто въ родѣ мѣстничества — раздѣлило Стародубъ отъ Москвы, когда послѣдняя стала становиться центромъ раскола. По внѣшности дѣло состояло въ томъ: перемазывать ли переходящихъ въ расколъ или не перемазывать. Москва стояла за перемазываніе мѵромъ обращающихся; Михаилъ Калмыкъ, главный учитель стародубскихъ поповцевъ, стоялъ за неперемазываніе. Споръ о перемазываніи здѣсь былъ лишь внѣшнимъ поводомъ; въ сущности шла борьба между Москвою и Стародубомъ, кому быть во главѣ раскола. Перевѣсъ остался за Москвой. *Перемазавщина*—толкъ московскихъ поповцевъ—можетъ быть названа такимъ образомъ особымъ толкомъ въ поповщинѣ только условно. Она была слѣдствіемъ болѣе мѣстнической распри, чѣмъ религіозной.

Тоже можно сказать о *Сусловомъ* согласіи въ поповщинѣ. Купецъ Сусловъ, основатель согласія, и его послѣдователи не принимали къ себѣ священниковъ, поставленныхъ малороссійскими епископами. Тутъ видимъ борьбу великорусскаго раскола съ малорусскимъ.

Намъ остается сказать о болѣе мелкихъ толкахъ и согласіяхъ.

Самокрещенцы, недовольствуясь крещеніемъ отъ другихъ, крестятъ сами себя въ рѣкахъ и источ-

никахъ. Иные считаютъ возможнымъ креститься только въ дождевой водѣ.

Стефановщина (основатель дьяконъ Стефанъ) отвергаетъ бракъ и учитъ бросать дѣтей въ лѣсу на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ. Причащаются богоявленскою водою и пасхальнымъ куличемъ.

Осиповщина (отъ черпеца Осипа) есть переходъ отъ безпоповщины къ поповщинѣ. Эта секта учитъ, что неосвященные могутъ также исполнять службу священника.

Онисимовщина иначе называется согласіемъ «разиней.» Крестьянинъ Онисимъ училъ стоять за службой въ великій четвертокъ разиня ротъ, въ ожиданіи, что причащать будутъ ангелы.

Акулиновщина, основанная бабою Акулиною, женою стрѣльца, представляетъ братство, въ которомъ господствуетъ комунизмъ въ отношеніяхъ между двумя полами. При вступленіи въ секту мѣняются крестами и цѣлуютъ иконы.

Въ *волосатовщинѣ* и *иларіоновщинѣ* женщины крестятъ дѣтей какъ священники.

Послѣдователи *серапіоновщины* морятъ себя голодомъ.

Вѣтковщина пересылаетъ молитвы въ платкахъ. Это остатокъ той старины, которая въ Вѣткѣ имѣла метрополію поповщины, разсылавшую дары церкви по всей Россіи.

Досиѳеевцы говорятъ, что довольно исповѣдаться одинъ разъ въ жизни.

Липовцы (въ екатеринбургскомъ уѣздѣ) поклоняются только липовому кресту. *Рябиновцы* покло-

няются только кресту изъ рябины, и *осиновцы*— только изъ осины. Эти двѣ секты живутъ въ томъ же екатеринбургскомъ уѣздѣ, какъ и липовцы. Очевидно это лишь мелкое этнографическое подраздѣленіе раскола.

Рубашники (пермской губерніи) ходятъ въ однѣхъ рубашкахъ и выдаютъ себя за святыхъ.

Іевлевцы выводятъ жену, если она наскучила мужу, на кругъ и отдаютъ тому кто возьметъ. Иные изъ нихъ имѣютъ до 10 женъ въ одно время. Это секта приближающаяся къ мармонизму.

Андреяновцы принимаютъ священниковъ рукоположенныхъ послѣ Никона, но съ проклятіемъ рукополагателей и съ своимъ новымъ посвященіемъ.

Дьтоубійцы теперь уже едва ли существуютъ какъ секта. Мы видѣли что секты странниковъ, стефановщина и другія до извѣстной степени поглотили ее въ себѣ. Горькая доля сельскаго населенія при крѣпостной зависимости, когда считали смерть иногда лучше жизни для милыхъ сердцу, а также и религіозное умопомѣшательство—болѣе результатъ дурной гигіенической обстановки—дѣлали возможнымъ появленіе этой секты. Отъ прошлаго столѣтія остались разсказы о закапываніи этою сектою дѣтей живыми, о вынманіи у убитыхъ младенцевъ сердца для употребленія его вмѣсто причастія и т. д.

Потемщина явилась слѣдствіемъ ученія одного крестьянина, что надобно перекрещивать въ потьмахъ. Основатель секты толковалъ, что и Христосъ крестился въ потьмахъ.

Двуименники явились особою сектою вслѣдствіе

распространеннаго между послѣдователями раскола (особенно въ эпоху гоненій) обычая принимать другое имя. Нѣкоторые имѣли даже нѣсколько именъ. Принятіе другаго имени тѣмъ болѣе могло войти въ обычай у послѣдователей этой секты, что на Руси былъ исконный обычай — съ самаго введенія христіанской вѣры—имѣть два имени, изъ которыхъ одно хранилось въ тайнѣ.

Рябиновщина была открыта въ 1840 г., но по всей вѣроятности происхожденіе ея относится ко временамъ Пугачева. Рябиновщина признавала только крестъ, сдѣланный изъ рябиноваго дерева, подобно тому какъ принадлежность каждаго странника составляетъ крестъ, сдѣланный только изъ кипариса, и отсюда названіе «рябиновщина», но какъ секта пріобрѣтшая многихъ послѣдователей въ поволжьи она представляетъ, по взгляду на семейную жизнь, переходъ отъ безпоповщины къ поповщинѣ.

Душильщики, *тюкальщики*, *сократители* вѣрятъ что надобно прекращать жизнь опасно больныхъ близкихъ себѣ людей, а иногда убиваютъ и не больныхъ.

Мы не перечисляемъ всѣхъ сектъ; со многими изъ нихъ мы еще встрѣтимся впослѣдствіи. Обращая вниманіе на поименованныя нами второстепенныя секты и ихъ отличительныя особенности, мы видимъ, что появленіе многихъ изъ нихъ объяснить не трудно. Нѣтъ священниковъ—и вотъ люди, прежде необходившіеся безъ нихъ, приходятъ къ убѣжденію, что можно крестить самимъ себя (самокрещенцы). Некому совершать брака тамъ, гдѣ нѣтъ священника — является отверженіе брака и

вмѣстѣ неизбѣжно свободная жизнь (акулиновщина). Гдѣ нѣтъ брака и семейной жизни—тамъ дѣти въ тягость. Мы видѣли, какъ избавляются отъ нихъ странники. Являются наконецъ люди, которые, безчеловѣчно отдѣлываясь отъ дѣтей, дѣлаютъ изъ этого догматъ (стефановщина). Нѣтъ священниковъ у людей, которые привыкли исповѣдываться, и они рѣшаются исповѣдываться лицамъ неосвященнымъ, только бы кому было выслушать ихъ исповѣдь (осиповщина).

Какъ видимъ, одинъ недостатокъ священника со времени происхожденія раскола достаточно поясняетъ появленіе этихъ сектъ. Другія секты являются вслѣдствіе какого нибудь—иногда частнаго и мелочнаго—отступленія отъ принятыхъ обычаевъ. Но почти всегда это мелочное отступленіе—только предлогъ, за который хватается извѣстная мѣстность, или масса людей извѣстныхъ убѣжденій, чтобы отдѣлиться отъ другихъ. Уже задолго до нашего времени считали болѣе ста раскольничьихъ толковъ и согласій. Въ половинѣ прошлаго столѣтія однѣхъ безпоповщинскихъ сектъ считали болѣе 50 (1). Въ нынѣшнемъ столѣтіи явилось сравнительно немного согласій и сектъ. Лужковское согласіе явилось въ 1822 г. (Лужки—одно изъ стародубскихъ селъ черниговской губерніи). Съ 1818 г. дозволено было старообрядцамъ имѣть своихъ поповъ лишь съ тѣмъ, чтобы тѣ вели метрическія книги. Лужковцы отказались отъ дозволенныхъ поповъ и отъ метрическихъ книгъ. Вообще многіе послѣдо-

(1) Филаретъ, архіеп. Черниг. Обзоръ русс. дух. литературы, II.

ватели раскола, имѣя своихъ поповъ, избѣгали вступать въ сношеніе съ священниками господствующей Церкви, хотя были вынуждаемы къ тому житейскими условіями. Еще въ прошломъ столѣтіи раскольники, бравшіе памятную запись у священниковъ господствующей Церкви, составили особенную секту *хартейниковъ* (запись — хартія). Лужковцы не признавали присяги, военной службы и и паспортовъ. Какъ видимъ, они въ этомъ отношеніи походили на прежнихъ чернобольцевъ. Хотя лужковцы и приняли впослѣдствіи метрическія книги подъ названіемъ обывательскихъ, тѣмъ не менѣе секта ихъ была признана правительствомъ особенно вредною и въ 1845 г. донскимъ казакамъ запрещено было даже ѣздить въ Лужки.

Вслѣдствіе усиленнаго преслѣдованія священниковъ, переходившихъ въ расколъ, въ 1840 г. образовалась секта *самоправщиковъ* — исправлявшихъ для себя всѣ требы, или лучше сказать не исправлявшихъ никакихъ требъ и не имѣвшихъ общихъ наставниковъ и т. д. Самоправщики были—переходъ отъ поповщины къ безпоповщинѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ открыта была секта *щельниковъ* (молящихся въ щель), а въ 1866 г. — во Владимірской губерніи — секта *бѣлоризцевъ*, названная такъ мѣстнымъ епископомъ, потому что собиравшіеся слушать ученіе секты были одѣты въ бѣлыхъ рубахахъ и подвязаны бѣлыми льняными поясами. Эта секта отрицала обрядовую внѣшность церкви.

Насчитываютъ до 130 различныхъ толковъ и согласій на всемъ пространствѣ Россіи. Но очень можетъ быть, что ихъ значительно больше. Довольно

но упомянуть нѣкоторыя секты чтобы видѣть что онѣ извѣстны большинству только по имени. Димитрій Ростовскій, пересчитывая извѣстные ему 29 толковъ, упоминаетъ *чувственниковъ*, *кривотолковъ*, *капитоновъ* (они же и подрѣшотники), *рогожниковъ* или *рубищниковъ*. Ѳеофилактъ Лопатинскій, насчитывая 36 толковъ, упоминаетъ *селезневщину*, или *жидовъ*, *суетныхъ*, *познающихъ*, или *сомнящихся*. Наконецъ изъ рукописныхъ данныхъ (1) мы узнаемъ о существованіи сектъ: *глухой пятовщины*, *Петрова крещенія*, *дрождевиковъ*, *кокоревщины*, *фарисеевъ*, *милютинской*, *шелапутовъ*. Всѣ эти названія хотя и не даютъ понятія о сектахъ, столь малочисленныхъ, что нѣтъ надобности въ ихъ изученіи, тѣмъ не менѣе характеристичны.

---

(1) Мельниковъ. Письма о расколѣ, 71—72.

XII

ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

При взглядѣ на карту Москвы каждый можетъ замѣтить, что городъ протянулся на сѣверо-востокъ гораздо дальше, чѣмъ въ другія стороны. Тамъ, гдѣ городъ, улицы которыя идутъ какъ нити паутины вокругъ центра, по видимому уже кончается, есть на сѣверо-востокѣ какъ бы приростъ—Преображенская слобода. Русскіе города, выстроившіеся сами собою, выросли по главнымъ путямъ торговаго движенія. Если городъ выросъ по одной рѣкѣ или дорогѣ, то онъ по большой части тянется одною длинною линіею; напр., Архангельскъ, Владиміръ и др. Если городъ представляетъ средоточіе дорогъ, какъ Москва, то онъ не могъ не превратиться по виду почти въ круглую паутину, основою которой были дороги—радіусы, сходившіяся къ центру. При характерѣ старинныхъ сообщеній естественно было также, что московскія предмѣстья заселялись значительною частью прибылыми людьми изъ тѣхъ провинцій, въ чью сторону обращены были предмѣстья. Тверская, Смоленская, Калужская заставы—не одни топографическіе термины. Части города, приле-

гавшія къ этимъ заставамъ, населялись тверскими, смоленскими и калужскими выходцами, давая пріютъ пріѣзжавшимъ изъ этихъ провинцій.

Зная это, мы прямо должны приписать образованіе части города на его сѣверо-восточной окраинѣ вліянію русскаго сѣверо-востока.

Дѣйствительно, эта часть Москвы составляетъ метрополію всѣхъ безпоповцевъ въ Россіи, т. е. именно по преимуществу людей сѣвера и востока.

Самое появленіе Преображенскаго приказа въ этой мѣстности съ его ужасами, сдѣлавшимися впослѣдствіи достояніемъ тайной канцеляріи, было вполнѣ естественно: безпоповцы, изъ послѣдователей раскола, всего болѣе возбуждавшіе противъ себя преслѣдованія, появились прежде всего къ сѣверо-востоку отъ Москвы въ уѣздахъ нынѣшнихъ Владимірской и Костромской губерній. А расколъ, какъ мы знаемъ, лежалъ въ основѣ стрѣлецкихъ бунтовъ и вообще волненій противъ Петра I, которые искоренялъ Преображенскій приказъ, подъ охраною вновь учрежденной регулярной арміи. Искоренять стрѣльцовъ и производить страшныя преображенскіе розыски можно было только опираясь на эту регулярную армію. Такимъ образомъ, самое сформированіе первыхъ регулярныхъ полковъ въ с. Преображенскомъ и смежномъ Семеновскомъ было вызвано не случайностью.

Несомнѣнно, что сѣверо-восточная часть Москвы была съ самого появленія раскола главнымъ пріютомъ безпоповщинскихъ сектъ. Но сначала безпоповщина имѣла въ Москвѣ мало послѣдователей; она ютилась на малолюдномъ и лѣсистомъ сѣверѣ

и въ большой городъ проникала лишь тайно и исподволь. Открыто и какъ устроенная община является она въ Москвѣ лишь при Екатеринѣ II.

Малолюдная безпоповщинская община тѣснилась у Хапиловскаго пруда на сѣверо-восточномъ краѣ Москвы, когда къ ней присоединились вліятельные и зажиточные люди: суконный фабрикантъ Зенковъ и содержатель погреба иностранныхъ винъ, торговавшій также кирпичемъ, Ковылинъ. Послѣдній явился вскорѣ главою и устроителемъ обширной безпоповщинской общины въ Москвѣ.

Ковылинъ былъ изъ дворовыхъ людей кн. Голицына. Такимъ образомъ человѣкъ, ставшій во главѣ раскольничьей общины въ то время, когда расколъ превратился въ соціальный протестъ закрѣпощеннаго земства, принадлежалъ самъ къ тому же сословію крѣпостныхъ. Это былъ человѣкъ, хотя не получившій школьнаго образованія, но несомнѣнно обладавшій обширнымъ и свѣтлымъ умомъ. Впрочемъ раскольничій писатель Павелъ Любопытный называетъ его и «рѣдкимъ буквалистомъ.» Очень вѣроятно, что какъ раскольникъ, особенно представитель раскольничьяго толка, онъ былъ начитанъ въ церковныхъ книгахъ; по крайней мѣрѣ, только при такой начитанности онъ могъ «торжественно поражать»—какъ говоритъ Павелъ Любопытный—«лжемудріе никоніазма въ глазахъ вельможъ и обожателей его (¹).» Ковылинъ говорилъ и противъ заблужденій послѣдователей раскола не его (ѳедосѣевскаго) толка; но при всемъ

(¹) Изъ исторіи Преображенскаго кладбища, 772.

томъ всѣ секты раскола находили въ немъ защитника при столкновеніяхъ съ представителями власти и господствующею іерархіею. Онъ умѣлъ говорить краснорѣчиво и увлекательно. Живая, твердая память не оставляла его безъ необходимыхъ для оратора ссылокъ, а ясное изложеніе и пріятный тонъ убѣжденій помогали общему впечатлѣнію на слушателей. Ковылинъ имѣлъ важный и сановитый видъ. Высокій ростомъ, внушающей наружности, съ лысиною, еще болѣе увеличивавшею обширный лобъ; съ бѣлымъ продолговатымъ лицемъ, обрамленномъ окладистою длинною съ просѣдью бородою, съ веселымъ, но вмѣстѣ проницающимъ взглядомъ — Ковылинъ даже наружностью своею производилъ впечатлѣніе на окружавшихъ. «Въ церкви патріархъ, а въ мірѣ владыка міра»—такъ отзывается объ немъ, принадлежавшій къ поморской сектѣ Павелъ Любопытный (1). Отзыву Любопытнаго тѣмъ болѣе можно довѣриться, что принадлежа не къ одной сектѣ съ Ковылинымъ, онъ не забылъ упомянуть и о томъ, что было и въ его глазахъ темными сторонами въ Ковылинѣ — о томъ, что Ковылинъ возставалъ противъ брака, стоялъ за свободную жизнь и любилъ пышно и хорошо пожить.

Этотъ человѣкъ, несомнѣнно одаренный замѣчательными способностями, этотъ тонкій дипломатъ и свѣтскій человѣкъ, вышедшій изъ среды дворовыхъ людей, этотъ бывшій крѣпостной, стоявшій въ глазахъ сотенъ тысячъ русскихъ людей того,

(1) Тамъ же, 772—773.

чтобы быть въ церкви патріархомъ и казавшійся имъ въ мірѣ владыкою міра — 40 лѣтъ стоялъ во главѣ управленія московскою ѳедосѣевскою общиною. Этого было достаточно, чтобы ей процвѣсти, пріобрѣсти многомилліонное состояніе и причислить къ сонму своихъ послѣдователей богатѣйшихъ людей въ Москвѣ и во всѣхъ концахъ русской земли. Послѣ сорокалѣтней дѣятельности, Ковылинъ, умирая, говорилъ, что сдѣлалъ еще не все, что можно было, и если бы онъ еще пожилъ, то увидали бы, чего онъ могъ достигнуть.

Ковылинъ является символомъ въ русской народной исторіи. Онъ доказалъ, что состояніе рабства не убило духовную жизнь въ большей части русскаго земства, что замѣчательныя и даровитыя личности могли вырываться изъ нея и, не смотря на всѣ препятствія и затрудненія, пробивать себѣ дорогу къ общественной дѣятельности и становиться главными дѣятелями русскаго общества. Уже то, что могъ явиться дѣятель, подобный Ковылину, совершенно внѣ всякаго правительственнаго и офиціальнаго вліянія ставшій во главѣ массъ населенія, разбросаннаго по всему пространству Россіи — показывало, что земская жизнь въ Россіи Екатерины II и Александра I возродилась и началась. Въ прежнее время Ковылинъ былъ бы немыслимъ.

Какъ въ царствованіе Александра I было не думать объ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія, когда люди, вышедшіе изъ этого состоянія съ нажитыми ими милліонами, образовавъ обширную земскую общину на всемъ пространствѣ Россіи, стояли живымъ протестомъ противъ крѣпостнаго права!

Выборный человѣкъ многихъ сотенъ тысячъ русскихъ людей, имя котораго гремѣло въ Астрахани и сѣверномъ поморьѣ, въ Петербургѣ и Нижнемъ, Ковылинъ займетъ видное мѣсто въ русской народной исторіи наравнѣ съ главными дѣятелями русской земли, когда эта исторія будетъ написана.

Дѣятельность Ковылина начинается съ чумнаго года въ Москвѣ—съ 1771 г. Въ это время чумной заразы и дороговизны припасовъ, когда всѣ представители власти въ Москвѣ потеряли голову, кромѣ одного Еропкина, бодрствовалъ и зорко наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ московскій купецъ П. А. Ковылинъ. Самъ безпоповецъ, крестившійся въ Хапиловскомъ прудѣ, онъ увидалъ, что теперь-то настало время усилить и организовать безпоповщинскую общину въ Москѣ и сдѣлать ее центромъ русскаго безпоповскаго раскола. Припомнимъ, какое это было время. По наущенію раскольника купца Юршева, народная толпа въ Москвѣ убиваетъ московскаго архіепископа, и первый камень въ убиваемаго бросаетъ раскольникъ. Это время непосредственно предшествовало тому, когда раскольникъ Пугачевъ бѣжалъ изъ Вѣтки къ послѣдователямъ раскола на Иргизъ и хотя выданъ былъ своими единовѣрцами въ с. Мечетномъ правительству (1), но затѣмъ бѣжалъ и на этотъ разъ уже съ успѣхомъ явился Петромъ III во главѣ народной толпы. Ковылинъ начиналъ такимъ образомъ дѣйствовать въ то время, когда расколъ открыто бушевалъ въ Москвѣ и на русскомъ востокѣ подготовлялась

(1) Поповъ. Сборникъ изъ исторіи старообрядства, II, стр. 6.

пугачевщина. Можетъ быть, со временемъ будетъ признано, что, организовавъ безпоповскій расколъ и давъ ему экономическое направленіе, Ковылинъ содѣйствовалъ отвращенію отъ Москвы ужасовъ пугачевщины. Протестъ закрѣпощеннаго земства выражался и въ окровавленномъ ножѣ донскаго казака, и въ набитыхъ золотомъ мѣшкахъ безпоповской общины Ковылина. Можетъ быть, не лишнее будетъ тутъ прибавить, что правительство, видя, какъ неизбѣжно ищетъ себѣ исхода главный земскій вопросъ, рѣшилось подать руку экономическому протесту, чтобы тѣмъ ослабить державшую ножъ руку бунтовавшаго казака. Если бы раскольничья община въ Москвѣ и значительной части Россіи оставалась въ прежнемъ хаосѣ въ эпоху пугачевщины, если бы ея старанія не были направлены Ковылинымъ къ пріобрѣтенію богатствъ—чѣмъ самымъ члены ея дѣлались необходимо сторонниками порядка и тишины; то трудно сказать, пощадила ли бы пугачевщина, не смотря на всѣ мѣры правительства, самую Москву.

Но въ эпоху пугачевскаго бунта въ Москвѣ уже образовалась ведшая обширные торговые обороты раскольничья община, безъ насилія пріобрѣтавшая себѣ вліяніе и готовившая средства, чтобы помочь освобожденію закрѣпощеннаго земства не ножемъ и висѣлицею Пугачева, а протестомъ капитала и труда людей, вышедшихъ изъ крѣпостнаго состоянія. Казакъ-раскольникъ могъ имѣть успѣхъ только на русскомъ востокѣ, гдѣ еще не образовалось такой общины: онъ не дошелъ до Москвы.

Выборъ между Ковылинымъ и Пугачевымъ былъ

не труденъ, и хотя нельзя сказать, чтобы правительство намѣренно и произвольно содѣйствовало организаціи безпоповской общины въ Москвѣ въ подрывъ значенію грядущей пугачевщины, но тѣмъ не менѣе ходъ историческихъ событій хотѣлъ, чтобы такъ случилось—чтобы именно въ данную минуту кризиса, въ Москвѣ не оказалось сроднаго Пугачеву элемента.

Остерегаясь говорить о какомъ либо прямомъ содѣйствіи правительства образованію ковылинской общины въ Москвѣ, нельзя однако не задать себѣ вопросъ: какимъ образомъ эта община могла устроиться и сдѣлаться силой въ Москвѣ и въ остальной Россіи, на глазахъ властей, и между тѣмъ эти власти не видѣли ни вліянія, ни значенія ея? Наконецъ сама Екатерина II, преслѣдовавшая масоновъ, развѣ не отдавала приказанія не смѣшивать съ ними раскольниковъ и оставлять послѣднихъ въ покоѣ (1)? Очевидно, хотя ведосѣевская община Ковылина становилась силою, дѣйствовавшею не въ одномъ направленіи съ официальнымъ міромъ, тѣмъ не менѣе эту силу положено было терпѣть, и слѣдовательно, дать ей развиваться.

Въ концѣ концовъ это значило, что земская жизнь народа была допущена властью въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде.

Данъ былъ исходъ земскимъ силамъ—и вотъ, повторяемъ, можетъ быть источникъ того, что пугачевщина, въ которой было такъ много грознаго, не дошла до русскаго центра. Силы, которыя могли

(1) Русскій Архивъ, 1864, стр. 249—250.

придать ей болѣе значенія, были уже направлены въ другую сторону.

Въ Москвѣ свирѣпствовала чума. Колодники-фурманы въ дегтярныхъ рубашкахъ желѣзными крюками собирали мертвыхъ изъ домовъ, откуда все бѣжало. Отъ чумнаго всѣ отступались. Зараженный чумою могъ ожидать только, что, когда оставленный безъ всякой помощи, онъ умретъ, то и его багоръ пьянаго колодника свалитъ на дровни, и его отвезутъ за городъ и кинутъ въ общую яму. Въ эту-то минуту народнаго ужаса, когда городскія власти потерялись первыя и не знали что дѣлать, земская помощь выступила впередъ—Ковылинъ съ его сотоварищами приступилъ къ дѣлу. Они обращаются къ городской власти за разрѣшеніемъ устроить близъ Хапиловскаго пруда карантинъ и больницу для заболѣвавшихъ чумой. Власти въ екатерининское время не могли имъ отказать въ этомъ и въ эпоху народнаго несчастія болѣе, чѣмъ когда либо, нуждались въ частной помощи и содѣйствіи общества. Съ тѣхъ поръ къ Ковылину и Зенкову стекались толпы народа изъ всей Москвы. Бѣднымъ давались пища и пріютъ; больныхъ лечили. Больница Ковылина превратилась скоро въ обширную богадѣльню. Людей, которые въ прочихъ частяхъ города не могли нигдѣ встрѣтить руку помощи, принимали здѣсь съ участіемъ, лечили ихъ, давали имъ пищу и все нужное. Кто умиралъ, того не свалывали въ общія ямы для умершихъ отъ заразы, какъ въ другихъ мѣстахъ, а честно хоронили съ церковными обрядами. Разумѣется, приливъ народа къ карантину у Хапиловскаго пруда былъ большой.

Не надобно упускать изъ вида еще одного обстоятельства, очень важнаго по своему вліянію на образованіе сильной безпоповской общины въ Москвѣ—именно въ этотъ критическій заразный годъ. Вода всегда была одно изъ вѣрныхъ средствъ противъ чумы. Въ Константинополѣ, гдѣ чума еще сравнительно въ недавнее время, была почти постояннымъ явленіемъ, хорошо извѣстно, что водоносы какъ и продавцы масла обыкновенно не были поражаемы этою болѣзнью. Въ арміи Паскевича, въ Персіи, въ 1829 г., обливали солдатъ водою противъ чумы. У насъ въ чумный годъ противозаразными средствами считались: уксусъ, въ который окунали деньги; деготь, которымъ смазывали платье фурмановъ, собиравшихъ трупы по домамъ и т. д. Но не обратили вниманія на воду, предохраняющую отъ заразы константинопольскихъ водоносовъ. Водато именно и играла главную роль въ пользованіи чумныхъ, приходившихъ въ ковылинскую больницу, хотя ее вовсе не употребляли какъ медицинское средство. Являясь благотворителями больныхъ и бѣдныхъ, приходившихъ къ нимъ, ѳедосѣевцы, съ Ковылинымъ и Зенковымъ во главѣ, не упускали случая дать понять обращавшимся къ нимъ, что Москву караетъ Господь за отступленія никоніанъ и что единственное средство спастись состоитъ въ обращеніи къ древнему правовѣрію. Затѣмъ, какъ непремѣнное условіе перехода къ правовѣрію, являлось крещеніе въ Хапиловскомъ прудѣ. Крещеніе у ѳедосѣевцевъ надъ обращавшимися въ ихъ толкъ, совершалось не для одной формы. Новообращеннаго погружали въ воду, какъ бы она холодна ни

была, и приводятъ даже, что крещаемому стоило только охнуть, чтобы крещеніе было признано недѣйствительнымъ: тогда его снова погружали. Считали лучшимъ, если новообращенный умиралъ при крещеніи, чѣмъ если онъ не выносилъ его и подавалъ голосъ. Теперь крестили въ Хапиловскомъ прудѣ по ночамъ чумныхъ и расположенныхъ къ заразѣ. Преданіе говоритъ, что также чаны безпрестанно наполнялись водою для перекрещиванія желающихъ: «крестили и такихъ, которые сами были не въ состояніи выразить уже никакого желанія» (1).

На все это нельзя не обратить особеннаго вниманія. Свѣжая вода живительно дѣйствовала на больныхъ и расположенныхъ къ заразѣ: вода всасывала въ себя чумный ядъ; окрещенному становилось легче и лучше послѣ погруженія въ воду. Какой случай выдать благотворное дѣйствіе воды на больной организмъ за помощь свыше за отреченіе отъ еретичества! И вотъ обрядъ перекрещивацевъ-безпоповцевъ случайно является полезнымъ медицинскимъ средствомъ, а для ѳедосѣевскаго согласія средствомъ къ усиленію и пріобрѣтенію новаго значенія.

Чума дала много послѣдователей Ковылину и ѳедосѣевцамъ. Извощики Ковылина—у него ихъ для развоза кирпича, которымъ онъ торговалъ, было 100 человѣкъ—ѣздили въ Москвѣ по оставленнымъ домамъ лицъ, нашедшихъ пріютъ въ богадѣльнѣ у Хапиловскаго пруда, и забирали изъ этихъ домовъ

(1) Изъ Ист. Преображ. кладб., 753.

все имущество, бережно и точно передавая его Ковылину. Это были приношенія людей, потерявшихъ надежду остаться въ живыхъ, церкви, въ которую они обращались передъ смертію или точнѣе Ковылину и его богадѣльнѣ. Составились огромныя богатства. Когда выздоровѣвшіе въ ковылинской больницѣ хотѣли удалиться въ свои оставленные дома и взять туда обратно свое имущество, Ковылинъ этого не дозволялъ. «Что принесено Богу, то не могло быть возвращено—по его словамъ—какъ сгораетъ принесенная Богу свѣчка.» Имущества, принесенныя богадѣльнѣ въ минуту страха за жизнь, когда ничто мірское не имѣло цѣны, остались такимъ образомъ достояніемъ богадѣльни и ѳедосѣевской общины.

Прошла чума, но богадѣльня у Хапиловскаго пруда не закрылась. Подъ именемъ Преображенскаго кладбища выросла богатая и вліятельная обитель ѳедосѣевскаго согласія. Члены, обращенные въ него въ чумное время, остались при немъ. Обширныя средства московской ѳедосѣевской общины были въ надежныхъ и искусныхъ рукахъ. Ковылинъ, самъ пожертвовавшій общинѣ своимъ имуществомъ въ 300 тысячъ руб., пускалъ въ обороты ея суммы. Община выдавала предпріимчивымъ и дѣятельнымъ ея членамъ вспомоществованія, и тѣ разбогатѣвъ, впослѣдствіи не забывали общины, давшей имъ первыя средства. Богатое Преображенское кладбище является скоро затѣмъ средоточіемъ безпоповскаго раскола въ Россіи.

Кладбищу Ковылинъ придалъ видъ монастыря и самъ былъ избранъ въ настоятели его. Въ этой

обители жили мужчины и женщины. Особенность въ одеждѣ отличала ихъ отъ всѣхъ постороннихъ. Мужчины носили кафтаны отороченные чернымъ сукномъ съ тремя складками на лифѣ, застегивавшіеся напереди восемью пуговицами, и сапоги непремѣнно на каблукахъ. Въ одеждѣ женщинъ преобладалъ черный цвѣтъ: головныя повязки, китайчатые сарафаны и платки—все было чернаго цвѣта. Безбрачіе—непремѣнное условіе жизни въ этой обители — еще болѣе увеличивало наружное сходство съ монастыремъ. Но сношенія мужчинъ съ женщинами не преслѣдовались въ этомъ монастырѣ, хотя оба пола и жили на отдѣльныхъ половинахъ. Впослѣдствіи результатомъ этой близости женскаго отдѣленія обители отъ мужскаго явились «воспитанники Ильи Алексѣевича» (такъ звали Ковылина). Этихъ дѣтей тщательно учили въ школѣ обители и изъ нихъ впослѣдствіи вышло не мало людей, начитанныхъ въ церковныхъ книгахъ и искусныхъ писцевъ стариннаго письма. Впрочемъ Преображенское кладбище было отчасти отдѣленіемъ московскаго воспитательнаго дома: туда принимали всякаго ребенка, откуда и кѣмъ онъ ни былъ бы принесенъ. И на это обстоятельство нельзя не обратить вниманія. При императрицѣ, учредившей московскій воспитательный домъ, такое назначеніе Преображенскаго кладбища могло быть одною изъ причинъ его спокойнаго существованія.

Двадцать пять лѣтъ спустя послѣ моровой язвы, на Преображенскомъ кладбищѣ жило 500 человѣкъ, и до 3,000 прихожанъ, большею частью зажиточныхъ купцовъ, посѣщали его молельню.

Первоначальная деревянная часовня была перестроена въ богатую каменную церковь — часовню только по названію. Содержаніе обители стоило очень немного, такъ какъ пожертвованія въ пользу ея были значительны. Пожертвованія дѣлались изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Такъ, наприм., впослѣдствіи, когда Преображенская община имѣла уже огромное состояніе, купецъ Пѣсковскій присылалъ изъ Астрахани на содержаніе ея обители ежегодно 30 подводъ лучшей рыбы. Изъ Саратова слалъ туже провизію купецъ Прядильщиковъ на 20 подводахъ. Изъ Углича купецъ Хархоринъ присылалъ масло. Иные купцы дѣлали въ пользу кладбища ежемѣсячные взносы (1).

Но какимъ же образомъ учредилась и процвѣла безпоповская обитель на глазахъ московскихъ властей, когда у нея было столько враговъ, хотя правленіе Екатерины II и отозвалось на послѣдователяхъ раскола болѣе мягкими мѣрами? Съ вѣдома или безъ вѣдома властей явилась устроенная и богатая Ѳедосѣевская община, первымъ и постояннымъ непріятелемъ которой былъ митрополитъ московскій Платонъ?

Дѣло, какъ мы видѣли, началось съ карантина, больницы и кладбища. Все было сдѣлано своимъ порядкомъ, чтобы расположить начальство столицы въ пользу этихъ частныхъ учрежденій. Осматривать больницу пріѣзжалъ самъ Еропкинъ и благодарилъ за устройство ея. При больницѣ состоялъ отъ правительства докторъ Шафонскій. Словомъ,

(1) Изъ исторіи преображенскаго кладбища, 777—778.

внѣшность была соблюдена. А если до Еропкина и его преемниковъ въ управленіи Москвою доходили подъ рукою слухи, что превратившаяся въ богадѣльню больница скрываетъ за собою безпоповскую обитель, то прежде всего не надобно упускать изъ вида, что екатерининскіе вельможи были большею частію философы, отличавшіеся вѣротерпимостью, а Ковылинъ былъ большой мастеръ обдѣлывать житейскія дѣла и ладить съ властями и сильными міра. По кирпичнымъ подрядамъ Ковылинъ имѣлъ дѣла съ московскимъ городскимъ начальствомъ еще прежде, чѣмъ сталъ во главѣ московскихъ вѳдосѣвцевъ. Онъ считался у начальства за человѣка благонадежнаго. Вельможи екатерининскаго вѣка любили хлѣбосольство, и Ковылинъ является любезнымъ и радушнымъ хлѣбосоломъ, кормитъ московскую знать великолѣпными обѣдами, и московскія городскія власти, бывшія въ числѣ этой знати, видѣли въ Ильѣ Алексѣевичѣ только прекраснаго человѣка и любезнаго хозяина, и имъ конечно въ умъ не приходило, чтобы этими обѣдами отводили ихъ глаза отъ какой-то богадѣльни на краю Москвы, въ существованіи которой въ екатерининскій вѣкъ терпимости наконецъ и не было ничего незаконнаго.

На какой ногѣ Ковылинъ былъ съ московскими городскими властями видно изъ того, что ему ничего не стоило послѣ роскошнаго угощенія ихъ и обильныхъ возліяній посадить въ шутку губернатора въ экипажъ оберъ-полиціймейстера, оберъ-полиціймейстера въ губернаторскій и т. д. каждаго въ чужой. И городскія власти, пришедшія въ себя каж-

дый въ чужомъ домѣ, не сердились на любезнаго Илью Алексѣевича за злую шутку, а впослѣдствіи тѣмъ же порядкомъ принимали отъ него угощенія (¹). И въ Петербургѣ Ковылинъ имѣлъ руку. Онъ былъ близокъ съ главою петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, купцомъ Косцевымъ, который въ свою очередь находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ сильнымъ вельможею того времени, кн. Куракинымъ.

Заручась благорасположеніемъ людей нужныхъ, Ковылинъ все болѣе расширялъ кругъ дѣятельности своей общины. Къ нему являлись депутаты отъ раскольничьихъ общинъ изъ разныхъ городовъ Россіи съ просьбами о наставникахъ и учителяхъ для своихъ мѣстностей. Ковылинъ принималъ ихъ сидя на богатомъ креслѣ; представлявшіеся клали, входя къ нему, семь обычныхъ ѳедосѣевскихъ поклоновъ. Ковылинъ давалъ наставниковъ и пѣвчихъ областнымъ ѳедосѣевскимъ общинамъ, но лишь подъ уговоромъ, чтобы они обѣщали признавать надъ собою главенство московской общины. Это повело къ тому, что впослѣдствіи Ковылинъ фактически стоялъ во главѣ обширной общины, имѣвшей средоточіе въ Москвѣ и развѣтвленія по всей Россіи.

Въ царствованіе Павла I надъ Преображенскою общиною собралась гроза. Митрополитъ Платонъ смотрѣлъ постоянно съ неудовольствіемъ на процвѣтаніе въ столицѣ, въ центрѣ Россіи, раскольничьей общины, открыто враждебной господствующей церкви. Въ дѣтствѣ ученикъ Платона, имп. Павелъ

(¹) Изъ Исторіи Преображ. кладбища, 762.

цѣнилъ и уважалъ стараго митрополита. Слово Платона значило многое въ царствованіе религіозно-настроеннаго и не забывавшаго впечатлѣній дѣтства Павла. Это слово было произнесено противъ московскихъ ѳедосѣевцевъ. Не помогли Ковылину его свѣтскіе заступники. Даже близкій къ Павлу человѣкъ ки. Куракинъ не могъ помочь горю ѳедосѣевской общины. Дано было предписаніе прекратить существованіе Преображенской кладбищенской обители. Но гдѣ не помогли сильные люди, тамъ оказали помощь маленькіе. «Россія управляется секретарями», сказалъ Минихъ, и по крайней мѣрѣ на московской ѳедосѣевской общинѣ оправдалось это изреченіе. Приказаніе свыше о закрытіи Преображенскаго ѳедосѣевскаго монастыря было дано, но отъ предписанія до исполненія путь бываетъ иногда дологъ, особенно если его покрыть ассигнаціями и звонкою монетою. Ѳедосѣевцы нашли себѣ за деньги покровителей въ московской полиціи и закрытіе монастыря постепенно отлагалось (1). Между тѣмъ послѣдовала смерть имп. Павла. Вступленіе на престолъ Александра I было эрою самой полной вѣротерпимости въ Россіи. Ковылинъ скоро угадалъ духъ новаго царствованія. Не только Преображенскій монастырь остался нетронутымъ, но участь его была теперь еще болѣе обезпечена стараніями Ковылина. Ковылинъ выхлопоталъ, чтобы его обитель не зависѣла отъ московскихъ духовныхъ властей, а находилась въ исключительномъ вѣденіи гражданскихъ; съ послѣдними онъ уже привыкъ

(1) Изъ Истор. Преображ. кладбища, 763.

жить въ ладу. Другою важною льготою для безпоповцевъ было выхлопотанное Ковылинымъ постановленіе объ исключеніи раскольниковъ въ Москвѣ и остальной Россіи изъ списка прихожанъ православныхъ церквей. Еще при жизни Ковылина Преображенскій монастырь отстроился за ново. Возведены были прочныя каменныя зданія и наружный видъ двухъ ѳедосѣевскихъ монастырей—мужскаго и женскаго—сталъ болѣе соотвѣтствовать ихъ богатству. Число жившихъ въ монастыряхъ увеличилось до 1,500; число прихожанъ въ Москвѣ было до 10,000.

Ковылинъ умеръ въ 1809 г., бывъ такимъ образомъ почти 40 лѣтъ въ главѣ управленія московскими ѳедосѣевцами. На погребеніе его собрались не одни послѣдователи раскола—ихъ горе было общее по всей Россіи—но и многіе изъ московской знати, вспомнившіе о любезномъ хозяинѣ, угощавшемъ ихъ на славу

Другаго Ковылина уже больше не было у русскихъ безпоповцевъ. Московская ѳедосѣевская община однако еще долго послѣ сравнительно процвѣтала подъ управленіемъ совѣта попечителей, избранныхъ еще самимъ Ковылинымъ и утвержденныхъ городскими властями. Въ 1825 г. въ монастыряхъ жило до 2,000 человѣкъ и въ Москвѣ считалось 12,000 ѳедосѣевцевъ — прихожанъ. Но скоро наступило тяжелое время для ѳедосѣевской общины. Уже съ первыхъ лѣтъ царствованія имп. Николая I начинаютъ приниматься дѣятельныя мѣры для ослабленія раскола. Но и въ это время Преображенское кладбище еще играло видную роль. Холерный—1831 годъ послужилъ ѳедосѣевцамъ по-

добно чумному въ прошломъ столѣтіи. Опять ѳедосѣевская община явилась, въ эпоху сумятицы и тревоги, съ земскою помощью, когда необходимость въ этой помощи всего болѣе должна была чувствоваться правительствомъ и властями, естественно не могущими сдѣлать всего для всѣхъ въ критическій моментъ, удесятряющій обязанности. Если безъ земской помощи, безъ самодѣятельности общества, могли обходиться въ обыкновенное время, то въ критическую эпоху теряли голову. Тутъ-то возвышало голосъ земство. Мы видѣли, что историческій элементъ земства преимущественно проявлялся въ средѣ послѣдователей раскола; но хотя земская помощь шла отъ безпоповцевъ-ѳедосѣевцевъ, и ея въ трудное время нельзя было не принять. Вотъ истинный источникъ усиленія безпоповщины въ Москвѣ въ холерный годъ нынѣшняго столѣтія, какъ и въ чумный прошлаго. Ѳедосѣевщина, безпоповщина, расколъ—это все только знамя, внѣшность: за ними стояло земство. Годы усиленія московской безпоповщины были годами вызванной общественными бѣдствіями, пробужденной земской дѣятельности.

Въ 1831 г. не хватало на Хапиловскомъ пруду мѣста и въ Преображенскомъ монастырѣ чановъ для желавшихъ перекреститься въ ѳедосѣевское согласіе. Въ это время на Преображенскомъ кладбищѣ жило 3,000 женщинъ и 800 мужчинъ (¹). Устроено было временное отдѣленіе въ баняхъ у Покровскихъ воротъ, въ Москвѣ, для перекрещиванія же-

(¹) Сборникъ Кельсіева I. стр. 67.

лающихъ. Замѣтимъ, и въ холерный годъ, какъ въ чумный, вода опять оказала магическое дѣйствіе. Въ медицинѣ есть особенная метода леченія холерныхъ больныхъ завертываніемъ ихъ въ холодныя, мокрыя простыни. Московскіе ѳедосѣевцы, не зная этой методы, благотворно дѣйствовали на своихъ больныхъ холодною ванною, и расчетъ, дѣйствовавшій на невѣжество, разумѣется приписывалъ послѣ это дѣйствіе холодной ванны чудесному промыслу, спасавшему обратившихся въ правовѣріе изъ ереси. Если бы завертываніе въ мокрыя простыни и прикладываніе льда не было признано методою леченія въ наукѣ, то успѣхъ московскихъ ѳедосѣевскихъ ваннъ въ 1831 г. долженъ былъ бы навести докторовъ на мысль объ этой методѣ. Если бы успѣха не было, то не только народъ не толпился бы въ ѳедосѣевскихъ крестильняхъ, но и крестившимъ могло прійтись худо въ эту эпоху народнаго раздраженія, когда народная толпа бушевала на петербургскихъ улицахъ, въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ шла рѣзня начальствовавшихъ лицъ и въ Севастополѣ старый и малый, мужчины и женщины, шли на готовый стрѣлять гарнизонъ.

Но немного лѣтъ спустя послѣ холернаго года Преображенское кладбище окончательно постигъ разгромъ. Это не подорвало значенія безпоповщины, но лишило московскихъ ѳедосѣевцевъ ихъ прежняго центра.

XIII.

РОГОЖСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича казненныхъ раскольниковъ хоронили за Рогожской заставой. Это мѣсто сдѣлалось для послѣдователей раскола завѣтнымъ. Въ 1771 г.– въ тотъ же годъ, когда было основано безпоповское Преображенское кладбище—положено было основаніе и обители поповскаго согласія подъ именемъ Рогожскаго кладбища. Она явилась за Рогожской заставой. Появленіе безпоповской и поповской обителей подъ именемъ кладбищъ заслуживаетъ вниманія. Названіе кладбища было конечно предлогъ, юридическій изворотъ. Рогожское кладбище явилось скоро такимъ же средоточіемъ для поповцевъ во всей Россіи, какимъ было Преображенское для безпоповцевъ. Подъ именемъ кладбища является обитель, потому что кладбище устроить не могли не дозволить, такъ какъ на устройство монастыря или обители не дали бы согласія. Погребеніе умершихъ послѣдователей раскола уже предъ тѣмъ приводило къ серьезнымъ столкновеніямъ раскольниковъ съ духовнымъ вѣдомствомъ господствующей церкви. Красносельскіе

и покровскіе причты въ Москвѣ жаловались на то, что раскольники «нахально приносятъ» своихъ умершихъ къ нимъ въ церкви и оставляютъ для погребенія (1). Приняты были мѣры, чтобы раскольники своихъ мертвыхъ въ церквахъ для погребенія не оставляли, и хотя еще прежде существовало за Серпуховскими воротами раскольничье кладбище, тѣмъ не менѣе предлогъ былъ достаточный, чтобы дозволить отвести раскольникамъ еще мѣсто за городомъ, подъ кладбище.

Но прежде, чѣмъ явилось Рогожское кладбище, послѣдователи поповщины еще не сразу сдѣлали средоточіемъ своего согласія Москву послѣ того, какъ пала Вѣтка. Изъ Вѣтки центръ поповщины былъ перенесенъ опять въ Стародубъ. Туда же перенесена была и церковь Покрова изъ Вѣтки. Но Стародубъ поднялся не надолго. Непосредственно предъ возвышеніемъ Москвы, какъ главнаго средоточія раскола въ Россіи, возвысился Иргизъ до степени поповщинской метрополіи. Екатерина II прямо по вступленіи на престолъ сдѣлала вызовъ раскольникамъ, жившимъ за границею, возвратиться въ Россію. Тѣмъ, которые возвратятся, объявлены были разныя льготы: дозволеніе приписаться въ какое хотятъ состояніе—въ купеческое, мѣщанское и т. д., освобожденіе на время отъ повинностей и пр. Явились желающіе возвратиться и имъ отведены были земли по р. Иргизу. Такъ положено было начало иргизской поповской общинѣ, скоро пріобрѣтшей большое значеніе, потому что это было одно

(1) Русскій Архивъ, 1864, стр. 243.

время единственное мѣсто въ Россіи, гдѣ не только находилась поповская церковь, но и были дозволенные правительствомъ раскольничьи попы. Дозволеніе имѣть поповъ было одною изъ льготъ людямъ, послушавшимся призыва правительства и мирно поселившимся на отведенномъ имъ мѣстѣ. Церковь явилась на Иргизѣ также изъ-за границы. По крайней мѣрѣ инокъ Сергій (сынъ купца Юршева, принимавшаго, какъ мы видѣли, такое участіе въ убіеніи московскаго архіеп. Амвросія), возвращаясь изъ-за границы, изъ Польши, просилъ на границѣ упомянуть въ его паспортѣ, что онъ везетъ съ собою церковь и эта (полотняная) церковь вслѣдъ затѣмъ явилась на Иргизѣ. Иные говорятъ, что Сергій просто накупилъ холста и, навивъ его на палки, несъ съ собою, намѣренно заявивъ, что это была церковь. Церковь и дозволенные попы—этого было достаточно, чтобы Иргизъ скоро пріобрѣлъ большую извѣстность у послѣдователей поповщины по всей Россіи. Скоро Иргизъ сталъ разсылать своихъ дозволенныхъ поповъ во всѣ концы государства, а оттуда потекли къ нему деньги. Первую церковь московскому Рогожскому кладбищу далъ также Иргизъ—въ 1789 г. Службы въ ней совершались тайно. Процвѣтаніе Иргиза начинается въ особенности съ 1783 г. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія до 200 иргизскихъ поповъ жило въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ одномъ Улангерскомъ скиту помѣщицы Свѣчиной жило одновременно 12 иргизскихъ поповъ. Какъ цѣнились иргизскіе попы видно изъ того, что на Уралѣ за попа Алексѣя было заплачено въ 1825 г. 1000 руб., между тѣмъ какъ

прежде въ Стародубѣ 100 рублей считалось хорошею платою за попа (1). Въ 1803 г. по поводу разрѣшенія Городцу, нижегородской губерніи, имѣть иргизскаго попа, императоръ Александръ I, въ письмѣ къ князю Куракину, совѣтовалъ на раскольничьихъ поповъ смотрѣть сквозь пальцы, «хотя и не подавать имъ однакоже явнаго вида покровительства (2)». Иргизская община, сдѣлавшаяся очень богатою, существовала до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда и ея существованіе было прекращено правительственными мѣрами.

Въ то время, когда на Иргизѣ только устраивалась поповщинская община и попъ Михайло Калмыкъ въ Стародубѣ еще не терялъ своего вліянія на русскую поповщину, начала пріобрѣтать значеніе поповская община въ Москвѣ. Въ теченіе всего прошлаго столѣтія поповское согласіе пріобрѣтаетъ постоянно новыя силы. Мы видѣли уже, что безпоповское поморское согласіе съ теченіемъ времени усвоивало себѣ правила, которыя приближали его отчасти къ поповщинѣ, и приписали это явленіе тому, что, зародясь въ малолюдной пустынѣ, благодаря соловецкимъ инокамъ, поморскій толкъ сдѣлался послѣ ученіемъ сравнительно населенныхъ мѣстъ и устроеннаго общества, приближавшагося по характеру къ средне-русскому, московскому. Не только ученіе новоженовъ сдѣлало большіе успѣхи въ средѣ поморцевъ, но въ 1730 г. у поморянъ явилась даже мысль найти себѣ высшаго церков-

(1) Палладій, 43.

(2) Мельниковъ. Русскій Вѣстникъ, 1864, № 5, стр. 18.

наго іерарха. Дѣло разошлось потому, что митр. ясскій—Антоній, къ которому обратились поморцы за посвященіемъ имъ епископа, не посвятилъ присланнаго къ нему кандидата въ епископы Варлаама, и оскорбясь тѣмъ, что Варлаамъ не хотѣлъ назвать его—митрополита—благочестивымъ, велѣлъ даже остричь ему голову. Если такимъ образомъ главный безпоповскій толкъ склонялся въ своихъ правилахъ къ поповщинѣ и начиналъ искать надъ собою іерархической власти, которой безпоповцы не признаютъ, то это значило, что поповщина значительно усиливалась.

Въ началѣ царст. Екатерины II, въ 1765 г., всѣ раскольничьи секты въ Москвѣ соединились, чтобы сообща избрать себѣ епископа. Они положили посвятить его особеннымъ образомъ: держать руку мощей надъ головою посвящаемаго. Это должно было быть, по ихъ мнѣнію, равносильно архіерейскому рукоположенію. Но эта попытка послѣдователей раскола установить у себя собственную іерархію была оставлена. Около этого времени поповщина въ Москвѣ значительно усиливается, а спустя нѣсколько лѣтъ основывается Рогожское кладбище.

Въ 1777 г. совершилось другое важное событіе въ исторіи московской поповщины — сварено было муро. Въ это время въ Москвѣ устанавливалось мнѣніе, что переходящихъ въ поповское согласіе надобно *перемазывать* — помазывать муромъ. Мы прослѣдили въ своемъ мѣстѣ, какъ начавъ съ перекрещеванья поповщина постепенно перешла къ неполному соблюденію этого обряда, а потомъ и совсѣмъ оставила его. Теперь у московскихъ по-

повцевъ явилась мысль перемазывать обращающихся въ ихъ согласіе, и мы видѣли, что это привело ихъ въ столкновеніе съ стародубскими поповцами и ихъ представителемъ Михайломъ Калмыкомъ, хотя въ сущности спорный пунктъ былъ только предлогъ, а дѣло шло о первенствѣ между Москвою и Стародубомъ.

На вареніе мура московскими поповцами можно смотрѣть какъ на проявленіе тѣхъ же стремленій, которыя заставляли ихъ прежде искать себѣ архіерея. Архіерея не нашли; взамѣнъ того, по крайней мѣрѣ, хотѣли сварить муро. Но муро варить можетъ по церковнымъ правиламъ только архіерей. Какъ нашлись въ этомъ случаѣ московскіе поповцы? Они рѣшили, что довольно чтенія однѣхъ молитвъ, обыкновенно читаемыхъ при варенiи мура, для освященія его. Главное участіе въ варенiи мура принималъ попъ Василій Чебоксарскій. Иргизская община, въ лицѣ строителя своего Сергія, смотрѣла на эту попытку московскихъ поповцевъ съ нѣкоторымъ недоразумѣніемъ и неудовольствіемъ. Стародубъ, въ лицѣ своихъ главныхъ дѣятелей, открыто возсталъ противъ Москвы.

Вареніе мура всегда совершалось въ церкви съ большою торжественностью и варилось муро изъ дорогихъ снадобій и благовонныхъ мастей. Изъ свѣденій аптекарскаго приказа мы знаемъ, напр., что патр. Филарету отпускались на муро янтарь, корица, перетрунъ (?), корень азаръ, ладонъ росный, медъ дивій (1). Поповцы свое муро сварили въ

(1) Акты Ист., III, 473.

большомъ самоварѣ, смѣшавъ деревянное масло, разныя благовонныя вещества, подъ названіемъ «мастей» и «ароматовъ», и—на что въ особенности надо обратить вниманіе—истолченныя въ желѣзной ступѣ частицы мощей. Эта смѣсь варилась отъ лазаревой суботы до великаго четверга. Чебоксарскій читалъ молитвы, прочіе священники стояли вокругъ самовара и бывшій дьячекъ, въ это время московскій мѣщанинъ Ѳедоръ Михайловъ, въ стихарѣ мѣшалъ смѣсь въ самоварѣ большою мѣшалкою. Наварили мура два пуда шестнадцать фунтовъ. Оно было розлито въ двѣ бутылки, изъ которыхъ одна впослѣдствіи лопнула и муро, находившееся въ ней, пропало. Самоваръ, въ которомъ варилось муро, былъ впослѣдствіи проданъ на рынкѣ какъ былъ—съ прикипѣвшими къ нему остатками мура, что повело къ немалому соблазну.

Вареніе мура поповцами въ Москвѣ важно не само по себѣ, а по вопросу, который стоялъ за нимъ. Примутъ ли поповцы въ остальной Россіи главенство Москвы или нѣтъ? Кто хотѣлъ принять, тотъ долженъ былъ принять перемазываньe и московское муро; кто не хотѣлъ принять ихъ, тотъ стоялъ противъ главенства Москвы. Какъ слѣдовало ожидать: керженскіе, иргизскіе и донскіе поповцы приняли московское муро. Оно и понятно: на Керженцѣ, на Иргизѣ и на Дону поповщина сохранила въ себѣ великорусскій элементъ. Стародубъ былъ, напротивъ, мѣстностью, гдѣ сходились Малая и Великая Россіи. Тутъ зародилось согласіе, одинаково не хотѣвшее знать ни москалей, ни хохловъ. Тутъ явилось другое согласіе, отвергав-

шее поповъ, посвященныхъ малороссійскими архіереями и признававшее одно великорусское посвященіе. Это была арена борьбы племенныхъ особенностей. Стародубъ не такъ легко могъ подчиниться Москвѣ. Въ странѣ, гдѣ Хмѣльницкій видя, что Польша беретъ надъ нимъ перевѣсъ, присоединился къ Россіи—теперь, когда Москва грозила взять перевѣсъ надъ мѣстною поповщиною, задумывалось присоединеніе къ православію.

Скоро московская община процвѣла. Рогожское кладбище сдѣлалось богатою обителью. Принятіе московскаго мура поповцами въ остальной Россіи (даже стародубцы возстали на Михайла Калмыка и инока Никодима за непринятіе его) сдѣлало эту обитель метрополіею русской поповщины. На Рогожскомъ кладбищѣ была церковь во имя Покрова Богородицы, устроенная по образцу вѣтковской Покровской церкви, но богослуженіе, какъ мы видѣли, совершалось въ ней тайно. Открытое богослуженіе на Рогожскомъ кладбищѣ стало совершаться только съ 1812 г., когда атаманъ Платовъ — самъ старообрядецъ — оставилъ московскимъ поповцамъ свою походную церковь во имя Пресвятыя Богородицы и начальникъ Москвы разрѣшилъ служеніе въ ней (1). О числѣ прихожанъ Рогожскаго кладбища можно заключить изъ того, что, напр., въ Рождественской кладбищенской часовнѣ стояло впослѣдствіи 46 купелей — такъ какъ старообрядцы твердо держались правила крестить дѣтей не на домахъ, а въ часовняхъ.

---

(1) Мельниковъ. «Русскій Вѣстникъ», 1866, № 5, стр. 29.

Рогожское кладбищѣ процвѣтало, но офиціально о немъ мало было слышно. Въ докладѣ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1823 года показано было столько прихожанъ Рогожскаго кладбища, сколько ихъ было въ 1796 г. (¹). Было ли это невѣдѣніе, или рогожскимъ поповцамъ оказывалось подъ рукою покровительство, только такое счисленіе старыми цифрами клонилось къ пользѣ Рогожскаго кладбища, потому что отводило глаза отъ важнаго значенія, которое оно начало мало по малу пріобрѣтать. Это значеніе пріобрѣталось имъ, благодаря тѣмъ же причинамъ, которыя придали силу и могущество московской безпоповщинѣ, и потому мы здѣсь о нихъ не будемъ говорить.

Въ эпоху усиленія поповщины въ Москвѣ усилилось значеніе екатеринбургской поповщины. Екатеринбургъ былъ въ этомъ отношеніи для Сибири тоже, что Москва для европейской Россіи. Мы видѣли, какъ проникала на Уралъ безпоповщина. Безпоповцы-раскольники открываютъ Демидову его богатые рудники и съ тѣхъ поръ безпоповщина прививается на Уралѣ. Но мы прослѣдили также постепенное приближеніе въ другихъ случаяхъ безпоповскихъ толковъ къ поповщинѣ, по мѣрѣ того, какъ людность, осѣдлость и средне-русскій элементъ являлись на прежде пустынныхъ и съ подвижнымъ населеніемъ окраинахъ Россіи. Такъ было и на Уралѣ. Тамъ, гдѣ сѣмена раскола были посѣяны безпоповцами, впослѣдствіи явилась обширная и людная поповская община. Эпоха Алек-

(¹) Мельниковъ. «Русскій Вѣстникъ», 1864 г., № 5, стр. 20.

сандра I была временемъ процвѣтанія этой общины. Представителемъ и главнымъ дѣятелемъ ея является Рязановъ. Что Ковылинъ былъ въ безпоповщинѣ, то Рязановъ въ екатеринаургской и отчасти во всей поповщинѣ. Рязановъ былъ лице очень извѣстное во всей Россіи и особенно въ Петербургѣ. Ковылинъ ладилъ только съ гражданскими властями, Рязановъ—и съ духовными. Пермскій епископъ Іустинъ останавливался въ его домѣ (1).

Съ 1827 г. невзгоды постигаютъ Рогожское кладбище. Запрещено было вновь принимать послѣдователямъ раскола священниковъ, переходившихъ къ нимъ изъ господствующей церкви. Въ это время на Рогожскомъ кладбищѣ было 9 дозволенныхъ поповъ и 3 дьякона. Мы видѣли, что дозволеніе старообрядцамъ имѣть поповъ было дано въ 1822 г. Согласно вышедшему теперь указу, только прежде дозволенные попы могли оставаться у старообрядцевъ; новыхъ имъ нельзя было имѣть. И вотъ по мѣрѣ того, какъ вымираютъ прежде дозволенные попы, священство у старообрядцевъ оскудѣваетъ. Наконецъ остаются въ Москвѣ въ живыхъ только два попа—Русановъ и Ястребовъ. Зато какъ ихъ лелѣятъ и холятъ прихожане, число которыхъ, какъ мы видѣли изъ всего хода исторіи раскола, теперь должно было не только не уменьшиться, но напротивъ, увеличиться. Ничего, что одинъ изъ упомянутыхъ священниковъ подъ веселую руку самъ бранитъ старую вѣру—его услуги дороги, потому что его некому замѣнить. Недостатокъ поповъ вы-

(1) Мельниковъ. Русскій Вѣстникъ, 1864 г., № 5, стр. 25.

звалъ заочныя погребенія. Изъ Петербурга, съ Волги, даже изъ Сибири заказывали на Рогожскомъ кладбищѣ заочныя погребенія, и два попа должны были пѣть иногда 20,000 заочныхъ погребеній въ годъ. Въ экономическомъ отношеніи это было небезвыгодно какъ для кладбища, такъ и для его священниковъ. За каждое погребеніе платилось по 3 р.; изъ этого половина шла въ пользу кладбища, другая въ пользу священниковъ, которые, конечно, наживали капиталы. Нужно было поповцу священника на домъ—считалось обыкновеннымъ слать за нимъ карету. Очень естественно, что теперь, при двухъ попахъ на всю поповщинскую Москву, обыкновенная исповѣдь была невозможна. Явилась гласная исповѣдь. Человѣкъ по 50 мужчинъ и женщинъ—иные говорятъ, случалось и по 300—являлись къ причетнику исповѣдываться. Тотъ громко спрашивалъ грѣхи, исповѣдовавшіеся громко отвѣчали: «грѣшенъ батюшка», причемъ иные каялись въ грѣхахъ, которыхъ не могли совершить ни по полу, ни по возрасту. Явилось вѣнчаніе гуськомъ. Попъ бралъ епитрахилью за руки жениха и невѣсту первой пары и водилъ вокругъ налоя; прочія пары слѣдовали за нею. Первая пара платила денегъ попу больше другихъ. Правительство имѣло въ виду неудобства, которыя вызоветъ этотъ недостатокъ поповъ у старообрядцевъ, и въ 1840—42 гг. послѣдовало дозволеніе въ нѣкоторыхъ епархіяхъ сочетать бракомъ старообрядцевъ въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, безъ обращенія ихъ. Все, однако, заставляло полагать, что подобныя мѣры не будутъ имѣть успѣха. Старообрядцы не

только не возвращались массами въ лоно господствующей церкви и не присоединялись къ единовѣрію, но, напротивъ, стали упорны въ своихъ отступленіяхъ. Основываясь на историческихъ данныхъ XVII ст., можно было предполагать, что и теперь недостатокъ поповъ у старообрядцевъ вызоветъ усиленіе безпоповщины на счетъ поповщины. Такъ и случилось. Около 1840 г. въ пермской и вятской губерніяхъ образовался толкъ *самосправщиковъ*, — не имѣя священниковъ, иные рѣшились *сами справлять* для себя церковныя требы. Прежде поповцы-самосправщики не имѣли теперь ни учителей, ни наставниковъ, ничего общаго. И такъ въ то время, когда утвержденіе гражданскаго быта и усиленіе московско-русскаго элемента на русскихъ окраинахъ вызывало какъ бы перерожденіе, постепенный переходъ безпоповщины въ поповщину, — съ сороковыхъ годовъ этого столѣтія начинается обратное явленіе: недостатокъ поповъ заставляетъ прежнихъ поповцевъ обходиться безъ нихъ и они обходятся.

Но такъ могло быть лишь по краямъ русской земли. Въ русскомъ центрѣ, въ Москвѣ, не могло быть этого колебанія, этого перехода безпоповщины въ поповщину и обратно. Тутъ безпоповщинская община—прививка къ Москвѣ богатаго и торговаго новгородскаго сѣвера—имѣла свое опредѣленное и самостоятельное существованіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ численно поповское согласіе было все-таки господствующимъ. Какъ центръ русской народности, Москва не могла не быть метрополіей какъ поповщины, такъ и безпоповщины. Но историче-

скія преданія и весь бытъ средней Россіи болѣе гармонировали съ буквою и духомъ поповскаго согласія, чѣмъ безпоповщины. Московскіе поповцы не могли превратиться въ самосправщиковъ. Мѣра, не дозволявшая старообрядцамъ имѣть новыхъ поповъ, вызвала протестъ. Не могли русскіе старообрядцы имѣть дозволенныхъ поповъ въ Россіи—они добыли себѣ не только поповъ, но даже епископовъ и митрополитовъ—только заграницей. Явилась Бѣлокриницкая-австрійская іерархія. Начало Бѣлокриницкой іерархіи относится къ 1846 г. Епископовъ рускимъ старообрядцамъ посвятилъ греческій митрополитъ Амвросій. Предварительно Амвросій принялъ расколъ. Амвросій былъ приглашенъ на старовѣрческую метрополію иноками Алимпіемъ Милорадовымъ и Павломъ Васильевымъ изъ буковинской старовѣрческой обители Бѣлой Криницы (у румуновъ «Фонтаны Альбы»), лежащей близъ города Серета. Эта обитель, съ прилежащими къ ней, старовѣрческими слободами, представляла въ то время населеніе въ 3,000—4,000 душъ и процвѣтала благодаря денежнымъ присылкамъ изъ Россіи. Въ то время когда Алимпій и Павелъ отыскивали митрополита для старовѣрческой церкви, третій инокъ обители, Геронтій, былъ посредникомъ между Бѣлою Криницею и Москвою. Алимпій и Павелъ прежде чѣмъ приступить къ розысканію митрополита должны были испросить на это дозволеніе у австрійскаго правительства. Писалъ бумаги за нихъ іеродіаконъ Викторъ Кокорякъ, бывшій ректоръ черновицкой семинаріи. Прибывъ въ Вѣну старовѣрческіе иноки употребили всѣ средства чтобы

склонить правительство исполнить ихъ просьбу. Не забыты были родственники императора, министры и вообще вліятельныя лица. Тѣмъ не менѣе австрійское правительство дало разрѣшеніе буковинскимъ старообрядцамъ искать митрополита гдѣ они хотятъ *кромѣ Россіи*. Австрія имѣла поводъ опасаться чтобы имп. Николай не принялъ къ свѣдѣнію заботъ габсбургскаго правительства о русскихъ старообрядцахъ. Точно также когда 63 лѣтній—но еще свѣжій, плотный «красивый старикъ—митр. Амвросій принялъ предложеніе старообрядцевъ и прибылъ въ Бѣлую Криницу, онъ не проклялъ никоніанство и дѣло ограничилось лишь проклятіемъ ересей по требнику.

Увидавъ что его наградятъ должнымъ образомъ и обезпечивъ условіями съ старообрядцами своего сына съ женою, митр. Амвросій—лишенный предъ тѣмъ метрополіи константинопольскимъ патріархомъ и жившій въ Константинополѣ, рѣшился отправиться на зовъ старовѣрцевъ. На пароходѣ отправился онъ въ Тульчу, гдѣ былъ встрѣченъ некрасовцами (которымъ впослѣдствіи посвятилъ архіепископа) и всѣми придунайскими старовѣрческими слободами. Затѣмъ онъ явился въ Вѣну, гдѣ принялъ австрійское подданство. Въ Бѣлой Криницѣ, при пріемѣ его было большое стеченіе народа; присутствовали австрійскіе чиновники, палили изъ пушекъ, была зажжена иллюминація. Не безъ труда и большихъ издержекъ старообрядцы пріобрѣли себѣ митрополита. Просьба австрійскому правительству подана была Алимпіемъ и Павломъ въ 1843 г., Амвросій вступилъ въ управленіе метро-

полiей только въ 1847 г. По прибытiи въ Бѣлую Криницу онъ получилъ богатые подарки изъ Москвы. Затѣмъ Амвросiй посвятилъ въ епископы крестьянина Кипріяна Тимофѣева подъ именемъ Кирила и учредилъ въ Россiи Владимiрскую епархію съ архіепископомъ и Симбирскую съ двумя епископами.

Во время вступательнаго служенiя, Амвросiй, не знавшiй ни по славянски, ни по русски, прочелъ славянское евангеліе, написанное для него греческими буквами. Въ 1847 году куплено было старообрядцами у купца Винокурова 3 пуда благовонныхъ мастей за 30 руб. и отправлено на варенiе мура въ Бѣлую Криницу. Самое варенiе произошло по требуемому чину. Митр. Амвросiй вылилъ въ сосудъ, вмѣщавшiй два ведра и вмазанный въ печь въ церковной трапезѣ, крестообразно 12 ковшей масла, влилъ затѣмъ вина и воды, священнослужители положили туда истолченныхъ благовонныхъ мастей и все варилось до великаго четверга (1). Находясь близъ югозападной русской границы, но вмѣстѣ на иностранной землѣ, Бѣлая Криница сдѣлалась теперь тѣмъ же для русскаго старообрядства, чѣмъ прежде была Вѣтка; но Бѣлая Криница слала въ Россію уже не однихъ поповъ, но и епископовъ. Какъ прежде польско-литовское правительство было не прочь видѣть на своей землѣ митрополію русскихъ старообрядцевъ, такъ теперь австрiйское, не только не преслѣдовало русскую старообрядческую iерархію у себя, но, напротивъ, смотрѣло на нее бла-

(1) Православное Обозрѣнiе, 1869, № 5, стр. 29.

госклонно. Мы уже видѣли, что Вѣтка, укоренившая народный русскій элементъ въ области польскаго королевства, была первымъ этапомъ къ присоединенію Литвы къ Россіи и къ раздробленію Польши. Близость событій не позволяетъ дѣлать никакихъ выводовъ: мы не сопоставимъ съ утвержденіемъ русской старообрядческой метрополіи въ Бѣлой Криницѣ даже сильнаго движенія между славянскими племенами Австріи въ пользу болѣе прочнаго общенія съ единоплеменной Россіей, — хотя оба эти событія совпадали по времени, и несомнѣнно, что сторонники славянскаго единства явились въ Россіи преимущественно въ той земской средѣ, однимъ изъ выраженій которой было и старообрядство. Ходъ историческихъ событій однако непреложенъ и все заставляло предполагать, что Бѣлая Криница отзовется на Австріи тѣмъ же, чѣмъ Вѣтка отозвалась на Польшѣ. Но исторію русскаго раскола не изучали въ Австріи; на Бѣлую Криницу не взглянули тамъ какъ на піонера русской народности на австрійской землѣ. Напротивъ, эта посылка изъ маленькаго австрійскаго мѣстечка епископовъ, которые должны были духовно управлять милліонами русскихъ людей, могла казаться въ глазахъ австрійскаго правительства средствомъ дѣйствовать противъ Россіи. Да и въ одной ли Австріи на утвержденіе старооярядческой іерархіи въ Бѣлой Криницѣ смотрѣли какъ на враждебные замыслы противъ Россіи?

Между тѣмъ бѣлокриницкая іерархія утвердилась въ Россіи. Епископы, назначенные бѣлокриницкимъ старообрядческимъ митрополитомъ, заняли каждый

свою епархію. Бѣлокриницкую іерархію не признали только Лужки. Стародубская слобода Лужки должна была естественно протестовать противъ бѣлокриницкой духовной власти. Бѣлая Криница была созданіе Москвы, а Стародубъ, гдѣ сталкивался великорусскій элементъ съ малорусскимъ, постоянно былъ въ борьбѣ съ Москвою и московскимъ вліяніемъ.

За то почти вся остальная поповская Россія признала бѣлокриницкую іерархію.

И такъ, въ то время, когда дозволенное священство времени Александра I оскудѣло на московскомъ Рогожскомъ кладбищѣ, въ Москвѣ явились епископы, посвященные въ Бѣлой Криницѣ, и затѣмъ недостатка въ попахъ не могло болѣе быть.

Еще въ 1835 г. Рогожское кладбище было превращено административнымъ распоряженіемъ въ рогожскій богадѣльный домъ. Въ 1854 г., оно было совершенно взято въ правительственное вѣдомство.

XIV.

МОНИНСКОЕ СОГЛАСІЕ.

Соловецкіе иноки насадили на сѣверѣ пустынножительскій, безбрачный расколъ. Скитальческая и разрозненная жизнь среди негостепріимныхъ сѣверныхъ лѣсовъ, вмѣстѣ съ гоненіями, поддерживали долго безсемейный характеръ раскола на русскихъ окраинахъ. Впослѣдствіи и другая причина сильно вліяла на поддерживаніе безбрачія въ средѣ раскольниковъ-безпоповцевъ: рекрутскую повинность отбывала только одна семейная среда и болѣе изворотливые изъ русскихъ людей, не желавшіе нести рекрутства, приставая къ ученію, проповѣдывавшему безбрачіе, имѣли впослѣдствіи женъ и дѣтей, но числились офиціально и по уставу своего толка холостыми, такимъ образомъ освобождаясь отъ рекрутства.

Пока эта послѣдняя причина, поощрявшая и усиливавшая безпоповщину, была офиціально изслѣдована и указана, сѣверное безпоповское безбрачіе успѣло охватить всѣ мѣстности Россіи и привиться всюду.

Но почти съ самыхъ первыхъ временъ появленія безбрачнаго раскола являются въ немъ и толки, требующіе чтобы семейная жизнь не была отвергаема. Находили возможнымъ возставать противъ церкви и администраціи, но многимъ трудно было разорвать семейныя узы, отказывать себѣ въ спокойной домашней жизни и въ лучшихъ чувствахъ, которыя иногда однѣ примиряютъ человѣка съ его бѣдною долею. Бѣглецамъ среди олонецкихъ пустырей нѣкогда было думать о семействѣ и кровныхъ. Но когда законъ прикрылъ поборниковъ вѣрованій, неладившихъ съ церковью и администраціею, и бѣглецы были признаны гражданами, положеніе дѣлъ измѣнилось. Въ первое время Андрей Денисовъ могъ крѣпко стоять противъ брака, и брачная жизнь между безпоповцами утвердилась только на югѣ—въ Чугуевѣ, на Дону, въ Австріи, тамъ гдѣ окружающая сфера всего скорѣе обусловливала гражданскую и общественную жизнь. Но и въ менѣе населенныхъ олонецкихъ мѣстностяхъ стала скоро развиваться гражданская жизнь. Явились и тамъ браки между безпоповцами, и Андрей Денисовъ теперь уже «соблаговолялъ на нихъ». Ѳедосѣевское ученіе, какъ мы видѣли, въ началѣ узаконило у себя бракъ и только послѣ отрѣшилось отъ него, когда образовавшаяся въ Польшѣ малочисленная секта, распространясь впослѣдствіи въ Россіи, разрослась въ обширную общину, искавшую себѣ членовъ преимущественно въ неосѣдломъ населеніи окраинъ русскаго государства.

Бракъ въ безпоповской средѣ является сначала подъ видомъ «новоженства», и уже находитъ сто-

роникокъ въ 1685 г. Въ Москвѣ проповѣдывали бракъ въ безпоповщинѣ Антонъ Кауровъ и Семенъ Артемьевъ. Первый изъ нихъ былъ современникомъ соловецкихъ челобитчиковъ. Мы видѣли, какъ съ половины прошлаго столѣтія «новоженство» въ Москвѣ усиливается, такъ что въ началѣ нынѣшняго уже можетъ вступить въ рѣшительную борьбу съ безбрачною безпоповщиною. Но «новоженство» еще не составляло брачной жизни въ собственномъ смыслѣ слова. «Новоженство» было уступкою безбрачныхъ безпоповцевъ требованіямъ времени и среды, но уступкою только на половину. «Новоженство» не было признаннымъ бракомъ. Это былъ грѣхъ, разрѣшаемый въ виду слабости человѣческой природы, и «новожены» были только отщепенцы отъ своихъ собратій, находившіеся въ первое время въ презрѣніи и посрамленіи у нихъ.

Законъ безпоповцевъ предписывавшій чтобы «оженившійся разженился» и холостой оставался безбрачнымъ—для многихъ былъ неисполнимъ съ самаго начала. Другой «разжениться» былъ еще не прочь, но скоро чувствовалъ необходимость въ новой женѣ. Такимъ образомъ явились «новожены». Дорого платился сначала «новоженъ» за это «попущеніе грѣху». Онъ былъ въ опалѣ у своихъ, къ нему относились чуть не какъ къ прокаженному, свои отказывались сообщаться съ нимъ въ яствѣ и въ питьѣ. Семейная жизнь его начиналась тѣмъ, что онъ или похищалъ дѣвушку себѣ въ жены, или невѣста убѣгала къ нему. Родители его и ея знать не хотѣли, что творится ихъ дѣтьми. Въ ихъ сближеніи на всю жизнь родители видѣли грѣхъ. И

впослѣдствіи когда взглядъ на «новоженовъ» сталъ измѣняться, дѣти вступали въ бракъ безъ родительскаго благословенія и родители хотя смотрѣли на происходившее сквозь пальцы, но открыто боялись дать согласіе. Случалось, женихъ являлся за невѣстой, а родители тѣмъ временемъ уходили изъ дому въ другія двери, или запирались въ особой комнатѣ, чтобы не знать и не видѣть ничего непроисходившаго. Но родственное чувство брало иногда верхъ надъ догматическимъ педантизмомъ и дѣтямъ давалось родительское благословеніе съ иконою, хотя послѣ отецъ и мать должны были отмаливать за совершенный грѣхъ и отплачиваться епитеміями. Впрочемъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ и мать тайкомъ уходили изъ дому чтобы не дать благословенія жениху и невѣстѣ и ничего не знать и не вѣдать,—подъ конецъ все таки любовь къ родному дѣтищу брала верхъ и родные мужа принимали жену его какъ сноху, любили ее, пѣстали ея дѣтей. Словомъ, никакіе пустынножительскія ученія и учительскіе запреты не могли остановить потока семейной жизни врывавшагося въ среду безпоповцевъ. Она охватила наконецъ все поморье. Выгъ и Лекса остаются какъ прежде центральнымъ пунктомъ сѣвернаго поморскаго раскола и обителями мужскою и женскою куда стекались выходцы почти изъ всѣхъ мѣстностей Россіи. Тутъ до конца хранится обѣтъ безбрачія и какою была въ этомъ отношеніи Выголексинская обитель въ эпоху своего процвѣтанія, такою она остается и предъ эпохою своего упраздненія (въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія), когда стѣна между Выгомъ и Лексою уже осы-

палась, ровъ былъ полузасыпанъ, дома большею частью запечатаны и видъ запустѣнія былъ тамъ, гдѣ полтора вѣка назадъ зародился русскій расколъ какъ дѣятельная экономическая община. Но за исключеніемъ этой обители все обонежье знало уже давно семейныя отношенія, и бракъ былъ признанъ поморскимъ ученіемъ.

Еще открытѣе и прямѣе заявило себя въ пользу брака безпоповское ученіе въ Москвѣ, въ лицѣ двухъ своихъ представителей: государственнаго крестьянина Василія Емельянова и мѣщанина Гавр. Ларр. Скачкова. Согласіе ихъ называется *новопоморскимъ*, или *мониискимъ* (по имени одного изъ главныхъ членовъ Монина). Монииское согласіе одинаково возставало на безбрачіе и на новоженство. Оно открыто стояло за бракъ и за семейныя узы. Въ бракѣ «нѣсть грѣха и ложе нескверно»— основываясь на этихъ словахъ апостола, Василій Емельяновъ смѣло возсталъ на своихъ собратовъ — московскихъ ѳедосѣевцевъ, отвергавшихъ бракъ. Къ нему присоединились многіе изъ ѳедосѣевской общины, такъ какъ самъ онъ былъ не что иное какъ органъ убѣжденій многочисленной среды, уже признавшей семейство за основу гражданственности. Противъ Емельянова дѣйствовалъ Ковылинъ всею силою своего авторитета и своихъ средствъ. Ковылинъ былъ врагъ не только настоящей брачной жизни, но и новоженства. «Если бы даже Христосъ сказалъ—говорилъ Ковылинъ:—Илья! прими новоженовъ въ согласіе къ себѣ!—То я бы ему от-

вѣчалъ: не послушаю тебя, Христе!» (1) Это замѣчаніе, доказывавшее степень религіозности Ковылина, бравшаго верхъ въ своей средѣ не христіанскою жизнью, а силою характера, было сдѣлано напрасно. Чрезъ нѣсколько времени и Ковылинъ поддался общему потоку, и онъ какъ Андрей Денисовъ долженъ былъ признать бракъ для сохраненія собственнаго авторитета, какъ киновіарха. Масса его послѣдователей стояла за бракъ, но одни еще оставались при новожествѣ, тогда какъ другіе прямо высказались въ пользу полнаго признанія брака. Послѣдніе составили особое согласіе — подъ руководствомъ Емельянова и Скачкова; первые еще держались преображенскаго кладбища и Ковылинъ не могъ отринуть ихъ, если не хотѣлъ видѣть ослабленія и обѣдненія своей общины. Монинское согласіе пріобрѣтаетъ много послѣдователей особенно въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Къ нему присоединяются болѣе люди съ положеніемъ въ обществѣ, зажиточные и вліятельные.

Видя что согласіе признававшее бракъ все болѣе усиливается, Ковылинъ потребовалъ на соборѣ на Выгу, въ 1792 г., чтобы Емельяновъ отрекся отъ своего ученія о бракѣ. Не столько увѣщаніями, сколько насиліями и даже побоями Емельяновъ принужденъ былъ подписать отреченіе (2). Это показываетъ слабость характера въ томъ, предъ кѣмъ— какъ выражается Павелъ Любопытный — старообрядцы и нѣтовщина краснѣли, извинялись и тря-

(1) Прав. Обозрѣніе, 1864, Т. 15, стр. 240.
(2) Прав. Обозрѣніе, 1867, II, стр. 290.

слись (1). И въ Москвѣ Ковылинъ могъ бить по щекамъ и выгонять отъ себя того же Емельянова (2), увидавшаго скоро, что онъ не можетъ остаться при своемъ отреченіи. Слабый ли, сильный ли характеръ былъ Емельяновъ — личность его значила тутъ очень мало. Московскіе безпоповцы массами начинали высказываться въ пользу брака. За бракъ сталъ даже такой вліятельный членъ ѳедосѣевской общины какъ Зенковъ, положившій, какъ мы видѣли, ей вмѣстѣ съ Ковылинымъ основаніе. Зенковъ обращался къ Емельянову какъ къ «боговдохновенному учителю». Какъ ни крутъ и самовластенъ былъ иногда Ковылинъ, изъ мало извѣстнаго подрядчика—которому ген. Безобразовъ, заподозрѣвшій его какъ-то въ обманѣ по поставкѣ кирпича, могъ вырвать полбороды—превратившійся впослѣдствіи въ главу богатой общины считавшей, членовъ сотнями тысячъ,—но и Ковылинъ ничего не могъ сдѣлать противъ начавшагося движенія. Онъ даже долженъ былъ прибѣгать къ мѣрамъ вовсе уже недостойнымъ «окормителя всего стада христіанства», какъ онъ самъ называлъ себя. Монинцы хоронили своихъ умершихъ на Преображенскомъ кладбищѣ ѳедосѣевцевъ, такъ какъ своего не имѣли, да и хлопоты ихъ объ отведеніи имъ особаго кладбища могли не имѣть успѣха, потому что Ковылинъ (о которомъ кн. Куракинъ писалъ московскому главнокомандующему: «окажите доброму Ильѣ Алексѣевичу помощь въ случаѣ нужды», и которому эта

(1) Любопытный, Ист. Словарь, 133.

(2) Прав. Обозрѣніе, 1864, Т. 15, стр. 143.

помощь дѣйствительно была оказываема) былъ силенъ у полиціи и властей, и употребилъ бы всѣ усилія чтобы желаніе монинцевъ не было удовлетворено. Свое кладбище Ковылинъ сдѣлалъ средствомъ держать монинцевъ въ зависимости отъ себя. «Не пущу васъ, сатинскія дѣти, на кладбище!» говорилъ иногда Ковылинъ послѣдователямъ монинскаго (по мѣсту нахожденія молельни называемаго иногда *покровскимъ*) согласія (¹). Иногда и предписанія полиціи въ пользу покровскихъ не помогали. Разъ Ковылинъ долго убѣждалъ частнаго пристава не торопить погребеніемъ одного монинца, но когда убѣжденія не подѣйствовали и мѣста для погребенія нельзя было не отвести, то о Ковылинѣ разсказываютъ, что онъ самъ скакалъ по кладбищу на дрожкахъ, чтобы показать для могилы мѣсто гдѣ вода могла затоплять гробъ.

Всѣ эти мелочныя проявленія мести и соперничество не помогали. Монинское согласіе усиливалось. Преемникъ Емельянова въ наставничествѣ, Скачковъ былъ человѣкъ твердыхъ правилъ и стойкій защитникъ своего согласія. «Нѣтъ у меня врага злѣе и опаснѣе Гаврюшки Скачкова» говорилъ Ковылинъ.

Съ принятіемъ репрессивныхъ мѣръ противъ раскола, начавшихся съ 1827 г., расколъ начинаетъ пріобрѣтать характеръ болѣе опозиціонный властямъ, чѣмъ прежде. Въ тридцатыхъ годахъ впервые иностранцы-писатели начинаютъ обращать вниманіе на послѣдователей раскола, съ цѣлью

(¹) Прав. Обозрѣніе, 1864, Т. 15, стр. 253.

дѣйствовать на нихъ ко вреду русскому правительству. Богачи-купцы въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи обращаются въ расколъ и даже офиціальные изслѣдователи приписываютъ это стѣснительнымъ мѣрамъ противъ раскола (1). Число безпоповцевъ (послѣдователей наиболѣе опозиціонныхъ ученій раскола) растетъ въ сравненіи съ поповцами: въ Москвѣ безпоповцы вмѣсто 46 молелень, бывшихъ въ 1812 г., въ 1846 считали уже 145 (2). Петербургскіе старообрядцы, не смотря на приглашеніе московскихъ, отказываются имѣть тайныхъ поповъ, но когда настоятель Бѣлокриницкаго монастыря Геронтій былъ схваченъ полиціею на пути изъ Москвы въ Бѣлую Криницу, и они рѣшились принять тайныхъ поповъ (3). Словомъ, чѣмъ больше стѣсненій, тѣмъ больше упорства и раздраженія является въ средѣ послѣдователей раскола, и тѣмъ непримиримѣе относятся они къ дѣйствіямъ власти и администраціи.

Все это необходимо имѣть въ виду чтобы понять почему въ 1827 г. покровское согласіе положило не молиться за царствующій домъ (4). Иначе такой шагъ былъ бы рѣшительно непонятенъ. По всему своему внутреннему складу маинское согласіе стояло въ уровень съ поповщиною. «Скачковъ говорилъ даже, что «священство пало не навѣки» (5).

---

(1) Брянчаниновъ, въ Сбор. Кельсіева, II, 24.
(2) Липранди въ Сбор. Кельсіева, II, 107.
(3) Липранки въ Сбор. Кельсіева, II, 102—103.
(4) Чтенія, 1869, III, Монинское согласіе.
(5) Прав. Обозрѣніе, 1864, Т. 15, стр. 148.

т. е. главный наставникъ безпоповцевъ, признававшихъ бракъ, уже заставлялъ провидѣть въ будущемъ возможное соединеніе монинскаго согласія съ поповщиною. Поповщина молилась за царя; молились прежде и монницы. Переставъ молиться за царствующій домъ монинское согласіе дѣлало этимъ рѣшительный шагъ къ безпоповщинѣ. И дѣйствительно это было обычное явленіе въ то время: число безпоповцевъ быстро увеличивалось на счетъ поповщины и дошло до того, что вопреки всѣмъ даннымъ — говорящимъ, что въ Россіи осѣдлаго гражданственнаго населенія, гдѣ утвердилась поповщина, значительно больше чѣмъ подвижнаго и временнаго населенія окраинъ,—число безпоповцевъ даже офиціальными изслѣдованіями показывалось превышавшимъ число поповцевъ. Съ исторической точки зрѣнія это было неизбѣжное явленіе. Оно вытекало изъ преслѣдованія старообрядческаго священства и изъ стѣсненія брачной жизни въ средѣ послѣдователей раскола. Признаніе священства и таинство брака— были явленія почти всегда шедшія объ руку въ средѣ послѣдователей раскола. Священный смыслъ брака, какъ охраны женщины и семьи и вмѣстѣ санитарной охраны общества, издавно заставлялъ признавать въ немъ таинство, а таинство могло совершаться лишь священнодѣйствующимъ. Отсюда необходимость священника. Понятно такимъ образомъ почему и въ средѣ послѣдователей монинскаго согласія являлась мысль, что «священство пало не на вѣки.» Стали преслѣдовать старообрядческихъ священниковъ, думая этимъ обратить паству ихъ въ православіе, но вышло что

вмѣсто того поповцы за неимѣніемъ священниковъ превращались въ безпоповцевъ. Въ костромской губерніи явились *самокруты*—люди, за недостаткомъ священниковъ обходившіеся безъ брака или соединявшіе себя сами (1). Еще прежде самокруты явились въ Вятской губерніи. Самокрутами дѣлались тѣ, кто не хотѣлъ при вѣнчаніи въ церкви давать подписку о присоединеніи къ православію. Въ Петербургѣ подверглось преслѣдованію новопоморское ученіе признававшее бракъ. Главная молельня его, на Моховой, въ домѣ Пиккіева, украшенная болѣе чѣмъ 500 богатыми образами, была закрыта административнымъ распоряженіемъ. Извѣстный Павелъ Любопытный, петербургскій мѣщанинъ, такъ ревностно боровшійся съ отвергавшими бракъ, долженъ былъ покинуть Петербургъ. Но петербургскимъ поморцамъ трудно было отказаться отъ брака, какъ общественнаго установленія. У нихъ явились «вѣнчальники»—люди, которыхъ главнымъ занятіемъ было совершеніе браковъ. Когда умеръ главный «вѣнчальникъ» ихъ и не находилось охотниковъ принять на себя это званіе въ виду преслѣдованія со стороны властей, то дочь умершаго Марья Карповна Новосадова приняла на себя званіе «вѣнчальницы» (2). Такимъ образомъ женщина явилась священнодѣйствующимъ лицомъ при заключеніи браковъ. Незамѣтно, вечеромъ, какъ знакомые и гости, проходили женихъ съ невѣстой къ Марьѣ Карповнѣ и та тихо, чтобы не подать вида что въ

(1) Арпольди, въ Сбор. Кельсіева, II, 18–20.
(2) Нильскій. Семейная жизнь... II, 42.

домѣ совершается что либо особенное, читала положенныя молитвы и совершала обрядъ. Марья Карповна соединила такимъ образомъ много паръ. Такъ, въ то время, когда наложничество и безсемейная жизнь стали замѣнять браки, женщина явилась на защиту брака, какъ учрежденія, прежде всего охраняющаго женщину и семью. Приведенныя мѣры противъ поповцевъ и наконецъ—въ началѣ пятидесятыхъ годовъ—отверженіе законности раскольничьихъ браковъ и признаніе дѣтей отъ этихъ браковъ незаконными, вопреки указамъ 1762 и 1785 г., узаконявшимъ дѣтей отъ «безсвященнословныхъ» браковъ—все это вело къ усиленію безпоповщины на счетъ поповщины, а такъ какъ монинское согласіе было какъ бы переходъ отъ первой къ второй, отъ Преображенскаго кладбища къ Рогожскому, то на немъ этотъ порядокъ вещей долженъ былъ отразиться тѣмъ, что связь между Преображенскимъ кладбищемъ и Покровскою молельнею, связь, которая при обычномъ ходѣ обстоятельствъ могла порваться—укрѣпилась еще болѣе, а сближеніе съ Рогожскимъ кладбищемъ замедлилось.

Василій Емельяновъ и Гаврило Скачковъ, отдѣливъ монинское согласіе отъ Преображенской общины, старались придать ему такую организацію чтобы согласіе составляло постоянно особую корпорацію. Уступка времени и гражданственности, сдѣланная въ одномъ отношеніи, въ дѣлѣ брака, могла повести къ другимъ уступкамъ и къ сближенію съ старообрядцами и даже съ православными. Этому Емельяновъ и Скачковъ старались воспрепятствовать строгимъ запретомъ въ своемъ уставѣ общенія

съ «инославными» («православными» уставъ называть только принадлежавшихъ къ монинскому согласію) въ пищѣ и подражанія въ одеждѣ. По замѣчанію Павла Любопытнаго Скачковъ писалъ «жаркіе и разительные стихи противъ модъ и покроя платьевъ у старовѣровъ.» Вообще послѣдователи раскола обращаютъ большое вниманіе на одежду. Съ каблуками сапоги, или безъ каблуковъ—это былъ одинъ изъ существенныхъ вопросовъ въ обрядовой сторонѣ ѳедосѣевской московской общины—и за несоблюденіе правила въ этомъ отношеніи грозило отлученіе. Безпоповцы упрекали православныхъ за то, что у нихъ женщины стоятъ въ храмахъ съ открытыми головами. Возстаетъ расколъ и на женщинъ «яко пещь намазанныхъ,» т. е. набѣленныхъ. Уставъ Преображенской общины запрещалъ мужчинамъ приходить въ церковь въ халатахъ. Галстухи знаменовали, по догматикѣ иныхъ безпоповцевъ, удавленіе вмѣсто креста и погибель на страшномъ судѣ (1). Емельяновъ и Скачковъ явились самыми тщательными сторонниками старинной одежды: у нихъ въ уставѣ были подробно поименованы всѣ роды одежды, отъ какихъ надобно было воздерживаться.

Схватываясь такимъ образомъ за мелочи, чтобы хотя нѣсколько долѣе продлить свое существованіе какъ безпоповщинской общины, монинское согласіе неудержимо шло по пути сближенія съ старообрядствомъ, признававшимъ священство, и съ право-

(1) Христ. Чтеніе, 1864, I, стр. 269.

славными. Этому помѣшали особенныя обстоятельства—рядъ стѣсненій, который придалъ болѣе рѣзкій опозиціонный характеръ расколу въ то время, когда этотъ характеръ, благодаря мѣрамъ и духу царствованія Екатерины II и Александра I, сталъ уже сглаживаться.

XV.

ВЛІЯНІЕ ЗАПАДА.

Соприкасаясь съ западною Европою, Россія не могла обойтись безъ заимствованій у нея. Не остался безъ этихъ заимствованій и русскій расколъ. Все предыдущее могло уяснить, что въ корнѣ раскола лежали славянскія преданія. Эти славянскія преданія борятся сначала съ дружиною варяжскихъ князей. Ихъ же мы видимъ въ борьбѣ съ восточнымъ элементомъ, явившимся по включеніи въ русскіе предѣлы финновъ средней и сѣверной Россіи и еще болѣе со времени ига монгольскаго. Тѣже славянскія земскія преданія, стоящія за ископную старину, проявляются въ расколѣ во время утвержденія западнаго вліянія. Мы видѣли, что расколъ боролся собственно не съ пововведеніями, а съ тѣми способами, которыми дѣлались пововведенія, съ утвердившимся со времени монгольскаго владычества обычаемъ производить перемѣны, не спрашивая земство. Такимъ образомъ въ сущности расколъ стоялъ болѣе противъ вліянія востока, чѣмъ запада. Это можно въ особенности сказать о новгородскомъ сѣверномъ расколѣ. Но конечно, при

разноплеменномъ населеніи Россіи, по распространеніи раскола во всѣхъ концахъ ея, должны были образоваться толки, на которые болѣе повліялъ востокъ.

Не смотря на видимую заключенность раскола противъ всѣхъ вліяній извнѣ, западъ вліялъ на него не мало и издавна. Это было естественно. Славяне—европейскій народъ. Многое соединяло ихъ съ западною Европою, и историческія движенія на западѣ не могли не отражаться въ Россіи, не смотря на то, что послѣдовавшее за основаніемъ славяно-финской Руси монгольское иго на время отвлекло русскихъ славянъ отъ Европы. Мы видѣли, что протестантство проникло къ намъ почти вслѣдъ за появленіемъ его въ западной Европѣ и что время Ивана IV было эпохою пропаганды русскихъ раціоналистовъ. Эта пропаганда не прекратилась и впослѣдствіи произвела нѣсколько сектъ раскола. Главными изъ этихъ сектъ явились впослѣдствіи *духоборцы* и *молокане*.

Зародышъ этихъ двухъ ученій нельзя не видѣть въ протестантствѣ, начавшемъ было прививаться въ Россіи въ первую половину царствованія Петра I. Петръ I былъ лично большой поклонникъ Лютера. Когда въ Виртембергѣ ему не хотѣли подарить чашку, принадлежавшую Лютеру, онъ съ досадою разбилъ ее въ дребезги (1) и сказалъ, что памятникъ, поставленный Лютеру въ одной изъ тамошнихъ церквей, не достоинъ такого великаго человѣка. Самый видный изъ представителей духовен-

(1) Барсовъ, Братья Андрей и Семенъ Денисовы, 21.

ства при Петрѣ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, благоволилъ къ лютеранству. При такихъ обстоятельствахъ лютеранская пропаганда не могла не имѣть нѣкотораго успѣха въ Россіи. Главнымъ распространителемъ лютеранства явился лекарь Тверитиновъ, называемый иными также Дерюшкинымъ. Позаимствовавшись протестантскими идеями у иностранцевъ Тверитиновъ явился смѣлымъ и искуснымъ распространителемъ ихъ въ р ской средѣ. Въ домѣ Тверитинова, вмѣсто образа висѣлъ листъ—вдѣланный въ рамку, какъ икона—гласившій большими буквами: «Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози инїи, развѣ Мене. Не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія». Тому, кто заинтересовывался этимъ листомъ, Тверитиновъ не упускалъ объяснять что иконы—идолы, и имъ не слѣдуетъ поклоняться; онъ же толковалъ библію и ссужалъ тетрадками съ выписками, которые могли служить въ подтвержденіе пропагандируемыхъ имъ ученій. Эти тетради были и у такихъ лицъ какъ архим. Антоній и Мусинъ-Пушкинъ. Вообще на пропаганду Тверитинова смотрѣли сначала довольно благосклонно. Онъ защищалъ протестантское ученіе на диспутахъ, происходившихъ у Магницкаго, въ Симоновомъ монастырѣ, у Мусина-Пушкина. На этихъ диспутахъ два раза присутствовалъ вице-губернаторъ Ершовъ, и даже по желанію Ершова архимандритъ Ѳеофилактъ Лопатинскій вступалъ въ пренія съ Тверитиновымъ (1). Тверитиновъ дѣйствовалъ ловко; онъ называлъ себя православнымъ и только являлся

(1) Терновскій, II, 63.

адвокатомъ протестантства, чтобы вести пренія. Онъ имѣлъ послѣдователей не одну тысячу, и ими наполненъ былъ Серпуховъ (1). Тверитиновъ дѣйствовалъ довольно умѣренно. Онъ хотя и билъ жену за то, что та ходила на исповѣдь къ священнику, но все таки держалъ для нея въ домѣ икону. Нѣкоторые изъ послѣдователей его были неуступчивѣе и настойчивѣе. Православное ухо серба, полковника Божича, сосѣда Тверитинова по квартирѣ, до того разъ было поражено слышанною имъ бесѣдою у Тверитинова, что онъ чуть саблею не изрубилъ бесѣдовавшихъ. Когда московскіе протестанты стали дѣйствовать открыто—началось дѣло противъ нихъ; но въ Петербургѣ доброжелатели протестантства вѣроятно замяли бы его, если бы одинъ изъ протестантовъ, двоюродный братъ Тверитинова, фельдшеръ Ѳома Ивановъ не явился иконоборцемъ во всеуслышаніе предъ судившими его. «Вы говорите—замѣчалъ онъ—что икона Богородицы въ московскомъ Успенскомъ соборѣ написана евангелистомъ Лукою, а между тѣмъ Лука былъ не живописецъ по занятіямъ, а врачъ». Скованный, тотъ же Ѳома Ивановъ, приведенный на покаяніе въ церковь Благовѣщенія, не смотря на оковы, изрубилъ тамъ образъ Алексѣя митрополита. Поступокъ этотъ вызвалъ строгую кару и протестантизмъ въ Москвѣ былъ истребленъ. Но онъ былъ прямымъ предшественникомъ духоборства и молоканства на Руси.

Оба эти ученія появляются съ 1762 г. — съ ре-

(1) Терновскій, I, 309.

формъ Петра III и начала царствованія Екатерины II. На это слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Въ кратковременное царствованіе Петра III сдѣлано было не мало перемѣнъ въ германскомъ духѣ. Съ воцаренія Екатерины II иностранные поселенцы и именно гернгутеры, которыхъ такъ боялась Елисавета Петровна (1), начинаютъ являться массами для водворенія въ юго-восточной Россіи, на низовомъ поволжьѣ. Около этого времени въ мѣстности, сосѣдней съ слободами иностранныхъ поселенцевъ, по большей части религіозныхъ сектантовъ, являются толки духоборцевъ и молоканъ. Въ правленіе Екатерины II, отличавшейся вѣротерпимостью, духоборцы и молокане могли безпрепятственно размножаться, и хотя даже въ настоящее время, по статистическимъ даннымъ тѣхъ и другихъ считается не болѣе какъ по 110,000, но значеніе этихъ сектъ весьма важно и на нихъ нельзя не обратить особеннаго вниманія.

Начало духоборства и молоканства, какъ организованныхъ сектъ, положено было въ селѣ Горѣломъ, Тамбовской губерніи. Полякъ, бѣжавшій изъ Сибири, поселясь въ селѣ Горѣломъ у одподворца Ларіонова, наставилъ Ларіонова въ правилахъ новаго ученія. Сынъ Ларіонова, принявшій фамилію Капустина, положилъ начало духоборству. Но Капустинъ въ своемъ раціонализмѣ и въ отверженіи церковной обрядности зашелъ слишкомъ далеко. Больше успѣха имѣлъ ученикъ его Семушка, давшій начало молоканству. Молокане близки къ ду-

(1) Русскій Архивъ, 1868, стр. 1321—1325.

хоборцамъ, они также не признаютъ религіозной обрядности, но раціонализмъ духоборцевъ болѣе непримиримъ въ отношеніи къ существующимъ порядкамъ. Главнымъ распространителемъ молоканства является Сем. Мат. Уклеинъ, уроженецъ с. Уварова, борисоглѣбскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Портной по ремеслу, Уклеинъ ходилъ шить въ разныя мѣста и въ с. Горѣломъ полюбилась ему дочь главы тамошняго духоборчества Иларіона Побирохина. Уклеинъ, принадлежавшій къ православію, развелся съ женою, присталъ къ сектѣ Побирохина и женился на его дочери. Скоро однакожъ они разошлись съ своимъ тестемъ. Побирохинъ называлъ библію *хлопотницею*, отвергалъ всѣ обряды, хотѣлъ являться своимъ послѣдователямъ какъ бы Богомъ, завелъ у себя ангеловъ-истребителей, обязанностью которыхъ было преслѣдованіе провинившихся предъ ихъ учителемъ. Уклеину неправился этотъ порядокъ вещей; онъ поссорился съ Побирохинымъ и едва не былъ задушенъ его ангелами-мстителями—тремя здоровыми мужиками, отъ которыхъ его едва спасли прибѣжавшіе на помощь. Послѣ этого Уклеинъ окончательно разошелся съ Побирохинымъ и умѣренность правилъ его ученія привлекла къ нему многихъ послѣдователей, особенно въ низовомъ поволжьѣ. Молоканство принялъ даже священникъ с. Дурникина, Саратовской губерніи—Савва Ивановъ съ нѣкоторыми членами своего семейства, и когда два старшіе сына его отказались принять то же ученіе, то онъ

устранилъ ихъ и передалъ священническое званіе третьему сыну, молокану (1).

Молокане были официально отдѣлены отъ духоборцевъ въ 1818 г., когда правительство дозволило послѣднимъ называть себя духоборцами и предписало не принуждать ихъ къ присягѣ (2). По ученію духоборцевъ — какъ они сами передавали квакерамъ Аллену и Грелье—Богъ въ троицѣ есть единъ: Отецъ—память, Сынъ—умъ, Духъ Святый—воля. Такимъ образомъ они вѣруютъ алегорически, обоготворяя человѣческую природу. Въ томъ же алегорическомъ, духовномъ смыслѣ они признаютъ Іисуса Христа. Его признаютъ они единымъ своимъ священникомъ. Внѣшнюю церковь они отвергаютъ. Иконы признаютъ идолами. Угодниковъ Христовыхъ уважаютъ за ихъ добродѣтели, но отказываются молиться имъ какъ божеству. Церковныхъ преданій не признаютъ. Постъ по ихъ мнѣнію заключается въ воздержаніи и умѣренности. Такимъ образомъ духоборческое ученіе приближается къ квакерскому, и начало его коренится въ ученіяхъ Ѳедора Косаго и Кальвина. Можно прослѣдить какъ постепенно зарождалась духоборческая секта. Въ 1689 г. были сожжены въ Москвѣ Квиринъ Кульманъ и его товарищъ миссіонеръ Нордерманъ съ ихъ квакерскими книгами. Сѣмена посѣянныя ими однако не исчезли. Секта Тверитинова, о которой говорилось выше, имѣла сходство съ квакерскою. Затѣмъ въ 1740 г. духобор-

---

(1) Прав. Собесѣдникъ, 1858, III, 44.

(2) Постановленія мин. внутр. дѣлъ, I, 37—38.

ческое ученіе распространяется въ Харьковской губерніи какимъ-то иностранцемъ—квакеромъ (1), а въ 1750 является учителемъ его въ Екатеринославской губерніи извѣстный Колесниковъ и затѣмъ уже русскими людьми, какъ мы видѣли выше, организуется многочисленная секта. Молокане называютъ себя духовными христіанами. Церкви рукотворной и иконъ они не признаютъ. Апостолы и мученики, по ихъ ученію, были добрые люди, но святъ одинъ Господь. Замѣчательно что при бракосочетаніяхъ молоканскихъ невѣста вручается «по закону Моисееву.» Архим. Израиль, приравнивая духоборческую секту къ квакерской, въ молоканской видитъ сходство съ анабаптизмомъ. Духоборчество, отрицая всякую обрядность, должно было въ первое время имѣть успѣха меньше молоканства въ массѣ народа, въ такой степени сжившагося съ обрядовою стороною церкви. Молоканство оставляетъ долю обрядности изъ христіанской религіи. Въ первое время существованія двухъ сектъ, духоборчество дѣйствительно сдѣлало мало успѣха; число молоканъ, напротивъ, значительно увеличилось. Названіе духоборцевъ, какъ полагаютъ, было придано сектѣ въ южной Россіи преосв. Амвросіемъ екатеринославскимъ, и объясняется тѣмъ, что они противоборствуютъ духу истины. Въ 1767 г., въ годъ созванія комиссіи Уложенія — молокане ходатайствовали у императрицы о формальномъ признаніи своей секты (2). Екатерина II обратилась къ совѣ-

(1) Израиль 162.

(2) Чтенія, 1864, IV, смѣсь, 46,

ту духовныхъ лицъ и уже важно то, что императрица сочла необходимымъ посовѣтоваться: какой отвѣтъ дать молоканамъ. Молоканами стали называться «духовные христіане» впервые въ бывшей новороссійской губерніи, въ павлоградскомъ уѣздѣ. Названіе молоканъ, какъ полагаютъ, дано было имъ потому, что они въ среду и пятницу ѣдятъ молоко, а постятся въ субботу. Иные названіе молоканъ производятъ отъ того, что послѣдователи секты поселены были на Молочныхъ водахъ. Молоко, какъ пища, также играетъ нѣкоторую роль въ средѣ молоканъ. Такъ молоканъ помѣщикъ Викторовъ питался однимъ молокомъ, при чемъ соблюдалъ субботу и принуждалъ своихъ крестьянъ слѣдовать своему примѣру, но тѣ жаловались начальству (1), такъ какъ вовсе не имѣли въ виду сдѣлать своего помѣщика и духовнымъ учителемъ своимъ. Замѣчательно, что иные молокане переходятъ въ иудействующіе, суботники). Иногда и духоборчество смѣшивалось съ іудействомъ. Такъ когда астраханскій житель Шутовъ откровенно объяснилъ мѣстному митрополиту, что принимаетъ моисеевъ законъ—жена его жаловалась тому же митрополиту, что мужъ принуждаетъ ее съ сыномъ вступить въ духоборческую секту (2). Мы уже говорили, что нельзя не видѣть связи между такъ называемою ересью жидовствующихъ, явившеюся въ Россіи при Иванѣ III, и современнымъ молоканствомъ. Очень вѣроятно, что зародышъ молоканства существовалъ

(1) Варадиновъ, 82.
(2) Варадиновъ, 65.

въ Россіи во все время съ XVI ст. Если оно при Екатеринѣ II является устроенною сектою, то это объясняется духомъ правленія Екатерины, который позволялъ выходить наружу тому, что прежде было шито и крыто. При всей связи между молоканствомъ и сектою іудействующихъ, мы должны видѣть однако въ немъ вліяніе запада. Молоканство—русское протестантство. Таково, по крайней мѣрѣ, о немъ общественное мнѣніе. Молокане представляютъ въ жизни много особенностей, напоминающихъ протестантизмъ и пуританство. Молокане не пьютъ крѣпкихъ напитковъ и потому большею частью зажиточны. По воскресеньямъ молоканское семейство собирается вмѣстѣ и слушаетъ чтеніе библіи. У молоканскихъ дѣтей нѣтъ игрушекъ, они не ѣдятъ лакомствъ, но за то и къ наказаніямъ родители ихъ почти никогда не прибѣгаютъ. Молоканскія женщины не носятъ украшеній: женщина у молоканъ равноправна мужчинѣ. Семейныя дѣла молоканъ судитъ церковное собраніе (міръ).

Останавливаясь на особенностяхъ молоканскаго ученія, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что оно признаетъ равноправность женщины мужчинѣ. Брака—этой охраны женщины въ ея сравнительно беззащитномъ положеніи въ другомъ обществѣ—у молоканъ собственно нѣтъ. Они не признаютъ видимой церкви, священниковъ и, слѣдовательно, таинства брака. У нихъ супружескій союзъ есть слѣдствіе одного согласія и слова любви, даннаго другъ другу. Этого оказывается однакоже достаточнымъ, чтобы не только такой союзъ былъ крѣпокъ, но чтобы и права мужчины и

женщины были признаны равными. Христіанскій бракъ охранилъ русскую женщину во время водворенія монгольскихъ порядковъ. Она не сдѣлалась, подобно женщинѣ востока, гдѣ господствуетъ многоженство, невольницею, неспособною воспитывать молодое поколѣніе. Но монгольское вліяніе все-таки отразилось, напр., на Домостроѣ съ его мужниною плеткою для жены, на теремной жизни и т. д. Расколъ, ратуя вообще противъ чуждыхъ порядковъ, явился и на оборону русской женщины. Въ безпоповщинѣ женщина стоитъ высоко. Тамъ женщины основываютъ свои согласія подобно мужчинамъ. Правда, на 17 основателей согласій, по именамъ которыхъ названы ихъ ученія, насчитывали въ половинѣ прошлаго столѣтія только двухъ основательницъ, но вообще женщина играла видную роль въ томъ подраздѣленіи раскола, которое сохраняло новгородскія преданія временъ Марѳы Посадницы. На Выгу, какъ мы видѣли, былъ особенный женскій монастырь, гдѣ настоятельницею была сестра основателей выговской общины. Этотъ монастырь представлялъ ту особенность, что въ немъ не только были мастерскія—швейныя, прачешныя и проч.— какъ въ мужскомъ, но также дома, носившіе названія по областямъ: избы олонецкая, вятская, каргопольская, тихвинская, зарайская, березовская и т. д. Эти названія имѣютъ свое значеніе. На Выгъ собирались не только мужчины, но и женщины изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что женщины много содѣйствовали распространенію раскола. Въ 1735 г. раскольничьихъ черницъ

именно потому и перестали ссылать въ Сибирь (1) и рѣшили оставлять въ Екатеринбургѣ, что они распространяли въ Сибири расколъ, а распространенія его тамъ правительство имѣло особенныя причины опасаться. Нижегородскія чернички-раскольницы обучая дѣтей православныхъ родителей грамотѣ, не упускали наставлять ихъ въ расколѣ и этимъ пріобрѣтали для раскола новыхъ послѣдователей. Въ то время когда православная церковь, руководясь словами апостола «женѣ учити не повелѣваю, но быти въ безмолвіи» (2), непредоставляла женщинамъ миссіонерской и проповѣднической дѣятельности—расколъ напротивъ въ женщинахъ находилъ существенную опору въ распространеніи своихъ ученій. Изъ 41 ѳедосѣевскихъ молелень, существовавшихъ въ Москвѣ въ концѣ царствованія имп. Александра I, 14 содержались женщинами—мѣщанками и купчихами. Выгъ разсылалъ своихъ грамотницъ по всей Россіи, и даже можно сказать что значеніе Выга главнымъ образомъ вытекало изъ роли, которую игралъ сосѣдній съ нимъ Лексинскій женскій монастырь. При окончательномъ закрытіи выговской и лексинской обителей въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, оказалось что женское населеніе въ центрѣ поморскаго ученія было весьма значительно въ сравненіи съ мужскимъ и всѣ женщины были искусныя грамотницы и начетчицы. Эти нѣсколько сотъ женщинъ несли на себѣ главную миссіонерскую дѣятельность. Въ без-

(1) Энц. Лексиконъ. Екатеринбургскіе Раскольники.
(2) Израиль, 15.

поповскихъ толкахъ женщины часто занимали первое мѣсто. Такъ Анна Семенова правила ѳедосѣевской общиной въ Вышнемъ-Волочкѣ. Женщины-крылошанки высоко цѣнились у раскольниковъ. Купцу Хархорину въ Угличь ежегодно посылалось къ Святой московскою ѳедосѣевскою общиною по 8 крылошанокъ. Вліяніе этихъ крылошанокъ было такъ велико, что Кирило Михайловъ, не желая уступить Москвѣ, также ежегодно сталъ посылать изъ Выговской обители крылошанокъ къ купцу Мохову въ Ярославль.

Между распространителями духоборства въ пріуральѣ на первомъ планѣ стоятъ женщины: вдова поручика Настасья Мих. Власова (урожденная Сабурова) распространяла духоборческое ученіе въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губерніи въ 1832—33 г.г.; Евдокія Герасимова распространяла тоже ученіе въ Сарапульскомъ уѣздѣ той-же губерніи въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Эта послѣдняя—непреклонная старуха строгой жизни, будучи заключена въ тюрьму, уморила себя голодомъ чтобы только не имѣть дѣла съ «слугами антихристовыми». Безпоповщина, какъ и молоканство, не охраняла женщину бракомъ, но не смотря на то предоставляла ей такія права, что на Выгъ стекались женщины изъ тѣхъ мѣстностей Россіи, гдѣ мужъ былъ если не признаннымъ, то на дѣлѣ властелиномъ въ домѣ, а жена его подчиненною. Женская община на Выгу съ ея скотнымъ дворомъ, молочною, прачешною и вмѣстѣ съ грамотною избою (училищемъ), больницею и часовнею—процвѣтала. Въ часовнѣ служили и пѣли сами женщины. Впо-

слѣдствіи въ ѳедосѣевской ковылинской общинѣ въ Москвѣ женщины также отправляли у себя въ монастырѣ службу. Сначала Ковылинъ не имѣлъ въ виду устройства самостоятельнаго женскаго монастыря, но потомъ долженъ былъ основать его. Денежными средствами женской ѳедосѣевской общинѣ особенно помогъ купецъ Грачевъ. Дочь этого Грачева приняла на себя издержки по содержанію женской половины ѳедосѣевской обители, когда женщинъ преображенской общины перевезли въ село Иваново при приближеніи Наполеона къ Москвѣ.

При этомъ нельзя не обратить вниманія еще на одно обстоятельство, оставшееся не безъ вліянія на распространеніе ѳедосѣевскаго ученія въ Москвѣ. Столичная жизнь естественно обусловливала во многихъ отношеніяхъ свободную жизнь. Ѳедосѣевщина, отвергая бракъ, разрѣшала свободную жизнь мужчинамъ. Она не могла не дозволить ея и женщинамъ. Впослѣдствіи церковные учители ѳедосѣевцевъ пользовались этимъ, чтобы увеличивать свою паству женскимъ населеніемъ изъ личностей, тяготившихся брачными узами или вовсе отказывавшихся ожидать ихъ. Ѳедосѣевскій учитель Михаилъ Гнусинъ ввелъ это потворство человѣческимъ слабостямъ даже въ кодексъ наставленій своимъ преемникамъ по учительству, какъ залогъ успѣха и вліянія на паству (1).

Мы видѣли, что ѳедосѣевцы другихъ городовъ потому и отреклись отъ московскихъ, что тѣ потворствовали «галилейству» по выраженію поморянъ.

---

(1) Изъ исторіи преоб. аж. кладбища, 796—797.

Даже въ поповщинѣ, которая уже близка къ господствующей церкви, женщина пользовалась правами, напоминавшими старинную славянскую равноправность двухъ половъ. Въ безпоповскихъ сектахъ, въ волосатовщинѣ и иларіоновщинѣ, дѣтей крестили женщины вмѣсто священниковъ, не въ видѣ исключенія въ необходимыхъ случаяхъ, а постоянно. Поповщина не уравняла двухъ половъ на столько, чтобы предоставить женщинамъ священническія требы, но она не уменьшала значенія женщины. Мать Пульхерія на Рогожскомъ кладбищѣ пользовалась еще сравнительно въ недавнее время большимъ значеніемъ. Въ теченіе долгаго періода лѣтъ, около нея группировался многочисленный московскій женскій кружокъ, и эта женщина, поражавшая своимъ умомъ и обхожденіемъ какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, не мало содѣйствовала усиленію авторитета кладбища. «Если намъ перейдти въ церковь, говорили рогожскіе, по словамъ извѣстнаго Сопѣлкина, то бабы насъ проклянутъ» (1).

Поповщина, подобно безпоповщинѣ, ввела для женщины состояніе среднее между монашескимъ и свѣтскимъ. Въ Казанскомъ Климовскомъ монастырѣ (въ Стародубѣ) сестры, пѣвшія на клиросѣ, стояли въ цвѣтныхъ платкахъ. Въ этомъ монастырѣ выборъ игуменьи производился всѣми сестрами. Но вообще, стоя за монастырскія формы обителей, расколъ оставлялъ въ быту братіи и сестеръ много свѣтскаго. Мы видѣли, что въ старину, и вообще въ монастыряхъ, допускалось это смѣшеніе.

---

(1) Русскій Вѣстникъ, 1864, № 11, стр. 239.

Отдѣленіе свѣтскаго элемента отъ монастырской жизни, начавшееся съ царствованія Ивана IV, или даже ранѣе—съ тѣхъ поръ, какъ Нилъ Сорскій и Вассіанъ впервые возстали противъ монастырскаго владѣнія имѣніями — всего болѣе отозвалось на женщинахъ. Самая теремная жизнь прежней русской женщины, дѣлая ее затворницею почти отъ самаго рожденія, располагала къ уединенной монастырской жизни. И вообще жизнь такъ складывалась, что женщинамъ чаще приходилось и было болѣе основаній идти въ монастырь, чѣмъ мужчинамъ, а между тѣмъ женскіе монастыри стѣснялп болѣе мужскихъ и отдѣленіе свѣтскаго элемента отъ монастырскаго въ нихъ проводилось строже. Полное отрѣшеніе отъ міра конечно не имѣлось въ виду большинствомъ лицъ, вступавшихъ въ монастырь, а между тѣмъ прежнія братства и общины сестеръ постепенно превращались въ монастыри со строгими уставами. Въ 1681 г. женщинъ, постригшихся дома, велѣно было ссылать въ устроенные для нихъ монастыри (1). Замѣтимъ, что эти монастыри должны были находиться въ вотчинахъ мужскихъ монастырей, вблизи архіерейскихъ домовъ. Основаніемъ для этого приводилось, что дѣвичьихъ монастырей съ вотчинами было мало, но надобно имѣть въ виду, что и имѣвшіяся вотчины женскихъ монастырей было велѣно отдавать въ управленіе дворянамъ подъ завѣдываніемъ архіерея (2). Это соборное постановленіе, относившееся къ мно-

(1) Акты Ист., V, стр. 113.
(2) Тамъ же.

говотчинным женским монастырям, было вызвано, как говорилось, тем, «чтобы старицы не ездили и по деревням и меж мирских домов не жили». Еще строже относился к женщинам, искавшим монастырского приюта, указ Петра I. В 1701 г. велено было девиц, живших в монастырях, выдавать замуж по их желанию, и женщин, моложе 40 лет, в монахини не постригать (1). Во всяком случае тут стеснялась воля и от этого стеснения, равно как от пыток и штрафов, за заблуждения молодости — о чем мы говорили в своем месте — женщины бежали в раскол, где их ожидали монастырския — но в старинном смысле слова—общины и самостоятельность, если не всегда равноправность с мужчинами. Женщина, всегда и во всех обществах дающая дух и направление молодому поколению, следовательно будущим деятелям, много содействовала успеху раскола в русской народной среде.

Уравнение полов в правах, к которому стремится запад и о котором не думает восток, не было однако западным влиянием на русской земле. Равноправность двух полов присуща славянской расе и она не могла не отразиться на расколе, стоявшем за славянскую старину.

Высшее выражение равноправности полов явилось, как мы видели, у молокан и эта черта придает особенное значение молоканскому учению.

В начале царствования Александра I духоборцев велено было, по их желанию жить вместе,

(1) П. С. З. ст. 1856.

поселить на р. Молочной, давъ каждому по 15 десятинъ удобной земли съ избавленіемъ отъ повинностей на 5 лѣтъ и съ выдачею заимообразно на подъемъ по 100 р. на человѣка (1). Это распоряженіе, какъ оно ни было выгодно для духоборцевъ, едва ли можно объяснять въ смыслѣ льготы имъ. По крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ спустя, духоборцевъ, за распространеніе ихъ ученія, велѣно было ссылать въ Сибирь, въ военную службу и на заводы (2). Казаковъ-духоборцевъ велѣно было съ Дона посылать въ Выборгъ, и имп. Александръ по поводу обращенія въ православіе духоборца, казака Назарова, велѣлъ докладывать себѣ о всѣхъ подобныхъ случаяхъ обращенія (3). Что касается молоканъ, то на заявленіе о томъ, что половина купцовъ жителей Александрова (на Кавказѣ)—молокане, дающіе только подписку вмѣсто присяги, послѣдовалъ указъ о неопредѣленіи этихъ купцовъ въ городскія должности (4). Впрочемъ, если въ царствованіе Александра I, отличавшееся высшею вѣротерпимостью, духоборцы и молокане подвергались преслѣдованіямъ, то на это были иногда особыя причины. Духоборцы распространяли свое ученіе, а молоканинъ Уклеинъ рѣшился даже съ 70 учениками вступить въ Тамбовъ для уничтоженія тамъ, какъ онъ говорилъ, идолопоклонства (5).

Молоканская секта обращала на себя вниманіе и

---

(1) П. С. З., XXVII, стр. 27—28.
(2) П. С. З., XXIX, стр. 1224.
(3) П. С. З., XXIX, стр. 1364—1365.
(4) П. С. З., XXXII, стр. 740—741.
(5) Мельниковъ. Русскій Вѣстникъ, 1864, № 5, стр. 20.

подвергалась офиціальному изученію. Нельзя сказать, чтобы въ молоканствѣ не было чертъ, общихъ съ другими раскольничьими толками. Чернобольцы, не доходя до иконоборства, не чтутъ креста, если на немъ нѣтъ изображенія Спасителя. Нѣтовщина отвергаетъ видимую церковь и исповѣдуется матери-землѣ. *Щельники* отвергаютъ иконы и храмы, и когда холодно молиться на востокъ на дворѣ, то открываютъ нарочно устроенныя въ избахъ щели, обращенныя къ востоку, и молятся, глядя въ эти щели. Сходная съ этою секта *дырниковъ* была открыта на Уралѣ въ 1860 г. Но секта молоканъ представляла, не смотря на то, столько своеобразности, что заслуживала внимательнаго изученія. Правительство не могло не интересоваться сектантами, дающими только подписку вмѣсто присяги и, на основаніи своего правила, не употреблять оружія для нападенія, бросающими его въ виду непріятеля,—какъ это случилось, напр., въ первую турецкую войну подъ Перекопомъ, гдѣ молокане вологодскаго полка бросили оружіе. Изъ офиціальныхъ записокъ о молоканахъ (1) можно видѣть, что значеніе этой секты, не смотря на сравнительную немногочисленность ея послѣдователей, очень велико. Одна изъ этихъ записокъ говоритъ, что у молоканъ есть агенты и покровители во всѣхъ мѣстностяхъ имперіи. «Общее мнѣніе—прибавляетъ записка—всюду за нихъ» (2), т. е. за молоканъ. Послѣд-

(1) Чтенія, 1864, II и IV.
(2) Чтенія, 1864, II, стр. 169.

нее замѣчаніе записки объясняется тою строго-нравственною жизнью, которую ведутъ молокане.

Не смотря на кратковременное историческое существованіе духоборства и молоканства, они представляютъ не мало различныхъ сектъ.

Иконоборцы упоминаются уже Димитріемъ Ростовскимъ. Какъ на видоизмѣненіе духоборчества можно смотрѣть на иконоборскую секту, проявившуюся въ Орловской и Астраханской губерніяхъ въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Немоляки или *немолвяки*. Эта секта была открыта въ Одессѣ 1845 г. Немоляки полагаютъ, что устная молитва совершенно не нужна тому, кто молится въ мысляхъ.

Общіе—секта основанная въ недавнее время казакомъ Шепиловымъ (Поповымъ). По словамъ другихъ секту Общихъ организовалъ англичанинъ Мельвиль. Общіе впервые явились за Кавказомъ въ Шемахинскомъ уѣздѣ. Они должны были имѣть все общее. Сектанты соединили было въ одно свое имущество, но опытъ не удался и черезъ годъ каждый разобралъ свое и сталъ жить своимъ хозяйствомъ. Ограничались только учрежденіемъ общественнаго запаснаго магазина.

Суботники или *іудействующіе* соблюдаютъ подобно евреямъ суботу и обрѣзываются. Эта секта распространеніемъ своимъ обязана тому, что Уклеинъ, обративъ въ молоканство проповѣдывавшаго іудейство Семена Далматова, принялъ нѣкоторыя изъ правилъ ученія послѣдняго. Такъ впослѣдствіи Уклеинъ совѣтовалъ воздерживаться отъ свинины и рыбы безъ чешуи. По климату астраханскихъ

степей, гдѣ училъ Уклеинъ, это діэтическое правило можетъ быть было и полезно, но русское населеніе въ Саратовской губерніи возстало противъ этого запрета. Іудействующіе, распространившіеся въ послѣднее время за Кавказомъ, признаютъ Іисуса Христа обыкновеннымъ человѣкомъ, хотя и очень мудрымъ, и учатъ что нравственная сторона ученія Христова была ослаблена въ ученіи апостоловъ. Когда правительство сдѣлало распоряженіе, чтобы суботниковъ называли жидами, многіе изъ молоканъ опасаясь, чтобы это названіе не было примѣняемо и къ нимъ, обратились въ православіе.

Воскресники въ отличіе отъ суботниковъ соблюдаютъ воскресеніе. Въ 1858 г. Иванъ Григорьевъ училъ новоузенскихъ молоканъ-воскресниковъ оскопленію.

Пръсники считаютъ грѣхомъ употреблять квасъ и квасной хлѣбъ и употребляютъ въ пищу только прѣсное. Всѣхъ прочихъ молоканъ эта секта называетъ «квасниками». Секта прѣсниковъ также—произведеніе извѣстной мѣстности; какъ степной татаринъ ѣстъ вмѣсто кислаго прѣсный хлѣбъ, такъ предпочелъ въ гигіеническомъ отношеніи прѣсный хлѣбъ и русскій поселившійся въ степи, а низкій уровень развитія въ гигіеническомъ правилѣ предписалъ церковное ученіе и несоблюденіе діетическаго совѣта назвалъ грѣхомъ.

Сопуны названы такъ потому, что на своихъ молепіяхъ «сопѣли» другъ на друга. Этотъ родъ взаимнаго оплеванія былъ основанъ на словахъ псалма: «окропиши мя усопомъ.» Взаимное общеніе, вообще развитое у молоканъ, здѣсь доходитъ какъ видимъ до со-

вершеннаго потушенія въ себѣ чувства брезгливости. Обрядъ воскрешенія дѣвъ у сопуновъ (при чемъ истерическая женщина представлялась умершею, чтобы манипуляціею пророка быть приведенною къ жизни) былъ чѣмъ-то въ родѣ опыта магнетизированія и вмѣстѣ удовлетворенія сладострастія пророка.

Вообще отступленіе въ какомъ нибудь обычаѣ вело къ образованію отдѣльной секты. Такъ молокане, не желавшіе цѣловаться на общихъ моленіяхъ (процесъ привѣтственнаго лобзанія распространенъ между тамбовскими молоканами и неизвѣстенъ у жителей болѣе сѣверной мѣстности, владимірскихъ), отступились отъ прочихъ, назвавъ ихъ «цѣловальниками».

XVI

ВЛІЯНІЕ ВОСТОКА.

Западный раціонализмъ проникнувъ въ Россію, благодаря игумену Артемію, Матвѣю Башкину и Ѳедору Косому, отозвался въ послѣднее время появленіемъ сектъ духоборцевъ и молоканъ. Самый характеръ населенія Россіи, далеко уходящей въ Азію, и историческія судьбы ея ручались, что не обойдется и безъ вліянія востока. На расколѣ вліяніе востока отразилось повліяніемъ сектъ *хлыстовъ* и *скопцевъ*. Замѣчательно, что по статистическимъ даннымъ хлыстовъ и скопцевъ вмѣстѣ считается 110,000, т. е. столько же, сколько духоборцевъ и молоканъ (1).

Вліяніе востока отозвалось и на другихъ сектахъ. На востокѣ употребленіе хашиша (наркотическаго, опьяняющаго вещества, добываемаго изъ азіатской конопли) вызвало, какъ извѣстно, появленіе страшной секты хашишиновъ, или ассасиновъ. Есть полное основаніе сказать, что подобныя же по дѣйствію вещества употреблялись въ нѣкоторыхъ

---

(1) Мельниковъ, Русскій Вѣстникъ, 1864, № 5 стр. 78.

раскольничьихъ согласіяхъ. Въ сектахъ *морельщиковъ* и *подрѣшетниковъ* едва-ли не былъ въ употребленіи тотъ же самый хашишъ. Дѣйствіе хашиша на человѣка отличается тѣмъ, что въ опьяненіи имъ покушаются на свою жизнь. На востокѣ употребляющихъ хашишъ непремѣнно стерегутъ, чтобы они, прійдя въ самозабвеніе, чего нибудь не сдѣлали надъ собою. Въ этомъ отношеніи сходенъ по дѣйствію съ хашишемъ только мухоморъ, употребляемый ради его опьяняющихъ свойствъ туземцами Сибири. Секты морельщиковъ и запощиванцевъ тѣмъ и отличались, что сектанты, причащаясь какого-то вещества, даннаго ихъ наставникомъ, готовы были все сдѣлать надъ собою въ минуту восторженнаго изступленія. Въ сектѣ морельщиковъ хитрые спекуляторы пользовались этимъ, чтобы забирать имущества людей, которые, прійдя въ изступленіе, стремились сжечь себя или погубить какимъ нибудь другимъ образомъ. Извѣстный Іона-морельщикъ нажилъ себѣ капиталъ въ 40,000 рублей и давалъ по 20 рублей монахамъ, чтобы тѣ не допускали запощиванцевъ избавляться отъ избранной голодной смерти. Только имѣя въ виду это дѣйствіе наркотическаго вещества можно понять то самозабвеніе, съ какимъ сотни людей, собравшись въ какомъ нибудь сараѣ, ставъ на колѣни съ надѣтыми на головахъ бумажными вѣнцами и съ надписями красными чернилами на вѣнцахъ, ждали пока подложатъ огонь къ сараю и ихъ охватитъ пламя, изъ котораго не было спасенія. Подрѣшетники причащались изюмомъ, пропитаннымъ чѣмъ-то ядовитымъ, приводящимъ въ

изступленіе, такъ что по причащеніи сектанты готовы были тотчасъ же такъ или иначе погубить себя. Подрѣшетникамъ, собравшимся на моленіе, выносила этотъ изюмъ изъ подполья дѣвица и затѣмъ всѣ причащались ягодами. Въ «Розыскѣ Дмитрія Ростовскаго» приводится случай, дающій довольно ясное понятіе о свойствѣ ядовитаго вещества, которымъ наставники иныхъ сектъ дѣйствовали на своихъ послѣдователей. Священникъ кн. Голицына растеръ одну изъ трехъ ягодъ, оброненныхъ крестьяниномъ, подговаривавшемъ другихъ къ самосожженію, и попробовалъ эту ягоду. Тотчасъ онъ сталъ самъ не свой и бросился бы въ топившуюся печь, если бы его не удержали и не смотрѣли за нимъ, пока онъ не пришелъ въ себя. Послѣ онъ разсказывалъ, что какъ скоро отвѣдалъ ягоду, то почувствовалъ непреодолимое желаніе броситься въ огонь и печь казалась ему райскими вратами.

Даже на Выгу кажется что-то давалось обитателямъ монастыря въ хлѣбѣ, который старшіе торжественно разрѣзывали въ трапезѣ послѣ богослуженія и раздавали присутствовавшимъ. Этотъ хлѣбъ назывался богородичнымъ и его не дозволялось ѣсть тѣмъ, у кого были «сонныя грезы» (1).

Мистическія, возбуждающія вещества, игравшія довольно видную роль въ мелкихъ подраздѣленіяхъ раскола, по всей вѣроятности были занесены съ востока, гдѣ употребленіе ихъ весьма распространено.

Секта хлыстовъ занесена въ Россію съ востока;

---

(1) Есиповъ, II, 420.

на это есть ясныя свидѣтельства. Скопческая секта—только видоизмѣненіе хлыстовской и произошла отъ нея. Притомъ скопчество между людьми распространено и поддерживается только на востокѣ. Такимъ образомъ обѣ эти секты—восточнаго происхожденія.

Баядерка въ сѣверной Африкѣ, ставъ на колѣни передъ курильницей и надышавшись дыма ладона, приходитъ въ восторженное изступленіе. Она начинаетъ прыгать, скакать, бѣгать, кружиться, пока наконецъ истомленная и полуживая, блѣдная какъ смерть и облитая потомъ, падаетъ на землю. Восточный дервишъ, скачущій и ломающійся на улицахъ правовѣрнаго города, совершаетъ свой обрядъ кружешія въ одну сторону съ такимъ рвеніемъ, что приходитъ въ такое же истомленное состояніе, какъ и баядерка. Очевидецъ, наблюдавшій какъ въ бахчисарайской мечети въ 1822 г. дервишъ кружился и бился до неистовства, разсказываетъ что у кружившагося явилась наконецъ пѣна у рта, потъ съ него лилъ ручьями и затѣмъ дервишъ началъ проницать (¹). Этотъ усиленный моціонъ приводитъ человѣка въ самозабвеніе, доставляетъ какое-то особенное внутреннее удовольствіе, но вмѣстѣ физически истощаетъ. Это — своего рода убиваніе плоти, и понятно такимъ образомъ, почему дервишъ—духовное лицо на востокѣ—кружится иногда такъ быстро, что духъ захватываетъ, и со стороны нельзя видѣть вертящагося человѣка или разобрать что кружится. Несомнѣнно, что начало

(¹) Сушковъ, Жизнь Филарета, митр. московскаго, 76.

всѣхъ танцевъ коренится въ обычаѣ первобытныхъ племенъ усиленными движеніями и круженіемъ приводить себя въ особенное восторженное состояніе. Но танцы, и даже нѣмецкій вальсъ, представляютъ только слабое подобіе того, что достигается дервишемъ въ его круженіи. Круженіе дервиша пересажено на русскую почву въ хлыстовской и скопческой сектахъ.

Полтораста слишкомъ лѣтъ назадъ, въ 60 верстахъ отъ Нижняго, на берегу Оки, видѣли статнаго, красиваго мужчину, турка родомъ, окруженнаго 12 учениками. Турокъ называлъ себя Христомъ, а учениковъ своихъ апостолами. Апостолы поклонялись турку какъ Богу и есть даже извѣстіе, что турокъ являлся своимъ поклонникамъ съ какимъ-то сіяніемъ вокругъ головы. Какими средствами турокъ производилъ это сіяніе вокругъ головы—сказать трудно; но оно должно было оказывать большое дѣйствіе на суевѣровъ. Основаніе христовщины—или какъ ее называютъ, хлыстовщины—положено было однако еще прежде и притомъ русскими людьми. Но хлыстовщина русскихъ людей имѣла мало общаго съ тѣмъ, чѣмъ она сдѣлалась послѣ. Первымъ христомъ у послѣдователей хлыстовщины былъ Данило Филиповъ, принявшій на себя званіе искупителя въ 1649 г. Онъ представлялъ себя сошедшимъ на землю въ Муромскомъ уѣздѣ. Иванъ Сусловъ былъ любимый ученикъ и преемникъ его. У Филипова и Суслова были поклонники и въ Москвѣ. Хлысты до сихъ поръ чтутъ память Филипова и хранятъ какъ святыню вещи, по преданію принадлежавшія ему и его главному ученику. Хлысты го-

ворятъ о распятіи, смерти и воскресеніи своихъ христовъ и приписываютъ имъ все, что преданность поклонниковъ могла только подсказать. Въ деревнѣ Старой, костромской губерніи, недавно еще жила одна женщина—послѣдняя изъ потомства Данила Филиппова. Она пользовалась большимъ почетомъ у хлыстовъ и вліяніемъ даже въ нехлыстовскихъ сферахъ. Вода изъ колодца деревни Старой какъ святыня развозилась зимою въ кускахъ льда хлыстамъ по всей Россіи. На ней хлысты пекли также хлѣбъ для раздачи между своими. Какъ явилась хлыстовщина съ востока въ русской средѣ? По всей вѣроятности она была занесена казаками изъ Турціи, очень вѣроятно что запорожцами. Но есть основаніе полагать, что она нашла путь въ среднюю Россію съ Дона. Такъ одна хлыстовская пѣсня говоритъ:

Ай у насъ, на Дону,
Самъ Спаситель во дому
И со ангелами
Да съ архангелами (1).

Привиться къ восточнымъ мѣстностямъ средней Россіи восточная хлыстовщина могла тѣмъ скорѣе, что въ средѣ финскихъ народовъ, напр. мордвы, издревлѣ самобытно существовали обычаи сходные съ хлыстовскими. У христовъ Суслова и Лупкина было напр. по 12 апостоловъ, но и у мордовскаго бога Кузьки, сосланнаго въ 1808 г., было также 12 учениковъ. Тѣмъ не менѣе хотя были и этнографическія причины появленія хлыстовщины въ русскомъ народѣ—глав-

(1) Прав. Собесѣдникъ; 1858, II, 379.

ная причина усиленія этой секты была вѣра въ грядущее искупленіе въ средѣ закрѣпощеннаго крестьянства. Не мало времени спустя послѣ перваго появленія секты, наставникъ ея Аввакумъ Копыловъ предписывалъ постъ и воздержаніе и полагалъ вообще правила, значительно приближавшія хлыстовщину къ молоканству и отчасти къ старинной ѳедосѣевщинѣ. Хлысты не ѣли мяса, рыбы, даже луку, чесноку и картофеля, не пили вина, не могли ходить на игрища, не должны были браниться дурными словами; женщины ихъ не должны были носить украшеній, и чѣмъ ниже спускался на глаза платокъ на ихъ головѣ, тѣмъ было лучше. Кружеиіе въ хлыстовской сектѣ явилось лишь при сынѣ Копылова, Филиппѣ (1). А между тѣмъ кружеиіе-то и сдѣлалось отличительнымъ обрядомъ хлыстовщины и происшедшаго изъ нея скопчества. Ученіе Аввакума Копылова напоминаетъ себя у хлыстовъ и скопцевъ лишь тѣмъ, что тѣ и другіе буквально чтутъ въ человѣкѣ образъ Божій, ставятъ женщину въ своихъ сектахъ наравнѣ съ мужчиною и не произносятъ дурныхъ словъ. Что касается убиванія плоти, то вмѣсто строгаго поста прежняго времени послѣдующіе хлысты избрали для этого кружеиіе, а скопцы свой особенный способъ.

Восточное происхожденіе собственно хлыстовской секты, т. е. гдѣ кружеиіе составляетъ обрядъ, видно изъ того, что хлыстовскія книги явились изъ Турціи и хлыстовскіе пророкъ и пророчица, замѣненные въ русскихъ сектахъ христомъ и богоро-

(1) Мельниковъ. Бѣлые голуби. Рус. Вѣст 1869, № 3, стр. 357.

дицею, могли читать ихъ только отъ лѣвой руки къ правой и непосвященные ничего не понимали въ нихъ (¹). Замѣчательно также, что хлыстовская и скопческая секты запрещаютъ читать книги. Это правило могло быть слѣдствіемъ того, что читать собственно хлыстовскія книги могли только пророки и пророчицы, и очевидно для изученія ихъ требовалось согласіе послѣднихъ. Вообще же нельзя однако не замѣтить, что многія хлыстовскія правила подсказаны здравымъ смысломъ и стремленіемъ къ нравственному совершенству. Хлысты должны хмѣльнаго не пить, дурныхъ словъ не говорить, въ хмѣльныхъ бесѣдахъ не бывать, не воровать, и т. д. Сусловъ училъ, что украденныя деньги растопятся на головѣ укравшаго въ день судный. Что касается заповѣди не творить плотскаго грѣха, то она соблюдалось не вездѣ и несоблюденіе ея повело, какъ увидимъ далѣе, къ появленію скопческой секты.

Главный наставникъ въ хлыстовщинѣ называется христомъ, главная наставница—богородицею. Въ оправданіе этого сектанты ссылаются на то, что въ церковной пѣснѣ сказано, что «Христосъ рождается», а не родился. Итакъ, по ихъ выводу, христы продолжаютъ рождаться. Происхожденіе скопческой секты отъ хлыстовской поясняетъ также, почему скопцы не только на пасхѣ, но круглый годъ поютъ «Христосъ воскресе».

Если принять во вниманіе, что даже при обрядѣ кружения въ хлыстовскомъ ученіи не было ничего

(¹) Щаповъ. Дѣло, 1867, № 11, стр. 143.

безнравственнаго и гадкаго, то неудивительнымъ покажется, что оно прошло не только въ среду простолюдья, но наставникъ Сусловъ распространилъ его даже въ московскихъ монастыряхъ—женскихъ: Вознесенскомъ, Рождественскомъ, Ивановскомъ, Новодѣвичьемъ, Варсанофьевскомъ и мужскихъ: Симоновомъ и Высокопетровскомъ (1). Къ петербургскому хлыстовскому обществу Татариновой, урожденной Буксгевденъ, принадлежали кн. А. Н. Голицынъ, В. М. Поповъ, Лабзинъ, богатый помѣщикъ Дубовицкій, кн. Енгалычевъ и др. (2). Вообще хотя скопчество произошло изъ хлыстовщины, но ставить наравнѣ обѣ секты далеко нельзя. Операція, совершаемая скопцами, проводитъ между двумя сектами бездну. Кружеиіе, доставляющее особенное наслажденіе хлыстамъ, перешедшее и къ скопцамъ, составляетъ невинное средство убиванія плоти сравнительно съ скопческою операціею.

Хлыстовскія и скопческія общины называются «соборами» или чаще «кораблями». Собираясь, сектанты садятся, мужчины и женщины отдѣльно или смѣшанно, вокругъ комнаты. Затѣмъ кто нибудь встаетъ, какъ бы по пантію свыше, и начинаетъ ходить, скакать и кружиться; потомъ одинъ за другимъ остальные сходятъ съ мѣстъ и дѣлаютъ тоже. Въ то время, когда одни кружатся подъ звуки какой нибудь пѣсни — хлыстовскихъ и скопческихъ пѣсенъ не мало—другіе, сидя на мѣстѣ, ударяютъ себя ладонями по колѣнамъ. Наконецъ начинается

---

(1) Мельниковъ. Русскій Вѣстн., 1869, № 3, стр. 332.

(2) Тамъ же, стр. 365.

общее кружение. Кружатся по-солонь, т. е. какъ движется солнце, отъ лѣвой руки къ правой, и сектанты такъ пріучаются вертѣться въ эту одну сторону, что скопецъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ нужно повернуться, поворачивается отъ лѣвой руки къ правой. Скопцы являются въ свое собраніе непремѣнно въ бѣлыхъ рубахахъ и когда они кружатся быстро, эти рубахи раздуваются и производятъ какъ бы вѣтеръ. Нѣкоторые кружатся необыкновенно быстро и могутъ кружиться очень долго. При быстромъ круженіи духъ захватываетъ у сектантовъ, слышны неясные возгласы людей, у которыхъ прерывается дыханіе. Иногда можно различить слова: «ой духъ! ой духъ! святъ духъ! накатилъ!» Сектанты ждутъ при этомъ, чтобы на нихъ «накатилъ» духъ святой. Быстрое движеніе производитъ стѣсненіе въ груди и какъ бы помраченіе ума. Человѣкъ начинаетъ говорить безсвязно и въ это-то время, по словамъ сектантовъ, онъ пророчествуетъ. Новички не въ состояніи перенести этого круженія и съ ними дѣлается дурнота. Привычные кружатся до того, что потъ съ нихъ течетъ градомъ, такъ что мокрый полъ послѣ надобно подтирать ветошками, и кружившіеся падаютъ въ полномъ изнеможеніи силъ. По чрезвычайной блѣдности лица ихъ узнаютъ, когда они идутъ со своего моленія. Въ нѣкоторыхъ хлыстовскихъ общинахъ, какъ говорятъ, производилось также самобичеваніе во время круженія. Что касается быстроты круженія, то напримѣръ купцы первой гильдіи Фроловъ и Тименьковъ вертѣлись въ моленной такъ быстро, что гасили свѣчи и люстры.

Хлыстовщина подвергалась впервые строгому правительственному преслѣдованію въ Москвѣ въ царствованіе Анны Ивановны. Въ это время, по доносу разбойника Караулова, забрано было нѣсколько десятковъ людей, причемъ замѣшано было не мало лицъ монашескаго сословія (1). Монахиня Ивановскаго монастыря была въ это время главною наставницею у московскихъ хлыстовъ. Правительственное преслѣдованіе не помѣшало въ началѣ нынѣшняго столѣтія обнаружиться хлыстовской сектѣ въ Петербургѣ, и мы видѣли, что петербургская хлыстовская община считала въ числѣ своихъ членовъ многихъ лицъ съ видимымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Основательница петербургской общины, жена полковника Татариновa, пользуясь покровительствомъ высокопоставленныхъ лицъ, жила въ Михайловскомъ замкѣ. Утромъ по воскресеньямъ къ ней собиралось до 40 человѣкъ и при этомъ совершались хлыстовскіе обряды. Послѣ обычнаго верченья, пророчествовали, больше женщины. Въ 1817 г. хлыстовскія сборища въ Инженерномъ замкѣ были открыты тайною полиціею. Солдатка Осипова показала, что ее, приведя въ квартиру Татариновой, положили въ постель, затѣмъ она была приведена въ безпамятство; къ ней ввели человѣка, котораго назвали пророкомъ, и онъ ей говорилъ что-то не совсѣмъ понятное. Разсѣянное общество Татариновой послѣ продолжало однако тайно существовать и уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ открытое вновь, подверглось преслѣдованію, поло-

(1) Чтенія, 1848, № 6, смѣсь, стр. 67—70.

жившему ему на этотъ разъ конецъ. Кромѣ верченія (называемаго хлыстами духовнымъ пивомъ, потому что оно доставляетъ какое-то наслажденіе, похожее на опьяненіе безъ вина), у хлыстовъ Инженернаго замка въ ходу были также лобызанія. Вообще хлыстовщина, начавъ съ строгаго воздержанія и убиванія плоти, впослѣдствіи нерѣдко не въ состояніи была убить плоть. Первые хлысты не ѣли, какъ мы видѣли, даже луку, чесноку и картофеля. Впослѣдствіи хлыстовъ, постившихся не такъ строго въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, одно круженіе до истомленія не спасало отъ страстей. Вслѣдствіе этого въ иныхъ хлыстовскихъ «кораблях» молепныя собранія сдѣлались сходками мужчинъ и женщинъ съ эротическими цѣлями. Тутъ уже очевидно дѣло шло не объ убиваніи плоти, а напротивъ смѣшеніе мужчинъ и женщинъ въ изступленномъ состояніи вело совершенно къ противоположному. Такимъ образомъ хлыстовщина послѣдующаго времени стала рѣзко отличаться отъ первоначальной.

Протестомъ противъ этого было появленіе скопчества. Хлыстовщина болѣе не была вѣрнымъ средствомъ для убиванія плоти. Явились люди, которые измѣнили характеръ хлыстовщины. Толкуя произвольно слова евангелиста Матвѣя: «аще око твое соблазняетъ тя, изми е», эти люди стали подвергать себя и другихъ операціи мучительной и опасной, а главное—даже напрасной, если въ виду имѣть ихъ собственную цѣль. Отсѣкая одну часть тѣла, тогда какъ соблазняетъ не она, а все тѣло, они не могли избѣгнуть страстей. Стремленіе оста

валось и дѣлалось тѣмъ настойчивѣе и безпокойнѣе, что вожделѣнія уже быть не могло. Это повело ко введенію вторичнаго, болѣе полнаго уродованія (съ 1816 г.). Припомнимъ, что въ этомъ году позволено было скопцамъ записаться принадлежавшими къ скопческой сектѣ и записавшихся послѣ не тревожили.

Скопчество какъ секта явилась изъ хлыстовщины и именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлыстовщина не могла выдержать первоначальнаго характера болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь—въ хлѣбородныхъ губерніяхъ—Тульской и смежныхъ съ нею. Убиваніе плоти тѣмъ очевидно труднѣе, чѣмъ лучшая пища дешевле и доступнѣе и климатическія условія болѣе развиваютъ страстность натуры. Никогда круженія сектантовъ не были такъ долги и утомительны, какъ въ жаркіе и располагающіе къ чувственности іюньскіе дни. Даже воздерживаясь отъ вина, мяса, рыбы, луку, чесноку и картофеля, хлысты въ богатой черноземной мѣстности все-таки находили обиліе пищи, мало располагавшей къ воздержанію страстей. Хлыстъ Кондратій Селивановъ одинъ изъ первыхъ порѣшилъ разомъ покончить со страстями операцію, которая и до него въ Россіи была не нова, хотя и не вела къ образованію отдѣльной секты. Изъ исторіи церкви хорошо извѣстно, что одинъ русскій епископъ въ отдаленную старину былъ скопецъ. Въ старину готовы были видѣть въ самооскопленіи себя подвижниками скорѣе одинъ дальнѣйшій шагъ въ убиваніи плоти и потому смотрѣли на это сквозь пальцы. Извѣстно, напр., что еще сравнительно въ послѣднее время (въ 1867 г.)

всѣ монахи Святогорскаго монастыря въ харьковской епархіи оскопились (1). Скопчества изъ подвижничества во всякомъ случаѣ нельзя смѣшивать со скопчествомъ — сектою. Скопческая секта есть корпорація людей, стремящаяся, при помощи денежныхъ средствъ и приманокъ, физически изуродовать возможно большее число людей.

Итакъ основателемъ этой секты скопцевъ или, какъ они себя называютъ, «бѣлыхъ голубей—былъ Кондратій Селивановъ. «Бѣлые голуби» — названіе не безъ значенія. Бѣлый цвѣтъ — самый любимый цвѣтъ скопцовъ. Сами блѣдные послѣ физическаго истомленія въ своихъ моленныхъ, съ лицами нерѣдко матово-желтоватыми, никогда не выдающими тѣни краски—скопцы любятъ во всѣхъ животныхъ и птицахъ бѣлую масть и бѣлое перо. Каждому извѣстно, что это — преобладающій цвѣтъ кладеныхъ животныхъ, и потому это предпочтеніе цвѣта объяснимо.

Человѣкъ простаго происхожденія, но хитрый и умный, безспорно имѣвшій большое вліяніе на окружавшихъ его, Кондратій Селивановъ нашелъ себѣ много приверженцевъ. Сосланный въ Сибирь, онъ въ Иркутскѣ назвался искупителемъ. Надобно замѣтить, что скопцы, играя словами, читаютъ вмѣсто искупитель—«оскопитель», точно также какъ слова херувимской пѣсни: «тайно образующе» читаютъ «тайно обрѣзующе» и вмѣсто словъ: «плодитеся и множитеся» читаютъ «плотитеся» и т. д. Назвавшись искупителемъ, Селивановъ назвался так-

(1) Мельниковъ, Русскій Вѣстникъ, 1869, № 5, стр. 255.

же Петромъ III. Замѣтимъ, что секта произошла въ началѣ царствованія Екатерины II, а въ это время имя Петра III было лозунгомъ всѣхъ недовольныхъ. Скопческая секта къ правительственнымъ лицамъ относилась вообще недоброжелательно, называя ихъ іудеями и фарисеями; но Екатеринѣ II въ скопческой миѳологіи—мы не подберемъ другаго слова для «исторіи,» какъ она приводится въ скопческихъ сказкахъ — удѣлена еще болѣе печальная роль: Наполеонъ I, по мнѣнію скопцевъ — антихристъ и побочный сынъ Екатерины; онъ воспитывался въ россійской академіи и еще живъ и скрывается въ Турціи. Надобно замѣтить, что скопцы считаютъ принадлежавшими къ своей сектѣ многихъ государей и замѣчательныхъ людей.

Значеніе Кондратія Селиванова особенно усилилось по возвращеніи его изъ Сибири имп. Павломъ I. Вниманія Павла Селивановъ не могъ не обратить на себя уже тѣмъ, что назвался Петромъ III. Монеты кратковременнаго царствованія Петра III какъ рѣдкость хранятся у скопцевъ: въ портретѣ на этихъ монетахъ они видятъ замѣчательное сходство съ основателемъ ихъ секты, Кондратьемъ Селивановымъ. Имп. Павелъ хотѣлъ видѣть Селиванова. За нимъ въ Иркутскъ посланъ былъ знакомый государю купецъ Колесниковъ, извѣстный подъ именемъ Масона, и тайный скопецъ. Селивановъ былъ представленъ Павлу Петровичу въ Петербургѣ. Глава скопцовъ сдѣлалъ при этомъ императору такое предложеніе, что послѣ свиданія былъ посланъ въ домъ сумасшедшихъ. Что результатъ свиданія не былъ благопріятенъ главѣ скопцовъ, видно так-

же изъ скопческаго стиха, сложеннаго по поводу представленія Селиванова Павлу (1).

Надобно замѣтить, что вообще скопцы большіе любители стиховъ, риѳмъ и игры словъ. Вспомнимъ напр. замѣчаніе Селиванова: «тотъ у меня и архіерей кто стоитъ у моихъ дверей; тотъ у меня и епаралъ кто плоть свою не замаралъ.» Скопецъ унтер-офицеръ изъ Нижняго Новгорода говорилъ, что «Іуда не повѣсился на осинѣ, а женился на Аксиньѣ.» Многіе скопческіе разсказы сплошь написаны риѳмами и стихотворнымъ размѣромъ.

Изъ дома сумасшедшихъ Селивановъ былъ переведенъ въ больницу, а потомъ взятъ на поруки скопцомъ, камергеромъ Елисѣевымъ, жившимъ въ Александро-Невской лаврѣ и находившимъ покровительство у тогдашняго петербургскаго митрополита. Потомъ Селивановъ жилъ въ домѣ богача-скопца Солодовникова, а въ смежномъ домѣ, у другаго богача-скопца Васильева жила дѣвица рѣдкой красоты Анна Сафоновна, которой поклонялись скопцы какъ богородицѣ. Скопческія сборища происходили въ домѣ Солодовникова. Тутъ Селивановъ или лежалъ на богатой постели подъ балдахиномъ и въ этомъ видѣ принималъ новопосвященныхъ и давалъ цѣловать руку своимъ послѣдователямъ; или въ дорогомъ старинномъ кафтанѣ (не надо забы-

---

(1) Надеждинъ. Изслѣдованіе о скопческой ереси. 117.

Воротись ко мнѣ ты, Павелъ:
Я бы жизнь твою исправилъ.
А царь гордо отвѣчалъ,
Божества не замѣчалъ.

вать, что онъ являлся между вѣрующими вмѣстѣ и Петромъ III), съ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ. Платокъ въ рукѣ вообще играетъ важную роль въ одеждѣ на скопческихъ собраніяхъ и называется у скопцовъ «покровомъ.» Селивановъ бывалъ и въ домѣ Ненастьева, на Басейной улицѣ (въ Петербургѣ); около этого дома нерѣдко можно было видѣть цѣлые ряды экипажей. Пріѣзжали отдать поклонъ Селиванову даже многіе богатые люди не изъ скопцевъ. Въ 1819 г. администрація обратила вниманіе на скопческія собранія въ Петербургѣ. Оказалось, что между оскопленными были одинъ гвардейскій офицеръ, придворный лакей и т. д. Впослѣдствіи (уже въ царствованіе Николая I), когда наведены были справки административнымъ путемъ о скопцахъ-офицерахъ и чиновникахъ, — такихъ оказалось 23 (1). Хотя въ екатерининское время капитанъ Лугининъ былъ однимъ изъ главныхъ распространителей скопчества, тѣмъ не менѣе скопцевъ изъ высшихъ сословій всегда было самое незначительное число. Кондратій Селивановъ, какъ не сдержавшій даннаго имъ слова не распространять своей ереси, былъ сосланъ въ Спасо-Ефимьевскій монастырь, въ Суздалѣ. Имп. Александръ вообще относился къ скопчеству какъ къ чудовищной сектѣ. Такъ оскопившіе себя дворяне Тульской губерніи по указу его были отдаваемы въ военную службу или въ монастырь (2). Когда въ с. Луковцѣ, Малоархангельскаго уѣзда, однодворецъ Егурновъ,

---

(1) Надеждинъ, 328.

(2) П. С. З., XXXV, стр. 59—60.

взятый въ рекруты и найденный оскопленнымъ, былъ наказанъ плетьми и оставленъ на прежнемъ мѣстѣ жительства, изъ Петербурга пришелъ указъ, чтобы Егуповъ все-таки былъ отданъ въ военную службу (1). Въ одномъ изъ указовъ имп. Александра скопчество прямо названо было богопротивною сектою. Но если имп. Александръ относился вообще къ скопчеству такъ, какъ и можно было ожидать, то какъ объяснить, что Селиванова должно было отвезти въ монастырь по волѣ государя «съ удобствами какъ старцу?» Согласно этому приказанію приставъ Путвинскій бережно повезъ Селиванова въ покойной коляскѣ. У Тосны коляску нагнали петербургскіе богачи-скопцы Солодовниковъ и Кузнецовъ. Прощаясь съ Селивановымъ, они цѣловали его руки на колѣняхъ и обливали ихъ слезами. Снисхожденіе, оказанное Селиванову, объясняется словами одного изъ скопцевъ—Хорошкевича. Хорошкевичъ разсказываетъ, что когда два чиновныя лица, объявлявшія скопцамъ волю государя, выходили отъ Селиванова, то одинъ изъ нихъ сказалъ, всплеснувъ руками: «Господи! Если бы только не скопчество, то за такимъ человѣкомъ пошли бы полки за полками!» Оказывается, что эти чиновныя лица были кн. А. Н. Голицынъ и В. М. Поповъ (2). Что Селивановъ, бывшій въ сношеніяхъ съ петербургскими хлыстами, жилъ покойно въ Петербургѣ до 1819 г. объясняется преимущественно терпимостью, которую оказывалъ кн. А. Н. Го-

(1) П. С. З. XXX, стр. 598.

(2) Мельниковъ, Русскій Вѣстникъ, 1869, № 5, стр. 273.

лицынъ (самъ хлыстъ) всѣмъ сектамъ и въ томъ числѣ скопческой. Что касается Селиванова, то мы видѣли, что онъ былъ въ почетѣ въ Петербургѣ не у однихъ скопцевъ. Это дѣйствительно была замѣчательная личность. Если судить по портретамъ, то его свѣтлый, мягкій, спокойный взоръ и вообще вся наружность производили довольно выгодное для него впечатлѣніе на окружающихъ. Поклонникамъ Селиванова въ Петербургѣ было объявлено, что ихъ глава сосланъ въ Сибирь, хотя какъ мы видѣли, онъ ѣхалъ въ покойной коляскѣ въ недалекій Суздаль. Поклонники выражали разными способами свою приверженность къ Селиванову. Петровъ (скопецъ, бывшій придворный метрдотель) упалъ на колѣни предъ чиновниками, объявлявшими приказъ государя о высылкѣ Селиванова. Мѣщанинъ Кононовъ подалъ въ Царскомъ Селѣ просьбу государю о возвращеніи «отца-искупителя,» за что и былъ выдержанъ 10 дней въ полиціи. Послѣ тотъ же Кононовъ послалъ просьбу о томъ же государю по почтѣ—она осталась безъ послѣдствій. Кононовъ не удовлетворился этимъ. Въ 1822 г. онъ подалъ еще просьбу государю лично; на этотъ разъ его продержали 3 недѣли въ полиціи (1).

Слѣдующій погромъ скопчества произошелъ въ 1835 г. въ Москвѣ, когда захвачено было полиціею около полутораста скопцевъ, въ томъ числѣ нѣкоторые изъ вліятельныхъ московскихъ богачей. Послѣдніе скоро были освобождены, благодаря хода-

(1) Надеждинъ, 95.

тайству петербургскаго богача Солодовникова (¹). На этотъ разъ скопцы были захвачены во время ихъ ночнаго собранія. Всѣ они были въ бѣлыхъ рубахахъ съ голубыми и розовыми бантами; нѣкоторые въ вѣнцахъ изъ фольги. У мужчинъ были повязаны полотенца черезъ плечо. Всѣ были босые. Въ молельнѣ горѣли свѣчи и лампады, и нѣкоторые были захвачены полиціею со свѣчами въ рукахъ, какъ сидѣли передъ образами.

Послѣдній погромъ скопчества произошелъ въ 1869 г. въ Моршанскѣ, въ главномъ центрѣ русскаго скопчества. Здѣсь у распространителя скопчества (хотя медицинское изслѣдованіе не доказало, чтобы онъ самъ былъ скопецъ) Максима Плотицына найдены были огромныя богатства, по нѣкоторымъ показаніямъ, до 30 мил. рублей, больше золотомъ. Эти капиталы скоро исчезли. Но Плотицынъ и его сообщники, найденные виновными въ распространеніи скопчества, были осуждены.

Скопческая секта произошла отъ хлыстовской и хотя особенности, принадлежащія исключительно ей, ставятъ ее особнякомъ, какъ бы внѣ русскаго раскола, но хлыстовскій элементъ въ скопчествѣ вводитъ его въ расколъ.

Сущность хлыстовскаго элемента въ скопчествѣ состоитъ въ обоготвореніи человѣка. Скопцы молятся другъ на друга (закавказскіе скопцы крестятся въ одно время двумя руками, говоря что нельзя подняться на одномъ крылѣ). Другъ друга скопцы называютъ больше ласкательными именами—

(¹) «Современныя Извѣстія», 1869, № 193.

Иванушка, Романушка и т. д.; считаютъ долгомъ помогать другъ другу. Бранныхъ словъ они не допускаютъ въ разговорѣ; если надо сказать дьяволъ, скопецъ говоритъ «врагъ». Скопцы кружатся подобно хлыстамъ—«радѣютъ»—ссылаясь въ оправданіе своего обряда верченія до изнеможенія на слова Евангелія, что Христосъ молился въ вертоградѣ до кроваваго пота: тутъ опять игра словъ, до которой скопцы такіе охотники—вертоградъ и «вертѣться». Скопцы называютъ себя людьми божьими и прилагаютъ къ себѣ слова Апокалипсиса: «стоять будутъ на Сіонѣ горѣ 144 тысящи, иже съ женами не осквернишася.» Они не полагаютъ, чтобы всѣ способны были къ скопчеству: по ихъ мнѣнію, способны къ нему только избранные, остальные же должны продолжать родъ человѣческій.

Скопцы хотя и называютъ духовныя власти, какъ и свѣтскія, іудеями и фарисеями, но наружно исполняютъ обязанности православныхъ. Они часто бываютъ вкладчиками въ церкви на большія суммы. Наружно они живутъ семействами и имѣютъ женъ. Они больше капиталисты, очень часто мѣнялы. Самое слово *скопецъ* очевидно происходитъ отъ *скопить*, *копить*; скопцы давно были извѣстны на Руси, гораздо прежде, чѣмъ образовалась ихъ секта, и люди копившіе деньги, скоплявшіе капиталы, по видимому изстари были вмѣстѣ нерѣдко и скопцами. Есть ли какое нибудь физіологическое соотношеніе между любовью скопцевъ къ деньгамъ и ихъ физическимъ недостаткомъ—нельзя сказать, точно также какъ нельзя утверждать, есть ли связь ме-

жду обрядомъ обрѣзанія и любовью къ деньгамъ и торговымъ сдѣлкамъ у евреевъ.

Скопцы богаты, сила ихъ деньги. Тѣмъ опаснѣе для общества секта, вредныя начала которой признаны. Скопчество возбуждаетъ противъ себя преслѣдованіе главнымъ образомъ потому, что оно есть организованное общество для уродованія человѣчества за деньги.

Положеніе скопчества въ ряду другихъ ученій будетъ далеко неясно, если мы опустимъ физіологическія подробности объ извращеніи человѣческой природы, производимомъ имъ.

Оскопленіе производилось большею частью раскаленнымъ ножемъ, причемъ накаленное состояніе металла содѣйствовало болѣе скорому заживленію раны; но многіе не переносили операціи. Въ Закавказьѣ къ ранамъ, произведеннымъ ножемъ, прикладывали для скорѣйшаго залеченія жиръ, добытый изъ грудей оскопленныхъ женщинъ (1). Скопчихи, отрѣзывавшія одну изъ грудей у посаженной въ чанъ съ водою на скопческомъ собраніи будущей скопческой богородицы, также владѣли какимъ-то секретомъ быстраго залечиванья раны. Женщинъ скопили, отрѣзывая груди иногда при посредствѣ ножа и вилки. Бывали случаи, что грудь, отрѣзанная у будущей богородицы, разрѣзывалась на куски и съѣдалась скопцами (2). Этотъ способъ оскопленія не предохранялъ женщинъ отъ беременности. Бывали случаи болѣе полнаго оскопленія,

---

(1) Толстой. Чтенія, 1864, IV, смѣсь, стр. 61.

(2) Мельниковъ, Русскій Вѣстникъ, 1869, № 3, стр. 386.

гдѣ уродовались самые внутренніе органы производительности, но эта операція, по крайней опасности ея, производилась очень рѣдко.

Если операція произведена надъ мальчикомъ, то у него послѣ усы и борода уже не будутъ расти. Лице его блѣдно-желтаго цвѣта, безъ краски, остается моложавымъ на видъ въ зрѣломъ возрастѣ и въ преклонныхъ лѣтахъ пріобрѣтаетъ какое-то старушечье выраженіе. Голосъ такого скопца остается тонкимъ и нѣжнымъ, почти женскимъ во всю жизнь. Такіе скопцы имѣютъ склонность къ полнотѣ и дѣлаются нерѣдко очень тучными. Бывали случаи, что у нихъ развивались—по размѣрамъ—почти женскія груди.

При оскопленіи въ зрѣломъ возрастѣ тотчасъ же останавливается ростъ усовъ и бороды. Усы выпадаютъ прежде. Если волосъ на лицѣ остается, то онъ уже безжизненъ и напоминаетъ старый мѣхъ. Скопца можно узнать по одному прикосновенію къ его кожѣ; ощущеніе, чувствуемое при этомъ, не таково, какъ при прикосновеніи къ тѣлу обыкновеннаго человѣка. Упругость тѣла у скопца исчезаетъ; точно будто кожа отдѣлена отъ мяса и можетъ скользить по немъ.

Не только правила запрещаютъ скопцамъ ѣсть мясо, но они не могутъ ѣсть его, имъ противна самая мысль о немъ. Они называютъ его проклятою пищею. Едва ли можно сомнѣваться, что это отвращеніе отъ наиболѣе возбуждающей пищи есть слѣдствіе физическаго изуродованія: невозможно удовлетвореніе страстей—природа лишила и главнаго средства возбужденія ихъ.

За то скопцы необыкновенные охотники пить чай. Опять на это есть физіологическая причина. Чай производитъ испарину, а испарина, по видимому, необходима непормальному состоянію организма скопца: иначе обильное выпотѣніе при «радѣніи»—какое едва ли могъ бы произвести нормальный организмъ—было бы необъяснимо.

Походка скопца легка, подобно женской; онъ какъ бы не чувствуетъ тяжести тѣла. Этимъ объясняется способность иныхъ скопцевъ вертѣться по цѣлымъ днямъ не уставая.

Хотя скопчество стремится лишить человѣка его пола, сдѣлать его чѣмъ-то въ родѣ существа средняго рода, оно достигаетъ этого лишь отчасти, тѣмъ самымъ доказывая, какъ странно частное уродованіе организма, когда полъ выражается во всемъ организмѣ, а не въ одной какой либо его части. Приведенныя выше физическія измѣненія, какъ слѣдствія скопчества, конечно значительно приближаютъ мужчину по свойствамъ къ женщинѣ; тѣмъ не менѣе полъ остается. «Какъ магнитъ-камень притягиваетъ желѣзо, такъ тянуло—по словамъ Селиванова—брата къ сестрѣ, т. е. скопца къ оскопленной женщинѣ» (1). Что оставалось дѣлать скопцамъ? Между закавказскими скопцами даже прикосновеніе мужчины къ женщинѣ, хотя бы нечаянное, считается грѣхомъ (2). Видя, что уродованіе, проповѣдуемое ими, не достигаетъ цѣли, скопцы стали прибѣгать къ вторичной, болѣе полной опе-

(1) Надеждинъ, 353.
(2) Толстой, 58—59.

раціи; но даже отрѣзаніе наружныхъ частей не мѣшало разыгрываться страстямъ, и по словамъ офиціальныхъ данныхъ между сектантами существовало даже содомство. Болѣе полнаго опроверженія главнаго догмата скопческаго ученія нельзя найти, какъ въ этомъ тщетномъ стараніи избавиться отъ инстинктовъ, вложенныхъ природою. Постоянное страстное стремленіе и невозможность удовлетворить его, дѣлаетъ жизнь многихъ скопцевъ однимъ безпрерывнымъ мученіемъ. Невозвратно потерявъ общечеловѣческія свойства, часто въ дѣтствѣ, они съ ожесточеніемъ въ душѣ стремятся сдѣлать подобно себѣ несчастными другихъ. Особенно тяжка жизнь оскопленныхъ въ малолѣтствѣ. Нерѣдко эта жизнь—цѣпь постоянныхъ жалобъ, утишаемыхъ и останавливаемыхъ лишь толстыми кошельками оскопителей.

Ни общество, ни правительство никогда не могли смотрѣть равнодушно на дѣйствія скопческой секты, покупавшей за деньги право лишать людей ихъ человѣческихъ свойствъ и лишавшей общечеловѣческой будущности иныхъ въ томъ возрастѣ, когда не можетъ быть рѣчи о сознательномъ, добровольномъ согласіи на изуродованіе и когда скопческая операція такъ опасна, что можетъ быть названа покушеніемъ на жизнь.

Другое важное обстоятельство надо имѣть въ виду. Въ скопческой сектѣ дѣйствуютъ не одни скопцы. Въ мелитопольскомъ уѣздѣ, таврической губерніи, найдено было только два скопца и 400

сообщниковъ ихъ (¹). Скопческія богородицы рождаютъ скопцамъ такъ называемыхъ «христосиковъ.» Максимъ Плотицынъ былъ долгое время распространителемъ скопчества и осужденъ за это, а между тѣмъ медицинское освидѣтельствованіе не могло открыть въ немъ скопца.

Что же заставляетъ нескопцевъ оскоплять другихъ людей и проповѣдовать скопчество? Очевидно, тутъ скрывается спекуляція.

Скопцы-извощики, тайно отправлявшіе Солодовникову боченки золота заграницу, и почти открытая торговля оскопленными мальчиками—всѣ подобные факты поясняютъ, что это—денежная спекуляція, средство скопцевъ-капиталистовъ при помощи агентовъ, связанныхъ съ ними союзомъ, отрѣшающимъ ихъ отъ прочаго міра, вѣрнѣе держать денежный рынокъ въ зависимости отъ своей секты.

По своему происхожденію отъ хлыстовщины и по тѣмъ чертамъ, которыя остались въ немъ отъ хлыстовскаго ученія — скопчество несомнѣнно составляетъ секту въ расколѣ. Но какъ спекуляція, оно стоитъ внѣ раскола, какъ и внѣ закона.

Хлыстовство и скопчество образовали не мало сектъ:

Ляды— упоминаются какъ отдѣльная секта, но въ дѣйствительности въ простомъ народѣ вообще хлыстовъ зовутъ лядами. Это названіе даже по всей вѣроятности очень древнее. Хлыстовъ узнаютъ обыкновенно по блѣднымъ истомленнымъ лицамъ —

(¹) Надеждинъ, 334.

отъ радѣнія—и слово *лядащій* безъ сомнѣнія происходитъ отъ «лядъ».

Купидоны — открыты были въ Костромской губерніи. Купидоны отличаются отъ лядовъ лишь тѣмъ, что на сходбищахъ сидятъ совсѣмъ нагіе. Офиціальное разслѣдованіе показало, что костромскіе купидоны ни у одного священника не числились раскольниками.

Монтане (*скакуны*). Названіе монтанъ было придано сектѣ православными духовными. Монтанство проявилось прежде на низовомъ поволжьѣ. Впослѣдствіи секта скакуновъ обнаружилась въ петербургской губерніи и нѣкоторые называютъ образователемъ петербургской секты скакуновъ тайнаго совѣтника Попова (извѣстнаго члена общества Татариновой) (¹). Скакуны отличаются отъ хлыстовъ тѣмъ, что между ними свальный грѣхъ—болѣе частое или даже общепринятое явленіе. На сходбищахъ скакуны послѣ молитвъ начинаютъ скакать взявшись за руки попарно; скачутъ иногда очень высоко, затѣмъ начинается сближеніе половъ. Истомленные долгимъ скаканьемъ сектанты спятъ очень долго и крѣпко. Узы родства въ сближеніи половъ не признаются. Въ оправданіе своихъ оргій скакуны ссылаются на библейскій примѣръ Лота съ дочерьми и на 300 наложницъ у Соломона. Скакуны въ петербургской губерніи являлись на сходбища обыкновенно въ бѣлой, синей или черной одеждѣ; прочіе цвѣта были запрещены. Они не пили горячихъ напитковъ и не ѣли мяса. Подозрѣ-

(¹) Сбор. Кельсіева, III, стр. XXI.

вали въ принадлежности къ сектѣ даже одного лютеранскаго пастора. Племянница же этого пастора Аврора играла главную роль въ сектѣ. Въ 1851 г., какъ оказалось, она принимала участіе въ процессѣ секты какъ осля, котораго вели подъ узцы двое и на которомъ верхомъ ѣхалъ наставникъ. Секта скакуновъ со всею ея необузданностью оргій проникла было въ Петербургъ, но здѣсь положенъ былъ ей конецъ духовнымъ начальствомъ финской церкви. Скакунство въ петербургской губерніи отчасти усилилось потому, что наставники скакуновъ толковали священное писаніе на понятномъ народу языкѣ. Извѣстно, что ижорскіе русскіе крестьяне на вопросъ: почему они ходятъ въ лютеранскую церковь?—отвѣчали, что тамъ служба производится на понятномъ имъ языкѣ.

Духовные (*прыгуны*, *трясуны* и *духовидцы*). Если вообще въ нѣкоторыхъ молоканскихъ сектахъ мы встрѣчаемъ сближеніе съ хлыстовщиной, то эта секта молоканская по происхожденію совершенно превратилась въ хлыстовскую. Основатель этой секты, явившейся за Кавказомъ, Рудометкинъ (иначе Комаръ) выдалъ себя за Христа и 1857 г. вѣнчался на царство—въ порфирѣ и коронѣ. Комаръ не разъ начиналъ процессъ вознесенія и распятія, но каждый разъ такъ случалось, что его уговаривали не покидать вѣрующихъ, и Комаръ оставался живъ и на землѣ. Подобно поволжскимъ христамъ Комаръ имѣлъ наперсницъ. Комаромъ выдавались вѣрующимъ отпускныя въ грѣхахъ—лоскутки вышитые шелками, за которые бралось по 5 рублей и болѣе; это нѣчто въ родѣ индульгенцій.

Адамиты—лишь другое названіе секты Татариновой.

Искатели Христа (иначе *ползуны*, *холстовщина*). Распространены въ пермской губерніи. Сектанты собираясь гдѣ нибудь въ лѣсу разстилаютъ на травѣ только что сотканный холстъ и ползутъ по немъ, причемъ поютъ:

Ползу, ползу
По новому холсту
Къ истинному Христу.
Кто первый приползъ
Того и холстъ.

Очевидно тутъ правило ученія сливается съ народною игрою.

Наполеоновы — вѣрятъ въ Наполеона какъ въ Бога. Эта секта проявилась почти одновременно въ 1822 году въ Псковѣ и Бѣлостокѣ, а въ 1845 году обнаружились послѣдователи ея въ Москвѣ. Найдены были у нихъ изображенія Наполеона возносящагося на небо. Эти изображенія были награвированы на почтовыхъ листахъ въ Парижѣ и пересылались, въ пору господства самыхъ строгихъ цензурныхъ правилъ, вложенными въ книги, доставлявшіяся изъ-за границы русскимъ книгопродавцамъ, отъ которыхъ они вмѣстѣ съ книгами переходили къ послѣдователямъ наполеоновой секты. Послѣдователи секты собирались обыкновенно въ особую комнату и разсуждали тамъ о великихъ свойствахъ Наполеона; послѣ чего начиналось поклоненіе его бюсту. Эти сектанты утверждали, что при вторженіи Наполеона въ Россію видна была на небѣ звѣзда, которая прежде являлась только

разъ—при рожденіи Іисуса Христа. Происхожденіе этой секты необходимо сопоставить съ идеею свободы и освобожденія отъ крѣпостнаго права, которою Наполеонъ старался дѣйствовать на крестьянъ при вторженіи въ Россію. Обоготвореніе Наполеона явилось вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, какія произвели вообще хлыстовщину. Если хлыстовское ученіе съ его ожиданіемъ грядущаго Искупителя было создано ожиданіемъ освобожденія въ средѣ закрѣпощеннаго земства, то надежда, возложенная нѣкоторыми изъ крестьянства на Наполеона какъ на будущаго ихъ освободителя отъ неволи, вмѣстѣ съ союзомъ существовавшимъ между московскими ѳедосѣевцами и Наполеономъ въ 1812 г., произвели наполеоновщину какъ секту. Преклоненіе предъ Наполеономъ сообщилось также молоканамъ и духоборцамъ. Молокане выслали пять человѣкъ въ бѣлыхъ рубахахъ привѣтствовать Наполеона, но сдѣлали это когда онъ уже отступилъ и посланцы ихъ были схвачены на Вислѣ. Духоборцы также запасались большими бѣлыми одеждами въ ожиданіи пришествія Наполеона, который по ихъ мнѣнію долженъ былъ создать на землѣ царство Давида (¹).

Зеленый садъ или *Бѣлый виноградъ*. Эта хлыстовская секта образовалась въ пермскомъ краю. Богородицею въ этой сектѣ обыкновенно бываетъ старуха, называемая также пятницею.

Лазаревщина. Послѣдователи этой секты отравляютъ ближнихъ ради спасенія и составляютъ въ

(¹) Сбор. Кельсіева, III, стр. XVIII.

хлыстовщинѣ нечто сходное съ морельщиками, душителями, тюкальщиками и сократителями.

Духовные скопцы — приближаясь по ученію къ скопцамъ не производятъ однако надъ собою операціи.

Въ скопчествѣ замѣчательны двѣ секты:

Перевертыши, которые не производя надъ собою скопческой операціи, оттягиваніемъ и крученіемъ вмѣстилища сѣменныхъ ядеръ достигаютъ полной половой неспособности. Эта секта проявилась въ особенности въ Тамбовской губерніи. Постоянное оттягиваніе и крученіе въ одну сторону, иногда почти съ дѣтства, вело къ разрыву сѣмянныхъ канатиковъ и такимъ образомъ достигалось скопчество безъ операціи.

Прокольши — прокалывали себѣ сѣмянные канатики и давали такимъ образомъ истекать жизненнымъ сокамъ. Особенно извѣстна Куткинская секта прокольшей, открытая 1841 г. въ Лифляндіи на берегу озера Пейпуса. Секту Куткина называли въ простонародьи также «фармазонами»; но это названіе прилагается больше къ сектѣ Татариновой, хотя нельзя отрицать что между хлыстовской сектой Татариновой и сектой Куткина были нѣкоторыя общія черты, такъ какъ и самое скопчество было первоначально лишь сектою въ хлыстовщинѣ.

XVII

ЕДИНОВѢРІЕ.

Долго въ Россіи вѣрили, что расколъ порожденъ схоластическими спорами объ обрядовыхъ подробностяхъ. Истинное значеніе его могло быть уяснено лишь при той степени знакомства съ исторіею, которой въ былое время не достигали и не считали нужнымъ достигать. Если расколъ схоластическая распря, то стоитъ только начать пренія, побѣдить противниковъ въ спорѣ—и дѣло улажено. Кажется такъ? Такъ и поступали во время стрѣлецкаго волненія въ правленіе Софіи; такъ хотѣли поступать даже въ царствованіе Петра I, когда расколъ переходомъ своимъ изъ церковнаго протеста въ политическій ясно обнаружилъ свой истинный характеръ. Епископъ Питиримъ уполномочивается обращать въ православіе нижегородскихъ раскольниковъ. Онъ пишетъ имъ 130 вопросныхъ пунктовъ; они въ отвѣтъ обращаются къ нему съ 240 подобными же вопросами. Питиримъ имѣлъ въ своихъ стараніяхъ успѣхъ только наружный и можетъ быть именно потому, что роль его была двойственна. Онъ старался дѣйствовать увѣщаніями, а увѣщанія пред-

полагаютъ кротость; но съ другой стороны въ своихъ секретныхъ сообщеніяхъ Петру I онъ совѣтовалъ принимать мѣры строгости противъ «раскольниковъ» (1). Между открытымъ и конфиденціальнымъ образомъ дѣйствій епископа было разногласіе. Особеннаго успѣха не могло быть. Окончательнаго успѣха нельзя было ожидать отъ преній и при большей доли искренности въ сношеніяхъ. Теперь о немъ не могло быть и рѣчи. Расколъ въ нижегородской епархіи затѣмъ усиливался все болѣе, пока наконецъ Екатерина II въ первые годы своего царствованія при посѣщеніи этой мѣстности нашла ее переполненною раскольниками.

Съ тою же цѣлью какъ Питирима, отправили при Петрѣ I іеромонаха Неофита къ олонецкимъ выговцамъ. Онъ посланъ былъ для увѣщанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему предоставлена была помощь гражданскаго начальства, если потребуется. Посылка Неофита имѣла еще меньше успѣха, чѣмъ полномочіе Питирима. Выговцы, узнавъ о пріѣздѣ іеромонаха, прежде всего оробѣли и приняли его какъ начальника. Наружно преклоняясь предъ представителемъ власти, обитатели Выга готовили острое слово и тонкую изворотливость какъ скоро начнутся пренія. Пренія не повели ни къ чему. Сначала выговцы просили дать имъ болѣе срока для отвѣта на вопросные пункты и сидѣли надъ отвѣтами всѣмъ собраніемъ. Потомъ іеромонахъ отлагалъ свои возраженія. Когда дѣло дошло до словесныхъ преній, ло-

(1) Чтенія, 1860, IV, смѣсь, 281.

вили другъ друга на словахъ, и конечно ни та, ни другая сторона не согласилась съ противною.

Болѣе успѣха въ дѣлѣ соглашенія послѣдователей раскола съ господствующею церковью имѣли мѣры, принятыя въ царствованія Петра III и Екатерины II. Единовѣріе является благодаря Румянцеву Задунайскому и Потемкину. Любимецъ перваго представителя германскаго протестанства въ Европѣ, короля прусскаго Фридриха II, самъ окруженный въ жизни нѣмцами и походившій по разговору на нѣмца въ глазахъ иностранца (1), Румянцевъ взглянулъ на расколъ совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ съ какой глядѣли до него. Прежде принимали слѣдствіе за причину. Румянцевъ видѣлъ, что церковная распря только предлогъ, что расколъ будетъ обнаруживаться какъ въ церковной, такъ и въ другихъ сферахъ, пока не устранятся причины, производящія его и не произойдетъ соглашенія между властями и народною массою. Соглашеніе предполагаетъ уступки съ обѣихъ сторонъ. Это было основаніе, на которомъ Румянцевъ установилъ русское единовѣріе. Соглашеніе между расколомъ и господствующею церковью несомнѣнно подготовлялось съ самаго вступленія на престолъ Екатерины II. Просвѣщенная личность на престолѣ гуманно отнеслась къ расколу. Если и дикій звѣрь дѣлается ручнымъ, когда его ласкаютъ, то не удивительно, что послѣдователи раскола, въ которыхъ духъ гоненій такъ долго воспитывалъ непримиримую ненависть къ господствующей церкви,

(1) Meyer. Briefe über Russland, 1772, p. 78.

теперь стали смягчаться, дѣлаться уступчивѣе. Хотя крѣпостное право еще тяготѣло надъ русскимъ земствомъ, но новая эпоха уже начиналась. Переходъ дворянства изъ служилаго сословія въ земство при Петрѣ III и Екатеринѣ II и начавшееся возстановленіе земскихъ правъ, установляли новыя отношенія между властью и земствомъ. Начиналось новое время, и оно должно было немедленно отозваться на расколѣ. Оно отозвалось началомъ единовѣрія. Прежде всего единовѣріе явилось конечно благодаря Екатеринѣ II. Но ближайшими виновниками его происхожденія были Румянцевъ и Потемкинъ. Румянцевъ началъ дѣло въ Малороссіи и, какъ генералъ-губернаторъ малороссійскаго края, былъ счастливо поставленъ для этого дѣла. Расколъ въ Малороссіи не породилъ тѣхъ сектъ, на которыхъ какъ на хлыстовщинѣ позднѣйшаго времени и скопчествѣ отразилось изувѣрное вліяніе востока. Скопчество проявилось почти исключительно въ великорусскихъ мѣстностяхъ. Въ Малороссіи не могло явиться десятковъ сектъ, порожденныхъ разъединенностью населенія и суевѣріями отдаленнаго русскаго сѣвера. Малорусскій расколъ былъ явленіемъ нестолько этнографическимъ, сколько политическимъ. Устранялись политическія причины разъединенія – ближе долженъ былъ подойти къ господствующей церкви малорусскій расколъ. Другая причина содѣйствовала соглашенію, предначертанному Румянцевымъ. Стародубъ — эта малорусская окраина на сѣверѣ—стоялъ постоянно особнякомъ отъ великорусскаго раскола. Незадолго предъ началомъ единовѣрія шелъ вопросъ: кому первенство-

вать въ поповщинскомъ расколѣ—Москвѣ или Стародубу. За Стародубъ стояли историческія преданія, за Москву ея вліяніе и денежныя средства; Стародубъ остался побѣжденнымъ, когда большая часть русской поповщинской общины и даже вліятельный Иргизъ признали главенство Москвы. Въ Стародубѣ естественно было явиться первой попыткѣ къ сближенію съ господствующею церковью. И она явилась тутъ.

Инокъ Никодимъ былъ одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ наставниковъ стародубской поповщины. Двадцать лѣтъ голосъ его много значилъ у поповцевъ. Между Никодимомъ и Румянцевымъ открылись въ 1781 г. переговоры. Румянцевъ сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію. Въ Петербургѣ дѣятельнымъ сотрудникомъ Румянцева былъ Потемкинъ. Духовенство екатерининскаго времени, съ митр. Платономъ во главѣ, не было противъ уступокъ, если онѣ могли привести къ примиренію. Уступка была взаимна. Послѣдователямъ раскола были оставлены двуперстное крестное знаменіе и старопечатныя книги; они, въ свою очередь, признали іерархію господствующей церкви. По видимому, послѣдователямъ раскола была уступлена буква спорнаго пункта, а они уступили духъ его; но если принять въ соображеніе, что самое начало соглашенія было вызвано измѣненіемъ отношеній власти къ земству и расколу, то окажется, что уступка во всякомъ случаѣ была равна. Двоеперстіе и старыя книги—но о чѣмъ же такъ настойчиво спорили раскольники въ XVII ст., чего болѣе домогались они, какъ не этого признанія двоепер-

стія и старыхъ книгъ? Уступка, сдѣланная расколу, важна была не значеніемъ уступленныхъ пунктовъ, а духомъ, направленіемъ государственной мысли, навѣявшей ее. Здѣсь власть гражданская и духовная торжественно отреклась отъ нетерпимости, съ какою велась борьба въ XVII ст. за подведеніе всего подъ одинъ строгій уровень. Въ екатерининское время уже видѣли, что вмѣшательство въ мелочи и частные вопросы народной жизни не входитъ въ сферу дѣятельности просвѣщеннаго правительства, и снова давали земству возвышать свой голосъ въ дѣлахъ, касающихся его, чтобы тѣмъ болѣе вниманіе высшаго правительства было обращено на главныя заботы управленія.

Никодимъ былъ въ Петербургѣ, нашелъ дѣятельнаго ходатая въ Потемкинѣ и былъ представленъ имъ имп. Екатеринѣ. Старообрядцы приступали къ единовѣрію на условіяхъ, изложенныхъ ими письменно. Условія эти, съ помѣтками на нихъ рукою Потемкина, напечатаны. Замѣчательна слѣдующая приписка Потемкина: «Клятва на двуперстное знаменіе только для непокоряющихся святой церкви, а которые присоединяются, тѣ непадлежатъ (1)». Что касается хоръ-епископа, т. е. отдѣльнаго епископа, котораго просили себѣ старообрядцы съ тѣмъ, чтобы онъ зависѣлъ отъ одного Синода, то Потемкинъ замѣтилъ, что на это есть соборное запрещеніе. Въ отвѣтъ на условіе, чтобы старообрядцевъ не приневоливать къ брадобритію и ношенію нѣмецкаго платья—рукою Потемкина замѣчено, что

(1) Чтенія, 1860, IV, смѣсь, 287.

законы на этотъ счетъ уже прежде отмѣнены. Но хотя хоръ-епископа старообрядцамъ не было дано, тѣмъ не менѣе нашли средство соглашенія и по этому пункту. Учреждена была новая таврическая епархія и къ ней причислены были единовѣрцы, хотя они жили въ окрестностяхъ Стародуба и Новгорода Сѣверскаго, слѣдовательно очень далеко отъ Тавриды. Такимъ образомъ зависимость единовѣрцевъ отъ мѣстныхъ епархій была устранена, и вмѣстѣ съ тѣмъ соборное запрещеніе, о которомъ упоминалъ Потемкинъ, не было нарушено.

Никодиму помогали въ дѣлѣ устроенія единовѣрія купцы Кузнецовъ и Бѣляевъ. Но хотя людей, сочувствовавшихъ дѣлу было не мало, тѣмъ не менѣе были и яростные противники начинанія Никодима. Особенно много противниковъ было между старообрядцами низшихъ классовъ. Въ правленіе Екатерины II земство высшихъ классовъ начинаетъ пользоваться правами, которыя еще не достигли до закрѣпощеннаго низшаго класса. Нельзя не обратить особеннаго вниманія и на то обстоятельство, что одновременно съ этимъ въ высшихъ, вліятельныхъ и наставническихъ кружкахъ раскола единовѣріе пускаетъ корень, тогда какъ низшій классъ, масса, по прежнему остается глухою къ увѣщаніямъ присоединиться къ господствующей церкви. Никодима преслѣдовали, грозили ему смертью. Но просьба о соединеніи съ господствующею церковью дошла до Петербурга не изъ одного Стародуба. Иргизскіе и елисаветградскіе старообрядцы также просили Синодъ дать имъ священниковъ. Но и на Ир-

гизѣ низшій классъ старообрядцевъ возсталъ на своего строителя Сергія за его старанія о единовѣріи. И Сергію грозила также опасность.

Никодиму приписывали желаніе соединить безпоповщину съ поповщиною и привести весь расколъ къ единенію съ господствующею церковью. Можно положительно сказать, что эта задача была не по силамъ Никодиму: въ Москвѣ со времени пренія о перемазываніи онъ не имѣлъ большаго авторитета и его вступленіе въ единовѣріе нашло ему тамъ много враговъ. Значеніе его отчасти упало даже въ самомъ Стародубѣ. Нечего прибавлять, что на безпоповщину онъ имѣлъ еще менѣе вліянія, чѣмъ на поповщину. Если бы наконецъ у него и были какіе планы, то онъ умеръ слишкомъ рано для того, чтобы привести ихъ въ исполненіе. Его не было въ живыхъ, когда единовѣріе еще только зарождалось.

Въ 1785 г. Потемкину разрѣшено было построить въ таврической епархіи единовѣрческій монастырь и нѣсколько приходскихъ церквей для единовѣрцевъ. Стародубскимъ единовѣрцамъ рѣшено было дать священниковъ. Затѣмъ до исхода прошлаго столѣтія единовѣріе дѣлаетъ успѣхи, но надобно сознаться очень слабые. Со смертью Потемкина вопросъ о возсоединеніи старообрядцевъ лишился главнаго изъ своихъ двигателей. Потемкинъ умѣлъ ладить съ расколомъ и даже пользовался имъ, заселяя людомъ, крѣпко стоявшимъ за русскую старину, вновь пріобрѣтенныя русскія области по черноморскому прибрежью. Со смерти Потемкина расколъ теряетъ значеніе союзника и силы въ рукахъ власти. На единовѣріе смотрятъ какъ на вопросъ

болѣе теологическій. Опозиція со стороны раскольниковъ къ единовѣрію усиливается. Въ 1799 г. эта опозиція особенно усиливается въ Москвѣ. Московскимъ единовѣрцамъ поручено было поставлять священниковъ архіепископу казанскому Амвросію. Но хотя Амвросій поставлялъ лишь тѣхъ, кого желали сами прихожане, слѣдовательно было возвращено одно изъ существенныхъ прежнихъ правъ земства, но между властью и единовѣрцами скоро произошло разногласіе на другомъ пунктѣ. Старообрядцы отказались произносить царскій титулъ на ектеньяхъ по новопечатнымъ формамъ. Они соглашались поминать «самодержавнѣйшаго и Богомъ хранимаго великаго государя царя Павла Петровича всея Россіи», но ни за что не хотѣли называть царя императоромъ и произносить все остальное, введенное въ поминовеніе. Не хотѣли они также ввести произношеніе именъ царскаго дома во всѣхъ тѣхъ случахъ, гдѣ предписывалось. Въ іюнѣ 1799 г. повѣренные московскихъ старообрядцевъ—Дмитрій Ѳедоровъ и Митрофанъ Ильинъ ходатайствуютъ въ Петербургѣ, чтобы утверждено было по ихъ желанію, но напрасно. Въ августѣ того же года казанскій архіепископъ отказывается имѣть дѣло съ московскими старообрядцами за ихъ ослушаніе, а 3 ноября 1799 г. Дмитрій Ѳедоровъ созываетъ на Рогожскомъ кладбищѣ соборъ, которымъ постановляется, чтобы больше не просить о священникахъ у духовныхъ начальствъ и при встрѣчѣ съ тѣмъ, кто будетъ просить о нихъ, кричать «бееe», какъ

козлы блеютъ (1). Просящихъ о священникахъ Дмитрій Ѳедоровъ называлъ козлищами, и со слезами на глазахъ всенародно просилъ своихъ не отпадать отъ старообрядчества и не вступать въ общеніе съ господствующею церковью.

Вслѣдъ за этимъ однако состоялся указъ имп. Павла I, которымъ установлялось единовѣріе въ Россіи на опредѣленныхъ и постоянныхъ условіяхъ. Единовѣрцевъ было пока мало. Число ихъ не увеличилось особенно и въ царствованіе Александра I, хотя Ковылину приписывалось желаніе, заявленное будто бы кн. Куракину, соединить всѣ безпоповскія согласія въ одно и присоединить ихъ къ господствующей церкви, какъ такое же намѣреніе относительно поповщины приписывалось извѣстному Рязанову. Оба они были люди тонкіе и оборотливые. Ковылинъ мостъ въ водѣ икону, которую, по словамъ ѳедосѣевцевъ, осквернилъ бритоусый солдатъ, приложившись къ ней—и ѳедосѣевцы снова прикладываются къ той же иконѣ. Рязановъ принимаетъ у себя архіерея господствующей церкви. Оба—Ковылинъ и Рязановъ—умѣли услужить тутъ и тамъ, оба можетъ быть ублажали знакомыхъ имъ сановниковъ обѣщаніями о возсоединеніи послѣдователей раскола съ церковью; но едва ли тотъ и другой серьезно имѣли это въ виду. При Александрѣ I не упрочивается единовѣріе, а возстановляется миръ между властью и расколомъ путемъ терпимости.

Въ правленіе имп. Николая I вопросъ объ утвержденіи единовѣрія поднимается снова. Въ 1835—

---

(1) Русскій Архивъ, 1864, стр. 260.

36 гг. были сдѣланы рѣшительные шаги къ упроченію единовѣрія. Наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для этого было признано наложеніе запрещенія на раскольничьи обители въ Москвѣ и на Иргизѣ. Приняты были мѣры, чтобы Преображенское кладбище не было какъ бы отдѣленіемъ воспитательнаго дома и пріютомъ для лицъ безъ законныхъ видовъ. Өедосѣевская община, узнавъ отъ состоявшихъ у нея на жалованьѣ (1) доброжелателей о готовившейся ревизіи, снабдила кого слѣдуетъ паспортами, а малолѣтнихъ, бывшихъ въ монастырѣ, послала въ безопасныя мѣста. Вслѣдъ затѣмъ велѣно было отобрать и продать съ публичнаго торга недвижимое имущество Преображенскаго кладбища. Сдѣлалось однако такъ, что хотя сотни тысячъ заплачены были за эти имущества казнѣ, но купилъ ихъ капиталистъ Гучковъ, өедосѣевецъ и прихожанинъ кладбища, и имущества, если не номинально, то на дѣлѣ остались за кладбищемъ. Когда опасность грозила общественному капиталу Преображенскаго кладбища—12 мил. рублей также временно были поручены Гучкову и на нихъ нельзя было наложить руку какъ на общественную сумму. Богатство раскольническихъ общинъ конечно не могло остаться неизвѣстнымъ для правительства, хотя его и старались скрыть, какъ скрывалось, напр., отъ того же правительства истинное число раскольниковъ, которыхъ показывался одинъ тамъ, гдѣ ихъ было десять, и 12,000 во всей ярославской губерніи, ко-

(1) S. Изъ исторіи Преображенскаго кладбища, стр. 763.

гда ихъ была тамъ четвертая часть населенія (1). Когда Рогожское кладбище, въ 1835 г. превращенное въ богадѣльный домъ, брали окончательно въ правительственное вѣдомство, тамъ нашли 1150 священническихъ ризъ. Старообрядческое духовенство жило все время въ довольствѣ; бѣлокриницко-московскій старообрядческій митрополитъ Антоній могъ имѣть шапочку цѣною въ 10,000 рублой.

Одновременно съ разгромомъ Преображенскаго и Рогожскаго кладбищъ, въ 1835 г., употреблены были рѣшительныя средства, чтобы сдѣлать единовѣрческимъ Иргизъ. Никольскій иргизскій монастырь отнятъ былъ силою у старообрядцевъ и сдѣланъ единовѣрческимъ (2). Старанія ввести единовѣріе правительственными мѣрами не имѣли успѣха. По наружности дѣлалось кое-что, но въ сущности очень мало. Изъ официальныхъ источниковъ мы узнаемъ, что хотя прибѣгали къ крайнымъ мѣрамъ, въ родѣ напр. обливанія изъ пожарныхъ трубъ въ Пермской губерніи въ 1840 г. губернаторомъ Огаревымъ тагильскихъ раскольниковъ, запершихся въ своей часовнѣ (3), и разоренія раскольничьихъ скитовъ, тѣмъ не менѣе не только раскольники не переходили массами въ единовѣріе, но напротивъ православные приступали къ единовѣрію и потомъ переходили въ расколъ (4).

Если вспомнимъ, что однимъ изъ главныхъ пово-

---

(1) Русскій Архивъ, 1866, стр. 634.
(2) Поповъ. Сборникъ изъ исторіи старообрядства.
(3) Палладій, 74.
(4) Арнольди, въ Сбор. Кельсіева, II, 22.

довъ къ принятію единовѣрія, еще со временъ Никодима, было желаніе старообрядцевъ имѣть дозволенныхъ священниковъ и если сопоставимъ съ этимъ, что въ концѣ царствованія имп. Николая въ Россіи не было недостатка не только въ старообрядческихъ священникахъ, благодаря бѣлокриницкой іерархіи,— то очевиднымъ покажется, что дѣло единовѣрія не могло похвалиться въ это время преуспѣяніемъ.

Главныя реформы царствованія имп. Александра II сопровождаются кризисомъ въ расколѣ. Дѣло единовѣрія, о которомъ прилагалось столько стараній прежде, неожиданно дѣлаетъ рѣшительный успѣхъ, хотя мѣръ въ родѣ прежнихъ не принималось. Этотъ успѣхъ былъ слѣдствіемъ отмѣны крѣпостнаго права, введенія земскихъ учрежденій и вообще начавшихся внутреннихъ преобразованій. Мы имѣемъ право сказать это на основаніи всей прежней исторіи раскола. Возстаніе русскаго старообрядческаго высшаго духовенства противъ своего бѣлокриницкаго главы было бы необъяснимо, если разсматривать его отдѣльно отъ другихъ событій того времени въ Россіи. Бѣлой Криницѣ былъ нанесенъ тяжкій ударъ именно потому, что при новыхъ порядкахъ она стала ненужною для русскаго старообрядства. Но главные представители старообрядческаго духовенства не только отпадаютъ отъ Бѣлой Криницы, но и присоединяются къ господствующей церкви. Уже окружное посланіе ихъ, надѣлавшее столько шума между послѣдователями раскола въ послѣдніе годы, заставляло предполагать такой конецъ. Тотчасъ по обнародованіи окружнаго посланія многіе изъ послѣдователей раскола

прямо указали на стремленіе въ немъ къ сближенію съ православіемъ. Дѣйствительно это былъ уже шагъ главныхъ представителей раскола на пути къ единовѣрію. Вслѣдъ затѣмъ приступаетъ къ общенію съ господствующею церковью и часть безпоповцевъ, жившихъ за границею, въ Пруссіи, съ Павломъ Прусскимъ, извѣстнымъ старовѣрческимъ писателемъ во главѣ. Проходитъ еще нѣсколько времени и мы видимъ бывшихъ старообрядческихъ архіереевъ, присоединившихся къ единовѣрію и обезпеченныхъ правительствомъ, а Павелъ Прусскій въ званіи, настоятеля московскаго единовѣрческаго монастыря, отправлялъ уже, нѣсколько времени спустя, съ митрополитомъ Филаретомъ въ день преп. Сергія службу въ Троицкой Лаврѣ. Государственныя преобразованія устраняютъ причины, поддерживающія расколъ—и расколъ самъ собою ослабѣваетъ. Правда, и тутъ ослабленіе его началось съ высшихъ сферъ и лишь отчасти отозвалось на низшихъ, но для перваго времени и этого было болѣе, чѣмъ по видимому можно было ожидать. Съ этого времени можно было сказать, что по мѣрѣ того, какъ новые порядки будутъ утверждаться въ Россіи на дѣлѣ и возстановляемыя земскія права будутъ упрочены народу — расколъ потеряетъ свое нынѣшее значеніе и исчезнетъ въ смыслѣ отщепенства милліоновъ народа отъ прочаго населенія русской семьи.

XVIII

РАСКОЛЪ

ВЪ ВЫСШЕМЪ СЛОѢ ОБЩЕСТВА.

Вообще говоря, къ привелегированнымъ сословіямъ расколъ у насъ не привился, и мы видѣли причины этого. «Привелегированные классы» — въ этихъ словахъ заключается вся разгадка того обстоятельства, что расколъ какъ земскій протестъ замкнулся въ средѣ преимущественно крестьянства и купечества. «Привелегія» дѣлала выгоднымъ положеніе служилыхъ классовъ и что̀ было имъ протестовать когда всѣ выгоды были на ихъ сторонѣ? Протестъ шелъ главнымъ образомъ изъ закрѣпощенной и граждански подавленной среды. Протестъ былъ изъ среды земства, выгоды котораго крѣпостнымъ правомъ были всецѣло принесены въ пользу служилаго сословія. Тѣмъ не менѣе земское сознаніе пробуждается иногда и въ рядахъ высшихъ сословій, и тамъ понимается порою что служилыя выгоды не исчерпываютъ всего, что есть общественныя и общегражданскія стороны дѣла и что

расколъ не есть одно тупое стояніе за старину, а что за нимъ скрываются подспудныя силы государства, оттолкнувшіяся отъ общаго движенія потому, что ихъ оттолкнули и стѣснили. Въ своемъ зародышѣ—въ первое время—расколъ былъ борьба мысли и умственнаго развитія противъ застоя, видѣвшаго въ умственномъ развитіи грѣхъ, потому что невѣжество массъ обезпечивало матеріальныя выгоды тѣхъ, кто постановлялъ что̀ грѣшно и что́ негрѣшно. Ученому еврею Схаріѣ, распространявшему ученіе сходное съ молоканскимъ при Иванѣ III, ставится въ вину въ особенности то, что онъ занимался чернокнижіемъ и астрологіею — а кто же не знаетъ, что подъ чернокнижіемъ и астрологіею въ средніе вѣка разумѣлись вообще занятія высшими науками. Сами іерархи, преслѣдовавшіе ересь жидовствовавшихъ, сознавались, что «жидовство» проповѣдывалось лишь простѣйшими изъ еретиковъ и что подъ жидовствовавшими разумѣлись вообще сторонники самыхъ разнообразныхъ ученій (1), всѣ «умствовавшіе». Принадлежалъ ли напримѣръ митр. Зосима къ поборникамъ моисейства? Нѣтъ, онъ только отрицалъ существованіе царства небеснаго, второе пришествіе, воскресеніе изъ мертвыхъ и т. д. (2). Словомъ, это былъ лишь невѣрующій, атеистъ. Софійскій протопопъ Григорій, сынъ знатнаго боярина Тучина и другіе послѣдователи Схаріи — были ли и они только жидовствовавшіе? Нѣтъ, мы находимъ прямое указаніе, что еретики учились астро-

(1) Сервицкій, 193.
(2) Тамъ же.

логіи и чернокнижію (1) и въ этомъ то чуть ли не была ихъ главная вина въ глазахъ тѣхъ, кто каралъ ихъ.

Въ первое время существованія раскола, какъ открытаго протеста противъ объединительныхъ мѣръ церковной и гражданской власти, въ рядахъ его мы видимъ не мало извѣстныхъ и вліятельныхъ лицъ. Между ними мы встрѣчаемъ Салтыкову, урожденную Морозову, сестру ея Урусову, Стрѣшнева, Воротынскаго, Хованскаго; Милославскихъ, родственниковъ царицы; Соковнина, Потемкина, Нарышкина, кн. Барятинскаго, кн. Мышецкихъ, Плещеевыхъ, кн. Львова, Ртищева. Кругъ знати, принадлежащей къ расколу или державшейся многихъ изъ его вѣрованій, навѣрно гораздо шире, но онъ принужденъ таиться, потому что власть открыла строгое и неумолимое преслѣдованіе непокорныхъ, и кому было больше терять, тотъ естественно былъ осторожнѣе. Одно время расколъ, предводимый Аввакумомъ и попами Лазаремъ и Нероновымъ, смѣло поднялъ голову. Это было въ то время когда началось преслѣдованіе Никона. Предводители раскола въ средѣ духовенства были также самые видные члены его, его аристократія, если можно такъ выразиться. Вспомнимъ, что надсмотрщики за печатаніемъ духовныхъ книгъ, запрещенныхъ Никономъ, были представители бѣлаго духовенства, нарочно какъ выборные, лучшіе люди созванные изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Эти-то люди и стали послѣ противъ нововведеній Никона. Они пользовались боль-

(1) Сервицкій, 194.

шимъ почетомъ и уваженіемъ у своихъ духовныхъ дѣтей. Такъ Ивана Неронова, своего духовника, Плещеевы въ письмахъ называютъ «вышеестественнымъ» и «равноапостольнымъ.» Но въ особенности выдвигается впередъ, по вліянію на многихъ изъ московскихъ знатныхъ людей, личность протопопа Аввакума. Протопопъ-богатырь, по выраженію г. Соловьева,--Петръ I съ обратной стороны по своему вліянію на консервативный слой русскихъ людей—по сравненію г. Тихоправова—и прот. Аввакумъ имѣлъ сильное вліяніе на современниковъ: имя его доселѣ въ большомъ почетѣ у послѣдователей раскола, а одинъ толкъ — *онуфріевщина* — признаетъ его даже святымъ и чтитъ его изображеніе. Высокій, плечистый, нѣсколько худощавый старикъ, съ слегка вьющимися длинными съ просѣдью волосами и большими, открытыми глазами, Аввакумъ своимъ сильнымъ и ѣдкимъ словомъ дѣйствовалъ не на одинъ народныя массы: онъ привилъ расколъ къ высшимъ слоямъ московской знати. Живя въ домѣ Салтыковой онъ дѣйствовалъ на дворецъ. Въ его распоряженіи были два ловкихъ юродивыхъ— Кипріянъ и Ѳедоръ—и въ тотъ вѣкъ, при почетѣ, которымъ пользовались юродивые во дворцѣ и въ хижинѣ, ихъ услуги были очень важны. Никонъ объявилъ себя противъ юродивыхъ и они стали на сторону его противниковъ. Оба упомянутые юродивые живутъ у прот. Аввакума и служатъ у него на посылкахъ. Юродивый Кипріанъ разъ рѣшился бѣжать за экипажемъ царя Алексѣя Михайловича, прося возстановить древнее благочестіе. Религіозный и добродушный царь взялъ юро-

диваго къ себѣ въ экипажъ, довезъ до Краснаго крыльца и ласково спросилъ въ чемъ его дѣло (1). Юродивый Ѳедоръ посылаемъ былъ съ порученіями даже во дворецъ, гдѣ постоянными благопріятелями Аввакума были обитатели терема царицы. Но Алексѣй Михайловичъ не могъ, даже если бы хотѣлъ, принять сторону Аввакума. Обстоятельства такъ сложились, что Аввакумъ и его приверженцы являлись возмутителями общественнаго спокойствія. Объединеніе государства подвигалось впередъ помимо вліянія личностей, даже бывшихъ на престолѣ, и расколъ, объявившій вражду объединенію и централизаціи, становился въ разрѣзъ со всѣмъ установлявшимся государственнымъ строемъ московскаго государства. Очень можетъ быть, что Алексѣй Михайловичъ въ душѣ благоволилъ Аввакуму и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ преданіи, передаваемомъ послѣдователями раскола, что во время заключенія Аввакума на Угрѣшѣ—Алексѣй тайно былъ тамъ, постоналъ у дверей жилища протопопа, но не рѣшился войти туда и удалился. (2). Но какъ правитель государства Алексѣй Михайловичъ шелъ только за временемъ и его личное расположеніе не избавило отъ преслѣдованія тѣхъ, кто противился нивелировкѣ и перетушовкѣ Россіи, стянувшейся къ Москвѣ по одному предпринятому плану. Смѣлость и рѣзкость расколоучителей только ухудшила ихъ участь: начались рѣзанья языковъ, ссылки, сожиганія въ срубахъ и т. д.

---

(1) Ивановскій, 50.

(2) Тамъ же, 59.

Присоединеніе Малороссіи играетъ видную роль въ исторіи русскаго раскола. Уже до рѣшительнаго слова Богдана Хмѣльницкаго массы малороссіянъ являются въ Москвѣ. Никона многіе за то и не любили, что онъ вызвалъ много малороссовъ въ московскія области. Еще митрополитомъ новгородскимъ онъ вызываетъ пѣвчихъ изъ Кіева: это также ставится ему въ укоръ непріятелями. Соединяются Великая и Малая Россія — этимъ весь государственный строй измѣненъ. У объединявшей государство власти явились новые слуги, слуги даже болѣе образованные и развитые, потому что они учились въ колегіяхъ, о которыхъ въ Москвѣ не имѣли и понятія. Великороссіяне смотрятъ подозрительно и враждебно на этотъ напливъ ученыхъ съ юга: духовенство сѣверной Россіи предчувствуетъ что ему будетъ тѣсно, что эти ученые станутъ ему поперегъ дороги и займутъ можетъ быть даже первое мѣсто не только благодаря своей учености и книжности, но и тому, что вѣроятно власти найдутъ въ нихъ лучшую опору для себя какъ въ чужеземцахъ, при содѣйствіи которыхъ легче проводить объединительныя мѣры въ чуждомъ для нихъ краѣ, чѣмъ опираясь лишь на людей, которые, хотя и слуги власти, были однако плоть и кровь этой населенной закрѣпощенными людьми и теперь передѣлывавшейся по абсолютистскому плану земли.

При оцѣнкѣ раскола, какъ преимущественно великорусскаго явленія, никакъ не надобно упускать изъ вида этого обстоятельства. Церковныя преобразованія дѣйствительно вводились Никономъ при помощи малороссіанъ и затѣмъ—въ эпоху особенна-

го распространенія раскола и вмѣстѣ гоненія на него—мы видимъ на всѣхъ видныхъ мѣстахъ въ русской церковной администраціи лицъ юго-западнаго происхожденія. Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій—все это вмѣстѣ и рѣшительные противники раскола, и усердные слуги власти, гнавшей расколъ, можетъ быть благодаря всего болѣе ихъ же вліянію. Петръ I оперся на малороссіянъ въ церковномъ управленіи точно также какъ онъ опирался на нѣмцевъ въ гражданскомъ: изъ великорусскихъ уроженцевъ не всѣ могли оказаться усердными слугами преобразователя: у иныхъ могло заговорить сердце и за старинныя русскія преданія, и за подневольный русскій людъ.

Это было послѣ, но и при Алексѣѣ Михайловичѣ будущее стало уже выясняться. Его можно было провидѣть и въ то время, когда у Аввакума шли ожесточенные споры съ Симеономъ Полоцкимъ въ домѣ боярина Ртищева, послѣ которыхъ и протопопъ, и западный ученый расходились «яко пьяни». Ртищевъ, царскій постельничій и близкій человѣкъ, сначала, какъ мы видѣли, покровительствовалъ наплыву юго-западныхъ ученыхъ на Москву и самъ основалъ Андреевское братство для перевода церковныхъ книгъ при ихъ содѣйствіи. Но затѣмъ и Ртищевъ увидалъ, что дѣла принимаютъ оборотъ, какого многіе въ началѣ не предполагали. И Ртищевъ послѣ сталъ за сторонниковъ старины.

Защита своего невѣжества противъ наплывной учености, даже прикрытая знаменемъ церковнаго разногласія, и догматическія придирки, скрывавшія за собой вражду и соперничество къ новымъ лю-

дямъ, къ новымъ совмѣстникамъ—все это не могло бы повести къ зарожденію раскола на всемъ лицѣ Россіи, если бы эти пришельцы съ ихъ школьною ученостью и незнаніемъ русской жизни и русской старины не являлись орудіемъ въ рукахъ правительственной системы, лежавшей гнетомъ на закрѣпощенныхъ мильонахъ русскихъ людей. Невѣжество подало руку гражданской свободѣ и этотъ союзъ произвелъ расколъ, вступившій въ борьбу съ ученою эксплоатаціею Россіи иноземцами. Силы были равны: тамъ—невѣжество дѣлалось сильнымъ отъ союза съ инстинктомъ свободы, жившимъ въ закрѣпощенномъ земствѣ; тутъ—наука теряла свою мощь отъ союза съ абсолютизмомъ и преслѣдованіемъ свободы совѣсти.

Невѣжество и инстинктъ гражданской свободы—эти причины, породившія расколъ, поясняютъ почему, несмотря на явныя выгоды для служилаго сословія всецѣло примкнуть къ правительственной системѣ, въ средѣ русской знати и въ высшемъ слоѣ русскаго общества постоянно были явные или тайные сторонники раскола. Служилые люди были вмѣстѣ русскіе люди и не могли не знать, что благосостояніе государства возможно только при гражданской свободѣ, при отмѣнѣ закрѣпощенія миліоновъ, при возрожденіи земской самодѣятельности.

При Петрѣ I мы видимъ мало явныхъ поборниковъ раскола въ высшихъ классахъ, но они есть. Старообрядецъ свящ. Лебедка не даромъ находится при Меньшиковѣ. Этотъ свѣтлѣйшій князь, вышедшій изъ русскаго простолюдья, не можетъ не знать что расколъ коренится вовсе не въ церковныхъ отсту-

пленіяхъ и не въ тупомъ упорствѣ, а въ крѣпостномъ правѣ и въ объединительныхъ стремленіяхъ администраціи. Ему было бы грѣшно не знать этого. Меньшиковъ не могъ смотрѣть на расколъ съ исключительно-правительственной точки зрѣнія. Повѣримъ поэтому сыну Ѳедосѣя Васильева (распространителя ѳедосѣевщины)—Евстрату, что Меньшиковъ бесѣдовалъ съ его отцомъ о предметахъ вѣры подобно многимъ другимъ боярамъ и дворянамъ того времени. Ѳедосѣю Васильеву сочувствовали Неграновскій, Злобины, Небаровы, Полонскіе, Нелѣловы, Дирины, Дедевякины, Стоговы, Елагины (1). Бор. Петр. Шереметьевъ, ген. Аргамаковъ, царскій родственникъ С. Г. Нарышникъ, ген. Корсаковъ, Челищевъ, торопецкій и великолуцкій комендантъ Алексѣевъ—бесѣдуютъ съ основателемъ одного изъ главныхъ безпоповскихъ согласій. Евстратъ Васильевъ называетъ новгородскаго губернатора Корсакова златолюбцемъ: по крайней мѣрѣ когда Ѳедосій Васильевъ, положась на его содѣйствіе, явился въ Новгородъ, снялъ съ себя мѣдныя вереги и власяницу и отправился по своимъ дѣламъ, его схватили слуги новгородскаго архіерея, посадили въ смрадную тюрьму, приковали въ ней желѣзной цѣпью къ стѣнѣ, допустили корабельнаго мастера Стиляева вырвать полбороды у заключеннаго, не соглашавшагося съ нимъ въ догматическомъ спорѣ, и затѣмъ довели до мучительной смерти. Корсаковъ допустилъ сдѣлать все это, какъ говорили ѳедосѣевцы, изъ за того, что не получилъ подарка.

(1) Чтенія, 1869, II, 80.

Но не отвергая златолюбія Корсакова, не сомнѣваясь нисколько съ своей стороны что право поселиться ѳедосѣевцамъ на Ряпиной мызѣ кн. Меньшикова было дано не безъ задней мысли воспользоваться трудами этихъ дѣятельныхъ людей, такъ какъ свѣтлѣйшій князь всегда стоялъ на сторожѣ за свои интересы, нельзя однако во вниманіи и помощи со стороны представителей русской знати и русскаго сосѣдняго дворянства, которыя были оказываемы учителю безпоповщины, видѣть одного златолюбія, тѣмъ болѣе что расколъ не считалъ еще въ средѣ своей и богачей въ то время; въ то время онъ только зарождался какъ богатая община и система подкупа для пріобрѣтенія льготъ въ немъ еще не процвѣла. Нѣтъ, тутъ со стороны людей зажиточныхъ и не нуждавшихся «въ златѣ» было одно сочувствіе къ представителямъ народной опозиціи въ то время, когда не одно простолюдье было недовольно петровскими преобразованіями, —сочувствіе часто осторожное и скрываемое, но несомнѣнное.

Не забудемъ, что рука Петра одинаково простиралась на всѣ сословія и карала всѣхъ. Въ то время дворянство еще не было въ исключительномъ положеніи и владѣя крестьянами само было, такъ сказать, прикрѣплено къ центральной власти. Служилое сословіе до извѣстной степени также было «крѣпко», если не землѣ, то власти. Положеніе отчасти было сходное и потому были послѣдователи раскола въ рядахъ дворянства и знати. Но бремя однихъ было несравненно легче бремени другихъ: вотъ почему расколъ охватилъ массы простаго народа и лишь отчасти привился къ высшимъ слоямъ.

русскаго общества. Когда положеніе дворянства сдѣлалось вполнѣ привелегированнымъ — съ Петра III и Екатерины II—расколъ почти совсѣмъ исчезъ изъ среды его.

Скоро въ русскомъ высшемъ обществѣ утверждается расколъ своего рода—масонство. Если расколъ былъ до извѣстной степени средствомъ для народа находить пищу для ума,—хотя и очень скудную пищу, потому что имѣя въ распоряженіи только одни обрядовыя книги, онъ глохъ въ схоластическомъ догматизмѣ и въ тверженіи непонятныхъ, туманныхъ фразъ, — то съ этой же точки зрѣнія надобно смотрѣть и на масонство. Однѣ служилыя обязанности, однѣ домашнія и хозяйственныя заботы среди крѣпостнаго, замкнутаго въ себѣ, оттолкнувшагося отъ барства населенія—развѣ это, при стремленіи человѣческаго ума во всякомъ положеніи и во всѣхъ обстоятельствахъ искать себѣ пищи—могло удовлетворить всѣхъ и каждаго? Науки, дѣльнаго занятія сю тогда еще на Руси не существовало. Гдѣ же былъ исходъ для пытливости ума, для жажды, съ которою онъ стремился къ самообогащенію. Раскольники пустословили, препираясь и повторяясь въ спорахъ все о тѣхъ же сугубомъ аллилуѣ и осьмиконечномъ крестѣ. У нихъ явились легенды «какъ Христа въ попы ставили»», «Моисей на Индію ходилъ», «о христовомъ крестникѣ» и т. д. (1). Но на барство уже повѣяло просвѣщеніе запада: оно не могло удовлетвориться мертвящимъ догматизмомъ и схоластическою казуисти-

(1) Сервицкій, 187.

кою, въ которой всего лучше вывозила начетливость и твердая память. Явилось въ кругу нашего дворянства ученіе съ запада, — ученіе подъ бѣлымъ фартукомъ масона и мракомъ таинственной комнаты съ черепами скелетовъ, подъ театральностью обрядовъ и странными одеждами членовъ, скрывавшее тайны, къ познанію которыхъ стремились многіе ища той пищи для души и ума, которой не давали общественная и служебная сферы и которой всегда жаждетъ внутренній человѣкъ.

Масонство дѣлается достояніемъ высшихъ сферъ русскаго общества именно въ то время, когда эти сферы отдалились отъ раскола. Очень вѣроятно, что многіе въ масонствѣ искали матеріальныхъ выгодъ отъ сближенія съ сильными и вліятельными людьми, какъ впослѣдствіи многіе искали тѣхъ же выгодъ въ расколѣ отъ сообщества съ тузами коммерческаго міра, но въ основѣ какъ масонства такъ и раскола лежала жажда внутренняго человѣка найти пищу для себя. Въ этомъ отношеніи масонсонство было—расколъ въ средѣ дворянства.

Екатерина II, въ концѣ своего царствованія преслѣдуя масоновъ и мартинистовъ, предписываетъ Прозоровскому не распространять мѣръ строгости въ Москвѣ на раскольниковъ. Интересно это сопоставленіе, доказывающее что многіе и въ то время видѣли связь между масонствомъ и расколомъ.

Когда масонство явилось въ роли раскола въ средѣ высшаго сословія, послѣднее уже не могло имѣть связи съ народнымъ расколомъ. Народный расколъ былъ расколъ закрѣпощенныхъ массъ. Привелегированное сословіе естественно стояло внѣ его. Масонствомъ

опо занялось для развлеченія ума. Расколъ былъ протестъ, а протестовать привилегированному сословію не было надобности. Тѣмъ не менѣе и въ вѣкъ Екатерины не могло не быть людей понимавшихъ земское значеніе раскола и сочувственно относившихся къ нему. Это были люди стоявшіе выше предразсудковъ времени. Сама Екатерина II стояла выше этихъ предразсудковъ и таковы же были Румянцевъ, Потемкинъ, Г. Орловъ. Румянцевъ принимаетъ у себя въ с. Вишенкѣ представителей стародубскаго раскола—Никодима и Михаила Колмыка; здѣсь обсуждается и зарождается единовѣріе. Потемкинъ, другъ главнаго учителя выговскихъ безпоповцовъ, выхлопатываетъ послѣдователямъ раскола одни за другими гражданскія права. Г. Г. Орловъ вводитъ къ Екатеринѣ купца Позументщикова, котораго императрица хотѣла удостить ласковаго слова за добротность его издѣлій и Позументщиковъ пользуется этимъ случаемъ чтобы упасть въ ноги императрицѣ и просить о дозволеніи построить раскольничью молельню. Молчаніе императрицы (1) было истолковано въ добрую сторону — и вотъ можетъ быть одна изъ причинъ появленія ковылинской богадѣльни въ чумный годъ, когда Г. Г. Орловъ былъ Москвѣ съ чрезвычайными полномочіями отъ императрицы.

Около того же времени на востокѣ Россіи высшіе слои общества остаются еще не вполнѣ безучастными къ расколу. Еще при Петрѣ I въ пермскихъ скитахъ жило не мало изъ знати и лицъ

(1) Сборникъ Кельсіева, I, 11.

извѣстныхъ, бѣжавшихъ изъ Москвы послѣ стрѣлецкихъ бунтовъ, и нѣтъ основанія не вѣрить въ этомъ раскольничьимъ писателямъ, хотя имена у нихъ и перемѣшаны. Въ царствованіе Екатерины II главнымъ представителемъ раскола на Уралѣ является Рябининъ, изъ рода князей Хованскихъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Петербургѣ усиливается хлыстовская секта, сначала въ средѣ болѣе простонародной, а потомъ переходитъ и въ дворянскій слой общества. Это послѣднее обстоятельство представляетъ явленіе чрезвычайно замѣчательное. Хлыстовщина впервые является въ 1649 г. Это—годъ, въ который Данило Филиповъ объявляетъ себя искупителемъ и вмѣстѣ годъ окончательнаго закрѣпощенія крестьянства. Закрѣпощенный народъ ждетъ искупителя именно съ того времени, когда уложеніе Алексѣя Михайловича окончательно лишило его свободы. Если впослѣдствіи является множество искупителей, если искупители являются не только въ средѣ послѣдователей хлыстовщины, но и болѣе развитыхъ послѣдователей молоканскаго ученія, если даже духоборцы управляются своимъ божкомъ, то во всемъ этомъ нельзя не видѣть болѣзненно-нервнаго напряженія народа, ждавшаго освобожденія своего отъ рабства. Этимъ болѣзненно-разстроеннымъ воображеніемъ народныхъ массъ пользуются хитрецы, или изувѣры, и являются искупителями, предтечами, пророками и т. д. Такимъ образомъ секта, положившая основу вѣрованію въ пришедшаго искупителя—хрпстовщина—должна была зародиться—какъ дѣйствительно и случилось—въ средѣ простаго народа и въ ней

только она была возможна. Какъ же эта секта явилась въ высшемъ классѣ общества, которому не приходилось ждать искупленія отъ крѣпостной неволи?

Мы видѣли, что хлыстовщина давала своимъ послѣдователямъ средство убивать плоть безъ сближенія двухъ половъ. Изнуреніе отъ быстраго вращенія въ одну сторону и отъ скорыхъ движеній было полное. Это искуственное убиваніе плоти привило хлыстовство, какъ мы видѣли, къ нѣкоторымъ монастырямъ. Уже вскорѣ по появленіи секты мы видимъ принадлежащимъ въ ней архіерея Досиѳея (1). Для другихъ хлыстовство было не столько «убиваніе» плоти излишнимъ возбужденіемъ, сколько «удовлетвореніемъ» возбужденной плоти. Общеніе двухъ половъ при обрядахъ секты вело къ оргіямъ. Это удовлетворяло требованіямъ разнузданныхъ страстей.

Если возьмемъ то и другое во вниманіе, то окажется, что хлыстовство имѣло черты, которымъ могло привлекать послѣдователей не въ одномъ простонародьи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Петербургѣ основываются два хлыстовскихъ кружка: если такъ выразиться—демократическій и аристократическій. Центръ перваго—домъ Непастьевыхъ, въ Басейной улицѣ. Дочь хозяина, Вѣра Сидоровна, здѣсь главная пророчица; барабанщикъ Никитушка (по всей вѣроятности скопецъ)—главный прорицатель. Корифей этого кружка—Кондратій Селивановъ, ча-

(1) Снегиревъ, 325.

сто являвшійся сюда изъ своего помѣщенія—дома Давидова у скопцовъ. Это общество— среднее между хлыстовскимъ и скопческимъ. Къ этому кружку примыкали денежныя лица; но когда аристократія и высшій кругъ завели хлыстовство въ своей средѣ — хлыстовское общество является въ Инженерномъ замкѣ, въ квартирѣ Татариновой. Помѣщеніе Татариновой было отведено въ Инженерномъ замкѣ по желанію имп. Елисаветы Алексѣевны. Когда тайная полиція открыла это общество, имп. Александръ, которому донесли о немъ, замѣтилъ, что онъ не находитъ ничего въ этомъ обществѣ «отводящаго отъ религіи» (1). Только Татариновой, по его мнѣнію, не слѣдовало жить въ Инженерномъ замкѣ, потому что квартира была отведена не ей, а ея матери, Буксгевденъ. Сынъ Милорадовича, военный офицеръ, о которомъ полиція доносила какъ объ участникѣ въ обществѣ, также не подвергся особеннымъ гоненіямъ. Членами общества Татариновой были вліятельныя лица, напр. директоръ департамента министерства просвѣщенія при кн. Голицынѣ—Поповъ. На самого Голицына указывали какъ на принадлежавшаго къ хлыстовству.

Эпоха религіознаго ханжества—въ послѣ—наполеоновскіе годы—отразясь на процвѣтаніи всѣхъ сектъ, содѣйствовала какъ появленію хлыстовства въ дворянской средѣ и успѣхамъ масонства, такъ вообще какъ-то породнило между собою секты и ученія, имѣвшія очень мало общихъ чертъ: таково было вліяніе дворянской, образованной среды и свой-

(1) Сушковъ, жизнь Филарета 76.

*

ственныхъ ей гражданственности и общительности. Хлыстовщина дѣлается какимъ-то салоннымъ ученіемъ, заимствуетъ многое у масонства. Мистики—представителемъ которыхъ является Лабзинъ (давшій начало ученію *лабзинцевъ* и *сіонской церкви*)—были естественно сродны хлыстамъ: тутъ и тамъ играли главную роль пророки и прорицатели. Монахъ Авель предсказываетъ день смерти Екатерины II и затѣмъ Павла I; за это Павелъ посылаетъ его въ Соловецкій монастырь. Александръ Павловичъ возвращаетъ его и даетъ ему 1000 рублей на путешествіе въ Іерусалимъ, но Авель попадается въ прегрѣшеніяхъ и сходитъ со сцены (1). Другому мистику—Штиллингу судьба улыбалась болѣе. И Штиллингъ пророчествуетъ—предрекаетъ свѣтопредставленіе на 1836 годъ. Предсказаніе Штиллинга повліяло на умы, тѣмъ болѣе что проникло въ простонародье, особенно въ молоканскую среду. Это предсказаніе причинило въ царствованіе Николая Павловича не мало хлопотъ: началось движеніе молоканъ на югъ, на Кавказъ, ближе къ Арарату, гдѣ, какъ казалось вѣрующимъ, всего вѣроятнѣе быть второму пришествію и страшному суду. Ждали втораго пришествія, но предъ вторымъ пришествіемъ должны были явиться Энохъ и Илья. За этимъ дѣло не стало—уже въ 1833 явился Илья, но изобразившій его крестьянинъ Терентій недостаточно былъ хитеръ въ изобрѣтеніи средствъ и попытка его вознестись на небо при помощи крыльевъ кончилась весьма неблагополучно для него, и неудач-

(1) Тамъ-же, 77.

ный Илья былъ подвергнутъ преслѣдованію своими же. Въ 1836—роковый годъ—явились ляже-христы Лукьянъ Петровъ, Евстигней Яковлевъ и Никифоръ Филиповъ. Лукьянъ Петровъ, имѣвшій при себѣ Илью и ангеловъ, все въ должномъ порядкѣ, собравъ съ довѣрчивыхъ поболѣе всякаго добра бѣжалъ съ нимъ въ Бессарабію. У Яковлева было 12 женщинъ—апостоловъ: и учитель, и апостолы были сосланы въ Сибирь.

Такой-то переполохъ произвело предсказаніе бывшаго ученаго профессора. Это предсказаніе не могло не проникнуть въ массы, потому что Штиллинга читали въ молоканскихъ кружкахъ и благодаря породненію разныхъ ученій молоканинъ Крыловъ развозилъ изданія библійскаго общества между своими собратами, а молоканину Радаеву были извѣстны произведенія m-me Гіонъ.

При имп. Николаѣ духъ раскола исчезаетъ изъ круга дворянства и аристократіи, или очень бережно таится тамъ. Масонскія ложи были закрыты. Секты, къ которымъ принадлежавшими оказались дворяне и военные чины, особенно строго преслѣдовались. Въ 1839 г. открыта была вновь хлыстовская аристократическая секта—опять той-же Татариновой. Въ народѣ, благодаря заимствованіямъ этой секты у масонства и мистиковъ, она слыла подъ названіемъ *фармазонской*. О фармазонахъ въ народѣ говорили, что они мѣняются женами, даютъ каждому вступившему въ ихъ общество по 100 рублей и снимаютъ портретъ съ каждаго изъ своихъ членовъ съ тѣмъ, что если кто выдастъ своихъ, то въ портретъ его старикъ, членъ общества, стрѣ-

лялъ и это должно было вести къ гибельному концу для измѣнившаго. Это были народные толки, но въ сущности секта Татариновой, открытая теперь, была та же, какъ прежде. Хлысты изъ простонародія не могли не видѣть въ ней отличія отъ своего ученія. Самые хлыстовскіе стихи (ихъ Надеждинъ приводитъ 50, Добротворскій имѣлъ подъ руками 85, а Барсовъ собралъ даже 145) въ Петербургѣ, въ аристократическомъ кружкѣ измѣнили свою форму, были написаны обыкновеннымъ литературнымъ слогомъ, а иногда просто составляли переложеніе гимновъ съ иностранныхъ языковъ на русскій. Но въ сущности и теперь секта Татариновой была хлыстовской сектой. Общество собиралось теперь за городомъ, на дачѣ. Богатые образа украшали молельни Татариновой и Попова на этой дачѣ. Жена ген.-лейт. Головина съ дочерью принадлежали къ обществу Татариновой. Открыто было что тайный совѣтникъ Поповъ, одинъ изъ главныхъ представителей общества, жестоко мучилъ голодомъ и холодомъ своихъ дочерей—въ особенности еще очень молодую дѣвушку, Любовь—за то, что онѣ не чувствовали въ себѣ охоты быть пророчицами, а Любовь навлекла сверхъ того на себя нерасположеніе г-жи Татариновой. Изувѣръ отецъ держалъ несчастную дѣвушку въ темномъ чуланѣ, куда ей давали скудную пищу, такъ что молодая и здоровая дѣвушка скоро совершенно зачахла. Правительственные агенты пришли къ заключенію, что члены общества дѣлятся на обираемыхъ-вѣрующихъ и обирающихъ-плутовъ. Что нѣкоторые чиновники пріютились къ обществу съ исключительно-финан-

совыми цѣлями—это не подлежало сомнѣнію. Сама Татаринова была оставлена въ сильномъ подозрѣніи, что она эксплуатировала богатыхъ членовъ своего общества. Между принадлежавшими къ хлыстовскому обществу и открытыми въ царствованіе имп. Николая были также генералъ-лейтенантъ Головинъ, кн. Енгалычевъ, богатый помѣщикъ Дубовицкій и другія лица съ положеніемъ въ обществѣ. Но нельзя не замѣтить, что тутъ уже самое хлыстовство измѣнило свой характеръ и приблизилось къ масонству и мистицизму.

Что же касается раскола—протеста, онъ въ это время существовалъ только въ простонародной средѣ—на которой всѣмъ бременемъ лежало крѣпостное право. Секты для забавы въ раскольничьемъ духѣ были и въ высшемъ слоѣ общества, но расколъ-протестъ почти исчезъ изъ него и остался удѣломъ лишь тѣхъ, кому было изъ за чего протестовать.

XIX

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦІЯ РАСКОЛА.

Учитель и послѣдователи—въ этомъ выражается главнымъ образомъ организація раскола. Учитель обыкновенно умный человѣкъ, иногда тонкій плутъ, нерѣдко человѣкъ высокой нравственности, почти всегда—сильный характеръ. Послѣдователи — масса всегда преданная своему учителю и, какъ свойственно людямъ стоящимъ на невысокой степени развитія, обыкновенно превращающая свое уваженіе почти въ обоготвореніе.

Въ безпоповщинѣ учитель только первый между равными, въ поповщинѣ онъ лицо, предъ которымъ преклоняются, въ хлыстовщинѣ—онъ существо обоготворяемое. Личность учителя почти постоянно стоитъ на первомъ планѣ и проповѣдуемое имъ только на второмъ. Въ пермской губеніи училъ въ прежнее время крестьянъ Шиховъ; такъ и пошла Шихова вѣра и послѣдователи ея зовутся «шиховлянами». Въ Сибири даже взрослые дѣти на вопросъ, какой они вѣры, отвѣчаютъ: «мы вѣры Михаила Захарыча, или Назара Аѳанасьевича». Аввакумъ чтется какъ святой одной изъ сектъ. Въ

Арзамасѣ была еще въ нынѣшнемъ столѣтіи «икона» Салтыковой, духовной дочери Аввакума, которой покланялись какъ прочимъ иконамъ (1); она отобрана была правительствомъ. Портретъ молоканина Щеглова чтится его послѣдователями какъ изображеніе угодника Божія. Послѣдователи раскольучителя Іоны грызутъ съ благовѣйнымъ чувствомъ въ его воспоминаніе корень ели, такъ какъ само дерево давно уже изгрызано. Въ пріуральи раскольники массами стекаются на поклоненіе къ скиту жившаго въ прошломъ столѣтіи расколоучителя Іова. Предъ Ковылинымъ творилось семь земныхъ поклоновъ. Что касается хлыстовъ и скопцевъ, то у нихъ, какъ мы видѣли, существуетъ самое полное обоготвореніе ихъ учителей. Скопцы называютъ своего главнаго наставника искупителемъ и бѣлымъ царемъ. Кондратій Селивановъ воспѣвался какъ «Господь Саваоѳъ и съ ручками и съ ножками» (2). Сходя съ поприща онъ передалъ свой божескій санъ Зайцеву и Громову. Къ могилѣ своего «предтечи» Шилова скопцы собираются массами, провертѣли даже, какъ говорятъ, отверстіе въ могилѣ и опускаютъ въ это отверстіе что желаютъ видѣть освященнымъ. Въ царствованіе Анны Ивановны нашли нужнымъ вынуть кости христа Суслова и развѣять ихъ въ прахъ, такъ какъ не было отбою отъ хлыстовъ у его могилы.

Основа вліянія расколоучителей на ихъ паству была сила характера. Она создавала ихъ святость.

---

(1) Прав. Собесѣдникъ, 1866, № 3, стр. 276.

(2) Варадиновъ, 253.

Святаго въ жизни большей части изъ нихъ было очень мало. Возьмемъ напр. протопопа Аввакума; языкъ его сочиненій жгучъ, силенъ, язвителенъ, но вовсе не говоритъ о христіанской кротости и смиреніи. «Видишь ли, никоніанинъ, что вы дѣлаете надъ одною просфорою—пишетъ Аввакумъ—кудесите, дыръ триста навертите. Ахъ, собаки! перемѣнили преданіе св. отецъ». Или въ другомъ мѣстѣ: «пишутъ Спасовъ образъ Эммануила: лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявыя, руки и мышцы толстыя, и весь яко пѣмчинъ, брюхатъ и толстъ учиненъ, лишь сабли на бедрѣ не написано» (1).

Тутъ видѣнъ сатирикъ, но не учитель церкви; сильный характеръ, но не человѣкъ съ религіозными чувствами. Мы видѣли, въ какой степени былъ религіозенъ другой главный представитель раскола и также сильный и мощный характеръ—Ковылинъ.

Учители и наставники, управляя своею паствою и чествуемые ею, не довольствовались иногда значеніемъ и авторитетомъ пріобрѣтеннымъ силою характера. Они не прочь были представиться предъ своими послѣдователями и въ ореолѣ чудеснаго. Аввакуму говорятъ что онъ сотворилъ чудо, исцѣлилъ кого-то. Аввакумъ ничего самъ объ этомъ чудесномъ исцѣленіи не знаетъ, но зачѣмъ разувѣрять вѣрующихъ? «Охъ, прославилъ Богъ!—говоритъ онъ:—что дѣлать, простите мя грѣшнаго!» (2). Эта фраза характеристична. Тутъ слышится и сми-

(1) Ивановскій, 58.
(2) Ивановскій, 58.

реніе ханжи, знающаго что прославлять его не за что, и иронія человѣка внутренно улыбающагося надъ довѣрчивостью толпы, и стыдъ, ощущаемый умнымъ человѣкомъ, что онъ является въ такой шарлатанской роли, и нежеланіе разувѣрять въ нелѣпомъ убѣжденіи, которое для него можетъ быть выгодно.

Даже Ковылинъ разсказывалъ о восхищеніи его въ рай, хотя какъ практическій философъ онъ вѣроятно хорошо понималъ, что все дѣло заключалось въ грезѣ, да и слушатели не могли подозрѣвать ничего другаго, за исключеніемъ развѣ только служки ѳедосѣевскаго киновіарха, такъ какъ этотъ служка-то кажется и надоумилъ Ковылина, что дѣйствительно не на яву ли онъ былъ восхищенъ въ рай.

Болѣе мелкіе представители раскола открытѣе играли въ святость и въ чудесное. Въ 1824 г. отставной штабсъ-капитанъ Савицкій, явясь въ подольскомъ Берштадтскомъ монастырѣ въ роли Христа, но не учить, а «спросить за грѣхи міра», выдавалъ себя вмѣстѣ и за антихриста. Отличіе кажется не завидное, особенно при той репутаціи, которую антихристъ пріобрѣлъ въ Россіи; но штабсъ-капитанъ не вполнѣ по русски «спрашивавшій за грѣхи міра», не принималъ и русскаго толкованія объ антихристѣ. Онъ объяснялъ что антихристъ— это «агнецъ-крестъ», агнецъ несущій крестъ за грѣхи міра. Савицкій предрекалъ, что онъ будетъ царемъ и мѣсто царицѣ предназначалъ священнической дочерѣ Домнѣ, которая о немъ отзывалась, что онъ человѣкъ «не свѣжій, а святой и антихристъ». Савицкій какъ кажется дѣйствительно былъ чело-

вѣкъ не свѣжій и достигалъ этой несвѣжести повидимому искусственными средствами. Отъ него пахло, по замѣчанію монаха того же Берштадтскаго монастыря, Пашуты, «лучшимъ духомъ чѣмъ отъ кіевскихъ мощей (1). Какимъ средствомъ достигалъ этого штабсъ-капитанъ Савицкій мы не знаемъ, но букетъ имѣлъ конечно свое дѣйствіе на толпу.

А сіяніе надъ головою московскаго старообрядческаго архіерея Антонія Шутова (2)? Сначала московскій мѣщанинъ, потомъ казначей Өедосѣевской общины, смѣявшійся надъ бѣлокриницкою іерархіею, потомъ самъ іерархъ бѣлокриницкой церкви, Антоній былъ человѣкъ ловкій и имѣлъ несомнѣнно вліяніе на окружавшихъ, но по свидѣтельству рогожскихъ прихожанъ надъ головою его во время служенія было сіяніе, и это конечно приводилось вѣрующими въ доказательство достоинствъ старообрядческаго іерарха. Интересно было бы узнать, если только это сіяніе не пуфъ—какимъ средствомъ производилось оно?

Составляя общину, въ которой наставники пользовались громаднымъ авторитетомъ, послѣдователи раскола естественно должны были имѣть систематическую организацію общины и точно опредѣленныя правила взаимныхъ отношеній. Если дѣвушки раскольничьихъ общинъ пѣли въ свѣтскихъ романсахъ «фортлелиный» вмѣсто «фортепіана» (въ строфѣ «звукъ унылый фортепіана») и «я люблю хотя и рано», чтобы только не сказать о «любви къ ти-

---

(1) Варадиновъ, 220.

(2) Православное Обозрѣніе, 1868, № 5, стр. 33.

рану», такъ какъ форте-«піано» кололо слухъ трезваго раскольника, а любви къ тирану онъ вовсе не понималъ; если послѣдователь раскола не ѣлъ изъ дичи ничего кромѣ мяса лоси («дикой коровы» у раскольниковъ), хотя это было для него иногда убыточно; если, повторяемъ, въ мелочахъ быта послѣдователи раскола такъ были строги въ исполненіи разъ предписанныхъ правилъ, то конечно у нихъ должны были существовать строго опредѣленныя общественныя отношенія. /Московская ѳедосѣевская община стояла во главѣ прочихъ ѳедосѣевскихъ обществъ въ Россіи. Въ 1820 г. 920,000 человѣкъ, разсѣянныхъ по всему лицу Россіи, были въ вѣдѣніи Преображенскаго кладбища (1). Москва снабжаетъ всѣ ѳедосѣевскіе кружки въ Россіи книгами и учителями. Казакъ Степанъ Ивановъ везетъ на Донъ въ 1824 г. изъ Москвы цѣлый возъ книгъ. Изъ Москвы ѣдутъ всюду ѳедосѣевскіе наставники и учители. Владимірская ѳедосѣевская община замедлила было послать депутацію къ Ковылину, но послѣ послала. Тюменская ѳедосѣевская община получаетъ предписанія отъ Преображенскаго кладбища и исполняетъ ихъ. Расколъ всегда имѣлъ свои правильные съѣзды, свою почту и полицію.

Съѣзды, преимущественно русскихъ послѣдователей раскола съ заграничными, бывали обыкновенно на харьковскихъ ярмаркахъ, въ Новоселицахъ и Скулянахъ, близъ австрійской границы. Почтовыя сообщенія производились правильно и существовали какъ въ безпоповщинѣ, такъ и въ по-

(1) Сборникъ Кельсіева, I, 49.

повщинѣ. Въ Кіевѣ было почтовое агенство; черниговскіе лѣса также были почтовымъ этапомъ. Раскольничья полиція разыскивала, что нужно, усердно. Правительственный чиновникъ Арнольди удивлялся организаціи раскольничьей полиціи въ с. Урени, Костромской губерніи, гдѣ раскольники, благодаря своимъ агентамъ, быстро узнавали о всѣхъ мѣрахъ, которыя правительство предпринимало противъ нихъ (1).

Въ сношеніяхъ съ міромъ окружающимъ—преимущественно съ полиціею и православнымъ приходскимъ духовенствомъ—главное средство, на которое постоянно опирался расколъ, были деньги, а иногда и застращиванье. Деньги дѣлали то, что съ представителями раскола трудно было бороться. Приводятъ замѣчаніе митрополита московскаго Филарета, что «всего труднѣе бороться съ откупщиками и расколоучителями» (2). Тѣ и другіе опирались на значительные фонды. Подкупъ вошелъ въ систему. Не было административныхъ тайнъ, о которыхъ не надѣялись бы провѣдать представители раскола посредствомъ денегъ. Объ одномъ государственномъ чиновникѣ приводятъ, что не желая чтобы проникли въ тайну дѣла тѣ, кому не слѣдовало, онъ избравъ себѣ помощниковъ, но не довѣряя имъ, каждый разъ по окончаніи занятій самъ бережно зашивалъ дѣла въ подушку и даже ходилъ въ баню съ бумагами подъ мышкой и въ сопровожденіи своихъ помощниковъ. Это приво-

(1) Арнольди въ Сбор. Кельсіева, II, 19.
(2) Сборникъ Кельсіева, II, 205.

дится какъ дѣйствительный фактъ (1), и онъ очень возможенъ. Извѣстно, что когда былъ открытъ комитетъ по раскольничьимъ дѣламъ въ царствованіе имп. Николая, то тайну его засѣданій хранили такъ строго, что цѣлый годъ никто даже не зналъ гдѣ комитетъ засѣдаетъ.

Всего акуратнѣе и систематичнѣе подкупъ ведется въ Москвѣ въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго. Ковылинъ съ Миловановымъ подносятъ пирогъ оберъ-полицеймейстеру Воейкову. Пирогъ очень увѣсистъ потому, что начинку его составляли 1,000 имперіаловъ. Воейковъ отломилъ кусочекъ пирога и найдя его вкуснымъ поблагодарилъ поднесшихъ, а дѣла ѳедосѣевской общины пошли благополучнѣе. Послѣ того случай былъ превращенъ въ правило и ѳедосѣевская московская община уже акуратно платила оберъ-полицеймейстеру по 1,000 рублей въ мѣсяцъ, т. е. такую же сумму, какую жертвовала въ кассу общины самая щедрая вкладчица ея—Варвара Ефимовна Грачева (2). И долго эта система уплаты тайной арендной суммы была въ ходу; отъ кого ни приходилось зависѣть—всѣхъ задаривали.

Въ провинціи то же было что и въ Москвѣ. «Расколъ кладъ для полиціи» говорили въ народѣ. Стриженіе золотаго руна было повсемѣстное. И приходскіе священники не были забываемы, если были слѣпы и глухи тамъ, гдѣ нужно. «Наша горница ими только и кормится» говорили священники въ Костром-

---

(1) Тамъ же, 204.

(2) Сбор. Кельсіева, I, 39, 56.

ской губерніи про раскольниковъ (1). Въ Ярославской, тамъ гдѣ не имѣли успѣха задариванія, пускали въ ходъ застращиваніе, и приходскіе священники должны были подъ угрозами показывать раскольниковъ въ числѣ православныхъ (2). Иногда и благопріятствовавшая полиція ходатайствовала у приходскаго духовенства за раскольниковъ. Съ другой стороны если полиція была недовольна раскольникомъ, то можно было явиться къ нему въ домъ, все обшарить, найти улики въ принадлежности къ расколу, отобрать книги и иконы и донести по начальству объ открытіи тайнаго отщепенца. Недурнымъ финансовымъ ресурсомъ было въ рукахъ исправниковъ и анатомированіе. Анатомированія раскольники боялись больше всего на свѣтѣ. Одною изъ каръ за расколъ было именно то, что послѣдователей его послѣ смерти положено было подвергать вскрытію. Чтобы избавиться отъ этого процесса — представлявшагося имъ ужаснымъ поруганіемъ ихъ смертныхъ останковъ — послѣдователи раскола рѣшались даже явиться «бытчиками», т. е. бывать на причастіи въ православной церкви. Причащались иногда раскольники и предъ смертью, чтобы только избѣгнуть анатомированія, хотя даже причащавшій священникъ могъ видѣть какъ принятое причастіе тутъ же тайкомъ сплевывалось въ бѣлье (3).

Внутренняя организація безпоповщины довольно

---

(1) Арнольди, въ Сбор. Кельсіева, II, 20.
(2) Синицынъ, въ Сбор. Кельсіева, II, 11.
(3) Тамъ же, 12.

рѣзко отличалась отъ того, что мы видимъ въ поповщинѣ. Въ безпоповщинѣ была организація больше демократическая, а въ поповщинѣ—аристократическая. Сѣверъ и западъ Россіи, незнавшіе прямаго татарскаго владычества и населенные болѣе безпоповцами, менѣе чтутъ авторитетъ. Въ средней и южной Россіи авторитетъ наставниковъ и духовныхъ властей напротивъ очень силенъ. Тамъ если надъ послѣдователями раскола нѣтъ авторитета, то они сами создаютъ его и послѣ преклоняются передъ нимъ съ полнымъ уваженіемъ и даже съ самоуничиженіемъ. На то и на другое были, какъ мы видѣли, свои историческія причины.

XX

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ МѢРЫ ВЪ ОТНОШЕНІИ РАСКОЛА

ДО УТВЕРЖДЕНІЯ ЕДИНОВѢРІЯ.

Несчастная судьба постигала почти всѣхъ представителей раціоналистическихъ ученій предшествовавшихъ расколу. Дьяконъ Карпъ, основатель ученія стригольниковъ, погибъ съ своими приверженцами въ схваткѣ съ народною толпою: его утопили въ Волховѣ.—Иванъ III въ 1491 г. казнилъ въ Новгородѣ распространителя ученія жидовствовавшихъ, ученаго еврея Схарію. Три первыхъ русскихъ лютеранина—Ѳедосій, Артемій и Ѳома должны были бѣжать при Иванѣ Грозномъ изъ Россіи въ Витебскъ и затѣмъ далѣе въ Литву; Грозный, овладѣвъ Полоцкомъ въ 1563 г., нашелъ тамъ Ѳому и утопилъ его.

При Алексѣѣ Михайловичѣ одно время смотрятъ на зародившійся расколъ нѣсколько снисходительно. Думаютъ, что это неболѣе какъ обрядовый споръ вызванный тѣмъ, что при Никонѣ стали читать «не будетъ конца» въ «Символѣ вѣры»—вмѣсто «нѣсть конца» и «Трисвятую пѣснь припѣвающе» въ херувимской пѣсни—вмѣсто «Трисвятую пѣснь

приносяще», какъ было до тѣхъ поръ, и т. под. Скоро должны были въ этомъ разувѣриться; протестъ шелъ изъ чисто-свѣтскаго источника. Правда, онъ всего сильнѣе выражался въ борьбѣ съ требованіями церкви, но дѣло въ томъ, что народъ впадая въ расколъ начинаетъ и на самую господствующую церковь смотрѣть какъ на свѣтское, мірское учрежденіе.

«Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ,
Съ попами, дьяками хлѣбъ-соли не водитъ,

говорится въ одной раскольничьей пѣсни (1),—и это понятіе, что господствующая церковь, во главѣ которой Петръ I—подъ вліяніемъ, какъ говорятъ, совѣта голландскаго короля (2)—поставилъ высшую государственную власть, есть учрежденіе мірское, вошло съ теченіемъ времени въ плоть и кровь народной массы. Правительственный изслѣдователь раскола въ прошлое царствованіе—Синицынъ—сообщалъ что на вопросъ у подозрѣваемыхъ раскольниковъ: какой они вѣры?—получался отвѣтъ: «мы не христіане: мы люди суетные, мірскіе» (3). Бѣдные люди хотѣли сказать этимъ, что они не раскольники, а принадлежатъ къ господствующей церкви, вовсе не подозрѣвая какая иронія заключалась въ ихъ словахъ,—иронія тѣмъ болѣе подавляющая, что она была непреднамѣренна въ искреннемъ выраженіи убѣжденій запуганнаго русскаго человѣка.

---

(1) Добротворскій, Русскій расколъ..., 381.
(2) Барсовъ. Братья Андрей и Семенъ Денисовы, 21.
(3) Сборникъ Кельсіева, II, 13.

Какъ скоро истинный характеръ раскола обнаружился, какъ скоро увидали, что не обрядовыя разнорѣчія кроются въ основѣ его, что это—свѣтскій протестъ подневольнаго, закрѣпощеннаго земства—тогда государственный строй зиждившійся на льготахъ служилаго сословія и полномъ подавленіи земства, на крѣпостномъ правѣ — легъ всѣмъ своимъ гнетомъ на расколъ. Начались жестокія гоненія даже при такомъ кроткомъ государѣ какъ Алексѣй Михайловичъ. И Ѳедоръ Алексѣевичъ не отличался жестокостью характера, и онъ былъ самъ по себѣ довольно гуманная личность,—а между тѣмъ и при немъ страшныя казни постигаютъ раскольниковъ.

Не Алексѣй Михайловичъ и не Ѳедоръ Алексѣевичъ изобрѣтали эти пытки и казни. Расколъ давило крѣпостное право. Напрасно казацкіе мятежи и стрѣлецкіе бунты являлись на защиту порабощеннаго земства,—тѣмъ прочнѣе лишь утверждалась основа всего государственнаго строя — крѣпостное право и тѣмъ тяжеле было выраженію народной опозиціи, расколу.

Является на престолъ Петръ I. Если при кроткихъ личностяхъ на престолѣ расколу было плохо, то невольно являлась мысль: что теперь будетъ, когда во главѣ власти явился желѣзный человѣкъ съ непреклонною волею, съ нервами, которыя безъ содроганія могли выносить зрѣлище самыхъ жестокихъ мукъ? Петръ былъ умный человѣкъ — тѣмъ хуже для раскола. Прежде казнили и мучили, но эти казни и мученія были чѣмъ-то безсвязнымъ и хаотическимъ, являлись какими то необдуманными

порывами отъ времени до времени. Петръ I повелъ дѣло обдуманно, систематически. Расколъ возсталъ на Петра со всею яростью и негодованіемъ. Прежде воплощеніемъ антихриста на землѣ былъ для раскольниковъ Никонъ; теперь антихристомъ является Петръ I. Въ раскольничьей пѣсни говорится:

Народился злой антихристъ,
Во всю землю онъ вселился,
На весь міръ вооружился;
Стали его волю творити,
Усы, бороды стали брити,
Латинскую одежду носити,
Трепроклятую траву пити (1).

Подъ «трепроклятою травою» разумѣлся конечно табакъ.

Явилась даже цѣлая генеалогія Петра, какъ антихриста. Настоящій Петръ—сынъ Алексѣя Михайловича исчезъ, какъ увѣряли раскольники, за границей во время извѣстной поѣздки московскаго посольства, а вмѣсто Петра въ Россію явился жидовинъ отъ колѣна Данова. Раскольничья легенда прибавляетъ что настоящій Петръ былъ заключенъ въ тюрьму какою-то шведскою королевой и т. д. Подложный Петръ, явившійся въ Россію, былъ антихристъ.

Мощный атлетъ, брюнетъ, желудокъ котораго не могъ выносить рыбы, но за то требовалъ постоянно большаго количества мяса,—Петръ вовсе не походилъ на своего родителя флегматическаго и вялаго, полнаго блондина съ кроткимъ характеромъ

(1) Добротворскій, Русскій расколъ 389.

и наклонностью къ молитвѣ и постничеству, какимъ былъ Алексѣй Михайловичъ. Если это обстоятельство, или что либо другое, подало впослѣдствіи поводъ къ заявленію въ одномъ заграничномъ сочиненіи русскаго человѣка, что Петръ не былъ сынъ царя Алексѣя Михайловича, то тѣмъ скорѣе могъ схватиться за молву о подложномъ Петрѣ расколъ, которому непремѣнно нужно было сдѣлать изъ Петра антихриста.

Сказанія объ антихристѣ пріобрѣли такую популярность въ русской народной средѣ, что можно даже указать на цѣлую литературу о немъ. Поэтому нельзя не остановиться подробнѣе на томъ, чѣмъ и какъ представлялся въ разныя времена антихристъ русскому человѣку. Всѣ нововведенія Петра I—дѣло антихристово. Талицкій указывалъ на Петра какъ на антихриста въ сочиненіяхъ распространявшихся въ народной средѣ. Талицкій былъ человѣкъ съ вліяніемъ на окружавшихъ и послѣ царевичъ Алексѣй Петровичъ вспоминалъ о немъ какъ объ очень умномъ человѣкѣ (1). Распространіе въ народной толпѣ толковъ объ антихристѣ вызываетъ противодѣйствіе въ правительственныхъ сферахъ. Является сочиненіе Стефана Яворскаго «Знаменіе о пришествіи антихриста» и затѣмъ сочиненіе новгородскаго митрополита Іова также объ антихристѣ по поводу одного подметнаго письма. Со стороны властей было большою ошибкою писать опроверженія толковъ о царствующемъ антихристѣ, если

(1) Христ. Чтеніе, 1863, III, 80.

въ виду имѣлось доказать нелѣпость этихъ толковъ. То что явно нелѣпо—не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія, подобно тому какъ аксіома не требуетъ доказательствъ. Доказывать съ усердіемъ и долгое время что бѣлое—бѣло не станетъ ни одинъ человѣкъ въ своемъ умѣ. Правительство должно было игнорировать толки объ антихристѣ, если не хотѣло видѣть успленія этихъ толковъ. Но мы еще и впослѣдствіи встрѣтимся, какъ встрѣчаемся тутъ, съ проявленіемъ того знаменательнаго факта, что хотя власть и служилое сословіе опирались на науку и западноевропейскій прогрессъ, а закрѣпощенное земство, выставившее своимъ знаменемъ расколъ, было заключено въ области однихъ старинныхъ обрядовыхъ книгъ, слѣдовательно было обречено на застой и невѣжество; тѣмъ не менѣе тактъ и дипломатическое чутье народной массы иногда берутъ верхъ надъ ученымъ официальнымъ міромъ. Сочиненія церковныхъ іерарховъ объ антихристѣ, придавъ значеніе толкамъ, только усилили ихъ распространіе. Расколъ торжествовалъ.

Ученіе объ антихристѣ такимъ образомъ пустило корень. Заимствованія у запада дѣлаются печатью антихриста. Признаки пришествія антихриста видѣли въ особенности въ нѣкоторыхъ предметахъ, каковы: карты, портреты, вензеля, паспорты, двуглавый орелъ, присяга (1). Табакъ является антихристовымъ зеліемъ. По раскольничей легендѣ онъ выросъ въ 17 ст. въ Литвѣ изъ трупа блуд-

(1) Христ. Чтеніе, 1864, I, 262—263.

ницы. Раскольничья поговорка учитъ, что «кто куритъ, тотъ изъ себя Бога туритъ», а «кто нюхаетъ табаки, тотъ хуже собаки». Папироса—антихристова свѣча. Сахаръ также не избѣгъ нѣкоторой солидарности съ антихристомъ, такъ какъ онъ «отъ песка и костей мертвящихъ».

Петръ I учредилъ сенатъ. Этого довольно, чтобы сенатъ былъ названъ послѣдователями раскола «дьявольскимъ комитетомъ», а слово «сенаторы» представляло даже звѣриное число—666 (1), хотя въ сущности чтобы попасть на звѣриное число нужно сдѣлать натяжку — написать «сенатрі» — тогда славянскими буквами, представляющими вмѣстѣ и цифры,—счетъ цифръ дастъ звѣриное число. Впослѣдствіи это же звѣриное число находили въ императорскомъ титулѣ и. въ словахъ «Гольстейнъ» и «Николай I» (2).

Въ XIX вѣкѣ понятіе объ антихристѣ является уже крайне смѣшаннымъ и запутаннымъ. Является напримѣръ объясненіе, что антихристъ: «по еллински—аввадонъ, по еврейски—Напаліенъ, по гречески Бонапартъ, а по славянски антихристъ (3). Итакъ Наполеонъ, обоготворяемый одними въ русскомъ расколѣ и даже вызвавшій поклоненіе въ молоканской и духоборческой средѣ, въ пріуральѣ является въ народныхъ толкахъ какъ антихристъ. Очевидно, догматика раскола запутывается на этомъ пунк-

---

(1) Тамъ же, 1863, I, 92.

(2) Мельниковъ, въ Сбор. Кельсіева, I, 179.

(3) Палладій, 5.

тѣ и наконецъ запутанность достигаетъ своего апогея, когда штабсъ-капитанъ Савицкій объявляетъ себя одновременно и царемъ вѣрующихъ, и антихристомъ. Впослѣдствіи изображенія антихриста, находимыя у раскольниковъ, представляли его также въ каскѣ.

Толки объ антихристѣ усиливаются съ Петра I какъ благодаря неудачнымъ опроверженіямъ ихъ изъ правительственныхъ сферъ, такъ въ особенности вслѣдствіе сильнаго недовольства въ народной средѣ многими изъ мѣръ принятыхъ Петромъ и иными изъ его преобразованій.

Является рекрутчина. Расколъ тотчасъ же заручился словами изъ притчи Соломона: «на немъ же аще мѣстѣ воя соберутъ, не иди тамо, уклонися же отъ нихъ и измѣни». Начались уклоненія отъ рекрутчины. Рекрутчина—явилась злѣйшимъ врагомъ раскола.

Учреждены паспорты. Это установленіе правительственнаго контроля надъ движеніемъ населенія прямо возстановляетъ противъ себя расколъ. Паспортовъ избѣгаютъ, стараются не имѣть ихъ. Отъ нихъ бѣгутъ туда гдѣ удобно укрыться отъ правительственнаго контроля. Является поговорка: «коли хочешь въ Камыши, такъ паспорта не пиши; а захочешь въ Разгуляй и билетъ не выправляй». Камыши — это Камышъ-самарскія озера, а Разгуляй—народное названіе Астрахани; это—мѣста, гдѣ среди степной казачины постоянно укрывались бѣглецы изъ внутренней Россіи.

Судъ каралъ расколъ. Принадлежность суда—зерцало съ его двуглавымъ орломъ—вызываетъ про-

тивъ себя ненависть раскола. Едва увидали зерцало два раскольника приведенные въ судъ въ Екатеринбургѣ, въ царствованіе Николая Павловича, какъ со словами: «антихристъ, антихристъ!» они бросились на зерцало и въ одну минуту оно уже было подъ ихъ ногами (1).

Метрики предписываются властью и ведутся православнымъ духовенствомъ. Этого довольно, чтобы расколъ возсталъ на нихъ. Луковцы отвергли метрики. Въ Сибири иные переходили въ расколъ собственно изъ враждебнаго чувства къ метрикамъ.

Петръ I наложилъ на народъ подушную подать. Расколъ объявилъ, что злое дѣло брать дань съ души человѣческой (2).

Даже то, что Петръ назвался Петромъ I—вызвало противъ себя негодованіе раскольниковъ, нашедшихъ, что Петръ превозносился надъ самимъ Богомъ, называя себя первымъ, хотя уже вовсе не вина Петра, что ему случилось быть первымъ Петромъ на русскомъ престолѣ.

Петръ принялъ титулъ императора; расколъ рѣшилъ что «императоръ» значитъ «перунъ, титанъ, или діаволъ (3). Словомъ, расколъ ничего не прощалъ Петру, нападалъ даже на то что, казалось, вовсе не вызывало нападокъ. Тѣмъ естественнѣе была вражда раскола къ Петру тамъ, гдѣ послѣдній дѣйствительно дѣлалъ ошибки. Такъ преслѣдованіе

---

(1) Палладій, 126.
(2) Добротворскій. Русскій расколъ, 387.
(3) Сборникъ Кельсіева, I, 220.

платья и бороды было крайностью, нападая на которую расколъ чувствовалъ что ему есть на что опереться. Лишь за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ патріархъ Адріанъ сильно нападалъ на брадобрѣицъ, какъ на еретиковъ, приводилъ что брили бороды только Юліанъ — отступникъ, Праклій и Константинъ Копронимъ (1). Расколу теперь оставалось только цитировать слова патріарха господствующей церкви.

Словомъ, Петръ и расколъ были въ исконной, постоянной, непримиримой враждѣ. Какъ человѣкъ умный—Петръ видѣлъ пользу отъ этихъ «фанатиковъ и изувѣровъ», какими представляли раскольниковъ духовныя власти, потому что эти «фанатики и изувѣры» были часто люди дѣятельные, промышленные, смышленые. Петръ не прочь былъ бы иногда пойти съ ними на мировую. Онъ даетъ имъ нѣкоторыя льготы. Но эти льготы не примиряютъ ихъ съ нимъ. Дѣло царевича Алексѣя снова возбуждаетъ Петра противъ раскола. Путь увѣщаній одно время кажется Петру самымъ надежнымъ потому, что взаимные препирательства не повели ни къ чему, такъ какъ раскольники въ отвѣтъ на обозваніе двоеперстія «армянскимъ кукишемъ» и «чертовымъ преданіемъ» — называли Дмитрія Ростовскаго «сущимъ табашникомъ», а Иннокентія Иркутскаго «сущимъ бритоусомъ» (2), и на этомъ дѣло остановилось. Путь увѣщаній однако также оказал-

---

(1) Христ. Чтеніе, 1862 III, 74.

(2) Мельниковъ. Письмо о расколѣ, 88.

ся тернистымъ. Питиримъ, котораго Петръ называлъ равноапостальнымъ въ доказательство расположенія своего къ нему, повелъ увѣщаніе вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало въ видахъ соглашенія. По резолюціи Петра I обнародовается соборное дѣяніе противъ еретика Мартина. Питиримъ печатаетъ его въ своей «Пращицѣ» въ опроверженіе раскольничьихъ ученій. Но раскольники открываютъ что это «дѣяніе»—подложное. Дьяконъ Александръ пишетъ въ доказательство этого разсужденіе и когда разсужденіе Александра, обличающее много тонкаго ума и критическаго такта, было показано Петру, сочли болѣе удобнымъ не писать опроверженія, а самое дѣяніе положено было подъ спудъ, помѣщено въ синодальной библіотекѣ и его не показали даже Карамзину, сто лѣтъ спустя. Карамзинъ признаетъ его подложнымъ. Такимъ же признаетъ его за діакономъ Александромъ и Карамзинымъ—и Мельниковъ (1). Очевидно не этими средствами нужно было дѣйствовать на расколъ. Это была другая важная ошибка администраціи, которая даже не подвергла, предъ принятіемъ мѣръ, вѣрной оцѣнкѣ умственныхъ силъ народной массы, съ которой входила въ состязаніе.

Послѣ Петра I уже не прибѣгаютъ ни къ увѣщаніямъ, ни къ преніямъ. При Аннѣ расколъ по прежнему просто гонятъ и преслѣдуютъ. Оно вѣрнѣе, да и не требуетъ ни ума, ни ловкости. Съ царствованія Петра до Екатерины II $^7/_8$ однихъ

(1) Мельниковъ въ Сбор. Кельсіева, I, 179—180.

нижегородскихъ раскольниковъ бѣжало за границу (1). Добродушный Петръ III, уже въ силу своихъ германо-протестантскихъ тенденцій, принимаетъ расколъ подъ свое покровительство. Онъ видитъ запустѣніе страны отъ бѣгства дѣятельныхъ и промышленныхъ личностей за границу. Онъ вызываетъ бѣжавшихъ вернуться и предлагаетъ имъ Барабинскую степь для поселенія. Екатерина II предлагаетъ имъ Иргизъ. Началось примиреніе между властью и расколомъ. Является единовѣріе. При Павлѣ I хотятъ смотрѣть на единовѣріе не какъ на взаимную уступку, а какъ на средство привести непокорныхъ въ послушаніе. Непокорные останавливаются въ своемъ стремленіи къ единовѣрію, начинаютъ подозрѣвать умыселъ, начинаютъ называть единовѣріе «ловушкою». Но уже и то много что снята клятва господствующей церкви съ двоеперстія. Бездна, отдѣлявшая двѣ половины русской семьи, начинаетъ засыпаться.

---

(1) Тамъ же, 181.

XXI

ПРАВИТЕЛЬСТВО И РАСКОЛЪ

ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I И НИКОЛАѢ I.

Съ Александромъ I начинается эпоха терпимости въ исторіи раскола. Исполняютъ просьбу духоборцевъ о переселеніи. Въ 1805 г. борисоглѣбскій мѣщанинъ Петръ Журавцевъ и воронежскіе крестьяне Максимъ Іосевъ и Матвѣй Мотылевъ объясняютъ въ правительствующемъ сенатѣ правила молоканскаго ученія (1), и молоканство запрещено было подвергать преслѣдованію. Въ 1816 г. является указъ о духоборцахъ, утвердившій законы вѣротерпимости; вспомнимъ что около этого же времени квакеръ Грельс, послѣ колѣнопреклоненнаго моленія, съ имп. Александромъ ѣдетъ въ новороссійскія степи изучать сходную съ квакерствомъ духоборческую секту. Впрочемъ мы видѣли впереди, что и въ царствованіе Александра I замѣтно колебаніе власти въ отношеніи къ расколу, какъ замѣтно оно въ прочихъ сферахъ государственной дѣятельности. Но въ итогѣ все-таки преобладаетъ вѣротерпимость.

---

(1) Столповъ, 302.

Вступаетъ на престолъ имп. Николай. Все такъ соединилось, чтобы возстановить этого государя на расколъ съ первыхъ дней его царствованія. Вспомнимъ открытую на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, въ концѣ царствованія имп. Александра, картину Гнусина и Таровитаго представлявшую имп. Александра въ видѣ «змія», возсѣдавшаго въ порфирѣ на престолѣ. Въ 1825 г. молокане отказывались платить подати и давать рекрутъ. Въ 1826 г. открыты были поддѣлыватели фальшивой монеты въ средѣ молоканъ, и пойманные говорили что у нихъ такіе же пять пальцевъ какъ и у императора, и что если онъ дѣлаетъ деньги изъ металла, то могутъ дѣлать и они (1). Въ 1826 г. былъ произведенъ Милованомъ бунтъ въ подмосковномъ с. Никольскомъ (2). Арестованный, Милованъ далъ знать другому ѳедосѣевцу—Гусареву, что его поведутъ къ Ильинскимъ воротамъ и чтобы Гусаревъ былъ тамъ въ назначенное время. Какъ только Милованъ крикнетъ къ православнымъ что его мучатъ—Гусаревъ долженъ былъ броситься и освободить его изъ подъ стражи. Гусаревъ былъ въ назначенномъ мѣстѣ, и Милованъ крикнулъ какъ было условлено, но Гусаревъ не кинулся освобождать его.

Всѣ эти волненія въ раскольничьей средѣ, при характерѣ начинавшагося царствованія, должны были повести къ мѣрамъ противъ раскола. Не упустимъ здѣсь изъ вида и того обстоятельства, что во вредъ

---

(1) Тамъ же, 309.

(2) Сборникъ Кельсіева, I, 59.

послѣдователямъ раскола должно было обратиться то, что прежде приносило явную пользу. Мы говоримъ о неточномъ счисленіи раскольниковъ, о показываніи несравненно меньшаго числа ихъ противъ дѣйствительности. Прежде это отводило глаза, теперь вызвало мѣры противъ послѣдователей раскола. Какъ вообще производилось счисленіе раскольниковъ можетъ показать нѣсколько примѣровъ. Въ Олонецкой губерніи по церковнымъ книгамъ считалось 3,000 раскольниковъ съ небольшимъ, а когда навели справки, то нашли что ихъ тамъ болѣе 18,000. Въ Нижегородской считалось 36 т. раскольниковъ, потомъ стали считать 126 т., а Мельниковъ показывалъ до 170 т. Въ с. Коробовѣ, Костромской губ., гдѣ живутъ потомки Сусанина, изъ населенія въ 1320 душъ—говоритъ г. Арнольди—можно было подозрѣвать въ расколѣ только 10 человѣкъ, а между тѣмъ въ праздникъ Покрова у обѣдни въ церкви было едва 3 человѣка. Хотя это и своеобразный способъ исчисленія раскольниковъ,—по числу приходящихъ въ церковь къ обѣдни,—но вообще говоря ничего нѣтъ невѣроятнаго, что с. Коробово было сплошь населено раскольниками. По офиціальнымъ даннымъ во все царствованіе имп. Николая общая цифра раскольниковъ въ Россіи только разъ—въ 1837 г.—дошла до 1 мильона, а то все показывалась меньше. Впослѣдствіи когда петербургскій статистическій комитетъ взялся за счетъ послѣдователей раскола, онъ нашелъ что офиціальныя цифры надобно удесятерить.

Но это было послѣ, а при Николаѣ Павловичѣ въ высшихъ сферахъ дѣйствительно вѣрили что чи-

сло раскольниковъ очень незначительно. И вотъ что прежде спасало раскольниковъ, то теперь обратилось имъ во вредъ. Если бы знали настоящее число раскольниковъ—надъ ними бы задумались. Но ничтожная фракція обращала на себя вниманіе только смѣлостью, съ какою она заявляла свой протестъ когда вся остальная Россія молчала. Явились рѣшительныя мѣры. Начинается приведеніе въ единовѣріе административными средствами. 150,000 приуральскихъ раскольниковъ просятъ чтобы имъ дали независимыхъ отъ господствующей церкви священниковъ (1); отъ нихъ требуютъ чтобы они приступили къ единовѣрію. Ни одна часовня не должна быть вновь построена раскольниками; ни одинъ попъ не можетъ болѣе перейти къ нимъ изъ господствующей церкви. Постепенно снимаютъ кресты и колокола съ существующихъ раскольничьихъ часовень. Секты раскола дѣлятся на весьма вредныя, вредныя и могущія быть терпимыми. Первыя строго преслѣдуются. Послѣдователи раскола официально дѣлятся на орудователей, простаковъ и изувѣровъ, и съ каждымъ разрядомъ управляются сообразно. Въ сороковыхъ годахъ начинается изслѣдованіе скопчества какъ секты. Въ это время взятъ былъ скопецъ, у котораго нашли паспортъ отъ самого Бога, заявлявшій что рабства не должно быть на землѣ. И такъ доказано было что скопцы, молящіеся за сосланныхъ и сидящихъ въ тюрьмѣ, какъ секта—преслѣдуютъ также соціальныя цѣли, какъ и

(1) Палладій, 11.

согласія раскола, причисленныя къ разряду весьма вредныхъ.

Вслѣдъ затѣмъ доходитъ вѣсть, что въ Бѣлой Криницѣ явился раскольничій митрополитъ. Эта вѣсть встревожила правительство, которое видѣло во всемъ этомъ дѣлѣ руку враговъ Россіи. Хотя инокъ Павелъ и былъ смышленый говорунъ и писатель, а Алимпій могъ лепетать даже немного по нѣмецки, но ясно что не имъ было найти раскольничьяго митрополита и обдѣлать всѣ дѣла съ австрійскимъ правительствомъ и константинопольскимъ патріархомъ касательно этого. Дѣйствительно еврей Костюшко является посредникомъ въ дѣлѣ, изъ-за кучки червонцевъ. Онъ находитъ Амвросія, лишеннаго званія по наговору турецкаго паши, предмѣстникъ котораго былъ удаленъ по жалобамъ Амвросія—и уговариваетъ его сдѣлаться раскольничьимъ митрополитомъ. Но и не Костюшко играетъ тутъ существенную роль. За Костюшкой стоятъ поляки Жуковскій и Чайковскій и служатъ чѣмъ могутъ заграничному русскому расколу.

Русская администрація командируетъ людей для изученія раскола за границей. Оказывается, что раскольники живутъ въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ въ Пруссіи, Австріи и Турціи. Въ Пруссіи поселились преимущественно безпоповцы, носящіе общее названіе *филипповъ*. Центръ поселенія ихъ былъ Зеленая Пуща—мѣстность вблизи русской границы. Движеніе безпоповцевъ, число которыхъ въ то время въ западныхъ губерніяхъ было втрое или вчетверо больше числа поповцевъ, въ Пруссію особенно усилилось около 40-хъ годовъ,

но уже въ 1842 г. прусское правительство запретило дальнѣйшее переселеніе ихъ въ прусскіе предѣлы. Весьма вѣроятно, что эта мѣра была принята подъ вліяніемъ дружескаго совѣта изъ Россіи. Въ Австріи въ то же время усиливалось раскольничье населеніе въ Буковинѣ, близъ русской границы. Общее названіе для австрійскихъ — почти исключительно поповцевъ—было *липоване*. «Филиппоны» и «липоване» — это болѣе географическіе термины; это не названіе согласій, а прозвища прусскихъ и австрійскихъ раскольниковъ, подобно тому какъ стародубскимъ старообрядцамъ, которыхъ переписывалъ при Петрѣ I полковникъ Іорганскій, придано было прозваніе *іорженцевъ*, какъ всѣхъ пермскихъ безпоповцевъ сливаютъ въ одну секту *старниковщину* и всѣ раскольники въ пріуральѣ называются *кержаками*. Австрійскіе липоване явились на своемъ мѣстожительствѣ въ Буковинѣ въ прошломъ столѣтіи и съ тѣхъ поръ сохранили вполнѣ свой великорусскій типъ. Среди смѣшаннаго населенія малороссіянъ, румуновъ и нѣмцевъ они со своимъ языкомъ, со своими правами, обычаями и наружностью являются по свидѣтельству путешественниковъ какъ бы выходцами съ того свѣта. Въ 1816 г., при проѣздѣ имп. Александра Павловича чрезъ Черновицы, въ Галиціи, ему представлено было нѣсколько липованскихъ семействъ и императоръ удивлялся какъ народный типъ въ теченіе долгаго времени могъ такъ живо сохраниться во всѣхъ мелочахъ въ этой кучкѣ людей заброшенныхъ въ среду чужеземнаго населенія. Что касается турецкихъ раскольниковъ, то главные представи-

тели ихъ—казаки. Одинаково не дружа православію и старообрядскимъ іерархамъ, эти демократы по природѣ, находившіе въ названіи масона (масонство считалось принадлежностью аристократіи) въ высшей степени бранное слово, жили совершенно своимъ особымъ миромъ.

Изъ раскольниковъ, жившихъ на иностранной землѣ, всего больше значенія имѣли австрійскіе липоване по ихъ сношеніямъ съ поповскою Москвою. Благодаря московскимъ приношеніямъ, главная обитель липованъ процвѣла: тамъ явились церкви Покрова и Николы Чудотворца, а затѣмъ является митрополитъ и утверждается своя—бѣлокриницкая—іерархія.

Вѣсть о томъ, что митрополитъ нашелся для раскольниковъ живо облетѣла всю Россію. Уже нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ московскіе ѳедосѣевцы знали, что русскіе поповцы задумываютъ основаніе собственной іерархіи. Власти слышали это, но не вѣрили. Когда они узнали, что слухъ оправдался, началась тревога. При полномъ незнаніи свойствъ и исторіи раскола, въ голову никому не приходило что если есть кому опасаться Бѣлой Криницы—то это Австріи, что Бѣлая Криница распространяетъ русскую—и при этомъ русскую до мелочей—землю за русскими предѣлами. Въ Москвѣ произошелъ переполохъ. Поповцы радовались. Монницы просили у правительства себѣ іерархіи, ссылаясь на австрійскую у поповцевъ (1). О ѳедосѣевцахъ шелъ слухъ, что даже они готовы признать бѣлокриницкую іерар-

(1) Надеждинъ въ Сбор. Кельсіева, I, 144.

хію. Послѣднее въ особенности замѣчательно. Вообще между послѣдователями разныхъ ученій раскола въ Москвѣ господствовали пререканія и несогласія. Ѳедосѣевцы соперничали съ поповцами, поповцы были недовольны ѳедосѣевцами. Андреянъ Сергѣевъ, монинскаго согласія, писалъ рѣзкіе стихи противъ повоженовъ. Семенъ Кузьминъ, ѳедосѣевецъ, называлъ въ отместку за это мониицевъ «чертоженами.» Если такимъ образомъ въ слухѣ о принятіи ѳедосѣевцами бѣлокриницкой іерархіи было что нибудь вѣроятное, то это сближеніе между двумя главными согласіями раскола въ Москвѣ могло быть лишь слѣдствіемъ стѣснительныхъ мѣръ противъ раскола вообще, такъ какъ стѣсненія обыкновенно вызывали сближеніе между вообще неладившими другъ съ другомъ раскольничьими согласіями и толками. Иные полагаютъ что сближенію ѳедосѣевцевъ съ поповцами въ настоящемъ случаѣ помѣшалъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ (1). Скорѣе это сближеніе не имѣло мѣста потому, что слишкомъ рѣзкая грань отдѣляла безпоповцевъ отъ поповцевъ.

Пріѣзжаетъ въ Москву бѣлокриницкій игуменъ Геронтій. «Перлюстрація письма» — беремъ деликатное офиціальное выраженіе—показало въ какой роли пріѣхалъ этотъ гость выдававшій себя за торговаго человѣка (2). Пока Геронтій собираетъ приношенія въ Москвѣ для Бѣлой Криницы, за нимъ слѣдитъ чиновникъ тайной полиціи, инкогнито по-

(1) Липранди, въ Сбор. Кельсіева, II, 105.
(2) Надеждинъ, въ Сбор. Кельсіева, I, 145.

селившійся рядомъ съ нимъ въ гостинницѣ. Уѣзжаетъ Геронтій съ собраннымъ изъ Москвы — на дорогѣ настигаетъ его полиція и забираетъ какъ его, такъ и все, что при немъ было. Геронтій былъ посланъ въ ссылку. Австрійскому правительству было сдѣлано чрезъ канцлера Нессельроде внушеніе относительно Бѣлой Криницы. Въ 1849 г., когда Россія одно время могла распоряжаться въ Австріи какъ дома, вышло предписаніе австрійскаго правительства закрыть Бѣло-Криницкій монастырь. Константинопольскій патріархъ, получивъ оповѣщеніе, струхнулъ и отрѣшилъ Амвросія отъ должности, а австрійское правительство послало его въ ссылку на одинъ изъ острововъ Средиземнаго моря, гдѣ послѣ видѣли почтеннаго архипастыря удовлетворившимся чубукомъ и обществомъ нѣмцевъ и свыкшимся съ своей судьбою. Говоря о мѣрахъ противъ Бѣлой Криницы не забудемъ также о томъ, что инокъ Алимпій дрался предъ тѣмъ на барикадахъ Праги. Это обстоятельство должно было усугубить преслѣдованіе.

Всѣ эти мѣры были напрасны. Они нисколько не могли повліять на русскій расколъ. Дѣло было уже сдѣлано. А что касается Амвросія, то посвятивъ русскихъ епископовъ и поповъ—онъ не нуженъ былъ болѣе и самой Бѣлой Криницѣ, гдѣ подчиненные не стѣсняясь называли его «сатанинскимъ сосудомъ».

Замѣчательно что поповцы преслѣдовались наравнѣ съ безпоповцами. Только поповцамъ—казакамъ было льготнѣе. Имъ дозволено было имѣть своихъ поповъ, тогда какъ московскимъ прихожанамъ Ро-

гожскаго кладбища въ этомъ отказывалось. Впрочемъ сами казаки снискивали расположеніе къ себѣ правительства. Въ то время какъ владимірскіе и тамбовскіе молокане Уклеинскаго толка не признавали предписаній закона и отказывались идти въ военную службу, донской казакъ Саламатинъ основалъ свой молоканскій толкъ, повиновавшійся предписаніямъ правительства и принявшій отчасти даже обрядовую внѣшность церкви, а въ 1837 г. казаки хватали и приводили къ властямъ тѣхъ, кто возстановлялъ ихъ противъ правительственныхъ распоряженій.

Мѣры противъ раскола принимались очевидно какъ вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ его исторіею, такъ и незнанія его настоящей численности. Ознакомиться съ нимъ впрочемъ было трудно. Онъ заключился вполнѣ въ это время въ крестьянской средѣ и понятіе о расколѣ, какъ исключительной особенности крестьянства, сдѣлалось до того присущимъ многимъ, что одинъ могилевскій помѣщикъ говоритъ просто о «мужиковской раскольничьей сектѣ» (1), т. е. ему дѣла нѣтъ до того что за согласіе, или толкъ: онъ знаетъ только расколъ и расколъ только «мужиковскій».

Увидавъ необходимость непосредственнаго изученія раскола—правительство разослало чиновниковъ для изученія главныхъ раскольничьихъ центровъ, для наведенія справокъ на мѣстѣ. Особенно тщательному изученію подверглись губерніи Ярославская, Костромская и Нижегородская. Но какъ по-

(1) Варадиновъ; 198.

ступали правительственные изслѣдовали раскола? Они кажется направили всю свою дѣятельность на запуганіе правительства опасными свойствами и враждебнымъ къ нему настроеніемъ раскола.

Вообще замѣчательна непослѣдовательность дѣйствій администраціи въ отношеніи къ расколу. Въ то время какъ въ однихъ мѣстностяхъ и сферахъ ему мирволятъ, въ другихъ куютъ на него перуны. Духовныя консисторіи находили напр. что въ сочиненіяхъ Радаева, выдававшаго себя за Бога, нѣтъ ничего противнаго христіанскому ученію, и на заявленіе, что раскольникъ Головастиковъ производитъ фабрикацію св. мощей изъ бараньихъ костей, отвѣчали что почитаніе св. мощей зиждется на вѣрѣ каждаго и что слѣдовательно вмѣшиваться въ это дѣло не слѣдуетъ (1). Тутъ выражалась «терпимость» и желаніе держаться на нейтральной почвѣ. Посмотримъ теперь что сообщали административные изслѣдователи раскола. Г. Синицынъ, осматривавшій Ярославскую губернію, узнавалъ раскольниковъ по несомнѣннымъ для него признакамъ. Эти признаки были: подушечки подкладывавшіяся подъ руки при земныхъ поклонахъ, кадильницы мѣдныя и глиняныя съ ручками, надписи на дверяхъ съ изреченіями св. отцовъ, стриженыя маковки, безпрерывное повтореніе хозяевами молитвы, чтеніе молитвъ особеннымъ гнусливымъ голосомъ и т. д. (2). Такимъ образомъ достаточно было даже православному имѣть подушечку для подкладыванія подъ руки, или

---

(1) Мельниковъ въ Сбор. Кельсіева, I, 186.

(2) Сборникъ Кельсіева, II, 4.

выстричь не такъ макушку, или просто обладать гнусливымъ голосомъ, чтобы его тотчасъ же накрыли какъ раскольника.

Или другой примѣръ своеобразнаго взгляда на расколъ. Ѣдетъ чиновникъ на границѣ Тверской губерніи и Мышкинскаго уѣзда, Ярославской. На встрѣчу ему идутъ два крестьянина изъ деревни Подосиновки. Чиновникъ вступаетъ съ ними въ разговоръ и крестьяне въ разговорѣ говорятъ ему «братецъ». Какое ужасное нарушеніе чиноначалія! Служивый, бывшій съ чиновникомъ, первый пришелъ въ себя и объясняетъ крестьянамъ, что вѣдь это чиновникъ: какъ же смѣютъ они ему говорить «братецъ»? Что же отвѣчаютъ ему мужички? «По вашему кто чарь (царь), кто енаралъ, кто ваше высокоблагородіе, а по нашему всѣ равные братья!» (1). Воображаемъ ужасъ услыхавшаго подобныя рѣчи чиновника. Въ деревнѣ, куда прибылъ затѣмъ онъ, и старуха встрѣчаетъ его словомъ «братецъ». Какъ быть! Тутъ одна логика—тамъ другая. Въ славянской средѣ, при ея родовомъ и семейномъ характерѣ, родственныя названія постоянно были очень обыкновенны въ разговорѣ между посторонними людьми. Особенно часто слышалось и слышится слово «братъ». Но съ теченіемъ времени люди высшаго класса на Руси стали обращаться къ простолюдью съ словомъ «братецъ», не допуская чтобы простолюдинъ обратился точно также къ нимъ. И вотъ чиновникъ пораженъ этимъ словомъ «братецъ», хотя онъ долженъ былъ бы снисходительно изви-

(1) Сборникъ Кельсіева, II, 9.

нить этой странной логикѣ простаго народа, представляющей что если Петръ братъ Ивану, то и Иванъ братъ Петру.

Въ Романовскомъ уѣздѣ нашли книгу «Цвѣтникъ», гдѣ между прочимъ значилось: «вообще цари, вельможи, архіереи и учители—наши грабители и мучители» (1). Сейчасъ это оповѣщается: вотъ дескать какъ весь расколъ думаетъ о властяхъ.

Другой административный изслѣдователь раскола (г. Липранди) открылъ что безпоповщина была «конфедеративно-религіозная республика». Онъ нашелъ что есть согласіе не признающее «ни царя, ни князя» (2). Особенно смущали его славянофилы потому, что онъ никакъ не зналъ куда отнести ихъ—къ поповцамъ или къ безпоповцамъ. Наконецъ рѣшилъ, что они болѣе подобны безпоповцамъ (3). Свое сопричисленіе славянофиловъ къ расколу г. Липранди основывалъ на томъ, что съ славянофилами вели знакомство поповецъ Царскій (извѣстный собиратель старинныхъ книгъ) и безпоповцы Гучковы. Основаніе, какъ видимъ, совершенно достаточное, но съ другой стороны и ставящее въ недоумѣніе: знакомы съ славянофилами поповецъ и безпоповцы—къ какому же согласію отнести самихъ славянофиловъ? Согласны, что затрудненіе очень велико, но, какъ мы видѣли, изъ него г. Липранди вышелъ побѣдоносно. Идя далѣе въ этомъ направленіи можно было открыть въ Москвѣ согласія: Аксаковщину,

---

(1) Тамъ же, 11.
(2) Сборникъ Кельсіева, II, 108.
(3) Тамъ же, 166.

Хомяковщину, Кирѣевщину, но далѣе г. Липранди не пошелъ.

Какъ видимъ, ближайшее изслѣдованіе раскола административнымъ путемъ лишь только больше запутало дѣло. Какая цѣль была въ запугиваньи правительства расколомъ? Цѣль ли исчерпываемая преимущественно одними мелкими, корыстными и личными расчетами? Если и не относительно всѣхъ административныхъ изслѣдователей, то по крайней мѣрѣ относительно значительной части можно сказать «да!» Расколъ непрогаемый никѣмъ не ублажалъ никого; расколъ тревожимый и преслѣдуемый былъ золотымъ дномъ для многихъ. По крайней мѣрѣ не видно, чтобы административными дѣятелями руководила какая нибудь послѣдовательность, какая нибудь государственная мысль. Такъ напр. министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскій ревностно преслѣдуетъ расколъ и вдругъ прекращаетъ преслѣдованіе. Г. Липранди отказывается проникнуть въ тайну этой перемѣны. Отказываемся и мы, хотя изученіе исторіи раскола по отношенію къ властямъ во многомъ должно помочь раскрытію подобныхъ тайнъ.

XII

РАСКОЛЪ И ПРЕОБРАЗОВАНІЯ

НЫНѢШЯГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Нынѣ царствующій государь, вскорѣ по вступленіи на престолъ, выразилъ свою волю чтобы законъ наказывалъ проступки, но за искреннія убѣжденія никто не подвергался утѣсненіямъ. Эти слова открыли новую эру для Россіи и раскола. Послѣдователи его вздохнули слободнѣе. Началось примиреніе между властью и расколомъ. Правительство видѣло необходимость въ ближайшемъ изученіи раскола и его исторіи. 20 января 1858 г. послѣдовала высочайшая резолюція: «не смотря на обиліе у насъ печатныхъ книгъ и рукописныхъ записокъ, исторія, статистика и законодательство раскола еще весьма мало обработаны и поэтому незнаніе всѣхъ обстоятельствъ раскола затрудняетъ правительство не только при рѣшеніи частныхъ случаевъ о раскольникахъ, но въ особенности при избраніи правильной и твердой системы дѣйствій въ отношеніи къ расколу вообще (1).

(1) Сборникъ Кельсіева, II, 207. Прав. Собесѣдникъ, 1867, II, 257.

Съ этимъ мнѣніемъ, выраженнымъ съ трона, отъ всей души могъ согласиться каждый русскій въ избѣ и въ хижинѣ. Много писалось у насъ по расколу съ догматической и административной стороны, но догматическая и административная точки зрѣнія были не тѣ, которыя могли повести къ обстоятельному и вѣрному изученію его. Чтобы вникнуть въ значеніе и смыслъ раскола нужно было глядѣть на него съ земской точки зрѣнія, а изучать расколъ въ земскомъ отношеніи въ то время еще едва начинали.

Началось болѣе полное и правильное изученіе раскола. Явились въ печати сочиненія и записки уяснявшія взглядъ на предметъ. Печатная литература раскола увеличивалась менѣе теологическимъ, чѣмъ историческимъ матеріаломъ; вмѣсто фразъ стали говорить дѣло. Исторія раскола стала уясняться.

Правительство заняло положеніе, которое одинаково охраняло права господствующей церкви и не стѣсняло «искренности убѣжденій». Эта система выразилась въ словахъ: «правительство не вмѣшивается въ заблужденія противныя правиламъ истинной вѣры».

Мѣры, давшія вздохнуть свободнѣе послѣдователямъ раскола, явились одна за другой. Право найма рекрутовъ въ 1863 г. было примѣнено и къ молоканамъ. Правда, молоканамъ еще не предоставлено было права найма рабочихъ изъ православнаго населенія, права отъѣзда изъ мѣста жительства безъ разрѣшенія начальства и покупки земель, но затѣмъ покупка земель была разрѣшена, хотя, впро-

чемъ, уже въ то время, когда земля, которая была очень дешева непосредственно за освобожденіемъ крестьянъ, значительно вздорожала и не представляла такой выгоды въ покупкѣ какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, когда ее невозбранно скупали нѣмецкіе сектанты-колонисты, на которыхъ не распространялись мѣры ограничивавшія дѣятельность русскихъ сектантовъ (1). Въ 1863 г. молокане въ южной Россіи встрѣчали старшаго сына царя, ослабившаго ограниченія стѣснявшія ихъ, какъ «дорогаго гостя» (2). Это были тѣ самые молокане, которые обнаруживали столько нерасположенія къ правительству и упорства, когда ихъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, заставляли продавать все за безцѣнокъ и разоренныхъ пересылали съ земли, которую они цѣловали при прощаніи, на пограничныя съ Персіею закавказскія болота.

Правительство со вступленія на престолъ нынѣшняго государя хотѣло руководиться въ отношеніи раскола законами справедливости и умѣренности. А что же расколъ?

Расколъ въ отвѣтъ теряетъ свой прежній ожесточенно-опозиціонный характеръ. Бѣлокриницкая метрополія больше не нужна для русской поповщины. Является Окружное посланіе положившее начало сближенію поповщины въ лицѣ ея главныхъ іерарховъ съ господствующею церковью; чрезъ нѣсколько времени видятъ митрополита Филарета Московскаго въ одной каретѣ съ недавнимъ попов-

---

(1) Филибертъ, 293—295.

(2) Столповъ, 309.

цемъ Сонѣлкинымъ ѣдущаго въ старинномъ облаченіи освящать сторообряческую часовню, причемъ митрополитъ господствующей церкви крестится двуперстнымъ знаменіемъ (1). Безпоповцы въ Пруссіи—приближавшіеся къ поповщинѣ уже тѣмъ что признавали бракъ и основавшіе въ Іоганнисбургѣ свой старообрядческій журналъ «Истину» — склоняются къ общенію съ господствующею церковью и, вслѣдъ за присоединеніемъ Павла Прусскаго къ единовѣрію, типографія одного изъ главныхъ помощниковъ его, Голубова, изъ за границы является уже въ Псковѣ. Прусскіе безпоповцы частью переселяются въ Россію и Государь Императоръ отъ себя посылаетъ имъ въ подарокъ икону старинпаго письма.

Но всего яснѣе обнаружился новый характеръ отношеній между властью и расколомъ въ эпоху польскаго возстанія, когда интрига безуспѣшно хотѣла помѣшать дѣлу преобразованій нынѣшняго царствованія.

Темныя силы бродили на Руси. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было выгодно не для всѣхъ. Въ то время когда мильоны жаждавшіе свободы получали ее, кучка людей лишалась нѣкоторыхъ правъ и денежныхъ средствъ. Сдѣлана была попытка помѣшать начавшемуся дѣлу, затормозить его. На сторонѣ небольшой кучки людей были сила, деньги и опиравшаяся на западно-европейскую образованность интрига. Сборнаго центра въ самой Россіи эта кучка людей не могла

---

(1) Сборникъ Кельсіева, II, 205.

имѣть. Даже когда правительство охраняло крѣпостное право и народъ сталъ подъ знамя дрожавшее въ пьяной рукѣ казака-самозванца—и тогда заколыхалась русская земля, и только войско отстояло кастовый и крѣпостническій порядокъ вещей. А теперь... Теперь нечего было и думать прямо противопоставить отпоръ слову освобожденія. Интрига повела свое дѣло иначе. Центромъ избрана была Польша. Тамъ хлопъ всегда былъ безотвѣтнѣе русскаго крестьянина и кастовыя привилегіи опирались на многочисленную шляхту. Вспыхнуло польское востаніе съ тайными развѣтвленіями въ Россіи.

Интрига торжествовала. Прикрывшись маскою либерализма она ловко скрыла свои черныя цѣли. Она обратилась даже къ лучшимъ людямъ русской земли и многіе изъ нихъ были обмануты внѣшностью. Даже искренно любившій Россію Герценъ, которому и люди нападавшіе на него за увлеченія отдавали дань справедливости какъ громадному таланту, и тотъ при всей своей проницательности далъ себя опутать интригѣ. Темныя силы торжествовали. Дѣлу русской будущности грозила дѣйствительная опасность. Темныя силы стали дѣйствовать и на русскій расколъ.

Но если русскіе люди, жившіе за границею, были обмануты, то трудно было обмануть много русскихъ людей въ Россіи и притомъ тѣхъ русскихъ людей, въ средѣ которыхъ не могло не жить сознаніе что крѣпостное право было однимъ изъ главныхъ источниковъ раскола, и если оно пало, то тѣмъ менѣе было причинъ народу стать противъ правительства

произнесшаго слово освобожденія. Въ средѣ послѣдователей раскола обнаружилось и на этотъ разъ то же вѣрное политическое чутье, какое не разъ проявляла, какъ мы видѣли, ихъ исторія. Расколъ какъ бы сознавалъ, что если революція противъ государственной системы давящей народъ—заслуга, то таже революція противъ правительства, выказавшаго стремленіе нравственно поднять вѣками глохшія народныя силы—являлась уже не гражданскою заслугою, а чѣмъ-то очень неблаговиднымъ. Расколъ понялъ это и не поддался на увѣренія.

Обманутые русскіе люди старались дѣйствовать на расколъ, но всѣ усилія ихъ были тщетны. Кельсіевъ — тогда молодой и дѣятельный членъ эмиграціи—дѣлалъ предложеніе бывшему мелитопольскому митрополиту Кириллу явиться въ главѣ старообрядческой церкви; но тотъ, хотя уволенный правительствомъ отъ должности русскаго духовнаго представителя въ Іерусалимѣ, предпочиталъ остаться на покоѣ въ Казани и тамъ умираетъ. Сдѣлана попытка со стороны лондонской эмиграціи сблизиться съ бѣлокриницкими властями—и тутъ неудача. Бѣлокриницкія власти уже признали направленное противъ нихъ Окружное посланіе и самъ Кириллъ, митрополитъ бѣлокриницкій, подписалъ его. Бѣлокриницкія власти прислушивались теперь къ тому что дѣлалось въ Москвѣ и были глухи къ заискиванію. Неудача постигла эмиграцію и въ планѣ завести прямыя сношенія съ старообрядческою Москвою. Представитель поповскаго раскола, епископъ Пафнутій—подъ свѣтскимъ именемъ купца 1-й гильдіи Поликарпа Петрова—былъ въ Лон-

донѣ, гдѣ хотѣлъ напечатать нѣкоторыя старообрядческія книги. Онъ входитъ въ сношенія по этому дѣлу съ членами эмиграціи. Личныя впечатлѣнія его не за нихъ. Онъ остается недовольнымъ тѣмъ, что Бакунинъ громко поетъ: «во Іордани крещающемуся Тебѣ Господи!» идя посѣтить его—представителя щепетильнаго въ дѣлѣ обрядности раскола. Другой разъ они въ домѣ у Герцена, и у хозяина, всегда обладавшаго свѣтскимъ тактомъ, изъ вниманія къ гостю-старообрядцу гости на этотъ разъ не курили. Пафнутій, онъ же и Поликарпъ Петровъ, замѣтивъ это, проситъ не стѣсняться его и курить. «Ну, значитъ, разрѣшилъ!» восклицаетъ Бакунинъ, и Пафнутій долженъ серьезно объяснить ему, что допустить мірскія слабости еще не значитъ разрѣшать ихъ. Все это были мелочи, только доказывавшія что лондонскіе русскіе при своемъ свободомысліи не хотѣли относиться къ расколу какъ къ церковной сектѣ, а звали его въ союзъ какъ земскую общину. Личныя впечатлѣнія Пафнутія нисколько не помѣшали бы дѣлу сближенія, если бы оно было возможно. Но оно, какъ мы видѣли, было немыслимо. Лондонская эмиграція начала прямо дѣйствовать на московскихъ представителей раскола и также встрѣтила полную неудачу.

Расколъ какъ бы говорилъ представителямъ русской эмиграціи: вы люди честные, умные и любящіе Россію, но вы обмануты интригою, прикрывшеюся какъ драпировкою фразами либерализма, польскою свободою и Наполеономъ III. Но мы не обманемся.

И расколъ не обманулся. Онъ сталъ за прави-

тельство съ сознаніемъ, какъ прежде съ сознаніемъ проявлялъ рѣзко-опозиціонный характеръ когда гоненія принуждали его къ тому.

Одному благодушію нельзя приписывать политики терпимости и умѣренности, которой сочли нужнымъ въ послѣднее время слѣдовать въ отношеніи раскола. Первыя мѣры могли быть подсказаны добрымъ сердцемъ и требованіями гуманности. Но затѣмъ началось болѣе полное изученіе раскола, явилась болѣе вѣрная оцѣнка его какъ соціальнаго явленія въ русской народной жизни. Что прежде могло быть подсказано инстинктомъ добра, то является впослѣдствіи уже правиломъ политической мудрости и результатомъ болѣе полнаго знакомства съ расколомъ, исторія котораго постоянно доказывала, если выразимся вполнѣ по-русски, что «добромъ съ нимъ можно все сдѣлать и ничего зломъ.»

ПРИЛОЖЕНІЯ

РАСКОЛЪ СЪ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Мы уже говорили о роли, какую играла вода въ чумный 1771 и холерный 1831 годы въ исторіи раскола и касались также физіологическихъ особенностей хлыстовства и скопчества. Естественно-историческія подробности тамъ необходимы были намъ, чтобы уяснить историческія судьбы и соціальное положеніе согласій и сектъ. Здѣсь мы коснемся раскола насколько онъ представляетъ интересъ съ точки зрѣнія естествознанія, какъ науки.

Вода всегда была очищающимъ символическимъ средствомъ, но въ пріуральи придается ей такое значеніе, что на Нижнетагильскомъ заводѣ ею причащаются, замѣняя ею евхаристію. Въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Пермской губерніи причащаются водою изъ трехъ рѣкъ, подобно тому какъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ есть обычай причащаться хлѣбомъ изъ трехъ печей. Быть можетъ и недостатокъ въ причастіи въ безпоповское время побудилъ отчасти къ этому, подобно тому какъ въ Шадринскомъ уѣздѣ существуетъ причащеніе слезами вмѣсто евхаристіи; но вода, какъ средство очищенія

тѣлеснаго, и вмѣстѣ духовнаго въ глазахъ массъ населенія, невольно должна была представиться уму многихъ какъ замѣна недостававшаго причастія.

Вода играетъ главную роль въ обрядѣ крещенія во многихъ согласіяхъ раскола. Поливательное крещеніе приводило въ негодованіе послѣдователей раскола. Самый обрядъ, чтеніе молитвы и проч.—все это было для многихъ изъ нихъ второстепенное дѣло, а главное нужно было чтобы самый процессъ погруженія въ воду производился не для одной формы. Раскольницу въ Сибири спрашивали какъ она крестила. «Да какъ крестила—былъ отвѣтъ:—да погрузивъ младенца въ сосудъ сказала: «Господи Іисусе Христе помилуй! Агаѳья!» Такъ новорожденная Агаѳья и вступила въ свѣтъ подъ этимъ именемъ. На Карамбарскомъ заводѣ, Осинскаго уѣзда, Пермской губ., и многіе изъ жителей сѣвернаго поморья не крестятся пока имъ не исполнится 30 лѣтъ. Дѣлается это, какъ говорятъ они, изъ подражанія Спасителю крестившемуся 30 лѣтъ отъ роду. Но очень можетъ быть, что источникъ этого обычая кроется въ трудности съ какою переноситъ еще не вполнѣ развившійся организмъ дѣйствіе студеной воды холодныхъ странъ, а между тѣмъ въ обычаѣ крещеніе въ рѣкахъ и если бы крестили младенцевъ прямо послѣ рожденія, то очевидно должны были бы крестить во всякое время года.

Но вода и баня играютъ еще болѣе важную роль въ жизни русскаго народа, какъ увидимъ сейчасъ.

Изувѣрство и фанатизмъ, проявляемые нѣкоторыми сектами раскола—безспорно явленія такъ называемаго въ медицинѣ религіознаго умопомѣшатель-

ства. Случай религіознаго умопомѣшательства прекрасно описанъ Иноземцевымъ (1). Иноземцевъ призванъ къ паціенту, который послѣ сильной простуды вдругъ обнаружилъ признаки сильнаго религіознаго настроенія. Онъ молится цѣлые дни, творитъ поклоны. Если бы онъ постоянно былъ такъ религіозенъ, то все приписали бы обыкновенной набожности. Но съ нимъ это сдѣлалось вдругъ; домашніе не могли не видѣть въ этомъ чего то особеннаго и призванный докторъ нашелъ у больнаго припадки религіознаго умопомѣшательства (mania religiosa). Чрезъ нѣсколько времени больной былъ совершенно излеченъ отъ этихъ припадковъ обыкновенною русскою баней.

Когда Качеповскій писалъ рядъ разсужденій о русской банѣ, его статьями скучали, говорили что онѣ льнутъ къ читателю какъ банный листъ. Но значеніе бани въ гигіенѣ русскаго человѣка таково, что о немъ можно было бы написать очень много. Если бы не баня, то трудно сказать гдѣ бы былъ предѣлъ распространенію религіознаго умопомѣшательства въ русской средѣ, при дурной жизненной и санитарной обстановкѣ простаго русскаго человѣка и при постоянной возможности для него схватить простуду ведущую къ болѣзни. Религіозная манія составляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Италіи одинъ изъ шести главныхъ видовъ умопомѣшательства. У насъ она должна была бы явиться главнымъ видомъ помѣшатель-

(1) Иноземцевъ, нѣсколько словъ о перемежающемся сумасшествіи, стр. 25.

ства, эпидемически, если бы не русская баня. Но и при банѣ болѣзнь проявляется съ силою и въ массахъ населенія. Религіозный характеръ нашего земскаго свѣтскаго раскола объясняется преимущественно этимъ господствомъ религіозной маніи.

На усиленіе религіозной маніи дѣйствовали и внѣшнія обстоятельства. Умъ жаждалъ пищи, но кромѣ обрядовыхъ книгъ въ народѣ почти не было никакихъ другихъ. Еще въ прошломъ столѣтіи мать Лабзина говорила, что отъ чтенія библіи въ ея время сходили съ ума многіе. Между тѣмъ недостатокъ другихъ книгъ заставлялъ читать съ жаромъ духовныя и перечитывать одни и тѣ же. Человѣкъ зачитывался; умъ заходилъ за разумъ. Разнообразіе даже въ духовныхъ книгахъ еще поддержало бы читающаго. Но книги доставались съ трудомъ и дорогою цѣною. Болѣе 100 женщинъ занимались переписною книгъ на продажу въ одномъ Лексинскомъ монастырѣ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи и эти книги развозились въ Москву, Петербургъ, Тихвинскій скитъ, Шую, Архангельскую губернію; но книгъ изъ этого и другихъ источниковъ, при большомъ числѣ послѣдователей раскола и при отсутствіи типографій — было мало. Даже изданія учителей господствующей церкви раскупались преимущественно благодаря раскольникамъ. Это объяснятъ почему вышло семь изданій «Розыска» Димитрія Ростовскаго, пять «Знаменія пришествія антихриста» Стефана Яворскаго, но три «Соборнаго дѣянія» на еретика Мартина и «Пращицы» Питирима. Рѣдкость книгъ въ расколѣ, при большой потребности въ нихъ, дѣлало то, что на-

примѣръ крестьянинъ Холкинъ купилъ у другаго крестьянина Хомурова книгу Ефрема Сирина за 120 рублей. Такія деньги—капиталъ въ крестьянскомъ быту и далеко не всякій могъ платиться подобнымъ образомъ на книги. Оставалось такимъ образомъ довольствоваться одною какою нибудь книгою, зачитываться ея и наконецъ, при вредновліявшихъ гигіеническихъ условіяхъ, впадать въ религіозную манію. Только имѣя это въ виду можно понять какимъ образомъ одинъ тамбовскій крестьянинъ два года искалъ случая убить кого нибудь, чтобы только грѣхъ былъ на душѣ: ему казалось, что не согрѣшивъ нельзя получить вѣчнаго спасенія.

Другой видъ помѣшательства—пироманія—проявляющаяся неудержимою страстью къ поджогамъ—также долженъ обратить на себя вниманіе. Возьмемъ случай приводимый Иноземцевымъ. Мальчикъ, сирота съ трехъ лѣтъ послѣ родителей, до 9 лѣтъ остается на рукахъ крѣпостной дворни. За нимъ никто не смотритъ и ребенокъ живетъ такъ себѣ, какъ живется. Затѣмъ его берутъ на воспитаніе родственники. Девяти лѣтъ отъ роду онъ не ощущаетъ голода, не проситъ ѣсть, если не дадутъ, и марается подъ себя. Застѣнчивость и молчаливость долго остаются въ немъ результатомъ прежней жизни—и 15 лѣтъ отъ роду онъ разсуждаетъ еще какъ дитя. Испугъ при видѣ пожара производитъ въ этой разслабленной отъ рожденія, болѣзненной натурѣ пиранію. Мальчикъ пять разъ поджигаетъ свой домъ, и можетъ быть его засадили бы въ острогъ какъ поджигателя, если

бы онъ былъ не въ той средѣ, гдѣ докторъ могъ слѣдить за нимъ и призналъ припадки пироманіи.

Пироманія играетъ на Руси также видную роль и ее непремѣнно нужно имѣть въ виду, говоря о раскольникахъ—самосожигателяхъ. Конечно возбуждающія средства играли также видную роль въ случаяхъ самосожигательства, но тѣмъ вѣрнѣе было дѣйствіе этихъ средствъ на слабую и болѣзненную, вслѣдствіе дурной обстановки и климата, часть населенія.

Возбуждающія средства дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе была натура и также чѣмъ менѣе она была прежде пріучена къ принятію сильно дѣйствующихъ средствъ. Среда раскола стояла преимущественно за трезвость. Чиновникъ Синицынъ разсказываетъ какъ одинъ изъ раскольниковъ говоря о причастіи въ церкви, замѣтилъ что ложки вина мало: «вотъ если бы по ведру — другое дѣло.» Но если страсть къ вину не могла не замѣчаться и въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ кругахъ, то, вообще говоря, послѣдователи раскола отличались трезвостью. Въ ѳедосѣевской общинѣ Ковылина за нетрезвость положены были мужчинамъ поклоны, а женщины должны были носить власяницу подпоясанную желѣзною цѣпью. Г. Липранди, которому смѣло можно довѣриться когда онъ говоритъ о добрыхъ качествахъ послѣдователей раскола, приводитъ, что раскольникъ вообще простъ въ одеждѣ, работящъ и «трезвъ.»

На трезвую натуру сильно дѣйствовали возбуждающія средства тамъ, гдѣ обманъ пускалъ ихъ въ

дѣло подъ видомъ причастія, и изступленіе было естественнымъ слѣдствіемъ такого причащенія.

Особенно воздержны отъ вина хлысты. При Даниль Филиповѣ они ѣли мясо и нѣкоторые ѣдятъ его теперь, но отъ хмѣльнаго, какъ и отъ табаку, они строго воздерживаются. Съ физіологической стороны это объяснимо тѣмъ, что вмѣсто этихъ возбуждающихъ средствъ хлысты употребляютъ другое—круженіе. Впрочемъ у хлыстовъ и скопцевъ постоянно было въ употребленіи своего рода причащеніе—хлѣбомъ. У Лупкина были калачики. Въ московскихъ монастыряхъ—гдѣ при Аннѣ Ивановнѣ открыто было хлыстовство—причащались чернымъ хлѣбомъ. У Кондратія Селиванова были въ ходу какіе-то пряники и кусочки хлѣба. У Татариновой причащались кусками бѣлаго хлѣба. Химическій анализъ всѣхъ этихъ калачиковъ, кусочковъ и ломтей конечно не былъ произведенъ, но очень можетъ быть, что онъ открылъ бы много интереснаго Почти несомнѣнно что въ значительной части случаевъ подобное причащеніе служило средствомъ давать возбуждающія средства. Какъ баядеркѣ въ Алжирѣ подобно надышаться ладана изъ курильницы, чтобы придти въ восторженное настроеніе, такъ и радѣніе хлыстовъ и скопцовъ едва ли бы могло совершаться такъ дружно и одновременно безъ пріема общихъ возбуждающихъ средствъ. Конечно, по закону индукціи электрическій процессъ движеній одного живаго существа сообщается другимъ и если эти другія существа—слабые организмы, то они иногда безотчетно вторятъ движеніямъ главной животно-электрической машины. Отсюда

всѣ виды хореи (невольнаго подражанія дѣйствіямъ другихъ), большая часть общихъ движеній по темпу, или размѣру, танцевъ и такъ далѣе. Тѣмъ не менѣе, хотя общее увлеченіе надобно непремѣнно имѣть въ виду, но имъ однимъ въ дѣйствіяхъ хлыстовской и скопческой сектъ всего нельзя объяснить. По крайней мѣрѣ были примѣры, что еще не осконившіеся члены скопческаго общества не чувствовали заодно съ другими охоты къ радѣнію. Вспомнимъ также о неохотѣ къ радѣнію у дочерей тайн. сов. Попова.

Если охота къ хлыстовскому радѣнію вызывалась какимъ нибудь тайнымъ возбуждающимъ средствомъ, то само радѣніе въ свою очередь вело къ дальнѣйшимъ пароксизмамъ восторженнаго состоянія. Человѣкомъ отъ сильнаго движенія овладѣвало какое-то чувство неизъяснимой радости, первою степенью которой можетъ пожалуй считаться то веселое настроеніе духа, которое является при сильныхъ движеніяхъ въ обыкновенныхъ танцахъ. Это радостное ощущеніе, которое хлысты и скопцы называютъ сошествіемъ Св. Духа, приводитъ человѣка въ какое-то опьяненіе, въ безсознательное состояніе, причемъ онъ бормочетъ самъ не знаетъ что, но кто нибудь объясняетъ его слова присутствующимъ въ пророческомъ смыслѣ.

Даже при самомъ вступленіи въ хлыстовскую секту, какъ мы видѣли изъ показанія солдатки Осиповой, давалось что-то приводящее въ безсознаніе. Но чѣмъ истеричнѣе была натура отъ природы, тѣмъ менѣе нужно было возбужденія чтобы побудить ее къ радѣнію. Такъ пророчица Устинья у

скопцовъ была въ высшей степени истерическая женщина пока ей не пришла охота радѣть. Она долго слезно маливалась предъ образами на колѣняхъ, плачъ прерывалъ ея проповѣди. Она вообще была восторженна по природѣ. Разъ—разсказывала она о себѣ—ей пришла сильная охота радѣть, т. е. кружиться: она начала радѣніе и вдругъ почувствовала неизъяснимую радость. Съ тѣхъ поръ радѣніе стало необходимостью для нея. Вообще у скопцовъ замѣчали на какую женщину радѣніе производило всего болѣе дѣйствія (это обыкновенно были самыя истерическія личности)—подобная женщина считалась у нихъ «избраннымъ сосудомъ въ богородицы».

Изъ показаній скопца Андреянова и хлыста Евграфова (1) мы знаемъ, что радостное ощущеніе при радѣніи дѣйствительно является и что затѣмъ самый прицательскій лепетъ радѣющаго не есть шарлатанство, а шарлатанство заключается обыкновенно лишь въ объясненіяхъ этого лепета. Чѣмъ кружеиіе сильнѣе, тѣмъ больше чувство внутренняго довольства. У дочери дьякона—Аграфены, въ Александровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, женщины Авдотья и Наталья вертѣлись вмѣстѣ, связавшись косами. Отъ этого они чувствовали невыразимую радость. Иногда при радѣніяхъ является полное самозабвеніе. Въ Костромской губерніи бывали случаи что, при ночныхъ радѣніяхъ въ потьмахъ, радѣвшіе рвали на себѣ волосы и кричали нечеловѣческими голосами. Иногда пророкъ или учитель таскалъ другихъ радѣвшихъ за волосы, билъ ихъ

(1) Варадиновъ, 265 и 502.

и даже ходилъ по нимъ. Радѣніе возбуждаетъ сильный жаръ въ человѣкѣ. Подъ ногами хлыстовъ, бѣжавшихъ съ радѣнія, таялъ снѣгъ при 25 градусномъ морозѣ. Опьяненіе, производимое радѣніемъ, проходитъ отъ испуга (1) какъ и опьяненіе отъ вина.

Обыкновенный человѣкъ съѣдаетъ въ день почти въ пять разъ больше дыхательной пищи, чѣмъ питательной. Хлысту нужно еще больше пищи поддерживающей дыханіе въ сравненіи съ пластическою, идущею на возобновленіе частей организма. Поэтому хлысты ѣдятъ вообще много сладкаго, такъ что въ народѣ ихъ даже зовутъ «сладкоѣдушками». Какъ скопцамъ необходимо много пить чаю чтобы помогать процессу выпотѣнія при радѣніи, такъ и хлыстамъ необходимы при радѣніяхъ чаны съ водою въ комнатѣ, или колодцы, если радѣніе происходитъ на открытомъ мѣстѣ. Съ хлыстовъ обыкновенно и такъ потъ льетъ ручьями при радѣніи, такъ что они принуждены иногда останавливаться и выжимать платье. Полотенца—«знамена» на хлыстовскомъ языкѣ — очевидно для нихъ необходимость. Но выпотѣніе было бы еще больше въ сухомъ воздухѣ; присутствіе влаги, паровъ въ воздухѣ, очевидно необходимо чтобы предотвратить еще болѣе полное истощеніе радѣющихъ. Иногда въ долгіе іюньскіе дни восторженному воображенію хлыстовъ мерещится въ парахъ воды надъ чаномъ золотистый младенецъ въ лучахъ-- это видѣніе означаетъ что достигнута высшая степень радѣнія.

---

(1) Христ. Чтеніе, 1869, II, 458—459.

Радѣнія бываютъ всего продолжительнѣе въ жаркіе іюньскіе дни. Не упустимъ при этомъ изъ виду, что особенный зудъ, являющійся въ жаркихъ климатахъ, даже у насъ въ Закавказьѣ лѣтомъ на тѣлѣ отъ зноя, облегчается круженіемъ въ одну сторону и это круженіе производится невольно. Вспомнимъ и наши хороводы, гдѣ люди въ жаркіе вечера долго кружатся подъ пѣсни. Во всемъ этомъ кроется физіологическое объясненіе хлыстовскаго радѣнія, перешедшаго на сѣверъ изъ теплыхъ странъ востока.

У хлыстовъ мужчины вертятся въ правую сторону, женщины въ лѣвую, но не знаемъ составляетъ ли это общее правило. Иногда хлысты хлещутъ себя при радѣніи вербами по голому тѣлу. Если на вербѣ осталась кровь—верба сожигается и дымъ отъ нея глотается. Радѣніе съ ударами вербы—родъ самобичеванія, довольно распространеннаго въ Европѣ въ средніе вѣка, когда проказа дѣлала кожу цѣлой массы населенія нечувствительною къ внѣшнимъ вліяніямъ и самобичеваніе являлось какъ бы народнымъ средствомъ возбужденія чувствительности кожи. Самобичеватели сохранились еще въ Абиссиніи.

Радѣніе—средство убиванія плотскихъ желаній. Какъ сильный моціонъ пріостанавливаетъ эти желанія, такъ сильное радѣніе можетъ на время совсѣмъ убить ихъ. При постоянномъ радѣніи должна явиться даже почти атрофія половыхъ органовъ, такъ какъ страстность удаляется отъ нихъ и исходъ ей дается въ порахъ всего тѣла. Это объясняетъ почему скопчество началось хлыстовскимъ радѣні-

емъ и почему оскопленія совершаются чаще тѣми, кто уже вступилъ въ секту и приступилъ къ радѣніямъ. Истомленный организмъ и плотскія стремленія котораго, такъ сказать, отведены уже по другому направленію—легче переноситъ страшную операцію, на которую едва ли также скоро рѣшился бы человѣкъ съ организмомъ не свыкшимся еще, благодаря радѣнію, съ удовлетвореніемъ плоти другимъ способомъ. Хлыстовство уже само дѣлаетъ шагъ къ скопчеству, когда оно установляетъ у себя сарафаны сшитые такъ, чтобы они давили женскія груди и дѣлали ихъ мягче, тѣмъ отстраняя возбужденіе плоти. Скопцы прямо перешли къ операціи, и замѣчательно, что вырѣзываніе молочныхъ желѣзокъ лѣвой груди у женщины считается болѣе дѣйствительною операціею для скопческихъ цѣлей, чѣмъ такая же операція надъ правой.

Въ заключеніе намъ остается коснуться роли бороды въ исторіи раскола. Что есть соотношеніе между лѣсными болотами Бѣлоруссіи и волосяными шапками колтуна, между короткими курчавыми волосами негра и влажною, жаркою мѣстностью обитаемою имъ—въ этомъ едва ли кто будетъ сомнѣваться. Такъ точно есть соотношеніе и между бородою и природою русскихъ мѣстностей. Едва инородецъ, какъ напр. тунгусъ, начинаетъ жить по русски, онъ обрастаетъ бородою (1). Въ медицинѣ извѣстно что волосъ служитъ охраною противъ проказы: гдѣ растетъ на тѣлѣ волосъ — тѣхъ частей тѣла

(1) Корниловъ. Очерки быта золотопромыш. Зап. Сиб. (Б. для Ч. 1851, т. 108).

проказа не поражаетъ (1). Мы не будетъ вдаваться здѣсь въ объясненіе этого факта—видѣть въ волосѣ трубу выводящую изъ тѣла ядъ проказы и т. д. Довольно того, что вѣренъ самый фактъ. Проказа, господствовавшая на большихъ пространствахъ въ западной Европѣ, въ средніе вѣка, явилась у насъ эпидемически лишь сравнительно позже, но и теперь еще не изчезла вполнѣ, а представляетъ нерѣдкое явленіе въ астраханскомъ краѣ, въ прибалтійскихъ мѣстностяхъ, около Березова и т. д. Медицинскія наблюденія открыли, что между низменнымъ положеніемъ мѣстности равно какъ и рыбною пищею населенія, и проказою, есть прямое соотношеніе. Русское населеніе живетъ въ массѣ случаевъ на низменныхъ мѣстностяхъ и ѣстъ много рыбы. Слѣдовательно въ предрасположеніи къ проказѣ недостатка быть не можетъ и волоса являются такимъ образомъ гигіеническимъ предохранительнымъ средствомъ. Велѣть обрить бороду нѣмцу и малороссу такимъ образомъ еще вовсе не одно и тоже, что великорусскому крестьянину. У тѣхъ на возвышенныхъ, или ровныхъ мѣстностяхъ и при другой гигіенической обстановкѣ борода безъ того плохо растетъ; у жителя лѣсистой и часто болотистой Великороссіи, при его рыбной пищѣ въ теченіе части года, окладистая борода является, уже вовсе не одною пустою принадлежностью внѣшности. Хохолъ можетъ смѣяться надъ кацапомъ и кацапъ надъ хохломъ, но борода великоросса и хохолъ малоросса вовсе не случайное явленіе, а ре-

(1) Ольдекопъ. (Военно-Мед. Журналъ, 1866, I), стр. 265.

зультатъ гигіенической обстановки населенія. Понятно, почему такимъ образомъ борода удержалась и должна удерживаться въ нашемъ, преимущественно питающемся рыбою, духовенствѣ, въ нашемъ крестьянствѣ и почему нигдѣ приказаніе Петра I брить бороду не вызвало такого сопротивленія какъ на лѣсистомъ востокѣ Россіи и въ прикаспійскомъ краѣ, гдѣ казакъ до сихъ поръ смотритъ на свою бороду какъ на святыню. Она дѣйствительно для него не только отличіе отъ степнаго киргиза, но и, очень вѣроятно, гигіеническая охрана при соблюденіи установленныхъ постовъ и въ нездоровой мѣстности.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

НАИБОЛѢЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ И СТАТЕЙ ПО ИСТОРІИ РАСКОЛА.

АВВАКУМЪ. *Житіе протопопа Аввакума.* Автобіографическій очеркъ одного изъ главныхъ столповъ раскола. Г. Тихонравовъ издалъ это житіе съ буквальною точностію, и такъ какъ протопопъ Аввакумъ не стѣсняется въ словахъ и выраженіяхъ, то изложеніе этой небольшой книжки кое-гдѣ оскорбитъ изысканный и изящный вкусъ. Но какъ матеріалъ для изученія раскола, и въ особенности общества, въ которомъ онъ распространялся, эта небольшая брошюрка чрезвычайно важна.

Слѣдующія слова протопопа должны были заставить задуматься его современниковъ. „Чудо!—говоритъ Аввакумъ—какъ-то въ познаніе не хотятъ прійдти: огнемъ да кнутомъ, да висѣлицей хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостоли научили? Не знаю (стр. 93)“. Но таковъ былъ тотъ вѣкъ, и самъ протопопъ Аввакумъ былъ сыномъ своего вѣка. Его, протопопа, мѣстный начальникъ въ церкви за ноги волочилъ, хотя протопопъ былъ въ ризахъ (14); но и онъ, протопопъ Аввакумъ, высѣкъ ремнемъ на церковномъ полу архіерейскаго дьяка Ивана Струну, когда тотъ схватилъ во время богослуженія на клиросѣ его дьячка Антона за бороду (стр. 31).

Б. АЛЕКСАНДРЪ. *Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ раскольниками въ пользу раскола*, 2 тома. Это собраніе извлеченій изъ главныхъ раскольничьихъ сочиненій, иногда съ краткою рецензіею ихъ. Изложеніе почти нейтральное, хотя авторъ и не уклонился вполнѣ отъ желанія оказать своимъ сочиненіемъ пользу администраціи. Впрочемъ мѣста изъ сочиненій выбраны имъ не дурно. Одолѣть не спеціалисту, а простому читате-

лю эти два тома очень трудно и при всемъ томъ это изданіе г. Кожанчикова кажется составляетъ теперь библіографическую рѣдкость.

ВАРСОВЪ. *Братья Андрей и Семенъ Денисовы.* (Прав. Обозрѣніе 1865, XVII). Немного интересныхъ фактовъ и изложеніе, вообще говоря, довольно сухо. Очень много мѣста посвящено рѣшенію вопроса, точно ли Денисовы были княжескаго рода или нѣтъ, тогда какъ намъ кажется, что положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежитъ сомнѣнію, да и самый вопросъ не имѣетъ почти никакого значенія.

Русскій простонародный мистицизмъ. (Христ. Чтеніе, 1869, № 2). Въ этой статьѣ, вызванной по видимому трудомъ г. Добротворскаго о „Людяхъ Божіихъ," авторъ преимущественно говоритъ о хлыстовской сектѣ и притомъ тѣмъ тономъ безпристрастія, который не всегда составляетъ удѣлъ духовной журналистики, даже болѣе: авторъ, какъ намъ кажется, утрируетъ, придавая слишкомъ много мистическаго значенія хлыстовщинѣ, которая кой чѣмъ позаимствовалась отъ мистицизма только въ сравнительно недавнее время и въ аристократической средѣ; въ простонародьи же имѣла первоначально болѣе символическое значеніе по отношенію къ народной неволѣ и къ чаянію искупленія отъ нея, какъ это мы старались разъяснить въ настоящемъ трудѣ, и впослѣдствіи приняла восточный характеръ усвоеніемъ обряда радѣнія.

ВАРАДИНОВЪ. VIII томъ „Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ" г. Варадинова исключительно посвященъ расколу. Авторъ—кропотливый собиратель матеріала, но ни выводовъ, ни личныхъ взглядовъ у него не нужно искать. Въ сужденіяхъ онъ очень остороженъ и нерѣдко вмѣсто полнаго имени ставитъ одну начальную букву, тогда какъ нѣтъ по видимому причинъ не быть вполнѣ откровеннымъ. Г. Варадиновъ сильно налегаетъ на статистическія данныя о расколѣ и на какія? которыя даже офиціальнымъ міромъ признаны совершенно незаслуживающими довѣрія, такъ какъ онѣ уменьшали чуть не вдесятеро число раскольниковъ. По времени составленія труда, когда еще масса сочиненій о расколѣ не являлась въ печати, онъ не можетъ теперь представить какой нибудь полноты фактовъ. Нѣкоторые сектантскіе документы (разсказъ скопца Андреянова и т. д.), помѣщенные въ книгѣ цѣ-

ликомъ, придаютъ ей значеніе, какъ сборнику историческаго матеріала. Г. Варадиновъ, въ своемъ довольно тщательно составленномъ перечнѣ сочиненій по расколу, упоминаетъ 101 сочиненія, конечно далеко не всѣ могущія представить историческій матеріалъ, но такъ или иначе относящіяся къ расколу. Вообще несмотря на недостатки, на официальность и сухость изложенія, трудъ г. Варадинова почтенный и безъ него не обойдется ни одинъ изслѣдователь раскола.

Г. *Расколъ какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій.* (Русс. Вѣсти. 1866.) Рядъ статей о послѣднихъ событіяхъ въ расколѣ. Рѣшительно нельзя сообразить, что заставило автора дать своимъ статьямъ такое оглушающее заглавіе, тѣмъ болѣе, что всѣ факты въ статьяхъ его клонятся къ тому, чтобы доказать — какъ это въ дѣйствительности и было — что никакія усилія враговъ Россіи ничего не могли сдѣлать съ русскимъ расколомъ и расколъ никогда не являлся орудіемъ въ ихъ рукахъ. Статьи эти служатъ даже блестящимъ доказательствомъ этого историческаго явленія и какъ въ этомъ отношеніи, такъ и вообще съ фактической стороны очень интересны.

ГАКСТГАУЗЕНЪ, бар. Въ „Путешествіи по Россіи“ этого автора встрѣчаются замѣтки о русскихъ раскольникахъ и нѣкоторыя ученія въ особенности обращаютъ на себя его вниманіе; но вообще замѣчанія его не имѣютъ особенной важности, такъ какъ онъ изучалъ расколъ лишь поверхностно и поэтому относится къ предмету иногда слишкомъ легко.

ДОБРОТВОРСКІЙ. *Русскій расколъ въ его отношеніи къ церкви и правительству* (Прав. Обозрѣніе, 1862, VII.) Это сочиненіе професора казанской духовной академіи представляетъ весьма замѣчательное явленіе въ литературѣ раскола. Авторъ богатъ фактами и умѣетъ пользоваться ими. Замѣчательно въ особенности то, что это сочиненіе, написанное по пріемамъ свѣтскаго писателя, появилось въ духовномъ журналѣ въ то время, когда, вообще говоря, наша духовная журналистика еще не всегда придерживалась безпристрастія въ изложеніи, и умѣренности и сдержанности въ тонѣ.

Людіи Божіи. Историко-философскій очеркъ хлыстовской секты. Авторъ собралъ не мало хлыстовскихъ пѣсенъ и вообще

говоритъ объ избранномъ предметѣ съ тою серьезностію и сдержанностію, безъ какой невозможно обсужденіе такихъ явленій въ народной жизни, какъ образованіе многочисленныхъ сектъ.

ДУХЪ ХРИСТІАНИНА. Этотъ журналъ представляетъ нѣсколько интересныхъ статей по расколу въ своемъ критико-библіографическомъ отдѣлѣ, но болѣе по отдѣлу рецензій вновь вышедшихъ книгъ. Самостоятельной разработки вопросовъ изъ исторіи раскола въ немъ почти нѣтъ.

ЕСИПОВЪ. *Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія.* Касаясь усиленія раскола въ началѣ прошлаго столѣтія, благодаря введенію брадобритія и нѣмецкаго платья, авторъ такъ характеризируетъ петровскую реформу: „Она (насильственная реформа) должна создать неминуемо два класса людей—однихъ изъ страха и изъ интереса обманывающихъ, другихъ — негодующихъ, враждующихъ. Первые неминуемо безнравственны, вторые опасны.“ Эти слова показываютъ, что авторъ—теоретикъ, а между тѣмъ въ его сочиненіи всего менѣе теоретическаго и историческихъ взглядовъ. Это—эпизоды, извлеченные значительною частью изъ дѣлъ тайной канцеляріи и, пожалуй, интересныхъ въ беллетристическомъ, но очень немного въ историческомъ отношеніи.

ЖУРАВЛЕВЪ. *Полное историческое извѣстіе о раскольникахъ.* Написанное еще въ прошломъ столѣтіи, это сочиненіе охтенскаго священника Андрея Іоаннова Журавлева—обратившагося въ православіе изъ раскола—составляетъ одинъ изъ самыхъ обстоятельныхъ историческихъ трудовъ о расколѣ по настоящее время. Посвященіе въ этой исторіи раскола многихъ страницъ древнимъ стригольникамъ показываетъ, что авторъ смотрѣлъ шире на предметъ чѣмъ тѣ, кто относилъ происхожденіе раскола ко времени исправленія церковныхъ книгъ. Значительное добавленіе къ извѣстіямъ Журавлева о стригольникахъ находится въ *Актахъ Историческихъ*, изд. Арх. ком. и у Игнатія воронежскаго.

ЗНАМЕНСКІЙ. *Іоаннъ Нероновъ.* (Прав. Собесѣдникъ 1869, I). Статья въ особенности замѣчательна независимымъ тономъ изложенія и тѣмъ, что авторъ наводитъ на разъясненіе одной

изъ существенныхъ причинъ раскола—указываетъ на вліяніе малороссіянъ окружавшихъ Никона.

ИВАНОВСКІЙ. *Протопопъ Аввакумъ.* (Прав. Собесѣдникъ 1869, II) Эти публичныя лекціи о первоучителѣ раскола замѣчательны интереснымъ изложеніемъ и обиліемъ фактовъ. Воспользовавшись гг. Тихонравовымъ и Соловьевымъ, авторъ заимствуетъ также наиболѣе рельефныя мѣста изъ извѣстнаго „Описанія сочиненій раскольниковъ, Александра Б.“

ИГНАТІЙ (архіеп. воронежскій). *Исторія о расколахъ въ церкви россійской.* Вышелъ только одинъ выпускъ и разошелся въ двухъ изданіяхъ. Г. Мельниковъ въ своей *Запискѣ о расколѣ* говоритъ, что эта книга была изъята изъ продажи административнымъ распоряженіемъ духовной власти и приписываетъ эту мѣру тому, что книга заключала въ себѣ опроверженіе на замѣчаніе діакона Александра (нижегородскаго основателя діаконовскаго ученія) и Карамзина о подложности соборнаго дѣянія на еретика Мартина, тогда какъ эта подложность не можетъ подлежать сомнѣнію и слѣдовательно дальнѣйшія пренія могли повести лишь къ большему глумленію. На стр. 37, 38, 65, 113 и 115 преосвященный авторъ сообщаетъ не мало заслуживающихъ вниманія подробностей о зарожденіи религіозно-раціоналистическихъ ученій въ Россіи.

ИЗРАИЛЬ (ректоръ черниговской семинаріи). *Обозрѣніе русскихъ раскольничьихъ толковъ.* 1850. Обозрѣніе это очень неполно, но представляетъ нѣкоторыя интересныя черты въ дополненіе къ тому, что извѣстно изъ другихъ источниковъ. Большая часть книги впрочемъ посвящена богословскому изслѣдованію; съ исторической точки зрѣнія интересны только стр. 11—18, 159—162, 266—268, 302—305. Учительный и полемическій тонъ изложенія не отнимаетъ многаго у книги, потому что по времени изданія ея онъ былъ неизбѣженъ: у насъ еще недавно разстались съ мыслію, что опасныя ученія непремѣнно надобно излагать съ опроверженіями, хотя бы опровергающіе, своею слабою аргументаціею и натянутыми возраженіями на-заказъ, положительно вредили своему же дѣлу.

КОСТОМАРОВЪ. *Воспоминаніе о молоканахъ.* (Оте-

чественныя Записки, 1869, № 3). Извѣстный нашъ историкъ посѣтилъ саратовскихъ молоканъ и описываетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ знакомства съ молоканскою средою. Въ особенности замѣчательны преданія, записанныя г. Костомаровымъ о томъ, что молоканство ведетъ свое начало отъ ученаго еврея Схаріи (61), слѣдовательно находится въ прямой связи съ ересью жидовствовавшихъ, и другое—также сохранившееся въ молоканской средѣ—о томъ, что основателемъ молоканскаго ученія былъ нѣкто Матвѣй, еще при Иванѣ Грозномъ—какъ догадывается г. Костомаровъ—Матвѣй Башкинъ (стр. 78). Эти преданія, повторяемъ, чрезвычайно важны. Мы также не придали бы первому преданію важнаго значенія, если взять его отдѣльно, но мы уже въ текстѣ нашего сочиненія путемъ сравненія ученій пришли къ выводу, что молоканство—остатокъ раціоналистическихъ ученій XV и XVI вѣковъ и молоканскія преданія являются въ этомъ случаѣ прямымъ подтвержденіемъ теоретическаго вывода, къ которому нельзя не придти и напр. послѣ прочтенія извѣстной статьи Сервицкаго.

ЛИВАНОВЪ. *„Раскольники и острожники“*. 1869 Т. I и 1870 Т. II. Книги г. Ливанова можно назвать сборникомъ разсказовъ, содержаніе которыхъ отчасти извлечено изъ оффиціальныхъ документовъ. Подъ руками автора была вся масса дѣлъ о раскольникахъ, накопившаяся въ правительственныхъ мѣстахъ. Поэтому фактовъ много и кого интересуютъ они, тотъ найдетъ книги его занимательными. Но въ сущности дѣло идетъ нерѣдко о мелочныхъ эпизодахъ, далеко не имѣющихъ историческаго характера. О духѣ сочиненія можно сказать только, что если бы на оберткѣ книги не стояло имя г. Ливанова, какъ автора, то можно было бы подумать, что этотъ сборникъ составленъ нѣсколькими лицами, неимѣющими между собою ничего общаго ни во взглядахъ, ни въ убѣжденіяхъ. Нѣкоторыя статьи книги написаны съ теплотою и обличаютъ гуманный взглядъ въ авторѣ. Другія очевидно составлены подъ вліяніемъ раздраженнаго чувства и безъ соблюденія безпристрастія, а иногда переходятъ въ личности, имѣющія очень мало общаго съ литературными пріемами. Въ статьѣ о молоканахъ авторъ является совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ мы видимъ его въ очеркѣ: „Какъ раскольники исповѣдаются по почтѣ?“

Во второмъ томѣ эта разношерстность достигаетъ своего апогея и многія главы этого тома вовсе не подлежатъ суду литературной критики и еще менѣе имѣютъ отношенія къ исторіи раскола.

ЛИПРАНДИ. *О сектѣ Татариновой* (въ Чтеніяхъ И. М. О. И., 1868). Авторъ пишетъ, какъ человѣкъ близко знакомый съ дѣлами о расколѣ, и потому съ фактической стороны статья его, описывающая сравнительно недавнія событія, имѣетъ интересъ.

Записка (въ Сборникѣ Кельсіева). Представленная правительству записка эта замѣчательна тѣмъ, что старается придать расколу еще болѣе опасное значеніе въ глазахъ правительства, чѣмъ какое хотѣли предполагать прежде. Авторъ повидимому имѣлъ въ виду доказать необходимость учрежденія особаго вѣдомства, которое имѣло бы на своемъ попеченіи расколъ. По счастью записка г. Липранди не могла никого увѣрить, потому что заключала въ себѣ явныя противорѣчія. Такъ напр. въ одномъ мѣстѣ записки мы читаемъ (II, 145): „Извѣстна необыкновенная простота нашего народа: нѣтъ нелѣпости, которая бы не нашла къ нему доступа; нѣтъ глупости, въ которой бы нельзя было его убѣдить.“ Если подъ словомъ „нашъ“ разумѣется тутъ русскій народъ, то разубѣждать г. Липранди не нужно, потому что онъ самъ разубѣждаетъ себя. Такъ, говоря о безпоповцахъ, онъ сравниваетъ внутреннее устройство ихъ общинъ съ республиканскимъ устройствомъ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ. Но вѣдь безпоповцы по большей части представители нашего крестьянства и самъ г. Липранди приводитъ, что ихъ насчитывали до 5 мильоновъ. Что же это за глупые люди, которые повѣрятъ всякой нелѣпости и необыкновенно просты, а между тѣмъ выдумываютъ Швейцарію и Соединенные Штаты! Словомъ, противорѣчіе очевидно и подрываетъ вообще вѣру въ знаніе авторомъ нашего народа, а не узнавъ его нельзя узнать и раскола, и приходится приравнивать явленія въ расколѣ къ западноевропейской мѣркѣ, которая довела нашего автора до того, что онъ во взаимномъ вспоможеніи членовъ безпоповской общины видитъ соціализмъ и коммунизмъ! (II, 156). Это уже верхъ всего и побиваетъ даже открытіе того же автора, что славянофильство есть безпоповское ученіе (II, 166—167) и сожалѣніе его что книги

и иконы, которыя отбирались у раскольниковъ (многія изъ нихъ составляютъ дорогое пріобрѣтеніе для археологіи), не сожигались (II, 165).

ЛЮБОПЫТНЫЙ, Павелъ Апуфріевъ. *Библіотека старовѣрческой церкви.*

Историческій словарь старовѣрческой церкви.

Павелъ Апуфріевъ, принявшій прозваніе Любопытнаго, петербургскій мѣщанинъ, принадлежавшій къ поморскому согласію, извѣстенъ преимущественно приведенными двумя сочиненіями, хотя самъ онъ, помѣстивъ себя въ ряду перечисляемыхъ имъ старовѣрческихъ писателей, упоминаетъ массу сочиненій, написанныхъ имъ, не опуская указывать на великія достоинства ихъ, такъ какъ къ сожалѣнію онъ принадлежитъ къ немалому числу учителей раскола, которые, благодаря раболѣпству и преклоненію предъ ними ихъ послѣдователей, вдавались въ самохвальство и тѣмъ бросали тѣнь на свои иногда дѣйствительно замѣчательныя достоинства. Два приведенныя сочиненія Любопытнаго помѣщены были въ *Чтеніяхъ И. М. О. Исторіи и Древностей*, 1868, ч. III. Въ первомъ сочиненіи (66 страницъ) нашелъ мѣсто между старовѣрческими писателями и Иванъ Васильевъ, критически описывавшій митрополита Платона и православныхъ, молившихся съ нимъ въ Успенскомъ соборѣ. Упоминается въ числѣ произведеній его между прочимъ и острота на счетъ московской полиціи (стр. 38). Вообще слогъ Павла Любопытнаго удивительно однообразенъ и отзывы иногда почти тождественны. Изложеніе впрочемъ болѣе риторическое и довольно правильное, какъ вообще у людей читавшихъ много, но не получившихъ основательнаго образованія.

МАКАРІЙ (архим.). *Исторія русскаго раскола.* Ученый авторъ подробно излагаетъ фактическую сторону исторіи раскола. Какъ духовный писатель, онъ естественно впадаетъ иногда въ тонъ обличительный, но обличеніе его серьезно и не отзывается личнымъ раздраженіемъ. Если авторъ и измѣняетъ себѣ въ этомъ отношеніи — напр. говоря о безпоповщинѣ (стр. 285), — то это рѣдкія исключенія. Обиліе фактовъ придаетъ этому сочиненію значеніе въ историческомъ отношеніи; тонъ сочиненія и въ особенности навѣянное христіанскою терпимостію заключеніе, дѣлаютъ со-

чиненіе архим. Макарія духовною книгою, болѣе полезною въ сношеніяхъ съ расколомъ, чѣмъ рѣзкія обличенія предшествовавшихъ временъ. Историкъ можетъ найти въ этомъ трудѣ недостатки — особенно въ области критической разработки событій XVI в.; духовный мыслитель увидитъ въ трудѣ архим. Макарія зародышъ того духа примиренія, который впослѣдствіи, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, принесъ счастливые плоды.

МАКСИМОВЪ. *Разсказы изъ исторіи старообрядства.* Авторъ имѣлъ цѣлью сообщить извлеченіе изъ раскольничьихъ сочиненій на основаніи того справедливаго убѣжденія, что эти сочиненія долго были покрыты таинственностью, а между тѣмъ для вѣрной оцѣнки раскола и его значенія нужно было выслушать и противную сторону.

МЕЛЬНИКОВЪ. *Старообрядческіе архіереи и Очерки поповщины* („Русскій Вѣстникъ“ 1863 –1866 гг.). Рядъ статей, живыхъ по изложенію и обильныхъ фактами, основанныхъ на официальныхъ данныхъ и вмѣстѣ очень мало отзывающихся официальностью. Тутъ нѣтъ ни докторальнаго тона, ни тенденціозности, и многіе выводы вѣрны.

Бѣлые Голуби („Русскій Вѣстникъ“, 1869 г.). Довольно обстоятельный очеркъ хлыстовской и скопческой сектъ. Статья богата фактами и раскрываетъ многое, остававшееся для массы общества подъ завѣсою.

Письма о расколѣ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ помѣщенъ былъ въ Сѣверной Пчелѣ рядъ писемъ о расколѣ, извѣстнымъ официальнымъ изслѣдователемъ его г. Мельниковымъ. Послѣ эти письма были изданы отдѣльно. Эта сѣренькая, тоненькая, довольно неопрятно изданная, маленькая брошюрка, не только въ свое время, но и теперь представляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ ряду сочиненій о расколѣ. На стр. 63 г. Мельниковъ упоминаетъ о подложномъ словѣ Димитрія Ростовскаго противъ Мартина-еретика, напечатанномъ епископомъ Питиримомъ по резолюціи Петра I.

Записка о русскомъ расколѣ (въ Сборникѣ Кельсіева). Эта записка была написана въ 1858 г. для великаго князя Константина Николаевича, принимавшаго живое участіе въ вопросѣ о

значеніи раскола. Лучшему спеціалисту, чѣмъ былъ г. Мельниковъ по расколу, нельзя было поручить составленіе записки имѣвшей такое важное назначеніе. Какъ всегда, г. Мельниковъ въ этой запискѣ сообщаетъ массу интересныхъ фактовъ и держится нейтралитета въ отзывахъ и во взглядахъ. За нимъ остается заслуга, что въ этой запискѣ онъ открылъ глаза на многое прежде бывшее секретомъ или представлявшееся въ ложномъ свѣтѣ.

МУРАВЬЕВЪ. *Расколъ, изобличаемый своею исторіею.* Изложеніе докторальное, но серьезное. Кто и не соглашается съ выводами автора, тотъ не можетъ не прочесть ихъ со вниманіемъ, какого заслуживаетъ всякое прямо и серьезно высказанное убѣжденіе. Притомъ сочиненіе Муравьева читается съ интересомъ, даже по прочтеніи авторовъ, компилировавшихъ его, такъ какъ они не рѣдко опускали полноту фактическаго изложенія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эта полнота придаетъ занимательность сочиненію Муравьева.

НАДЕЖДИНЪ. *Изслѣдованіе о скопческой ереси 1845.* Эта книга, изданная по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, была напечатана лишь въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и не распространена въ публикѣ. Еще прежде было составлено, по распоряженію того же министерства, менѣе полное сочиненіе о скопцахъ г. Даля, но не окончено. Сочиненіе Надеждина представляетъ много интересныхъ данныхъ о сектѣ, свѣденія о которой очень мало распространены, но сколько нибудь полный очеркъ скопчества въ Россіи эта книга можетъ представить лишь сопоставленная съ тѣмъ, что писалось о томъ же предметѣ гр. Толстымъ, Кельсіевымъ (о тульчинскихъ скопцахъ), Максимовымъ (о закавказскихъ), въ духовныхъ журналахъ, и т. д. и въ особенности Мельниковымъ въ статьѣ *Бѣлые Голуби*.

НАДЕЖДИНЪ. *О заграничныхъ раскольникахъ* (въ Сборникѣ Кельсіева). Авторъ самъ ѣздилъ по мѣстностямъ, которыя описываетъ, хотя и не по всѣмъ. Ведя бесѣды съ лицами не подозрѣвавшими иногда въ немъ правительственнаго чиновника, онъ могъ узнать многое, что иначе было бы скрыто отъ него. Добытое этимъ путемъ, онъ употребляетъ однако не съ тѣмъ, чтобы представить расколъ предъ правительствомъ въ настоящемъ свѣтѣ, а

развиваетъ систему запугиванія власти мнимою политическою опасностію со стороны раскола, систему, которую конечно не создалъ г. Надеждинъ, а заимствовалъ у высшей администраціи того времени, когда съ истиннымъ характеромъ раскола вовсе не были знакомы.

НИКОЛАЕВЪ. *Очеркъ происшествій въ поповщинѣ съ 1846 г.* (въ Чтеніяхъ И. М. О. И. 1865, III). Трудъ очень не обширный, хотя статья и сдѣлана объемистою, благодаря документамъ, приложеннымъ къ ней и представляющимъ неоспоримый интересъ. Что написано самимъ г. Николаевымъ—отзывается тою желчностью изложенія, которая не говоритъ въ пользу автора и мѣшаетъ внимательно прочесть его трудъ до конца. Статья впрочемъ отнесена въ отдѣлъ Смѣси и получила значеніе только благодаря документамъ, приложеннымъ къ ней.

НИЛЬСКІЙ. *Нѣсколько словъ о расколѣ.* Брошюра, имѣющая цѣлію доказать несостоятельность мнѣній г. Щапова о политическомъ значеніи раскола. Выводы ея рѣшительно не выдерживаютъ критики, и тщетное бореніе противъ истины со стороны автора, знающаго и начитаннаго, вызываютъ вопросъ: какія причины побудили его возставать на то, что такъ ясно и убѣдительно? Авторъ старается доказать, что не соціальные и гражданско-историческіе, а именно церковные вопросы лежатъ въ основѣ раскола. Едва ли кто нибудь станетъ серьезно доказывать невѣрность такого воззрѣнія въ настоящее время.

Семейная жизнь въ расколѣ. 1869. Книга написана сухо и довольно богословски, но самый предметъ на столько интересенъ, что она найдетъ читателей. Тотъ ошибется однако, кто предположитъ въ этой солидной по объему книгѣ много новыхъ фактовъ и указаній. Кому литература раскола знакома, тотъ встрѣтитъ въ ней немного новаго. Но при всемъ томъ г. Нильскій трудолюбивый изслѣдователь раскола и въ этомъ нельзя не отдать ему справедливости.

НОВИЦКІЙ. *О духоборцахъ.* Эта брошюра неболѣе какъ въ 60 страницъ—перепечатка изъ „Трудовъ“ студентовъ кіевской духовной академіи—представляетъ замѣчательное явленіе въ исторической библіографіи раскола. Явясь въ началѣ тридцатыхъ го-

довъ, эта брошюра составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Экземпляры ея продаются, говоритъ г. Мельниковъ въ своихъ „Письмахъ о расколѣ", по 50—100 рублей. Причиною этого было слѣдующее. Новицкій (профессоръ кіевской духовной академіи) собралъ въ систему все, что было извѣстно объ ученіи духоборцевъ, съ тѣмъ чтобы, по правиламъ православныхъ учителей, опровергнуть догматы духоборскаго ученія. Иначе взглянули на дѣло молокане. Они увидали въ трудѣ почтеннаго профессора большую услугу себѣ, такъ какъ до тѣхъ поръ у нихъ не было ничего приведено въ систему относительно ихъ ученія. Является депутація отъ молоканъ къ профессору—благодарить за его трудъ... Профессоръ конечно, смущенъ явясь въ неожиданной для него роли, но онъ конечно не былъ виноватъ предъ своимъ начальствомъ ни душою, ни тѣломъ. Восхищенные молокане, раскупали книгу его на расхватъ, а затѣмъ явилось запрещеніе ея въ обращеніи и такимъ образомъ экземпляры ея сдѣлались библіографическою рѣдкостью. Эта книга до того рѣдка, что когда экземпляръ ея былъ украденъ—Богъ вѣсть изъ корысти, или изъ другихъ побужденій—изъ имп. публичной библіотеки, то оказалось невозможнымъ, несмотря на желаніе и средства библіотеки, восполнить пропажу.

ПАЛЛАДІЙ, архим. *Обозрѣніе пермскаго раскола.* Авторъ выставилъ на своемъ сочиненіи лишь буквы А. П., но изъ рецензіи на его книгу въ Христіанскомъ Чтеніи мы узнаемъ полное имя и званіе его. Сочиненіе архим. Палладія весьма замѣчательно какъ историко-этнографическій матеріалъ, и нельзя не пожалѣть, что у насъ нѣтъ поболѣе описаній мѣстныхъ толковъ раскола.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ЗАКОНОВЪ представляетъ обильный матеріалъ для исторіи раскола. Мы не приводимъ статей, относящихся къ расколу: онѣ перечислены въ подробномъ Указателѣ къ П. С. З. Нѣтъ сомнѣнія, матеріалъ этотъ исчерпывался; но писатели, пользовавшіеся имъ, смотрѣли на дѣло не всегда безпристрастно, пользовались не всѣмъ, что представляетъ матеріалъ, и потому основываться на нихъ не всегда можно, а необходима провѣрка самого матеріала.

ПОПОВЪ. *Что такое современное старообрядство?*

Сборникъ изъ исторіи старообрядства.
Сборникъ для исторіи старообрядства 2 т.

Сочиненія г. Попова почти не имѣютъ историческаго характера. Это—сборники фактовъ, большею частію мелочныхъ, иногда касающихся только личностей. Авторъ самъ называетъ прекраснымъ сравненіе „Московскихъ Вѣдомостей“ раскола съ странникомъ, тѣмъ плотнѣе укутывавшимся въ плащъ, чѣмъ сильнѣе дулъ вѣтеръ, и скинувшимъ тотъ же плащъ, когда вышло солнце и стало тепло. Авторъ, полагающій, что расколъ потерялъ характеръ мрачнаго упорства и фанатизма съ тѣхъ поръ, какъ прекратились гоненія на него, можетъ писать только въ духѣ примиренія. Но г. Поповъ не всегда вѣренъ себѣ. Термины и пріемы, раскрывающіе иногда болѣе цитатъ и фразъ, задушевные взгляды не всегда говорятъ въ сочиненіяхъ г. Попова о духѣ примиренія. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы сборники эти не имѣли никакого историческаго интереса: они богаты приложеніями и прилагаемые документы иногда довольно важны по своему содержанію.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ министерства внутреннихъ дѣлъ и св. Синода по расколу, 1858 и 1860 г.—были изданы правительствомъ для административныхъ цѣлей и оставались нераспространенными въ публикѣ. Нельзя сказать чтобы эти книги представляли очень обильный матеріалъ для исторіи раскола, но какъ дополненіе къ Полному Собранію Законовъ, куда не вошла значительная часть правительственныхъ распоряженій по расколу, они имѣютъ свое значеніе. Этимъ собраніемъ правительственныхъ актовъ обильно пользуются: г. Варадиновъ въ своей Исторіи раскола (VIII томъ его „Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ“) и г. Мельниковъ; но вообще говоря эти собранія документовъ представляли не всѣмъ доступный источникъ.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Изъ всѣхъ духовныхъ журналовъ этотъ едва ли не настойчивѣе другихъ подвергалъ изслѣдованію вопросы изъ исторіи раскола и въ такомъ духѣ, который не служилъ къ затемнѣнію предмета. Между тѣмъ какъ прочіе духовные журналы лишь постепенно отрѣшались отъ прежняго полемическаго и бездоказательнаго характера изложенія въ пользу фак-

товъ и нейтрально-ученыхъ воззрѣній, Православное Обозрѣніе разомъ стало на вѣрную почву.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ, издающійся въ Казани, помѣстилъ на своихъ столбцахъ не мало статей по расколу и вообще Казань, обладающая бывшею Соловецкою библіотекою и куда являлись иные раскольники издалека для преній о вѣрѣ, могла сдѣлать вкладъ, и не малый, въ историческую литературу раскола.

RASKOL, Paris, 1859. Въ этой книгѣ, напечатанной въ Парижѣ въ ту пору, когда наше правительство было въ особенности серьезно озабочено изученіемъ раскола, проглядываетъ желаніе оправдать мѣры принимавшіяся въ прежнее время противъ раскольниковъ. Какъ сочиненіе изданное за границею оно представляетъ не мало интересныхъ замѣтокъ, отъ которыхъ можетъ быть авторъ счелъ бы нужнымъ воздержаться, если бы писалъ въ Россіи, тѣмъ болѣе что онъ даже и въ книгѣ, изданной на французскомъ языкѣ и за границей, ставитъ вмѣсто именъ одни начальныя буквы даже тамъ, гдѣ можно было бы обойтись безъ этой скромности.

РУССКІЙ АРХИВЪ, изд. при Чертковской библіотекѣ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько статей и документовъ по расколу въ XVII ст. и при Петрѣ I, и представляетъ нѣкоторые необнародованные до того времени документы о времени, совпадающемъ съ началомъ единовѣрія. Замѣтки „О странникахъ“ сообщаютъ интересные факты о расколѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи.

S. *Изъ исторіи Преображенскаго кладбища* (Русскій Вѣстникъ, 1862, № 2). Статья, представляющая массу фактовъ изъ исторіи московскаго раскола. Написана во многихъ отношеніяхъ безпристрастно. Она обстоятельно раскрываетъ то громадное соціальное значеніе, которое имѣло и имѣетъ община, устроенная Ковылинымъ, и историческую роль самого Ковылина, а съ тѣмъ вмѣстѣ уяснитъ истинныя причины успѣховъ раскола въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст.

СБОРНИКЪ КЕЛЬСІЕВА 2 части, Лондонъ, 1860—61. Мы упоминаемъ только 2 части, потому что другіе томы изданные г. Кельсіевымъ въ Лондонѣ—не что иное какъ перепечатка сочиненія Надеждина о сектахъ и постановленій министерства внутреннихъ дѣлъ по расколу—сочиненій, изданныхъ въ Россіи лишь въ неболь-

шомъ числѣ экземпляровъ для правительственныхъ цѣлей и съ которыми г. Кельсіевъ хотѣлъ познакомить массу публики. Что касается первыхъ двухъ частей сборника г. Кельсіева, то онѣ представили новый и важный матеріалъ для исторіи раскола и впервые вызвали на свѣтъ записки административныхъ изслѣдователей раскола. Несомнѣнно что ради самого знакомства съ расколомъ и его исторіею —на малое знаніе ея такъ справедливо жаловались въ нашихъ правительственныхъ сферахъ—эти матеріалы должны были появиться въ печати и въ Россіи. Лондонъ предупредилъ русскую печать и къ сожалѣнію нѣкоторые безъ нужды рѣзкіе отзывы мѣшаютъ лондонскому сборнику даже теперь явиться въ обращеніи. Въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ и книгахъ мы встрѣчаемъ заимствованія изъ этого сборника, и даже иногда весьма обильныя, съ должными ссылками на источникъ заимствованій, а иногда и безъ ссылокъ, но самая книга—и именно, какъ мы полагаемъ, вслѣдствіе особенностей издательскаго слога въ вступительныхъ статьяхъ - не допущена къ свободному обращенію въ Россіи. Особенно даютъ много матеріала для исторіи раскола записки Липранди, Мельникова, Надеждина, Синицына, Арнольди, Врянчанинова и Исторія оедосѣевской общины. О наиболѣе замѣчательныхъ запискахъ административныхъ изслѣдователей раскола мы упоминаемъ отдѣльно. Что касается Исторіи оедосѣевской общины, то въ ней заключается масса свѣдѣнія въ пополненіе къ находящемуся въ исторіи преображенскаго кладбища, помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ. Не мало интересныхъ данныхъ заключается и въ введеніи г. Кельсіева къ обѣимъ частямъ.

СЕРВІЩКІЙ. *О ереси новгородскихъ еретиковъ* (Прав. Обозрѣніе, 1862, VI). Авторъ представилъ историческій очеркъ распространенія секты жидовствовавшихъ во многихъ отношеніяхъ говоритъ обстоятельнѣе протоіерея Журавлева и архіеп. Макарія, Въ особенности ему принадлежитъ честь раскрытія обстоятельствъ, поясняющихъ что дѣйствительно на ересь жидовствовавшихъ можно смотрѣть какъ на предшественницу современныхъ намъ духоборчества и молоканства.

СПИГИРЕВЪ. *Основатели секты „Людей Божіихъ", хлыстовщины Ивана Суслова и Прокопій Лупкина.*

(Прав. Обозрѣніе, 1862, VIII). Авторъ держится фактическаго изложенія и почти совершенно не прибѣгаетъ къ критикѣ описываемыхъ фактовъ. Точно ли архіерей Досиѳей присталъ къ хлыстовщинѣ и былъ за это по лишеніи сана разорванъ клещами, или нѣтъ; былъ ли Сусловъ распятъ на крестѣ у Спасскихъ воротъ—ни о чемъ этомъ изъ словъ Снигирева нельзя заключить навѣрно. Онъ передаетъ о распятіи Суслова, воскресеніи его и послѣ жизни у Николы въ Грачахъ, со словъ послѣдователей хлыстовщины безъ всякихъ поясненій, хотя фактъ воскренія,—если подъ нимъ разумѣть то, что Сусловъ былъ отпущенъ арестовавшими его правительственными властями,—весьма нуждался бы въ разъясненіи.

СТОЛЛОВЪ. *Нѣсколько словъ о молоканахъ въ Таврической губерніи.* (Отеч. Зап. 1870, № 6). Авторъ, какъ видно изъ статьи его, молоканской учитель, но онъ вмѣстѣ подписался казакомъ и георгіевскимъ кавалеромъ. Эта подпись также имѣетъ свое значеніе. Авторъ доказываетъ что въ средѣ молоканъ вовсе не существуетъ той оппозиціи правительству, какую предполагаютъ иные, что донскіе и таврическіе молокане поступаютъ въ военную службу и вообще повинуются предписаніямъ закона. Основываясь на этомъ, авторъ справедливо замѣчаетъ что молоканамъ должны быть по крайней мѣрѣ даны тѣ же права, какими пользуются другіе иновѣрцы въ Россіи, а между тѣмъ они этихъ правъ до сихъ поръ еще не имѣютъ.

СУББОТИНЪ. *Современныя движенія въ расколѣ.* Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ былъ рядъ статей въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за послѣдніе года. Собственнаго историческаго значенія эти статьи почти не имѣютъ. Описывая современныя происшествія, часто мелочныя дрязги, эти статьи конечно имѣютъ журнальный интересъ для массы москвичей—послѣдователей раскола, но на нихъ почти нельзя указать какъ на историческій матеріалъ.

ТЕРНОВСКІЙ. *Московскіе еретики при Петрѣ I.* (Прав. Обозрѣніе, 1863, X). Авторъ обстоятельно излагаетъ попытки протестантизма утвердиться въ Россіи въ царствованіе Петра I. Изъ статьи видно что многіе вліятельныя лица, по крайней мѣрѣ въ первое время, если не сочувствовали этимъ попыткамъ, то и не совсѣмъ неблагосклонно смотрѣли на нихъ. Ново-

ротъ въ мнѣніяхъ произошелъ послѣ, когда русскій протестантизмъ перешелъ въ открытое иконоборство.

ТОЛСТОЙ. *О сектахъ въ Закавказьѣ* (въ Чтеніяхъ И. М. О. И., 1864, IV). Сообщаются свѣденія о закавказскихъ скопцахъ, бросающія во многомъ новый свѣтъ на эту секту. Авторъ держится преимущественно фактическаго изложенія.

ФИЛИПОВЪ. *Исторія выговской пустыни.* Филиповъ былъ настоятелемъ выговской общины и потому конечно пишетъ въ духѣ партіи. Это—рукопись прошлаго столѣтія, изданная въ сравнительно недавнее время. Такъ какъ это скорѣе лѣтопись выговской общины, то заключаетъ въ себѣ много подробностей лишенныхъ интереса. Сохраненіе орографіи и особенностей подлинника въ печати, отнимая интересъ у „Исторіи“ Филипова, какъ книги для общаго чтенія, придаетъ болѣе значенія ей какъ историческому матеріалу.

ФИЛИБЕРТЪ, АННА. *Нѣсколько словъ о молоканахъ.* (Отеч. Записки, 1870, № 6). Страницы 293 — 295 представляютъ много интересныхъ данныхъ о современномъ намъ молоканствѣ и вообще статья написана съ душевною теплотою. Тутъ женщина является на защиту ученія, высоко ставящаго женщину—и это одно уже достойно замѣчанія. Статья г-жи Филибертъ служитъ вступленіемъ къ статьѣ Столпова, о которой мы говоримъ отдѣльно.

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ, журналъ издающійся при петербургской духовной академіи, представилъ начиная съ шестидесятыхъ годовъ,—когда вообще историческая литература раскола стала быстро обогащаться благодаря нашей духовной журналистикѣ, вдругъ заявившей себя замѣчательными статьями,—цѣлый рядъ изслѣдованій по исторіи раскола. Особенно частое явленіе въ нихъ были статьи профессора петербургской духовной академіи Нильскаго. Отдавая дань начитанности и эрудиціи г. Нильскаго мы однако не можемъ согласиться со многими изъ его положеній. Такъ напр. онъ дошелъ до того, что въ одной изъ статей своихъ, вслѣдъ за Филаретомъ (Исторія русской церкви) приписалъ Никону незлобивость голубя, замѣтивъ что этому іерарху недоставало только „мудрости змѣи“. Это уже вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ исто-

ріи, которая хотя и не видитъ въ Никонѣ „мудрости змѣи“, но за то видитъ другія, вовсе нелестныя, качества и уже никакъ не заставляетъ предполагать въ этомъ жестокосердомъ, мстительномъ и корыстномъ честолюбцѣ незлобивости голубя.

ЧАПЫЖНИКОВЪ. *Историческое извѣстіе о раскольниках.* 1787. Сочиненіе мало замѣчательное и о которомъ надобно упомянуть лишь потому, что оно было изъ первыхъ сочиненій, трактовавшихъ о расколѣ съ сдержанностью и съ довольно обстоятельнымъ изложеніемъ причинъ нравственной силы раскола. Такъ, тутъ излагается аскетическое направленіе ученія безпоповцевъ федосѣевскаго толка въ до-ковылинское время.

ЧТЕНІЯ въ Имп. Моск. Общ. Исторіи и Древностей. Кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ документовъ, преимущественно офиціальнаго характера, обнародованныхъ впервые, здѣсь встрѣчаются статьи по расколу — какъ напр. Толстаго, Николаева и Липранди, о которыхъ мы говоримъ отдѣльно. Изъ документовъ въ историческомъ отношеніи особенно важны: доношеніе Питирима (1860, IV); прошеніе старообрядцевъ съ условіями, на которыхъ они согласны приступить къ единовѣрію, съ замѣтками Потемкина на поляхъ (1860, IV); о происхожденіи молоканъ и духоборцевъ (1864, II, IV); о послѣднихъ происшествіяхъ въ расколѣ (1865, III). Въ I и II книгахъ 1869 г., помѣщены интересныя статьи и документы о федосѣевскомъ и монинскомъ согласіяхъ, съ портретами Ковылина и Скачкова.

ЩАПОВЪ. *Земство и расколъ.*
Русскій расколъ старообрядства.
Умственныя направленія русскаго раскола.

За г. Щаповымъ остается честь перваго почина на пути философскаго изученія русскаго раскола. Онъ не касается мелочей и подробностей, за которыми такъ гонятся другіе историки раскола, какъ будто въ нихъ-то все и дѣло. Другіе имѣютъ преимущественно въ виду религіозно-обрядовую сторону раскола; г. Щаповъ — историко-критическую. Что другимъ кажется сущностью дѣла, въ томъ онъ видитъ лозунгъ, одинъ внѣшній символъ. Многія изъ сочиненій по расколу могли быть по справедливости от-

носимы къ отдѣлу богословія; сочиненія г. Щапова могутъ быть отнесены только къ области исторіи. Самое заглавіе „Земство и расколъ“ показываетъ, что г. Щаповъ стоитъ на вѣрномъ пути въ оцѣнкѣ отношеній земскихъ преданій къ расколу. Въ статьѣ „Умственныя направленія русскаго раскола“ (*Дѣло*, 1867) авторъ бросаетъ свѣтъ на значеніе обычаевъ и суевѣрій у разнообразныхъ массъ русскаго населенія въ происхожденіи разныхъ согласій и толковъ раскола.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ ЛЕКСИКОНЪ, изд. русскими учеными и литераторами 1861. Статьи: „Аввакумъ“, „Андрей Іоанновъ Журавлевъ“, „Екатеринбургскіе раскольники.“

ЯКОВЛЕВЪ. *Испытаніе о раскольническихъ мнѣніяхъ*. 1748. Григорій Яковлевъ обратился изъ раскола въ православіе и „Испытаніе“ его доказываетъ въ немъ большаго знатока внутренняго склада раскола и его различныхъ толковъ. Онъ сообщаетъ интересныя свѣденія о подраздѣленіи раскола на толки и объ основателѣ ѳедосѣевщины.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А) ЛИЦА ВЛІЯВШІЯ НА РАСКОЛЪ ИЗВНѢ.

Адріанъ патр. 86, 347.
Александръ вятскій, 61.
Александръ I, 18, 157, 213, 253, 323. 350, 351, 355.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 54, 58, 60, 68, 311.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, 342.
Бакунинъ 370.
Безобразовъ, ген. 233.
Васіанъ, епис. 26.
Геннадій, новгород. 26, 28, 29, 30, 31.
Геронтій, митр. 26, 28.
Герценъ, 368. 370.
Глоя, сочинительница, 325.
Грелье, квакеръ, 350.
Даніилъ митр. 63.
Демидовъ, 12.
Димитрій Ростовскій, 189, 347.
Діонисій, архим. 38, 39, 40.
Евѳимій, митр. 31.
Екатерина II, 12, 16, 18. 62, 126, 159, 319.
Елеазаръ, игум. 31.
Елена, кн. 25.
Елисавета Алексѣевна, 323.
Елисавета Петровна, 215.
Жуковскій, польскій эмигрантъ, 354.
Журавлевъ, 80.
Иванъ III, 20 25, 26, 28, 338.
Иванъ IV, 13, 47, 48, 85, 92, 338.
Игнатій, воронеж. 22.
Иннокентій, иркут. 347.
Іоаннов Андрей, 80.
Іосифъ, патр. 9, 59, 62.
Іосифъ, волоколам. 25.
Карамзинъ, 348.
Карауловъ, разб. 273.
Кельсіевъ, 369.
Конорлинъ, Викторъ, 222.
Костюшко, еврей, 354.
Круглый, 147.
Куракинъ, кн. 205, 206, 243, 233.
Лопашинскій, Ѳеофилактъ, 189.
Макарій, вологод. 61, 62.
Макеній, грекъ, 35, 36.
Маркелъ, новгород. 61.
Меньшиковъ, 315.
Михаилъ Олельковичъ, кн. 21.
Наполеонъ, 16, 17.
Неофитъ, 295.
Николай I, 303, 325, 344, 350, 351.
Никонъ, 8, 10, 44, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58. 59, 60, 61, 62, 65, 67, 71, 74, 81, 82, 95, 96, 98.
Нилъ, патр., 31.
Огаревъ, губернаторъ, 305.
Орловъ, Г. Г. 320.
Павелъ I, 205, 277, 324, 343.
Павелъ, епископъ коломен., 61.

Перовскій, гр. 363.
Петръ I, 11, 12, 13, 14, 58, 62, 89, 145, 242, 339, 340, 341.
Петръ III, 12, 124, 125, 349.
Питиримъ, епископъ, 99, 122, 294, 345.
Платонъ, митр. 168.
Потемкинъ, 127, 296.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ, 22, 23.
Ртищевъ, 314.
Румянцевъ Задунайскій, 231.
Самаринъ, 147.
Симеонъ, Полоцкій, 314.
Стилиевъ, 316.
Филаретъ, патр. 39, 40, 42, 59, 215.
Филаретъ, митр. москов. 307, 334.
Филиппъ, митр. 47, 48.
Чайковскій, 354.
Штелинъ, Юнгъ, 324.
Юшкевичъ, Амвросій, 23.
Яворскій, Стефанъ, 342.
Яковлевъ, Григорій, 80.
Ѳедоръ Алексѣевичъ, царь, 57, 79, 82.

Б) ПРЕДСТАВИТЕЛИ РАСКОЛА И СЕКТАНТСКИХЪ УЧЕНІЙ.

Аввакумъ, протопопъ 8, 43, 45, 58, 60, 62, 65, 66, 67, 68, 85, 311, 314, 330.
Авель, монахъ, 324.
Акулина, основательн. секты, 181.
Александръ, діаконъ, 182, 183, 318.
Алексѣй, свящ., 25.
Алимпій Милорадовъ 222, 358.
Амвросій, бѣлокриницкій 222, 354.
Артемій, игум. 27, 32.
Артемій, лютеранинъ, 332.
Артемьевъ, Семенъ, 223.
Баратинскій, князь, 310.
Башкинъ, Матѳѣй, 27, 32, 33.
Борисовъ, Андрей, 127.
Бородинъ, Ѳаддѣй, 69.
Бѣляевъ, 300.
Викторовъ, помѣщикъ, 219.
Викулинъ, Данило, 103, 141.
Висковатый, дьякъ, 33.
Власова, Наст. Мих. 253.
Волкъ, Иванъ, 25.
Воротынскій, 310.
Герасимова, Евдокія, 253.
Геронтій, бѣлокриницкій, 222, 235, 357.
Гнусинъ, 157, 254, 351.
Голицынъ, кн. А. Н., 271, 280.
Головастиковъ, 360.
Головины, 326.
Голубовъ, 367.
Гончаровъ, 16.
Грачева, Вар. Еф. 335.
Грачевъ, 16, 254.
Григорьевъ, Иванъ, 261.
Громовъ, 329.
Гучковъ, 304.
Гучковы, 362.
Гусаревъ, 351.
Далматовъ, Семенъ, 260.
Денисовъ, Андрей, 80, 228.
Денисовъ, Семенъ, 69, 80, 116.
Денисъ, священ. 25.
Дерюшкинъ, см. Тверитиновъ.
Досиѳей, архіерей, 322.
Дубовицкій, помѣщикъ, 271.
Евстратъ Васильевъ, 316.
Евѳимій, основатель секты странниковъ, 177.
Еленскій, камергеръ, 278.
Емельяновъ, Василій, 231—238.
Енгалычевъ, кн. 271.
Журавцевъ, Петръ, 350.
Зайцевъ, 329.
Захаръ, стригольникъ, 29.
Зенковъ, 192, 233.
Зосима, митр. 25, 30, 309.
Ивановъ, Савва, свящ. 246.
Ивановъ, Ѳома, 214.
Иларіонъ, Коровьи-Ножки, 181.
Ильинъ, Митрофанъ, 302.
Іовъ, 329.
Іона, 329.
Іосевъ, Максимъ, 350.
Калмыкъ, Михаилъ, 183, 215, 217.
Капитонъ, 70, 144.
Карпъ, діаконъ, 28, 338.
Кауровъ, Антонъ, 229.
Кириллъ, бѣлокриниц. 224.
Кириловъ, Григорій, 17.
Ковылинъ, 16, 18, 83, 84, 157, 168, 170, 192—207, 231, —234, 254, 331, 335.
Колесниковъ, 246, 277.
Комаръ (Рудометкинъ) 290.
Кононовъ, скопецъ, 231.
Копыловъ, Аввакумъ, 269.
Копыловъ, Филиппъ, 269.
Коровинъ, Иванъ, 17,
Косой, Ѳедоръ, 27.
Косцевъ, 205.
Крыловъ, 325.
Кузнецовъ, скопецъ, 280.
Кузнецовъ, 300.
Кузьма, священ. 118, 121, 128.
Курицынъ, Ѳедоръ, дьякъ, 25.
Куткинъ, 293.
Лабзинъ, 271, 324
Лазарь, протоіерей, 43, 65
Лебедка, свящ. 119, 315.
Логинъ, 67.
Лупкинъ, 268.

Львовъ, кн. 310.
Любопытный, Павелъ, 192, 193, 232, 237.
Милованновъ, 335, 351.
Милославскіе 310.
Михайловъ, Кирило, 253.
Михайловъ, Яковъ, 17.
Михайловъ, Ѳедоръ, 215.
Монинъ, 231.
Морозовы, 61, 310.
Мотылевъ, Матвѣй, 350.
Моховъ, 253.
Мышецкіе, кн. 310.
Нарышкинъ, 310.
Некрасовъ, казакъ, 13.
Немастьевъ, 322.
Нероновъ, Иванъ, 65—311.
Никита Пустосвятъ, 65, 115, 117, 119.
Никита, стригольникъ, 29.
Никодимъ, 217, 298.
Новосадова, Марья Карповна, 237.
Павелъ, инокъ, 222.
Павелъ, Коломенскій, 45, 70.
Павелъ, Прусскій, 307.
Пафнутій, 369.
Петровъ, Лукьянъ, 325.
Платовъ, атаманъ, 217.
Плещеевы, 310.
Плотицынъ, Максимъ, 282, 288.
Побирохинъ, Ларіонъ, 246.
Позументщиковъ, 320.
Поповъ, тайн. сов. 271, 280, 289.
Поповъ, см. Шепиловъ.
Потемкинъ, 310, 326.
Прядильщиковъ, 203.
Пульхерія, 255.
Пѣсковскій, 203.
Радаевъ, 325.
Разинъ, Стенька, 69.
Рудометкинъ, (Комаръ), 290.
Русиновъ, 219.
Рябининъ, 326.
Рязановъ, 219.
Савва, 116.
Савицкій, штабсъ-капит. 331.
Саламатинъ, казакъ, 359.
Салтыковъ, 310, 311, 329.
Сарафановъ, Иванъ, 69.
Салтыкова, 61.
Свѣчина, 14, 213.
Сентъ, протопопъ, 29.
Селивановъ, Кондратій, 276, 329.
Семенова, Анна, 253.
Сергій, иргизскій, 212, 215.
Сергій, инокъ, 116.
Скачковъ, Гаврило, 231, 234 235, 239.
Соковнинъ, 310.
Солодовниковъ, 280.
Сонѣлкинъ, 255.
Степанъ, 128.
Стрѣшневъ, 310.
Сусловъ, купецъ, 183.
Сусловъ, Иванъ, 267, 270, 323.
Схарія, 24, 309, 338.
Талицкій, 342.
Таровитый, 359.
Татаринова, 271, 272, 323.
Тверитиновъ, 243—244.
Терентій, крестьянинъ, 324.
Тименьковъ, 272.
Тихонравъ, Кипріянъ, см. Кириллъ.
Тихонѣевъ Никифоръ, 17.
Уклеинъ, 246, 258, 260.
Урусова, 310.
Филиповъ, Данило, 267.
Филиповъ Иванъ, 80.
Филиповъ, Никифоръ, 325.
Фроловъ, купецъ, 272.
Хархоринъ, 203, 253.
Хованскій, 310.
Царскій, 362.
Чебоксарскій, Василій, 215, 216.
Шепиловъ, 260.
Шиловъ. 329.
Шиховъ, 328.
Шутовъ (Антоній), 332.
Щегловъ, 329.
Юршевъ, 195.
Яковлевъ, Евстигней, 325.
Яковлевъ, Сергѣй, 16.
Ястребовъ, 219.
Ѳедоровъ, Дмитрій, 302.
Ѳедосій, лютеранинъ, 338.
Ѳеодосій, Васильевъ, 103, 124, 150, 316.
Ѳома, лютеранинъ, 338.

В) СОГЛАСІЯ, ТОЛКИ И СЕКТАНТСКІЕ ТЕРМИНЫ.

Аввакумовщина, 85, 180.
Адамантово согласіе. См. Пастухово.
Адамиты, 291.
Акулиновщина, 184.
Андреяновцы, 185.
Артамоновщина, 174.
Безпоповщина, 131, 166.
Бѣгуны, см. Странники.
Бѣлорпацы, 188.
Бѣлые Голуби (скопцы), 276.
Бѣлый виноградъ, 292.
Волосатовщина, 184.
Воскресники, 261.
Вѣтковщина, 184.
Глухая нѣтовщина, 189.
Двуименники, 185.
Досиѳеевщина, 184.
Дрождевики, 189.
Духоборцы, 34, 242.
Духовидцы, см. Духовные.
Духовные, 289.
Духовные скопцы, 293.
Душильщики, 186.
Дырники, 259.
Дьяконовщина, 183.
Дѣтоубійцы, 185.
Жидовствующіе, 20, 24, 26, 27, 28, 30.
Жиды, см. Селезневщина.
Зеленый садъ, 292.
Иконоборцы, 260.
Иларіоновщина, 184.
Искатели Христа, 291.
Іевлевцы, 185.
Іорженцы, 355.
Іудействующіе, 249, 260.
Кадильники, 183.
Капитоны, 189.
Капустинъ, 245.
Квасники, 261.
Кержаки, 355.
Кокоревщина, 189.
Кривотолки, 189.
Кузьминовщина, 172.
Купидоны, 289.
Лабзинцы, 324.
Ладожане, 172.
Лазаревщина, 202.
Липоване, 355.
Липовцы, 184.
Лужковское согласіе, 184.
Ляды, 288.
Милютинская, 189.
Молокане, 26, 27, 34, 242, 366.
Мошинское согласіе, 227, 356, 357.
Монтане, 289.
Морельщики, 264.
Наполеоновы, 291.
Немолвяки, см. Немоляки.
Немоляки, 260.
Новожены, 174, 228.
Новопоморское согласіе, см. Мошинское.
Нѣтовцы, 34, 172, 173.
Общіе, 260.
Онисимовщина, 184.
Онуфріевщина, 311.
Осиновцы, 185.
Осиповщина, 184.
Пастухово согласіе, 171.
Перекрещеванцы, 172.
Перемазановщина, 183.
Перевертыши, 233.
Петрова крещенія, 189.
Подрѣшетники, 189, 264, 265.
Познающіе, 189.
Покровское согласіе, см. Мошинское.
Ползуны, см. Искатели Христа.
Поморяне, 115, 150—153, 167.

Поповщина, 114, 166.
Потемщина, 185.
Прокольши, 293.
Прыгуны, см. Духовные.
Прѣсники, 261.
Рогожники, 189.
Рубашники, 185.
Рубищники, 189.
Рябиновцы, 184.
Рябиновщина, 186.
Самокрещенцы, 183.
Самокруты, 237.
Самоперекрещеванцы, 173.
Самосправщики, 188, 221.
Селезневщина, 189.
Серапіоновщина, 184.
Сіонская церковь, 324.
Скакуны, 289.
Скопцы, 263, 283.
Сократители, 186.
Сомнящіеся, см. Познающіе.
Сопуны, 261.
Спасово согласіе, 172, 173.
Стариковщина, 355.
Стефановщина, 184.
Странники, 175.
Стригольники, 13, 20, 24, 28, 29, 30, 31, 32.
Субботники, 249, 260.
Суетные, 189.
Суслово согласіе, 183.
Титловщина, 170.
Трясуны, см. Духовные.
Тюкальщики, 186.
Унитарьи, 27, 249.
Фарисеи, 189.
Фармазоны, 325.
Филипповщина, 170, 180.
Филиппоны, 354.
Харатейники, 180.
Хлысты, 263.
Холстовщина, см. Искатели Христа.
Цѣловальники, 262.
Чернобольцы, 180, 259.
Чувственники, 189.
Шелапуты, 189.
Шиховляне, 328.
Щельники, 259.
Ѳедосѣевщина, 17, 115, 150—153, 167, 254.

Г) МѢСТНОСТИ, ИЗВѢСТНЫЯ ВЪ ИСТОРІИ РАСКОЛА.

Австрія, 18.
Александровъ, 258.
Бѣлая-Криница, 19, 222, 226.
Выгорѣцкая обитель, 11, 22, 140—145, 230, 251, 265, 295.
Вѣтка, 13, 15, 123, 128, 133.
Городецъ, 126, 213.
Горѣлое, село, 215.
Зеленая Пуща, 354.
Иваново село, 16.
Иргизъ, 211—213.
Камыши, 344.
Кіевъ, 334.
Клинцы, 80.
Коробово, село, 352.
Лексинская обитель, 230, 252.
Лужки, 187, 226.
Моршанскъ, 282.
Новгородъ, 13, 24, 25, 27, 28.
Новоселицы, 333.
Палеостровскій монастырь, 70.
Понуровка, 118, 121.
Преображенское кладбище, 16, 130, 333.
Пруссія, 354.
Псковъ, 13, 32.
Рогожское кладбище, 200, 305.
Разгуляй (Астрахань), 344.
Рѣпина мыза. 317.
Скуляны, 333.
Соловецкій монастырь, 68.
Стародубъ, 15, 120, 128, 133, 217.
Улангерскій скитъ, 212.
Уралъ, 12.
Хапиловскій прудъ, 198—201, 208.
Чугуевъ, 228.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. **Расколъ какъ протестъ.** Истинная причина раскола — не религіозная. Отмѣна земскихъ правъ. Религіозный споръ, какъ предлогъ. Расколъ, какъ протестъ церковно-религіозный, политическій и общественный въ разныя эпохи своего проявленія. Расколъ, какъ одна изъ причинъ историческаго расширенія русскихъ предѣловъ. Распаденіе бѣлокриницкой іерархіи, какъ результатъ реформъ нынѣшняго царствованія. 1.

II. **Русскіе религіозные раціоналисты.** Церковныя ереси, какъ слѣдствіе политическихъ причинъ. Связь протестантства съ нашимъ расколомъ. Ересь жидовствовавшихъ, какъ предшественница молоканства Стригольники. 20.

III. **Исправленіе церковныхъ книгъ.** Исправленіе богослужебныхъ книгъ, какъ результатъ водворенія единодержавія. Мѣстныя разногласія, естественныя въ разъединенной Руси, какъ отступленіе и расколъ впослѣдствіи. Максимъ Грекъ. Діонисій. Патр. Филаретъ. Ускореніе церковнаго раскола, благодаря личности Никона. 35.

IV. **Никонъ.** Біографическія подробности. Перевезеніе мощей св. Филиппа. Характеръ Никона. Размолвка патріарха съ царемъ. Отказъ отъ патріаршества. Ссылка. Аввакумъ о существѣ раскола. 45.

V **Начало раскола.** Вліяніе колебаній въ духовной средѣ и преслѣдованія Никона на обнаруженіе раскола. Личность первыхъ расколоучителей. Осада Соловецкаго монастыря. Связь стрѣлецкихъ бунтовъ съ соловецкимъ возстаніемъ. 59.

VI. **Расколъ, какъ борьба съ западными новшествами.** Почему расколъ борется противъ нововведеній? Старина, какъ стояніе за земскія преданія для послѣдователей раскола.

Стран.

Умственный уровень въ средѣ послѣдователей раскола. Вмѣшательство администраціи въ мелочные распорядки народнаго быта—одна изъ причинъ усиленія раскола. Послѣдователи старины какъ охрана русской самобытности. 73.

VII. **Состояніе церкви въ эпоху происхожденія и распространенія раскола.** Ограниченіе духовной администраціи свѣтскою. Приходъ—до и послѣ никоновскихъ постановленій. Значеніе священника и церкви прежде и потомъ. Отсутствіе матеріальнаго обезпеченія причта, получившаго должностной характеръ,—въ отношеніи расколу. Монастыри по отношенію къ единодержавію и расколу. Церковныя кары за мірскія дѣла. 91.

VIII. **Поповщина.** Раскольники и старообрядцы. Стрѣлецкій бунтъ въ Москвѣ и Никита Пустосвятъ. Стародубъ. Смягченіе каръ противъ раскола. Вѣтка. Дарованіе раскольникамъ гражданскихъ правъ при Екатеринѣ II. — 114.

IX. **Безпоповщина.** Поповщина какъ отраженіе старинныхъ московскихъ преданій и безпоповщина—древне-новгородскихъ. Поповщина—расколъ русскаго центра, безпоповщина—русскихъ окраинъ. Выговская обитель. 131

X. **Расколъ, какъ экономическая община.** Вліяніе географическихъ и этнографическихъ причинъ на образованіе поморскаго и ѳедосѣевскаго толковъ. Превращеніе религіознаго протеста XVII ст. и политическаго при Петрѣ I въ общественный при Екатеринѣ II. Кажущіяся противорѣчія въ расколѣ вслѣдствіи измѣненія его характера. Значеніе раскола, какъ экономической общины. Почему масса русскихъ капиталовъ скопилась въ рукахъ послѣдователей раскола? 149.

XI. **Согласія и толки.** Согласія и толки, какъ слѣдствіе мѣстныхъ, этнографическихъ явленій. Историческое перерожденіе характера Ѳедосѣевщины и Поморскаго ученія. Главныя согласія и мелкіе толки. 165.

XII. **Преображенское кладбище.** Безпоповщина въ Москвѣ. Ковылинъ. Роль Ковылина и Пугачева. Санитарное значеніе ѳедосѣевскаго перекрещиванья въ чумный 1771 годъ. Значеніе земской помощи властямъ въ чумные и холерные годы въ дѣлѣ усиленія ѳедосѣевщины. Санитарное значеніе ѳедосѣевскаго перекрещиванья въ холерный 1831 годъ. 190.

XIII. **Рогожское кладбище.** Иргизъ. Борьба Москвы съ Стародубомъ за первенство. Отмѣна дозволеннаго священства и

Стран.

вліяніе ея на усиленіе безпоповщины и основаніе бѣлокриницкой іерархіи. 210.

XIV. **Монинское согласіе.** Ученіе о бракѣ въ расколѣ. Новожены. Значеніе мелкихъ требованій устава въ раскольничьихъ согласіяхъ. 227.

XV. **Вліяніе запада.** Молокане и духоборцы. Тверитиновъ. Положеніе женщины у молоканъ и роль женщины въ русскомъ расколѣ. Молоканскія и духоборческія секты. 241.

XVI. **Вліяніе востока.** Хлысты и скопцы. Элементъ чудеснаго въ русскомъ расколѣ. Хлыстовщина прежде и послѣ. Что заимствовало скопчество у хлыстовщины? Кондратій Селивановъ. Физіологическая сторона скопчества. Насколько скопчество примыкаетъ къ расколу? Хлыстовскія и скопческія секты. 263.

XVII. **Единовѣріе.** Неудача увѣщаній раскольниковъ въ эпоху гоненія. Единовѣріе, какъ результатъ религіозной терпимости въ царствованіе Екатерины II. Румянцевъ и Потемкинъ. Почему единовѣріе зараждается въ Стародубѣ? Мѣры противъ раскола въ XIX в. и вліяніе ихъ на основаніе бѣлокриницкой іерархіи. Ослабленіе опозиціоннаго характера раскола вслѣдствіе преобразованій нынѣшняго царствованія. 294.

XVIII. **Расколъ въ высшемъ слоѣ общества.** Народный протестъ и привелегированныя сословія. Участіе высшихъ классовъ общества въ расколѣ до привелегій 1762 и 1785 гг. Раскольники изъ знати при Алексѣѣ Михайловичѣ. Присоединеніе Малороссіи къ Россіи въ отношеніи къ историческимъ судьбамъ раскола. Дворянство и расколъ при Петрѣ I. Масонство—расколъ высшаго круга. Хлыстовщина простонародья и аристократическая хлыстовщина. 308.

XIX. **Внутренняя организація раскола.** Учитель и послѣдователи. Сила характера какъ основа учительскаго авторитета. Ореолъ чудеснаго для возвышенія учительскаго авторитета. Съѣзды, почта и полиція раскола. Подкупъ какъ основа сношеній раскола съ мѣстными властями. 327.

XX. **Правительственныя мѣры въ отношеніи раскола до утвержденія единовѣрія.** Преслѣдованіе раціоналистическихъ ученій и религіознаго раскола. Петръ I и вражда къ нему раскола. Ученіе объ антихристѣ. Препирательства и увѣщанія. Примиреніе и единовѣріе. 338.

XXI. **Правительство и расколъ при Александрѣ I и Николаѣ I.** Система терпимости и колебанія. Мѣры строгости

Стран.

противъ раскола. Ихъ причины и результаты. Административныя изслѣдованія раскола и безплодность ихъ. Отсутствіе системы дѣйствій въ администраціи и случайныя побудительныя причины. 350.

XXII. Расколъ и преобразованія нынѣшняго царствованія. Болѣе обстоятельное изученіе раскола. Система терпимости убѣжденій и вліяніе ея на характеръ раскола. Смуты сопровождавшія освобожденіе крестьянъ и отношеніе къ нимъ раскола. 364.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Расколъ съ естественно-исторической точки зрѣнія. Значеніе воды въ обрядовой жизни раскола. Крещеніе и причащеніе въ расколѣ и его сектахъ съ физіологической точки зрѣнія. Религіозное помѣшательство и пиромапія. Физіологія хлыстовства. 373.

Библіографическій указатель болѣе замѣчательныхъ сочиненій и статей по исторіи раскола. 387.

Алфавитный указатель. а) Лицъ вліявшихъ на расколъ извнѣ. 406.

б) Представителей раскола и сектантскихъ ученій. 408.

в) Согласій, толковъ и сектантскихъ терминовъ. 410.

г) Мѣстностей извѣстныхъ въ исторіи раскола. 412.

2007060112